

*По благословению
митрополита Екатеринодарского и Кубанского Исидора*

Российское Дворянское Собрание
Дворянское Собрание Кубани

**«Добродетель и честь должны быть
оному правилами...»:
дворянство Северного Кавказа на службе
Российской Империи»**

(к 225-летию со дня издания
Императрицей Екатериной Великой
«Грамоты на права, вольности и преимущества
благородного российского дворянства»)

*Материалы
VI Международных Дворянских чтений
(23-24 октября 2010 г.)*

Краснодар (Екатеринодар)

УДК 947.1/9 (470.62)
ББК 63.3 (235.7)
Д 56

Научный редактор:

Матвеев Олег Владимирович, доктор исторических, профессор кафедры дореволюционной отечественной истории Кубанского государственного университета

Рецензенты:

Ратушняк В.Н., доктор исторических наук, профессор КубГУ
Агафонов А.И., доктор исторических наук, профессор Южного федерального университета

Ответственный редактор:

Сухачева Е.М., предводитель Дворянского Собрания Кубани, член Союза писателей Украины

Д 56 «Добродетель и честь должны быть оному правилами...»: дворянство Северного Кавказа на службе Российской Империи». *Материалы VI Международных Дворянских чтений*. Краснодар: изд-во: «Кубанькино», 2010. – 264 с.

ISBN 978 – 6 – 93757 – 092 – 5

УДК 947.1/9 (470.62)
ББК 63.3 (235.7)

ISBN 978 – 6 – 93757 – 092 – 5

© Дворянское Собрание Кубани, 2010

РАЗДЕЛ I. Под сению Екатерины Великой

Г.Н. Шевченко (г. Краснодар)

Законодательство Императрицы Екатерины II в отношении казачества и дворян Черноморского казачьего войска

Проблема формирования и развития служилого дворянства Кубани в настоящее время все больше привлекает внимание исследователей в связи с возрождением дворянства и казачества и интереса к изучению их исторического прошлого [1]. В то же время нуждаются в изучении законодательные документы Императрицы Екатерины II, в которых нашли отражение как ее политика в отношении черноморского казачества в целом, так и казачьей старшины войска, которая включалась в состав служилого дворянства и занимала ключевые позиции в управлении, административно-хозяйственной и общественной жизни войска. Необходимо также сопоставление этих документов с материалами местного законодательства, в частности «Порядком общей пользы» (1794 г.).

Императрица Екатерина II стремилась использовать черноморское казачество как для охраны южной границы Российской Империи по р. Кубани, так и для хозяйственного освоения обширного степного края.

Важными документами, определяющими территорию для поселения, права и обязанности Черноморского казачества были Жалованные грамоты Екатерины II Черноморскому казачьему войску от 30 июня 1792 года и 1 июля 1792 г., а также Указ Екатерины II Таврическому губернатору Жегулину 15 июля 1792 года [2]. В Указе 1792 г. Екатерина II выступила в защиту интересов бывших запорожских казаков,

попавших после разрушения Сечи в зависимость к помещикам, разрешала теперь уйти от них, и вместе со своими семьями поселиться в Черномории.

Часть бывших запорожских казаков была использована правительством во время Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. А в 1788 г. из них было сформировано Черноморское казачье войско и временно поселено на пограничной территории между Бугом и Днестром. В 1792–93 гг. Черноморское войско было переселено на Таманский полуостров и правобережье Кубани.

Бывшие запорожские старшины, привлеченные царским правительством на службу были награждены армейскими чинами. Действие «Табели о рангах» не распространялось на казачьих офицеров, а чин казачьего офицера еще не давал дворянства. Но, если казачий офицер получал армейский чин или патент на него их Военной коллегии, то он включался в состав служилого дворянства. Некоторые казаки могли получить дворянство также и за особые заслуги по указу Императора (таким образом, пожалованные армейские чины открывали путь старшинам в дворянское сословие). Так в 1788 г. получили армейские чины 143 человека [3]. Екатерина II в 1788 г. «за ревность и прилежность к службе» пожаловала полкового есаула Ф. Бурсака армейским чином поручика [4]. В 1790 г. кошевой атаман З. Чепега был произведен царским правительством в бригадиры, а войсковой судья подполковник Головатый – в полковники. В 1791 г., за усердную службу и отличность в деле против неприятеля оказанную» 502 человека получили армейские чины [5].

До 1796 г. Черноморская канцелярия подавала списки кандидатур на повышение в чине и получение наград губернатору и главнокомандующему и после утверждения Военной коллегией казаки получали новый чин [6].

До 1802 г. производство в дворянство старшин Черноморского войска происходило по представлению списка кандидатур, составленного атаманом, Черноморской войсковой канцелярией и утверждения его Императором.

Указ об устройстве Черноморского войска 13 ноября 1802 г. окончательно узаконил это положение. Этим указом царское правительство уравнивало войсковые чины Черноморского войска с армейскими и тем самым превратило старшин в служилое дворянство [7].

В казачьей старшине, получившей потомственное дворянство царское правительство надеялось получить опору в проведении своей политики на Северном Кавказе.

В этих целях оно сразу же после переселения казачества на Кубань предоставило старшинам некоторую самостоятельность в установлении

внутреннего управления в войске. Так, Грамотой от 30 июня 1792 г., пожалованной Черноморскому казачьему войску Екатериной II, были определены права войска на пожалованные земли, но порядок управления и служба в войске были определены в очень общих выражениях.

По военной части войско подчинялось Таврическому губернатору, порядок внутреннего управления должен был быть согласован с «Учреждениями об управлении губерниями» [8]. В грамоте не было указания на порядок замещения должностей и характер местной администрации. Решение этих вопросов царское правительство предоставляло черноморской старшине.

В 1794 г. старшинами войска был составлен документ «Порядок общей пользы». Он определил организацию внутреннего управления в Черномории, территориальное устройство, условия несения военной службы, а также привилегированное имущественное и правовое положение старшинской верхушки. Составленный казачьей старшиной документ получил одобрение в правительственных кругах. По этому акту для управления войском учреждалось войсковое правительство в составе кошевого атамана, войскового судьи и войскового писаря, кроме этого было создано пять окружных правлений, которые подчинялись войсковому правительству и назначалось им. В каждое окружное правление определялось по одному полковнику, писарю, есаулу и хорунжему.

В ведомстве окружных правлений находилось пять округов, на которые была разделена в административном отношении войсковая территория: Екатеринодарский, Бейсугский, Ейский, Фанагорийский или Таманский и Григорьевский.

В обязанность окружных правлений входил контроль и охрана установленных старшиной порядков в войске. Через каждые семь дней окружные правления обязаны были давать войсковому атаману отчет «о благосостоянии» жителей округа. «Порядок общей пользы» предписывал окружным правлениям: «попечение о заведении жителями хлебопашества, мельниц, лесов, садов, виноградных, скотоводства, рыболовных заводов, купечества и прочих художеств... Также между людьми встречающиеся ссоры и драки голословно разбирать; обиженных защищать...; свирепых укрощать; злонравных исправлять, сирот и вдов заступать и во всем им помогать; ленивых понуждать к трудолюбию; для распространения семейственного жития холостых к женитьбе побуждать, непокоряющихся власти и непочитающих старейших, по мере преступления штрафовать, а содеявших важное преступление к законному суждению присылать у войсковое правление» [9].

О деятельности окружных правлений было записано не только в «Порядке общей пользы», но и в специальной инструкции для окружных правлений, которая была составлена на основе «Устава благочиния и взыскания». Некоторые статьи этой инструкции полностью дублировали статьи «Устава благочиния». Так, например, в обязанность войскового окружного правления, также как и управы благочиния, входило: «Во-первых, иметь бдение, дабы в округе (в городе) были сохранены благочиние, добронравие а порядок; второе, чтобы предписанное законами полезное повсюду в округа исполняемо и сохраняемо было...; и третье, окружное правление (управа благочиния) одно (одна) в округе (в городе) право имеет приводить в действие повеление сего правительства» [10]. Кроме контроля за хозяйственными делами, ходом торговли «чтобы никто запрещенным не торговал в округе и через округу не возил запрещенного», а также за движением цен на хлеб и крупы, окружное правление должно было выполнять полицейские функции, наблюдать, «чтобы в округе никто беглых людей не принимал, не держал и не укрывал». Эти статьи инструкции полностью повторяли букву закона общероссийских документов – «Учреждения об управлении губерниями» и «Устава благочиния» [11].

В инструкции были записаны также права и обязанности полковника как главного начальника окружного правления в войске. Они во многом совпадали с полномочиями земского исправника или капитана, записанными в «Учреждении об управлении губерниями».

«Порядок общей пользы» предусматривал строительство четырех окружных городов: Фанагории, Бейсу, Ейской, Григорьевской, а также в качестве войсковой резиденции города Екатеринодара. Кроме этого предусматривалось строительство в г. Екатеринодаре 40 куреней-казарм, цель которых определялась следующим образом: «По войсковой дисциплине, ради собрания войска, устройства даваемого порядка и прибежища бездомных казаков» [12].

Куренной атаман, в отличие от сельского куренного атамана, должен был иметь «безотлучное пребывание» в Екатеринодарском курене и выполнять военно-административные функции; быть посредником между войсковым правительством и куренным правлением. Избирался куренной атаман жителями куреня один раз в год «из достойных людей» куренного сельского общества. Если учесть то, что большинство казачьей бедноты находилось на службе или на заработках в Черномории, т.е. вне территории куреня, то станет ясно, что беднота не могла оказывать решающего влияния на выборы куренного атамана.

В обязанность куренного атамана входило: «По нарядам начальства на службу казаков чинить немедленное выставление и случающиеся между куренными людьми маловажные ссоры и драки разбирать голословно и примирять..., а за важное преступление представлять под законное суждение войсковому правительству» [13]. Следовательно, в обязанность куренного атамана входил не только контроль за исправными нарядами казаков на службу, но также и обязанности судьи, хотя и с несколько ограниченной компетенцией. Следует отметить, что «Порядок общей пользы» полностью соответствовал интересам черноморской старшины и закрепил ее имущественное и правовое превосходство над массой рядового казачества. Право потомственного владения тысячами десятин войсковой земли, хуторами, мельницами, рыболовными заводами, узаконенное право эксплуатации рядового казачества, а также монопольное право избрания старшины на должности по управлению войском сосредотачивало в руках старшины экономическую и политическую власть в Черноморском казачьем войске. Царское правительство вело постоянный контроль за действиями войскового правительства. Давая в начале некоторую самостоятельность черноморской старшине в устройстве внутреннего управления войском, оно постоянно вводило ограничения в области казачьего самоуправления.

Примечания

1. Шевченко Г.Н. Формирование служилого дворянства Черноморского казачьего войска. Казачество в истории России. Тезисы докладов международной научной конференции (к 200-летию Екатеринодара–Краснодара и 43 кубанских станиц). Краснодар, 1993. С. 40–42; Сухачев В.Н. Формирование дворянского сословия в Черноморском казачьем войске // Тезисы научно-практической конференции, посвященной 210-летию города Краснодара (13 сентября 2003 г.). Екатеринодар–Краснодар 1793–2003. Вчера, сегодня, завтра. Краснодар, 2003. С. 51–56.

2. Грамота Екатерины II, пожалованная Черноморскому казачьему войску 30 июля 1792 (I ПСЗ. Т. XXIII. № 17055); Высочайшая грамота, пожалованная Черноморскому казачьему войску 1 июля 1792 года (I ПСЗ. Т. XXIII № 17058); Копия Указа Екатерины II Таврическому губернатору Жегулину 15 июля 1792 года (Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Разряд XVI. Внутреннее управление. Д. 965. Л. 79–80).

3. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 249. Оп.1. Д. 14. Л. 32–34об.; Российский государственный исторический архив (РГВИА). Ф. 1. Оп. 1. Д. 223. Л.13.

4. ГАКК. Ф. 249. Оп.1. Д. 3021. Л. 18.

5. РГВИА. Ф.1. Оп. 1. Д. 223. Л. 26об.

6. РГАДА. Ф. 193. Д. 262. Л. 5об.

7. 1ПСЗ. Т. 27. № 20508.

8. 1ПСЗ. Т. XXIII. № 17055.

9. *Короленко П.П.* Черноморцы. Приложение XXVII.

10. *Короленко П.П.* Черноморцы, приложение XXVII – Инструкция из войскового Черноморского правительства окружным правлениям. Ст. 2; 1ПСЗ, Т. XXI. № 15379 – Устав благочиния. С. 30.

11. *Короленко П.П.* Там же. Ст. 3 и 6; 1ПСЗ, Т. XX. № 14392 – Учреждение для управления губерний. Гл. XVII. Ст. 226, 229; 1ПСЗ. Т. XXI. № 15379. Ст. 32, 35.

12. *Короленко П.П.* Черноморцы. Приложение XXVII.

13. *Короленко П.П.* Черноморцы. Приложение XXVII.

Б.Е. Фролов (г. Краснодар)

Грамота Императрицы Екатерины II войску Черноморскому 1792 года.

История пожалования: мифы и реалии

Начало Черноморскому казачьему войску положило распоряжение князя Г.А. Потёмкина о сборе военных команд волонтеров из бывших запорожских казаков, датированное 20 августа 1787 г. [1]. С октября месяца Г. А. Потёмкин начинает называть этот ещё небольшой воинский контингент «войском верных казаков», а с ноября 1788г. – «Войском верных казаков Черноморских». Черноморское войско приняло участие в основных операциях Русско-турецкой войны 1787-1791 гг. и к моменту её окончания имело в своём списочном составе около 12 тысяч человек.

В 1791 г. умер могущественный покровитель черноморских казаков светлейший князь Г. А. Потёмкин. С его смертью черноморцы оказались в тяжёлом положении: территория между Бугом и Днестром, выделенная им князем в 1790 г. для поселения войска, так и не была юридически закреплена за казаками. Черноморцы остро чувствовали все невзгоды своего положения и шаткость прав на забужские земли.

Наличие собственной территории являлось для любого казачьего войска России важнейшим условием нормального функционирования всех его структур. Руководители черноморских казаков прекрасно понимали, что без войсковой земли их войско с окончанием войны может быстро перейти в разряд казачьих формирований, создаваемых «по случаю», и тихо исчезнуть. Кроме того, земля давала казачьей старшине, представленной в значительной мере помещиками среднего достатка, несомненные экономические выгоды.

Вопрос о войсковой земле неоднократно поднимался старшиной ещё с осени 1788 г. После смерти Г.А. Потёмкина войсковое руководство вновь начинает ходатайствовать о выделении новых земель для поселения. 30 ноября 1791 года атаман З.А. Чепега в письме к бывшему «правителю дел» покойного князя генерал-майору В.С. Попову (с 1792 – секретарь кабинета Екатерины II) написал: «...докладываю, что войску Черноморскому в рассуждение многолюдства между рек Буга и Днестра на земле поместиться не можно. А как на Кинбурнской стороне земли с присовокуплением Еникольского округа с Таманом Императрицею и покойным светлейшим князем ассигнованы, да и все тамо князь рыбные ловли сему войску подарил..., вашего превосходительства покорнейше прошу, сжальтесь над лишившимися отца сиротами, будьте Вы им отец и исходатайствуйте у Императрицы для них полезное» [2].

Итак, к делу подключён опытный царедворец В.С. Попов, имевший «прямой выход» на Императрицу, и мы не исключаем, что его роль в поднятии вопроса о выделении Черноморскому войску новых земель, оказалась весьма значительной.

Уже в начале февраля 1792 г. в Черноморское войско пришёл приказ о направлении депутатов в столицу для получения Царской грамоты на «земли для расположения» Черноморского войска. О столь значительном событии мы узнаём из письма де Рибаса к атаману З. А. Чепеге, датированного 9 февраля: «Получа сейчас курьера из Петербурга, который привёз мне известие, касающееся о землях для расположения Черноморских верных казаков, прошу вас наискорее... ко мне поспешать с Антон Андреевичем (войсковой судья А. А. Головатый. – *Б.Ф.*) с некоторыми старшинами, которых нужно будет весьма скоро в Петербург отправить для получения Высочайшей грамоты. Нетерпеливо вас ожидаю любезный друг» [3].

Комментируя это письмо, И.В. Сапожников и Г.В. Сапожникова отметили: «Во-первых, в нём идёт речь о том, что И. М. Де-Рибас как-им-то образом принимал непосредственное участие в подготовке решения Екатерины II о переселении Черноморского войска на Кубань. Во-вторых, из письма становится ясно, что, по существу, такое решение проблемы предполагалось уже в январе-феврале 1792 года, то есть задолго до подписания известных грамот и приказа Екатерины II от 30 июня того же года» [4].

Документ этот примечателен и ещё по одной причине: он опровергает упорно муссируемое в литературе мнение о самостоятельном решении казаков выбрать на Войсковой Раде депутатов и послать их в

столицу «выбивать» землю и грамоту на неё. У истоков этой точки зрения стоял кубанский историк Ф. А. Щербина. «Исторические материалы свидетельствуют, – писал он, – что в выработке плана похода Черноморцев в Петербург за землями принимало участие всё войско». Но буквально через десять строк, противореча самому себе, историк признался: «В исторических материалах не осталось подробностей относительно той Войсковой Рады, на которой решено было послать депутацию за землёй в Петербург» [5].

Но если откровенно слабые разделы труда Ф.А. Щербины (глава «Переселение...» – в первую очередь) можно объяснить его масштабностью и участием нескольких человек в работе, то позицию его современных компиляторов, игнорирующих источники и мнения других дореволюционных историков (более компетентных в этой теме), просто трудно объяснить.

Известный истории черноморского казачества П. П. Короленко высказался по этому вопросу вполне определённо: «Не успели ещё черноморцы обжиться на отведённой гетманом земле (т.е. на территории, отведённой казакам Потёмкиным, между Бугом и Днестром. – *Б. Ф.*), как получили повеление готовиться к новому переселению на высочайше пожалованную войску землю на Тамани [6].

После получения приказа о направлении депутатов в столицу события развивались следующим образом. 21 февраля 1792 г. атаман З.А. Чепега обратился к генерал-аншефу М.В. Коховскому с просьбой о дозволении отправить делегацию в Петербург. Орденом от 22 февраля Коховский сообщил: «Сего войска войскового судью армии полковника и кавалера Головатого с шестью старшинами позволяю я отправить депутатами к высочайшему Ея Императорского Величества двору...» [7].

27 февраля все «частные командиры» (командиры 1, 2, 3, 4-й частей войска) получили приказ прибыть 29 числа в штаб-квартиру на совещание. Приказ начинался так: «По Всевысочайшему Ея Императорского Величества соизволению к отправлению в Санкт-Петербург для получения на Тамань и ея окружностями на землю войску Черноморскому увечно спокойное и потомственное владение всевысочайшей грамоты...» [8].

Отметим три важных момента. Во-первых, очередной раз подчеркивается, что казаки отправляются за грамотой по высочайшему повелению; во-вторых, они уже знают, что им собираются пожаловать Тамань; в-третьих, появилась интересная формулировка – «Тамань ея окружностями».

Удивительно, но это совещание частных командиров Ф. А. Щербина упорно именуется Войсковой Радой. П. П. Короленко пишет о созыве в Кош на Раду полковников и старшин [9]. Нам не встретилось ни одного приказа атамана Чепеги о явке в штаб-квартиру этих лиц, но даже если они и присутствовали на совещании, то речь может идти о хорошо известной ещё со времён Запорожской Сечи «старшинской», но никак не о Войсковой Раде. На совещании 29 февраля было принято прошение войска на высочайшее имя и инструкция главе делегации А.А. Головатому. Оба этих документа подробно проанализированы П. П. Короленко и Ф. А. Щербиной.

2 марта 1792 г. делегация черноморских казаков отправилась в путь и 30 марта достигла столицы. Глава делегации А.А. Головатый остановился на квартире у своего старого знакомого В.С. Попова. В этот же день Попов представил войскового судью Платону Александровичу Зубову и Николаю Ивановичу Салтыкову. 1 апреля 1792 г. А.А. Головатый «был доставлен» В.С. Поповым «к руке Ея Величества».

Следует заметить, что в отдельных исторических работах, а тем более в популярных изданиях, пропагандируется мифологическая версия дипломатической деятельности А.А. Головатого в Петербурге, заимствованная в основном из художественной литературы (большинство авторов об этом, судя по всему, и не знают). Что же нам известно о первой аудиенции войскового судьи у Императрицы? В письмах А.А. Головатого имеются такие описания: «Ея Величество говорила что уже земля для поселения нам назначена, а в коем месте ещё неизвестно»; «... ласково говорила что уже для поселения нас землю назначила, а где именно знать не можно». Самым информативным является письмо к атаману З. А. Чепеги: «...доставлен... в чистый четверток к руке Ея Величества, прозьбы ещё не подавал, а осталась с повеления Василия Степановича до четвёртого дня праздника; Ея Величества... с виду примечать была нашим приездом довольна и ничего более не сказала, кроме когда уже все перешли (к) другим, подошедши ко мне сказала: я вам землю назначила и вы на оной можете жить спокойно, где же именно не объявила» [10].

Судя по последнему письму, эта аудиенция не устраивалась специально для казаков и их депутация была на приёме не единственной («все перешли к другим»). Никаких прошений Императрице войсковой судьей не передавал (с «повеления» Попова). Из письма Головатого 17 апреля к войсковому писарю Т. Т. Котляревскому становится известно, что прошение войска он отдал В. С. Попову, а тот обещал «доставить» его Екатерине II [11].

В письмах последующих дней А. А. Головатый не раз подчёркивает, что просьба «поручена к подаче Василию Степановичу». Наконец, 29 апреля он извещает атамана Чепегу: «... сим извещаю вас милостивый государь, что Василий Степанович господин генерал Попов Ея Величеству означенную прозьбу и инструкцию уже докладывал, но ещё оной никакого успеха нет» [12].

Таким образом, мы можем смело утверждать, что войсковой судья А. А. Головатый никаких переговоров с Екатериной II о нуждах и прошениях войска Черноморского не вёл; да, возможно по «протоколу» он и не мог их вести. Всё делалось через опытного, искушённого и вхожего в придворный круг В. С. Попова. Что же касается сетований Головатого об отсутствии «успеха», то это скорее эмоциональная оценка ситуации.

Такое грандиозное событие, как наделение новыми землями целого казачьего войска, требовало всесторонней и тщательной проработки. Такая работа, безусловно, уже велась и до приезда делегации Черноморского войска. К тому же прошения казаков, судя по всему, не соответствовали первоначальному замыслу правительства. К сожалению, мы не располагаем документами, позволяющими судить об этом замысле. П.П. Короленко утверждает, что после подачи прошения на Высочайшее имя переселение казаков было задержано «до получения справок о положении Кубанского края» [13]. Земель Таманского острова оказалось явно недостаточно для поселения войска и правительство решило выделить ещё и земли правобережной Кубани.

30 июня 1792 г. последовал именной приказ Сенату «О пожаловании Черноморскому войску острова Фанагории с землями, между Кубанью и Азовским морем лежащими» [14]. В этот же день, то есть 30 июня 1792 г., Императрица подписала и особую Жалованную Грамоту для войска Черноморского.

13 июля в столице состоялась прощальная аудиенция, а 14 произошла «разделка дарованных Ея Величеством депутатам денег». Головатый получил 800 рублей, премьер-майор Высочин – 340, премьер-майоры Юзбаша, Бурнос и Троцин по 250, два капитана по 215, три подпоручика по 175 и три казака по 50 [15].

16 июля А.А. Головатый в письме кошевому атаману сообщил: «Слава всевышнему Богу мы от Ея Величества в просьбах во всех войсковых получили всё желаемое с хорошим концом». 15 августа войсковая депутация с Головатым во главе прибыла в Слободзею. Состоялась пышная торжественная церемония передачи всех царских подарков. В жизни черноморских казаков начинался новый этап – их ожидала Кубань.

Примечания

1. ГАКК (Государственный архив Краснодарского края). Ф. 249. Оп.1. Д. 2829. Л.1.
2. ГАКК. Ф.249. Оп. 1. Д. 152. Л.6.
3. *Дмитренко И. И.* Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска. Спб, 1896. Т.2. С.215.
4. *Сапожников И. В., Сапожникова Т. В.* Черноморские казаки и И. М. Де-Рибас // *Дворяне Северного Кавказа в историко-культурном и экономическом развитии региона.* Краснодар, 2002. С. 177.
5. *Щербина Ф. А.* История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1910. Т. 1. С. 498.
6. *Короленко П. П.* Черноморцы за Бугом. Екатеринодар, 1867. С.31.
7. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 179. Л. 2.
8. Там же. Л. 6.
9. *Короленко П. П.* Предки кубанских казаков на Днестре. В/м. Б/г. С. 115.
10. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 179. Л.28.
11. Там же. Л. 26.
12. Там же. Л. 30.
13. *Короленко П. П.* Указ. соч. С. 132.
14. Копии императорских грамот и других письменных актов, принадлежащих Кубанскому казачьему войску // *Кубанский сборник.* Екатеринодар, 1901. Т. 8. С. 186.
15. ГАКК. Ф. 249. Оп.1. Д.179. Л. 46.

В.В. Бондарь (г. Краснодар)

Проблема локализации места погребения Антон Головатого: полевые и кабинетные исследования 1996 – 2009 гг. [1]

Сумрак таинственности, распростершийся над историей жизненного пути одной из наиболее примечательных фигур кубанской истории – Антона Андреевича Головатого, особенно сгустился над обстоятельствами его смерти в печальном для черноморских казаков Персидском походе. Ни один из серьезных историков казачества, обратившихся к кубанской тематике, не упустил из виду личность Головатого – политика и дипломата, военачальника и народного поэта, устроителя казачьей жизни в Сечи, в Забужье и в Черномории. При этом, отдавая дань хрестоматийно известным воинской храбрости, государственному уму и потрясавшей современников образованности

выдающегося вождя Черноморского Войска, биографы его из-за скудости сведений, вынуждены были либо обходить вопрос о месте кончины и месте упокоения Войскового Судьи, либо указывать таковое, не приводя доказательств. И в датировке смерти (27, 28, 29 января 1797 г.), и в определении места погребения (остров Сары или полуостров Камышеван) Антона Андреевича вплоть до последнего времени имелись разночтения [2]. И если с первой проблемой убедительно справился известный исследователь казачьей истории Б.Е. Фролов, датировав это печальное событие 28-м января 1797 года [3], то по второму вопросу до сих пор ясности нет.

Известный рапорт полковника, армии секунд-майора Ивана Чернышова войсковому писарю Т.Т. Котляревскому, в котором сообщается том, что «...высокородный и высокопочтенный господин бригадир и кавалер Антон Андреевич Головатый, имея командование Каспийским флотом на Кизилагачской рейде и войсками на полуострове Камышевани состоящими, того ж января в 28 день скончал живот свой, а 29 с отличной церемонией от морских и сухопутных сил погребен» [4] однозначно указывает на место кончины Головатого, но не определяет места его погребения. Как справедливо отметил Б.Е. Фролов, «...умереть на Камышеване еще не значит быть там же погребенным» [5]. При этом Борис Ефимович склоняется к «камышеванской» версии места упокоения вождя черноморцев на основании косвенных свидетельств – прошения подлекаря Суздальского мушкетерского полка Лутовкина, «денно и ночью» находившегося при Головатом на Камышеване в последние дни его жизни, и документов Войскового правительства, в которых упоминался другой, нежели приведенный выше, рапорт Чернышева, где он доносил, что Головатый погребен на Камышеване [6].

В отношении нахождения могилы Войскового Судьи и на острове Сары мы располагаем так же лишь опосредованной информацией. В июне 1981 года известный палеонтолог, профессор Н.И. Бурчак-Абрамович [7] написал сотруднику отдела природы Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника (КГИ-АМЗ) Е.П. Флягиной письмо следующего содержания: «21/VI. (1981 – по штемпелю на конверте – В.Б.), Баку. Дорогая Елена Павловна! ...На днях вернулся из поездки в горы Талыша на иранской границе... Был на острове Сара, где отыскал могилу Антона Головатого, умершего здесь в 1796 г. от малярии. Сохранилась огромная каменная плита с надписью славянским шрифтом, что здесь лежит умерший «Атаман Кошевой...» в «1796 году, 16 декабря», остальную надпись разобрать не удалось – нужна расчистка камня. Могилу известного деятеля Чер-

номорского казачества необходимо сохранить, т.к. здесь организуют виноградный совхоз и могилу могут разрушить...» [8].

Через полгода Николай Иосифович обратился письмом к тогдашнему генеральному директору музея И.В. Шевченко: «Глубокоуважаемая Инесса Васильевна! ...В настоящем письме пишу Вам о могиле Антона Головатого, которую мне посчастливилось отыскать на острове Сара возле г. Ленкорани в ЮВ части Азербайджана. Могила сейчас находится на территории Ленкоранского виноградного совхоза, заброшена, никем не охраняется и в ближайшие годы может быть уничтожена. При устройстве виноградника огромная каменная плита была перевернута лицевой стороной книзу, т. е., ... она сейчас лежит непосредственно слева от склепа, где должен быть захоронен покойник. По словам местных жителей, склеп был засыпан землей и, по заверениям очевидцев, не было попыток делать в склепе раскопки; по рассказам других..., там все же кто-то копал землю. По рассказам свидетелей, видевших могилу еще в нетронутом состоянии, на лицевой стороне был вырезан на плите большой крест, но были ли там надписи, никто ничего определенно не мог сказать. Сейчас надпись есть на западной узкой боковой стенке плиты... Надпись находится в перевернутом положении, частично затерта и загрязнена... состоит из двух строчек. Удалось разобрать: верхняя строка – «Здесь мертвый лежит...», нижняя строка – «1796 год 16 декабря Атаман Кошевой...», далее неразборчиво, но похоже, что написано «Антон Головатый...». Для того, чтобы расшифровать всю надпись, необходимо перевернуть плиту в нормальное положение и расчистить шрифт. Я почти уверен в том, что это действительно могила Антона Головатого... 13/II.82» [9].

Запланированная Краснодарским историко-археологическим музеем-заповедником на лето 1982 года экспедиция на остров Сары [10] по ряду объективных и субъективных причин не состоялась, а в 1983 – 1984 гг. почти весь остров Сары был превращен в виноградник, чему предшествовала распашка земель плантажным плугом.

В августе 1996 года атаман Всекубанского казачьего войска В.П. Громов получил от Бакинского землячества кубанских казаков по телефону известие о том, что на полуострове Сары (в 1956 г. остров был соединен с материком дамбой) «обнаружена могила Антона Головатого». В это время полным ходом шла подготовка к празднованию 300-летия Кубанского казачьего войска, и идея эксгумации праха видного деятеля черноморского казачества и перезахоронения его на Кубани показалась руководству войска и краевым властям очень привлекательной. В сентябре была организована научно-мемориальная

экспедиция в Республику Азербайджан на полуостров Сары, в состав участников которой вошел и автор этой статьи. Подлинность факта обнаружения могилы А.А. Головатого сомнению не подвергалась, поскольку на тот момент нам было известно содержание приведенных выше писем Н.И. Бурчака-Абрамовича. Целью экспедиции была подготовка к проведению торжественного перенесения праха Головатого на Кубань.

Однако экспедиция получилась не мемориальной, а разведочной [11]: прибыв на место, мы не обнаружили надгробия, описанного профессором Бурчаком-Абрамовичем. Обследование надгробия, указанного бакинскими казаками, расположенного между рядами виноградника, было затруднено ввиду сильной атмосферной абразии поверхности камня (песчаника) и множества царапин на верхней плоскости, где помещался текст. Копирование фрагментов отдельных букв и сопоставление их с сохранившимися словами и отдельными буквами позволило постепенно расшифровывать текст, который оказался стихотворной эпитафией:

«Служил он [вер]ою и пр[авдой] вес[ь] свой в[ек]
У всех [сни]ска[л] любовь] и [ув]аж[ение]
И в тайне ближнему явл[я]л [благ]отвор[ение].]
Мир праху [т]воему о добрый чел[овек]».

По прочтении эпитафии стало очевидно, что надгробие лежит лицевой плоскостью на земле, поскольку две другие открытые широкие плоскости камня были свободны от текста: одна совершенно гладкая (очевидно, это опорная плоскость), на другой находится неглубокий рельеф с традиционной для христианских надгробий символикой Голгофы. После того как надгробие было перевернуто, взору открылась легко читаемая надпись: «[Здесь] лежит те[ло] эска[дренн]аго командира капитан-лейтенанта и кавалера Василия Тимофеевича Аленникова который умре 24 ноября 1841 года на 41 году от роду». Следов захоронения под надгробием не было. Таким образом, известие об обнаружении на острове Сары могилы А.А. Головатого оказалось ошибочным.

В ходе поисков могильной плиты, подходящей под описание, сделанное Н.И. Бурчаком-Абрамовичем, в юго-западной части острова мы обнаружили небольшое православное кладбище с датировкой захоронений от 40-х годов XIX до 80-х годов XX столетия. Здесь, помимо прочих, находятся несколько могил с надгробиями, идентичными по размерам, оформлению и шрифту надгробию капитан-лейтенанта Аленникова, в частности – камень на могиле умершего в 1840 году командира Каспийской флотилии капитана I ранга Ладыженского.

Видимо, Аленников тоже был похоронен на кладбище, но после устроения виноградника, прошедшего через восточный край погоста, надгробие оказалось в нескольких сотнях метров от могилы. Примечателен тот факт, что в письмах профессора Бурчака-Абрамовича кладбище не упоминается: очевидно, оно не было ему известно. Отсюда можно сделать вывод, что обнаруженный профессором склеп находился вне кладбища.

Плоская надгробная плита из песчаника, внешне походящая под описание профессора Бурчака-Абрамовича, скрытая густым кустарником, была нами найдена всего в двух десятках метров к юго-востоку от первого обследованного нами надгробия. Шрифт надписей здесь был изначально менее глубокий, чем на надгробии капитан-лейтенанта Аленникова, и сильная атмосферная абразия сделала надписи почти нечитаемыми. Лицевая сторона камня разделена на пять частей: центральная, в виде ромба, и примыкающие к ней четыре треугольных (по сторонам ромба), образующие прямоугольник, ограниченный декоративной рамкой. Внутри каждого треугольника располагаются надписи, начинающиеся от основания треугольника. Строки текста внутри ромба располагаются параллельно коротким сторонам плиты. В центре ромба находится лунка неизвестного назначения диаметром 10–12 сантиметров и глубиной 7–8 сантиметров. Из надписей удалось разобрать следующее: в треугольниках – годы – 1812, 1816, 1818, 1818 (видимо, это годы смерти погребенных) и указание двух чинов – лейтенанта и полковника. Чины остальных, как и имена, отчества и фамилии всех пятерых, установить посредством простого прочтения надписей невозможно. Из всех специальных эпиграфических методов мы могли применить лишь смачивание поверхности камня и эстампаж, давшие незначительные результаты: в центре ромба скорее угадывается, чем читается сочетание букв, которые крупнее прочих букв текста: «ОЛОВ». Вполне допустимо, что это часть написания фамилии «ГОЛОВАТЫЙ».

Версию о том, центральная надпись на плите относится именно к Антону Андреевичу Головатому, можно принять на следующем основании. Если на «периферии», то есть в одном из треугольников на верхней плоскости плиты, был указан полковник, то центральная фигура должна была иметь более высокое звание; Головатый же на момент кончины был армии бригадиром – на чин выше полковника.

Торцевая надпись, в отличие от верхней, хорошо сохранилась – это стихотворная эпитафия:

«Здесь мертвые лежим. Прохожий, помолись.
Ты ляжешь, как и мы. Ступай [и веселись]» [12].

Подводя итог первичному обследованию надгробия, мы сделали следующие выводы: обнаруженная нами надгробная плита принадлежала братской могиле; прочесть надписи на лицевой плоскости плиты без применения специальных приборов не представляется возможным; текст эпитафии частично совпадает с текстом, приведенным в описании плиты, обнаруженной в 1981 году профессором Бурчаком-Абрамовичем. При этом остается непонятным, откуда в его описании вслед за словами «Здесь мертвы(й)е лежи(т)м» появилось продолжение странного содержания: «1796 год 16 декабря Атаман Кошевой...». Даже если предположить, что надписи были сделаны уже тогда, когда стало известно о заочном избрании Антона Андреевича Головатого в январе 1797 года Кошевым атаманом Войска Верных Черноморских казаков, то дата 16 декабря 1796 года остается необъяснимой. К тому же места для продолжения надписи после эпитафии на торце плиты явно недостаточно. Можно лишь предполагать, что Николай Иосифович в письмах в Краснодарский музей не точно воспроизвел свои полевые записи (неразборчивость его почерка была «притчей во языцех»).

Под плитой и вокруг нее следов погребения мы не обнаружили, что подтвердило слова местных жителей о том, что надгробие в ходе плантажной распашки территории будущего виноградника перемещали. На какое расстояние и в каком направлении – никто ответить не мог. Разумеется, без проведения масштабного обследования территории полуострова обнаружить могилу не представлялось возможным.

По результатам экспедиции и анализа источниковой базы по проблеме нашего исследования (первоначально крайне скудной) мы выдвинули следующую гипотезу. Принимая во внимание тот факт, что офицеры, похороненные в братской могиле, скончались на полтора-два десятилетия позже армии бригадира Антона Андреевича Головатого, можно предполагать, что либо после 1818 года в братскую офицерскую могилу (возможно, склеп) были собраны останки пяти чинов, старшим среди которых был Антон Андреевич Головатый, либо в могилу Головатого производились добавочные захоронения и добавления надписей на надгробную плиту. Вторая версия менее вероятна ввиду однородности шрифта на всей плоскости надгробия, что косвенно свидетельствует о том, что все надписи делались одновременно.

Наша гипотеза не противоречит сведениям о том, что Головатый был изначально погребен на полуострове Камышеван. С начала XIX

столетия остров Сары был базой Каспийской флотилии и местом дислокации армейских частей и, следовательно, сюда могли переносить прах офицеров, солдат и матросов, могилы которых были разбросаны по всему Талышу.

Для подтверждения гипотезы о перенесении праха Головатого с полуострова Камышеван на остров Сары нужно было убедиться в отсутствии его могилы на названном полуострове. Но проблема состояла в том, что локализовать этот часто упоминавшийся в документах Черноморского войска времен Персидского похода топоним нам не удавалось: ни местным жителям, ни талышским историкам и краеведам этот топоним не известен. Поиск сведений о полуострове с названием «Камышеван» на российских географических картах XVIII – начала XIX века в дореволюционной и современной справочной литературе до некоторых пор был безрезультатным.

При таких обстоятельствах мы предположили, что «Камышеван» – не получивший официального статуса топоним иранского происхождения, но в русском прочтении (как, например, «Нахичевань», «Эривань», «Ленкорань», «Мугань»), и во времена Антона Головатого Камышеваном называли Куринскую косу, ограничивающую с севера залив Кзыл-Агач. Предположение строилось на тексте приведенного выше рапорта полковника Чернышова, где указывается, что Головатый командовал флотом «на Кизилагачской рейде и войсками на полуострове Камышевани». Если Камышеван – это Куринская коса, то Кизил-Агач – омывающий его залив. Соответственно, вполне логично предполагать, что сухопутные и морские силы были сконцентрированы в одном месте. К тому же Куринская коса – единственный полуостров в талышской округе (до соединения материка и острова Сары дамбой в 1956 г.).

Засомневаться в таком предположении нас заставила «Этнографическая карта Ленкоранского уезда Шемахинской губернии», приложенная к статье П.Ф. Рисса «О талышинцах, их образе жизни и языке», (опубликована в «Записках Кавказского отдела Русского географического общества» в 1855 г. [13]), на которой в нескольких километрах к северу от Ленкорани (примерно на половине пути от Ленкорани до Сары) мы обнаружили пункт «Гюмыш-Иван» (Ольховка). Это селение, по-талышски именуемое «Гумишэвон», встречается в источниках и литературе как «Гамышаван» (например, в «Ахбарнаме» – «Книге известий» – Мирза-Ахмеда-Мирза-Худаверди зоа (оглу) [14]). В период российской колонизации (первая половина XIX в.) неподалеку от Гумишевона русские молокане основали селение Ольховка. По-

степенно селения слились в одно [15]. В XX веке русские постепенно уезжали, а их место занимали талыши и тюркоязычные выходцы из Талышских гор.

Этимология талышского «Гумишэвон» следующая. «Гумиш» (талышский вариант иранского «гомущ») означает «буйвол», а «вон» или «ван» – распространенный общеиранский (фарсидский) топоформант. Получается «буйволово место», что вполне соответствует действительности: народы, проживавшие на западном берегу Каспия, испокон веков держали в хозяйстве буйволов. Следуя этой логике, Гумишевоном могли назвать не только обозначенное селение, но любое место в Талыше, в том числе и Куринскую косу, где мы изначально локализовали Камышеван. Более того, иранское «эйван» означает «насыпь», «уступ», что вполне соответствует пространственному географическому характеру полуострова.

Селение же Гумишевоном расположено близ ровной береговой линии Каспия, без всякого намека на полуостров или даже мыс. Можно было бы предположить, что известная каспийская трансгрессия второй половины XX столетия привела к поглощению небольшого полуострова морем, но картографический материал XIX–XX веков свидетельствует об обратном. Анализ глубин на шельфе Каспия вблизи бывшего селения Гумишевоном по «генштабовской» карте 1991 года [16] показал отсутствие сколько-нибудь выраженных подъемов в рельефе дна. Единственный мыс в окрестностях Ленкорани – мыс Сутамурдоб в дельте реки Ленкоран-чай к югу от города. Гюмыш-Иван же на упомянутой карте середины XIX столетия располагается севернее его.

В публикации 2006 года мы были вынуждены сделать вывод о том, что полуостров Камышеван, упоминавшийся в документах Черноморского войска в связи с участием казаков в Персидском походе (1796 – 1797 гг.), не локализован. Мы констатировали зависимость подтверждения гипотезы о перенесении праха Антона Андреевича Головатого на остров Сары в братскую офицерскую могилу от этой локализации и обозначили необходимость полевых исследований – разведок на острове Сары и на каспийском побережье в окрестности Ленкорани [17].

Нужно заметить, что попытки организовать полевые исследования с целью локализации Камышевана и, в конечном счете, обнаружения места погребения А.А. Головатого нами предпринимались неоднократно в 1998 – 2006 годах, но лишь в год 210-летия окончания Персидского похода (2007), проект проведения историко-мемориальной экспедиции в Южный Азербайджан был поддержан администрацией Краснодарского края. Состоявшаяся в декабре 2007 года экс-

педиция по ряду субъективных причин (в основном – по вине посольства России в Азербайджане, не поддержавшего организационное обеспечение экспедиции) оказалась неудачной и превратилась в обычную поездку, не принесшую научных результатов.

При таких обстоятельствах большой удачей для нас было обнаружение в русском переводе фарсидского текста произведения Аббас-Кули-ага Бакиханова «Гюлистан-и Ирам» указания на то, что в 1809 году Талышинский хан «...переселился на полуостров *Камыш-Аван* (курсив мой – В.Б.), окруженный со всех сторон морем и озером и имеющий только перешеек со стороны Ленкорана» [18]. Ссылка после цитаты на публикацию хронограмм Бадры Ширвани дается в тексте ошибочно: как нам удалось выяснить, опубликованные на азербайджанском языке хронограммы (с 1-й по 38-ю) относятся к XIV – XV векам, когда жил их автор [19]. Тем не менее, вполне логично предположить, опираясь на текст «Гюлистан-и Ирам», что «Камышеван» и «Камыш-Аван» – прочтения одного топонима.

О том, что полуостров примыкал непосредственно к городу Ленкорань, косвенно свидетельствует и обнаруженный Б.Е. Фроловым (в Госархиве Краснодарского края) рапорт самого А.А. Головатого главнокомандующему Валериану Зубову от 16 ноября 1796 года: «Бригадир граф Апраксин Федор Матвеевич на *Ленкоранском полуострове Камышеван* (курсив мой – В.Б.) сего числа умер... *Ленкоранский полуостров Камышеван* (курсив мой – В.Б.) заняли 1291 солдат и 139 черноморцев... со стороны Ленкорана укреплен батареями» [20].

Новой находкой стала публикация рукописи Теймура бек Байрамалибекова «История Талышского ханства», где описывается тот же эпизод, что и в «Гюлистан-и Ирам», с участием Мир-Мустафа-хана, который... «боясь, что неприятель может застать его врасплох и взять в плен, перенес свою резиденцию из городской крепости в приморское селение Гамушевань, защищенное с востока Каспием, с запада Гамушеванским озером, с юга он огородил его широкою глубокою водною канавою, соединив озеро с морем, вывел над краем ее высокий земляной вал и построил таким образом недоступную крепость, могущую смело отражать вражеское наступление» [21].

Если допустить, что «Камышеван», «Камыш-Аван» и «Гамушевань» – одно и то же, то, судя по описанию селения, оно занимало полуостров и находилось к северу или к югу от Ленкорани, соединяясь с ней перешейком. Учитывая тот факт, что Мир-Мустафа-хан прорыл с южной стороны канаву между морем и озером (то есть через перешеек), соединив их, то сам полуостров Камышеван (Гамушевань) находился к северу от города.

Параллельно с анализом письменных источников мы продолжили поиск и изучение географических карт, на которых изображен западный берег Каспия с окрестностями Ленкорани. На «Карте Кавказского края» 1842 года [22] нам удалось обнаружить с северной от Ленкорани стороны селение Камышеван, но, как и прежде Гюмыш-Ивань (Ольховка) – на ровной береговой линии: ни озера, ни полуострова на этой карте, как и в массе проанализированного нами картографического материала, обозначено не было. Возникло противоречие между нарративными и картографическими источниками, преодолеть которое можно было только путем продолжения поиска нового картографического материала, имеющего отношение к теме нашего исследования.

Наконец, ключ к разгадке тайны был найден (в отделе редкой книги Краснодарской краевой научной библиотеки им. А.С. Пушкина) – им стала «Карта Кавказских земель с частью Великой Армении» 1823 года [23], где к северу и северо-западу от Ленкорани показано довольно большое озеро, отделенное от Каспия протяженным полуостровом, смыкающимся в южной части с материком и подходящим под описание Камышевана (Камыш-Авана, Гамушевани). В акватории озера показано еще четыре маленьких острова и два – к северу от полуострова, на перешейке же обозначено селение Сежеры, почти соединяющееся с Ленкоранью. Эта картина полностью совпадает с описаниями полуострова в «Гюлистан-и Ирам» и «Истории Талышского ханства».

Чтобы утвердиться в локализации полуострова и избежать ошибки, мы продолжили поиск, и на «Дорожной карте Кавказского края» 1853 г. [24] обнаружили к северу от Ленкорани обозначение остатков озера, что дало основание сделать следующее предположение. Бывшее Гамушеванское озеро в первой половине XIX столетия постепенно обмелело, и расположенные в нем острова и отделявший его от моря полуостров Камышеван постепенно соединились с материком, став частью каспийского берега; отдельные участки бывшего озера могли периодически, в зависимости от подъема уровня воды в Каспии или сезонного увеличения тока рек Гирданычай и Биравульчай (современные названия), заполняться водой – этим объясняется отсутствие остатков озера на карте 1842 года и наличие таковых на карте 1853 года. Косвенно наше предположение подтверждается современным рельефом: село Ольховка (бывший Гюмыш-Ивань, Гамушеван, Камышеван) и ее окрестности, примыкающие к береговой линии Каспия, расположены на возвышенности в окружении территории с пониженным рельефом, примерно по контуру бывшего озера (с запада, юго-запада и юга).

Итак, Камышеван – исчезнувший полуостров к северу от Ленкорани. Его восточный берег почти совпадал с нынешней береговой линией. Для определения наличия или отсутствия погребения (временного или постоянного) Антона Андреевича Головатого на Камышевене необходимо установить точные границы бывшего полуострова применительно к современному ландшафту и провести обследование его территории. Параллельно нужно продолжить обследование надгробной плиты с братской офицерской могилы на полуострове Сары.

Примечания

1. Автор благодарит за помощь в поиске материалов по теме исследования О.В. Кирьянову и Б.Е. Фролова.
2. См.: *Фелицын Е.Д.* Кошевые, войсковые и наказные атаманы бывших Черноморского, Кавказского линейного и ныне Кубанского казачьего войск. 1788–1888 гг. // Кубанское казачье войско. 1696–1888 г. Воронеж, 1888. С. 275; *Короленко П.П.* Атаманы бывшего Черноморского казачьего войска // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1891. Т. 2. Паг. 1. С. 11; *Его же.* Головатый – кошевой атаман Черноморского казачьего войска // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1905. Т. 11. Паг. 1. С. 177; *Щербина Ф.А.* История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1910. Т. 1. С. 531, 623; *Шамрай В.С.* Хронология важнейшим событиям и законоположениям, имеющим отношение к истории Кубанской области и Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1911. С. 35; Екатеринодар-Краснодар: Два века города в датах, событиях, воспоминаниях... Материалы к Летописи. Краснодар, 1993. С. 35; *Соловьев В.А.* Антон Головатый // Вольная Кубань. 1996. 23 марта; *Бардадым В.П.* Ратная доблесть кубанцев. Краснодар, 1993. С. 33, 39; *Трехбратов Б.А.* Головатый А.А. // Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времен до 1917 года. Краснодар, 1997. С. 121.
3. См.: *Фролов Б.Е.* К вопросу о месте захоронения А.А. Головатого // Историческая мысль Кубани на пороге третьего тысячелетия. Сб. науч. тр. Краснодар, 2000. С. 71-73.
4. Госархив Краснодарского края (ГАКК). Фонд 249. Оп. 1. Д. 341. Л. 90.
5. *Фролов Б.Е.* Указ. соч. С. 72.
6. *Фролов Б.Е.* Там же; ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 59. Л. 32; Ф. 249. Оп. 1. Д. 362. Л. 11.
7. Бурчак-Абрамович Николай Иосифович (09.10.1902 – 15.10.1997) – палеонтолог, доктор биологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института палеобиологии Академии наук Грузинской ССР. См. о нем: Палеонтологический журнал. 1998. № 6.
8. Из личного архива старшего научного сотрудника КГИАМЗ им. Е.Д. Фелицына Н.А. Корсаковой. Публикуется с разрешения Е.П. Флягиной, с сокращениями.
9. Из личного архива ст. н. с. КГИАМЗ им. Е.Д. Фелицына Н.А. Корсаковой.
10. По сведениям ст. н. с. КГИАМЗ им. Е.Д. Фелицына Н.А. Корсаковой.

11. Обстоятельства проведения и результаты экспедиции подробно освещены в работе: *Бондарь В.В.* «Как казаки на Каспий ходили», или В поисках места упокоения Антона Головатого // *Голос минувшего*. Кубанский исторический журнал. 2001. № 3–4. С. 88–96.

12. Все тексты приводятся в соответствии с нормами современного русского языка; знаки препинания в оригинальных текстах отсутствуют.

13. *Русс П.Ф.* О талышинцах, их образе жизни и языке // *Записки Кавказского отдела Императорского Русского географического общества*. Тифлис, 1855. Вып. III. С. 1. Карта относится к 40–50-м гг. XIX века, поскольку обозначенная в ее названии Шемахинская губерния в 1859 г. уже была преобразована в Бакинскую, а до 1842 г. еще не было Ленкоранского уезда.

14. Мирза-Ахмед-Мирза-Худаверди зоа. Ахбарнаме (на фарси). Б/м. 1883.

15. Д.И. Исмаил-заде называет, применительно к Ленкоранскому уезду, в числе прочих, два пункта переселения русских – села Ольховка и Камышевка (возможно – русское прочтение топонима «Гумишево» [«Гамышеван»]). См.: *Исмаил-заде Д.И.* Русское крестьянство в Закавказье. 30-е годы XIX – начало XX в. М., 1982. С. 294, 299.

16. Азербайджанская ССР. Ленкорань: Топографическая карта. Масштаб 1:100 000. Состояние местности на 1987 г. ГПШ ВС СССР, 1991. Лист J-39-38.

17. См.: К локализации места захоронения А.А. Головатого: новые подходы // *Федор Андреевич Щербина и народы Юга России: история и современность: Сборник материалов IV Международной научно-практической конференции*. Краснодар, 2006. С. 215–220.

18. *Бакиханов А.К.* Гюлистан-и Ирам. Баку, 1991. С. 193. Впервые произведение было издано на фарси в 1841 г., переведено на русский язык в 1844 г.

19. *Рагимов А.Г.* Хронограммы Бадра Ширвани // *Известия АН Азербайджанской ССР. Серия истории, философии и права*. 1983. № 1. С. 50–57; 1983. № 2. С. 46–51 (на азербайджанском языке; резюме на русском языке).

20. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 336. Т. 4. Л. 607.

21. Институт рукописей Национальной академии наук Азербайджана. Рукопись «История талышского ханства. Записки Байрам-Алибекова Теймурбека. 1-го сентября 1885 года г. Ленкорань». Шифр: Д-687/28597 (См. также электронный ресурс: <http://www.talishica.ru/history>).

22. Карта Кавказского края. Составлена и литографирована в 1/840000 долю настоящей величины при Генеральном штабе Отдельного Кавказского корпуса. Тифлис, 1842.

23. Карта Кавказских земель с частью Великой Армении, изданная Семенов Броневским, к описанию Кавказа. Составлена А. Максимовичем. СПб., 1823.

24. Дорожная карта Кавказского края. Составлена и литографирована при военно-топографическом отделе Кавказской армии. 1853.

В.И. Шкуро (г. Краснодар)

О некоторых российских дворянах, ставших казаками

10 лет назад в сборнике материалов первой межрегиональной Дворянской конференции «Из истории дворянских родов Кубани» было опубликовано небольшое сообщение «Кубанская ветвь князей Голицыных», в котором кратко излагались сведения о службе трех поколений князей, служивших в Кубанских казачьих частях на благо России. Заканчивалось сообщение тем, что казак станицы Тульской Мстислав Львович Голицын во время Первой мировой войны воевал рядовым на Западном фронте, был награжден Георгиевским крестом. В конце 1917 года он окончил Екатеринодарскую школу прапорщиков казачьих войск. Его дальнейшая судьба была неизвестна. Оказалось, что в России остался младший брат Мстислава. Один из внуков последнего, Максим Голицын, через кубанскую казачью диаспору в США установил, что Мстислав Львович остался жив. Он служил в различных структурах Кубанского казачьего войска за рубежом и умер уже в 70-е годы XX века в г. Патерсон (США).

На той же конференции были обнародованы некоторые сведения о казаке Усть-Лабинской станицы Владимире Авксентьевиче Яцкевиче, родом из Витебской губернии, дослужившимся в Кубанском казачьем войске до чина генерала от инфантерии. На последующих конференциях было обнародовано много интересных сведений об этом славном роде.

Но на этих двух фамилиях не заканчивается взаимопроникновение казаков и дворян. Многие российские дворяне служили в казачьих частях, а казаки командовали частями регулярной армии. Даже последний Наказный атаман Кубанского казачьего войска М.П. Бабьич большую часть жизни служил в регулярной армии, и только под старость вернулся на свою малую родину.

Дворянину стать казаком было не так уж просто. До XX века решение стать казаком мог дать только Император, а в XX веке и Военный министр. Романтики-юнкера при присвоении офицерского звания стремились получить назначение на вакансию в казачьи войска с прибавлением в Высочайшем приказе слов «с зачислением, к примеру, по Кубанскому казачьему войску». Офицеры, которые хотели стать казаками, также добивались подобной оговорки. Те, кто не хотели быть казаками, получали назначение в казачьи части с оговорками «с оставлением по кавалерии, инфантерии, артиллерии, гвар-

дии». Была еще одна категория вполне зрелых офицеров, у которых желание стать казаками появлялось в процессе службы, во время боевых действий. Чаще других это получалось у русских офицеров, служивших в Собственном Его Императорского Величества Конвое, который комплектовался из кубанских и терских казаков. Всех дворян, ставших казаками, перечислить трудно. Хочется поведать о некоторых из них, разделивших героическую судьбу кубанских казаков.

Потомки запорожских казаков, прибывшие на Кубань в составе Черноморского казачьего войска в конце XVIII века, на разные лады рассказывали всякого рода истории о фактическом создателе и правителе Новороссии, Светлейшем князе Григории Александровиче Потемкине-Таврическом, под начальством которого они служили во времена Русско-турецкой войны (1787-1791 гг.). В числе прочих балачек были и рассказы о том, что тот любил проводить свободное время в среде вольной казачьей общины, был принят в казаки по существующим тогда канонам и получил новое прозвище Грыцько Нечеса. Такое странное прозвище он получил потому, что в торжественных случаях носил парик, который не расчесывался. С тех пор в среде кубанских казаков существовала вполне правдоподобная легенда на этот счет, а в последствии историки внесли ее в annales местной истории.

Если прием в казаки Г.А. Потемкина был больше дружеским, не повлекшим за собой каких-либо обязанностей, то в дальнейшем прием в казаки, как правило подразумевал несение казачьей службы по полной программе. Рассмотрим несколько таких случаев.

В 1821 году в семье дворян Черниговской губернии родился Иван Матвеевич Ходкевич. Учился в Павловском артиллерийском училище, по окончании которого 2 августа 1843 года направляется служить во 2-ю Легкую конно-артиллерийскую батарею. Служит в Варшаве, затем переводится на Кавказ и назначается в батарею № 13 Конно-артиллерийской бригады Кавказского Линейного казачьего войска. Здесь производится в первый офицерский чин подпоручика (3 мая 1847 года), затем поручика (3 июля 1847 г.), штабс-капитана (17 ноября 1851 года). За боевые отличия в эти годы награждается орденом Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», 3-й степени с бантом и 4-й степени с мечами. 14 мая 1853 года он зачисляется в линейные казаки и переименовывается в есаулы.

Во время Крымской войны (1853–1856 гг.) он служит на Азиатском театре военных действий и за участие в 6-месячной осаде турецкой крепости Карс награждается орденом Святого Станислава 2-й степени. После возвращения с войны служит на Кубанской пограничной

линии. 15 февраля 1859 года И.М. Ходкевич производится в войсковые старшины, а через полгода, 25 сентября, за личную отвагу и мужество, проявленные в Майкопском отряде, удостоивается Золотой пашки с надписью «За храбрость» (Георгиевское оружие). После объединения Черноморского казачьего войска с частью линейных полков он командует Урупским конным полком, служит старшим членом Кубанского казачьего войска и Атаманом Баталпашинского военного отдела того же войска. 21 февраля 1869 года был зачислен казаком станицы Ставропольской [1].

Иван Матвеевич Ходкевич подал прошение о зачислении в казаки вполне осознанно, после шестилетней службы в казачьих частях.

Старший сын И.М. Ходкевича – Дмитрий Иванович, как и отец, окончил Павловское артиллерийское училище. Был выпущен в 75-й пехотный Севастопольский полк, дислоцированный на Кавказе, и вскоре перевелся в Кубанское казачье войско. Во время Первой мировой войны командовал 10-м Кубанским пластунским батальоном и 6 сентября 1915 года получил «статутную награду» – орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени.

Младший сын, Евгений Иванович Ходкевич, был также удостоен ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени 11 апреля 1915 года во время службы в 4-м Гренадерском Несвижском полку в чине штабс-капитана. Георгиевским оружием Е.И. Ходкевич был награжден 11 октября 1917 года, неся службу в 11-м броневом автомобильном батальоне [2].

В фондах Государственного архива Краснодарского края хранятся материалы, касающиеся представителей дворянского казачьего рода Зборовских. «По Высочайшему повелению зачислен в сословие казаков Кубанского войска 1862 года марта 31 Эраст Григорьевич Зборовский». О нем известно, что родился 1 ноября 1840 года, воспитывался в Императорском Гатчинском и Николаевском сиротском институте. 1 июля 1862 года он начинает казачью службу писарем Кубанского войскового правления. Но, видно не для этого он стремился в казачье сословие 22 марта 1863 года по собственному желанию переводится в 11-й Кубанский конный полк. С этого времени он казак станицы Ладожской и служит в строевых частях. За боевые отличия 29 мая 1863 года производится в урядники, а 26 августа 1866 года получает первый офицерский чин — хорунжего.

С 1 июня 1867 года хорунжий Э.Г. Зборовский служит в 1-м Кубанском кордонном полку, дислоцированном на Туапсинской и Березовой линии. 26 февраля 1869 года производится в сотники, а 1 июля

того же года возвращается в 11-й Кубанский конный полк, где командует сотней. С 1 марта 1871 года Э.Г. Зборовский командует сотней в Ейском конном полку. 21 июня 1872 года командирится в Санкт-Петербург для поступления в Николаевскую академию Генерального штаба. В академию с первого раза он не поступает, но с разрешения Военного министра зачисляется вольнослушателем. Через год сотник Э.Г. Зборовский успешно выдерживает экзамены, а через три года заканчивает учебу и причисляется к Генеральному Штабу. Через некоторое время отправляется служить в Штаб Кавказского военного округа. С этого времени его служба и судьба зависят не столько от воли Наказного атамана Кубанского казачьего войска, сколько от Военного министра.

30 ноября 1876 года сотник Э.Г. Зборовский переименовывается в поручики и назначается старшим адъютантом Штаба сводной Кавказской кавалерийской дивизии. За боевые отличия во время Русско-турецкой войны (1877 – 1878 гг.), а особенно при штурме турецкой крепости Карс в ночь с 5 на 6 ноября 1877 года он удостоивается Золотой сабли с надписью «За храбрость». 8 декабря 1880 года он прибывает к новому месту службы в Приморскую область, а 25 января 1881 года Высочайшим приказом назначается Заведывающим передвижением войск по рекам Амурского бассейна.

30 августа 1880 года он произведен в капитаны, 30 августа 1882 года – в подполковники, 30 августа 1886 года – в полковники. С 14 июля 1884 года он заведывает конными сотнями, расположенными в Южно-Уссурийском отделе, а с 15 августа 1890 года назначается начальником штаба войск Южно-Уссурийского отдела. С 25 сентября 1891 года по 31 июля 1893 года он является помощником командира Собственного Его Императорского Величества Конвоя по строевой части, затем командует 1-м Горско-Моздокским полком Терского казачьего войска. С 14 октября 1893 года по 10 ноября 1895 года является помощником Наказного атамана Кубанского казачьего войска, затем командиром 1-го Сунженско-Владикавказского полка Терского казачьего войска. 25 марта 1898 года полковник Э.Г. Зборовский производится в генерал-майоры и назначается командиром 1-й бригады 1-й Кавказской казачьей дивизии, а 14 июля 1900 года – командиром 2-й бригады Сибирской казачьей дивизии [3].

Сын названного генерала Виктор Эрастович Зборовский во многом повторил дороги отца, но в другое время. Он также дослужился до чина генерал-майора, награждался Золотой шашкой с надписью «За храбрость», долго служил в Собственном Его Императорского Вели-

чества Конвое, затем (с 25 апреля 1917 года) Кубанском гвардейском дивизионе. В одном из документов, касающихся Виктора Эрастовича сказано, что они из местечка Барабаш, без указания губернии. В 1909–1910 гг. В.Э. Зборовский обучался в Варшавском военном фехтовально-гимнастическом зале и окончил курс обучения с отметкой «выдающийся». Был в составе десанта С.Г. Улагая на Кубань в 1920 году. Командовал 1-м полком Русского корпуса в Югославии. Умер от ран 9 октября 1944 года в г. Граце (Австрия)[4].

Род Пржевальских из потомственных дворян Подольской губернии. Первым на Кубань прибывает Владимир Александрович Пржевальский. Службу начинает в чине поручика в Кубанской казачьей конно-артиллерийской бригаде. С 1 января 1872 года переименовывается в сотники. В.А. Пржевальский родился 10 октября 1847 года. Окончил Павловское артиллерийское училище и Офицерскую артиллерийскую школу. Более 30 лет прослужил в названной бригаде. Дослужился до должности командира бригады (29 сентября 1902 г.) и звания генерал-лейтенанта (28 марта 1904 г.). Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 годов был награжден боевыми орденами Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом и 2-й степени с мечами. В 1906 году В.А. Пржевальский был награжден орденом Св. Станислава 1-й степени. Из других наград следует отметить орден Равноапостольного князя Владимира 4-й и 3-й степеней и золотой Бухарский орден Восходящей звезды 3-й и 2-й степеней. Умер от тифа в 1918 году. Похоронен на Екатеринодарском Всесвятском кладбище.

Михаил Александрович Пржевальский родился 5 ноября 1859 года. Воспитывался в Петровско-Полтавской военной гимназии, Михайловском артиллерийском училище, Михайловской артиллерийской академии и Николаевской академии Генерального штаба. Служил в частях гвардейской артиллерии. С 9 мая 1888 года на Кавказе. Служит начальником строевого отделения Михайловской крепости (г. Батум, Аджария). С 31 марта 1892 года по 10 июля 1901 года М.А. Пржевальский — секретарь Российского Императорского Генерального консульства в г. Эрзеруме.

6 февраля 1905 года назначается начальником Войскового штаба Кубанского казачьего войска с зачислен по тому же войску. Высочайшим приказом 1 апреля 1906 года производится генерал – майоры. С началом Первой мировой войны М.А. Пржевальский командует на Кавказском фронте 1-й Кубанской пластунской бригадой, затем Туркестанским армейским корпусом, с 1917 года Кавказской армией и Кавказским фронтом. За боевые отличия был награжден

орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени (13 января 1915 г.), 3-й степени (11 декабря 1916 г.) и Георгиевским оружием 17 мая 1915 года. Закончил войну в чине генерала от инфантерии. По сведениям П.Н. Стрелянова М.А. Пржевальский умер 13 декабря 1934 года в г. Белграде (Югославия)[5].

Во второй половине XIX века Наказному атаману Кубанского казачьего войска было разрешено принимать в войско людей разных сословий. В приказе по Кубанскому казачьему войску от 25 мая 1893 года объявлено «о зачислении в войско 30 апреля дворянина Харьковской губернии Сергея Сергеевича Тихоцкого, 21 года от роду — в станицу Андрюковскую, как знающего садоводство и виноградарство». Через два года 12 июня 1895 года в приказе по войску объявляется: «Дворянин Харьковской губернии Евгений Сергеевич Тихоцкий, 17 лет от роду, зачисляется в станицу Андрюковскую 30-го мая для совместного жительства с родным его братом, казаком той же станицы Сергеем Тихоцким».

27 апреля 1896 года в приказе по войску было объявлено: «Малолеток станицы Андрюковской Евгений Тихоцкий, родившийся 10-го июня 1878 года, зачисляется на службу в 1-й Екатеринодарский полк с правами по образованию второго разряда». А далее обычная казачья лямка. 19 августа того же года командировается в Ставропольское казачье юнкерское училище. 26 июня 1900 года получает первый офицерский чин хорунжего. Затем Е.С. Тихоцкий служит в 1-м Урупском полку. В 1902 и 1903 годах на окружных скачках офицеров в г. Киеве получает вторые призы. За состязательную стрельбу из винтовки и револьвера в 1910 году также получает призы. 11 сентября 1914 года в приказе по армии было объявлено, что подъясаул 1-го Линейного полка Евгений Тихоцкий Высочайшим приказом 7 октября 1914 года награжден «орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени за то, что 10 августа 1914 года в бою с австрийцами атаковал своей сотней при деревне Джуриин и первым ворвался на неприятельскую батарею, и, перебив всю прислугу, захватил четыре орудия с зарядными ящиками». В декабре 1914 года был тяжело ранен и строевых должностей не занимал. Вопреки Ялтинским соглашениям, в числе других представителей старой эмиграции 1 июня 1945 года был выдан англичанами в Лиенце и казнен в конце 1946 года [6].

9 апреля 1913 года Наказный атаман Кубанского казачьего войска генерал-лейтенант М.П. Бабыч в приказе по войску объявил: «Паж Пажеского Его Императорского Величества корпуса Лев Сергеевич Корбе, родившийся 29 марта 1894 года, согласно его просьбы

и согласия общественного сбора станицы Гладковской Таманского отдела, зачисляется в войсковое сословие вверенного мне войска в списки означенной станицы и на отчетность Управления упомянутого отдела».

Здесь, надо думать, романтический порыв юноши был поддержан родителями. Заранее были соблюдены все правила службы казаков. Л.С. Корбе поступает в Пажеский корпус 1 сентября 1912 года как кубанский казак. 12 июля 1914 года выпущен из корпуса на вакансию хорунжим. На службу в полк он прибывает накануне Первой мировой войны 31 июля 1914 года. За неполный месяц 20-летний хорунжий награждается орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», Св. Станислава и Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом.

17 декабря Наказный атаман Кубанского казачьего войска объявил для прочтения на полных станичных и хуторских сборах копии приказов по 10-й армии и 2-му Лабинскому полку, рассказывающих о подвиге хорунжего Л.С. Корбе. В преамбуле своего приказа М.П. Бабыч пояснял: «Объявляю для сведения вверенному мне войску копии приказов по 10-й армии 2-му Лабинскому полку о награждении орденом Св. Георгия 4-й степени павшего завидной смертью на поле чести хорунжего Корбе, который с 30-ю доблестными казаками того же полка, выручая свои войска, явил достойный подражания подвиг высшего самоотвержения, геройски выполнив великий Суворовский завет: “Сам погибай, а товарища выручай”».

В приказе командира полка полковника Миронова, в частности, сообщалось: «Вверенного мне полка командир 2-й сотни во время боя у деревни Мильцей 6 сентября сего (1914) года в то время, когда противник повел колоннами стремительное наступление на батальоны пехотного полка, с 30-ю казаками бросился в атаку в конном строю на наступавшие колонны, будучи встречен массовым огнем из ружей и пулеметов, сраженный пулями пал смертью героя; с ним же были сражены 10 казаков его сотни и четверо прискакали назад ранеными; тем не менее своею лихою атакою на время задержал стремительность наступления врага».

Заканчивается приказ командира полка словами: «С невыразимой скорбью, оплакивая преждевременную смерть нашего товарища и скорбя о невозвратимой утрате доблестного командира сотни, проявившего высокий подвиг героизма и самоотвержения и показавшего врагу нашему, насколько высок и велик дух русского воина и казаков, когда 30 казаков с доблестным начальником бросаются на тысячные колонны, презирая врага и саму смерть, для спасения соседних частей».

Следует отметить, что и родной брат нашего героя, Николай Сергеевич Корбе, поручик Лейб-гвардии 4-го стрелкового полка приказом по войскам 11-ой армии также был награжден орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени [7].

В чем-то схожая судьба у светлейшего князя Давида Платоновича Дадиани. С казаками познакомился во время службы в Собственном Его Императорского Величества Конвое. Из Конвоя ушел в запас и начал хлопоты по зачислению в казаки. Согласие на прием в казаки дало общество станицы Ставропольской. Приговор станичного сбора был утвержден приказом Наказного атамана Кубанского казачьего войска 11 июля 1896 года. Высочайшим приказом 19 августа 1915 года призван во 2-ой Екатеринодарский полк, а затем переведен в 55-й пехотный Подольский полк с переименованием в поручики. 18 сентября 1917 года князь Д.П. Дадиани был награжден орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени (посмертно). Он умер от ран 12 июля 1917 года [8].

По ходу настоящего сообщения может сложиться мнение, что статья казаком было несложно. Это совсем не так. Вот справка, подготовленная для доклада Императору, и резолюция на прошении о зачислении в Кубанское казачье войско кавалера Георгиевского оружия Федора Кондратьевича Боржимского: «Есаул 2-го Хоперского полка Боржимский ходатайствует о зачислении его в войсковое сословие по станице Исправной Баталпашинского отдела с семейством, состоящим из жены Александры, сына Владимира и дочери Ирины.

Такая просьба объясняется им настоящей его службой среди казаков, с нравами и бытом которых он вполне сжился, а также и тем, что в роду его существует дорогая для него память о службе предков его до переселения на Кубань в Уманском курене Запорожского войска.

Кроме того, окончание высшего учебного заведения (Восточного института) и путешествия с научными и военными целями по Центральной Азии, Монголии и Китаю дали ему возможность изучить Китай с его высокой земледельческой культурой, которую он надеется успешно применить при зачислении в войсковое сословие и вообще ввиду приобретения указанных знаний стремится быть полезным станице и войску».

На такое зачисление станичный сбор станицы Исправной изъявил согласие, мотивируя его тем, что есаул Боржимский, состоя командиром 4-й сотни 2-го Хоперского полка и принимая участие в борьбе с врагом, своим хорошим отношением к станичникам как к подчиненным, оказал отцовскую заботливость и любовь, почему станичный

сбор и надеется, что по зачислении названный офицер будет таким же и для станицы». Резолюция была следующего содержания: «Отказано 6 октября 1916 года» [9].

Многие офицеры Российской армии после службы в казачьих частях долго с теплотой вспоминали свое знакомство с этим своеобразным народом, иногда пытаясь оставить память о своем пребывании в их среде. К примеру, 15 июля 1864 года в приказе по Кубанскому казачьему войску было объявлено: «Свиты Его Императорского Величества генерал-майор Скобелев, желая оставить о себе память в Линейном казачьем войске, в котором он командуя сборным полком, участвовал в войне 1853–1856 годов в Азиатской Турции и получил высшую боевую награду – орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени, а также в память командования Собственным Его Императорского Величества Конвоем предоставил командующему Императорскою главною квартирою шесть тысяч рублей серебром, прося разрешения передать их Кавказскому Начальству, с тем чтобы ежегодные проценты с этой суммы по усмотрению ближайшего начальства были выдаваемы в Кубанское и Терское казачьи войска в пособие по равной части одному семейству казаков, имеющих крайнюю нужду, в пособие по бедному положению или по особым непредвиденным случаям, требующим помощи».

«Государь Император по Всеподданнейшему об этом докладе генерал-адъютанта графа Адлерберга Высочайше повелеть соизволил: благодарить генерал-майора Скобелева, а деньги принять и отправить по назначению, для указываемой цели...»

Полковник Дмитрий Иванович Скобелев стал Георгиевским кавалером после боевого отличия в сражении близ сел. Кюрюк-Дере 24 июля 1854 года. С 27 сентября 1858 по 8 марта 1864 года в чиине генерал-майора он командовал Собственным Его Императорского Величества Конвоем, а сразу после выхода в отставку начал хлопотать о выдаче пособий с процентов на подаренный им капитал беднейшим казакам Кубанского и Терского казачьих войск. В местной газете в 1892 году сообщалось, что «пособие в сумме 120 руб. 55 коп. досталось казаку станицы Сенгилеевской Василию Уварову. Остальным 6 претендентам было выдано по 30 руб. из войсковой казны» [10].

Тесно связана с Кубанью была жизнь еще одного военачальника и государственного деятеля Сергея Алексеевича Шереметева. Будучи поручиком гренадерского Эриванского полка, за отличие в бою с горцами 20 августа 1858 года он был награжден орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени. 11 июля 1861 года

ротмистр Шереметев «переведен в Кубанское казачье войско с переименованием в подполковники, с оставлением Флигель-Адъютантом и с назначением командующим 2-м Кубанским казачьим полком. За боевые отличия в Абадзехском отряде «пожалован Золотою саблею с надписью “За храбрость”».

В 1882–1884 гг. С.А. Шереметев — Наказный атаман Кубанского казачьего войска и Начальник Кубанской области. Вместе с потомством зачисляется казаком станицы Баталпашинской [11].

11 сентября 1899 года в приказе по Кубанскому казачьему войску было объявлено: «Начальник штаба Варшавского военного округа генерал-лейтенант Пузыревский с Высочайшего соизволения, воспоследовавшего 25 июля сего года, зачисляется с семейством в войсковое сословие Кубанского казачьего войска по станице Отрадной Баталпашинского отдела». В списке генералам, штаб и обер-офицерам станиц Баталпашинского отдела, составленном 3 августа 1901 года, сообщается, что генерал-лейтенант Александр Казимирович Пузыревский награжден орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени. «За рекогносцировку Умурганского перевала в Великих Балканах и за участие в штурме Шипкинских редутов в 1878 году января 24 дня». Скорее всего, тогдашний полковник А.К. Пузыревский познакомился с кубанскими пластунами из 7-го Кубанского батальона, которые вместе с другими пехотными частями с начала августа 1877 года держали оборону Шипкинского перевала до прихода других войск в канун Нового 1878 года [12].

10 июля 1894 года в приказе по Кубанскому казачьему войску было объявлено, что Высочайшим приказом от 20 июня поручик 76-го пехотного Кубанского полка Александр Александрович Гейман переводится в 6-й Кубанский пластунский батальон с переименованием в сотники. Зачислен он был в число казаков Келермесской станицы. Интересен тот факт, что и его отец, тоже Александр, служил сотником в 4-м Кубанском пластунском батальоне и приказом по Кавказскому военному округу 4 декабря 1871 года был зачислен по армейской пехоте с переименованием в поручики. Возможно, на Александра Александровича повлияли детские воспоминания о службе отца, его жизни среди казаков. Во время Первой мировой войны он был награжден орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени, дослужился до чина генерал-лейтенанта. Во время службы и в эмиграции в Югославии А.А. Гейман писал небольшие рассказы, которые печатались в различных изданиях. Часть этих рассказов («Документ», «Пластунская песня», «Кинжал», «Печальный случай») Атаман Кубанс-

кого казачьего войска за рубежом В.Г. Науменко опубликовал в журнале «Кубанский исторический и литературный сборник».

В журнале приводятся воспоминания одного из близко знавших его товарищей: «Александр был крепок духом, с большими способностями и с большой силой воли. Он никогда не впадал в уныние, был любим казаками и являлся незаменимым собеседником в обществе. Как хорошо образованный, начитанный и бывалый человек, он много знал и был чудесным рассказчиком. Говорил интересно, с небольшим юмором. Он подмечал в людях то, что другие не замечали, и, если рассказывал о подмеченном, то в юмористическом духе и никогда не зло.

Он готов был всегда на самопожертвование, защищая честь и достоинство России, армии, казачества. При чистейшем и добром сердце, А.А. Гейман мог быть грубым в отношении тех, кого он заметил в нехорошем или бесчестном деле...» [13].

Будущий начальник Войскового штаба Кубанского казачьего войска, генерал-лейтенант В.П. Ляхов происходил из дворян Курской губернии. С казаками познакомился в Персии, где кубанские и терские казаки создавали Персидскую казачью дивизию. 26 августа 1906 года он был назначен заведующим обучением Персидской кавалерии и командиром бригады этой дивизии. После назначения начальника Войскового штаба Кубанского казачьего войска А.И. Кияшко Наказным атаманом Забайкальского казачьего войска В.П. Ляхов занял эту должность с зачислением в казаки хутора Новосуворовского (ныне станица Выселки). С началом Первой мировой войны генерал-майор Владимир Платонович Ляхов назначается комендантом Михайловской крепости (Батум) и командиром Приморского отряда Кавказской армии. Некоторые сведения о биографии генерал-лейтенанта В.П. Ляхова того времени может пролить приказ Главнокомандующего Кавказской армией от 6 апреля 1916 года: «Господь вновь явил Всемогущую помощь Кавказской армии. Трапезонд взят. Со дня взятия Эрзерума Приморский отряд под командою генерала Ляхова, при мощном содействии сверх-доблестного Черноморского флота, преодолевая невероятные трудности, сломил упорнейшее сопротивление турок. Кровопролитный бой и взятие сильно укрепленной позиции турок на реке Кара-Дараси 1 апреля как бы предрешил судьбу Трапезонда. Взяв эту позицию Кавказские чудо-богатыри все время гнали турок и наконец сегодня взяли их важнейший укрепленный город Трапезонд...» [14].

3 июня 1909 года в приказе по Кубанскому казачьему войску было объявлено, что «...Государь Император в 28-й день марта 1909 года Всемилоостивейше соизволил зачислить Генерал-адъютанта Воронцо-

ва-Дашкова в войсковое сословие вверенного мне войска по станице Новотроицкой Лабинского отдела». В 1910 году в число коренных жителей станицы Новотроицкой был зачислен сын графа штабс-ротмистр лейб-гвардии Гусарского полка и флигель-адъютант Императора Александр Илларионович Воронцов-Дашков, а в 1911 году другой сын графа — ротмистр того же полка Илларион Илларионович Воронцов-Дашков.

Генерал от кавалерии, генерал-адъютант, Главнокомандующий Кавказской армией граф Илларион Иванович Воронцов-Дашков 15 августа 1915 года удостоился ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия 3-й степени «За искусное руководство доблестной Кавказской армией, геройскими подвигами которой достигнуты блестящие боевые успехи в делах против турок».

Полковник Кабардинского конного полка 1-й Туземной дивизии, граф Илларион Илларионович Воронцов-Дашков 8 ноября 1916 года тоже был награждён орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия 3-й степени.

Этих наград они были удостоены, будучи казаками станицы Новотроицкой [15].

На мой взгляд, взаимопроникновение казаков и дворян не было случайным, как не было случайным стремление людей другого сословия, а иногда и другой веры стать казаками. По всей видимости, было что-то притягательное и в облике, и в поведении, и в психологии казаков: особое отношение к жизни, умение ценить каждое мгновение, особая забота о своих боевых товарищах и самопожертвование на ратном поле «за други своя и Отечество».

Примечания

1. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 318. Оп. 2. Д. 585. Л. 593-612; Приказы по Кавказской армии 1865 года (ГАКК. Биб-ка. Инв. № 3020); Приказы по Кубанскому казачьему войску 1866 года (№ 8062) и 1875 года (№ 8164).

2. ГАКК. Ф. 396. Оп. 2. Д. 10855. Л. 63; Д. 11177. Л. 23; Шабанов В.М. Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия, М., 2004. С. 815.

3. ГАКК. Ф. 332. Оп. 1. Д. 328. Л. 14-17; Д. 1008. Л. 20, 32; Ф. 670. Оп. 1. Д. 5-а. Л. 49.

4. ГАКК. Ф. 396. Оп. 5. Д. 112. Л. 2; Д. 270. Л. 1-2; Д. 338. Л. 623, 628, 636; Д. 823. Л. 123. Д. 914. Л. 51; Д. 937. Л. 274.

5. ГАКК. Ф. 396. Оп. 2. Д. 633. Л. 171-177; Кубанский казачий вестник. Екатеринодар, 1915. № 4. С. 10; № 22. С. 8-89; Список генералам, штаб- и

обер-офицерам Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1908. С. 75; Стрелянов П.К. Казаки в Персии, 1902-1918. М., 2007. С. 335

6. ГАКК. 396. Оп. 1. Д. 11115. Л. 144, Д. 11162. Л. 9; Д. 11162. Л. 37; Оп. 2. Д. 739. Л. 143; Д. 840. Л. 162; Д. 877. Л. 77-78; Оп. 5. Д. 512; Л. 74-79; Ф. 438. Оп. 1. Д. 25. Л. 51-52; Ф. 670. Оп. 1. Д. 48. Л. 90; Кубанские областные ведомости. 1914. 29 октября.

7. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Л. 10671. Л. 26; Д. 10691. Л. 74; Д. 10692. Л. 53; Д. 11165. Л. 32; Оп. 2. Д. 957. Л. 138; Приказы по Кубанскому казачьему войску 1915 (инв. № 9158) и 1916 года (инв. 1958).

8. ГАКК. Ф. 447. Оп. 1. Д. 4. Л. 81, 152; Ф. 574. Оп. 1. Д. 3748-а. Л. 358; Шабанов В.М. Указ. соч. С. 495.

9. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 11061. Л. 37; Д. 11277. Л. 39; Кубанский казачий вестник. Екатеринодар, 1917. № 9. С. 12; Приказы ККВ. 1916. Инв. № 9138

10. ГАКК. Ф. 312. Оп. 1. Д. 963. Л. 217; Кубанские областные ведомости. 1892. 12 декабря; Приказы по ККВ 1864 г. (инв. № 1372); Гизетти А.Л. Сборник сведений о Георгиевских кавалерах и боевых знаках кавказских войск. Тифлис, 1901. С. 128.

11. ГАКК. Ф. 332. Оп. 1. Д. 219. Л. 182-198; Энциклопедический словарь по истории Кубани, Краснодар, 1997. С. 535-536.

12. Шабанов В.М. Указ. соч. С. 353.

13. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 11277. Л. 5, 19; Список по старшинству в чинах генералам, штаб- и обер-офицерам Кубанского казачьего войска, Екатеринодар, 1908. С. 349; Приказы Кубанскому казачьему войску 1871 года (инв. № 9203, 1916, (№ 9182) и 1918 (инв. № 9185); Кубанский исторический и литературный сборник. Оранж-бург (США), 1959. № 1. С. 23.

14. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 10508. Л. 300; Д. 11387. Л. 172, 198; Д. 11201. Л. 10. Оп. 5. Д. 53. Л. 153; Ф. 438. Оп. 3. Д. 19. Л. 10; Д. 21. Л. 136; Белое движение. Энциклопедия Гражданской войны. Спб., 2002. С. 317.

15. ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 520. Л. 1; Ф. 332. Оп. 1. Д. 892. Л. 4; Ф. 396. Оп. 1. Д. 1. Л. 24; Шабанов В.М. Указ. соч. С. 167, 452.

В.В. Слободенюк (г. Краснодар)

Из истории дворянства Кубани

Дворянство – привилегированное сословие, которое на протяжении многих веков российской истории было поддержкой и опорой правящей элиты. Термин «дворяне» (люди из двора великого князя) известен по источникам со второй половины XII в. Тогда он обозначал людей, находившихся на полном материальном обеспечении князей и выполнявших при них военную, административную, судебную и другие службы. С XIII – XIV вв. дворяне наделялись государством

землей (поместьем) на условиях службы «конно, людно, оружно». Окончательное формирование дворянства как единого сословия светских феодалов происходит при Петре I. По указу «О единонаследии» (1714 г.) уничтожалась разница между поместьем и вотчиной. С введением «Табели о рангах» (1722 г.) дворянство стало подразделяться на потомственное и личное. В среде потомственного дворянства сохранялось различие между нетитулованным дворянством и титулованным (князья, графы, бароны). В первой половине XVIII в. обязанность служить была для дворянства личной (пожизненно с 15 лет) и имущественной (денежные сборы, поставка рекрутов из поместий).

Особой вехой в истории русского дворянства стала вторая половина XVIII в., а именно правление Императрицы Екатерины II, которое историки нарекли Золотым веком российского дворянства. 21 апреля 1785 г. Екатерина II издала «Жалованную грамоту дворянству», по которой дворянство стало главным привилегированным сословием империи. Важнейшими преимуществами являлись: право владения землей и крепостными крестьянами, свобода от службы и личных податей, от телесных наказаний, неприкосновенность дворянского достоинства, лишение звания лишь по суду, право создавать губернские и уездные дворянские собрания для избрания ряда чиновников (судей, исправников), отстаивания своих интересов перед верховной властью, введение родословных дворянских книг [1].

Нельзя переоценить роль дворянства и для Кубани, деятельность которого начинается здесь с XVIII в. Заселение и освоение территории кубанской земли связано непосредственно с именем Екатерины Великой. Необходимо было обустроить новые владения. Указом 14 января 1788 г. Екатерина II поручила главному администратору страны и своему фавориту Григорию Александровичу Потемкину решить вопрос о войсковой территории по собственному усмотрению, но с учетом желания казаков. Князь вплотную занялся вверенной ему проблемой и стал искать поддержки у «надежных людей». Для начала необходимо было изучить местность, с этой целью он и послал для обозрения новых земель и составления их топографического описания старшего запорожца, премьер-майора Мокия Семеновича Гулика (1733–1807) [2]. Но не успел еще Мокий Гулик прислать свое описание, куда хотели переселиться бывшие запорожцы, датированное 8 июня 1792 г., как в конце февраля того же года уже была составлена подробная инструкция депутатам, отправляющимся в Петербург.

30 июня 1792 г. Екатерина Великая, удовлетворив важнейшие пожелания казаков, издает «Жалованную грамоту Черноморскому

казачьему Войску», предполагающую освоение и охрану казаками новых земель [3]. При заселении Кубани немаловажную роль сыграли и представители российского дворянства, и в этом деле явившиеся опорой государства. Среди казаков-черноморцев были представители самого привилегированного сословия, которые своим талантом помогли развитию новых земель и стали основоположниками известных дворянских родов. Это Антон Андреевич Головатый, Захарий Алексеевич Чепега, Тимофей Терентьевич Котляревский и др. [4]. Впоследствии на кубанской земле прославятся новые лица, за особые заслуги получившие титулы дворянства, в основном за военные успехи. Это Алексей Чуприна, Антон Рашпиль, Корней Малишевский и др. [5].

Немаловажную роль в жизни дворянства всегда играло высокое экономическое положение, а именно владение землей. Поэтому, присоединяя новые территории к Империи, правительство, стремилось создать экономически прочный местный служилый класс, который соответствовал бы дворянству центральных губерний. Насажение поместного землевладения в основном началось на Кубани после издания Жалованной грамоты казакам.

В Черноморском казачьем войске царское правительство само сформировало прослойку дворян. Казачья верхушка позаботилась о своих земельных привилегиях. Первым шагом на пути получения дворянства было пожалование казачьим офицерам армейских чинов. Получая армейский чин из Военной коллегии, казачий офицер автоматически включался в сословие дворян. Получить армейский чин мог лишь человек грамотный и проявивший себя на службе правительству. Часто армейские чины давались за боевые заслуги.

Екатерина II пожаловала Черноморскому войску земли на Кубани в общее пользование. В 1794 г. войсковое руководство разработало и утвердило своеобразную местную конституцию «Порядок общей пользы», где оговаривались и вопросы земледелия. Именно благодаря этому документу на Кубани начинают постепенно формироваться крупные землевладения особо отличившихся казаков, а значит, развивались привилегии только набирающего обороты самобытного кубанского дворянства.

Безусловно, многие представители господствующего сословия Российской империи внесли свою лепту в историю нашего края. Но в данной работе автор хотел бы заострить внимание на таких родах, как Вареники, Матвеевы, Тиховские, Поночовные.

Вареники

Семья служившего от бывшего Запорожья и не имеющего армейского чина, полкового хорунжего, Алексея Вареника, 45 лет, прибыла на Кубань в составе Ирклеевского куреня Черноморского казачьего войска (по переписи от 21 марта 1794 года «состояла из жены Ксении, 30-ти лет и сына Степана, 10-ти лет, и осела в Фанагории в Тамане»).

Алексей Васильевич Вареник был человек строгий и справедливый, профессиональный военный, получивший за взятие Измаила из рук А.В. Суворова Георгиевский крест. Именно ему фанагорийский атаман Иван Юзбаш поручил открыть на реке Кубани обменный пункт между казаками и горцами. Пристань, основанную им в мае 1812 г., стали называть пристанью Варениковой. А в 1862 г. была основана станица Варениковская.

В формулярных списках штаб и обер-офицеров и сотенных есаулов Черноморского казачьего войска за 1804–1805 гг., значится «сотник Алексей Васильевич Вареник, 52-х лет. Из старшинских детей. На службу в Черноморское казачье войско вступил казаком 21 октября 1790 г., 10 июля 1793 г. ему присвоен чин хорунжего, а 16 апреля 1803 г. он стал сотником. В «походах и делах против неприятеля в последнюю с Портою Оттоманскою войну был. Грамоты не знает. Женат на казачьей дочери Ксении Степановой. Имеет сына Степана 23-х лет». В 1811 г. сотник Ирклеевского куреня Алексей Васильевич Вареник был убит в деле с черкесами.

В формулярном списке сотника Степана Алексеевича Вареника значится, что «он происходит из старшинских (обер-офицерских) детей. Знает грамоту. На службу в Черноморское казачье войско вступил рядовым казаком 12 августа 1795 г., 10 июля 1800 г. получил звание сотенного есаула, а с 5 июня 1806 г. стал хорунжим. «В походах и делах против неприятеля в чинении закубанским горным народам в 1807 г. репрессий был и на пограничном карауле находился. 9 сентября 1811 г. произведен в сотники... женат на дворянской дочери.»

Имя его сына, Василия Степановича Вареника, архивариуса Войскового архива Кубанского казачьего войска вошло в историю края. Знаток родной старины В.С. Вареник родился 7 марта 1816 г. в семье дворян Черноморского (Кубанского) казачьего войска (первоначально писали в документах, что он из дворян Ставропольской губернии). Образование получил в Черноморской войсковой гимназии. По собственному желанию поступил на службу казаком 1 января 1831 г., а 21 апреля 1834 г. был произведен в урядники. «Состоя на службе в

Атаманской канцелярии и будучи в экспедиции за Кубанью с 12 по 14 сентября 1836 г., за отличие, оказанное в делах с шапсугами, награжден знаком отличия военного ордена Святого Георгия (Георгиевским крестом) под № 71244». Первый офицерский чин – хорунжего ему был присвоен 15 октября 1837 г. «За отличие, оказанное в делах против горцев с 7 апреля по 3 декабря 1857 г. Всемилостивейше награжден Золотою пашкою с надписью «За храбрость», пожалованную в 1858 г., когда он уже имел чин войскового старшины.

Служба на границе перемежалась со службой гражданской: В.С. Вареник служил в 1-м, 5-м, 7-м, 9-м Черноморских полках, 12-й конно-артиллерийской батарее, Черноморской казачьей конно-артиллерийской бригаде и других кавалерийских частях. Был личным адъютантом Наказного атамана Черноморского казачьего войска. Работал в Войсковой канцелярии делопроизводителем, а затем письмоводителем Врачебной управы и правителем Оспенного Комитета. А в дальнейшем по выбору дворянства исполнял обязанность пристава Екатеринодарской полиции, а чуть позже был полицеймейстером города Екатеринодара, судьей Екатеринодарского окружного суда, ассессором Войскового правления. 15 января 1884 г. Высочайшим приказом назначен архивариусом Войскового архива Кубанского казачьего войска с оставлением по казачьему войску. 1 декабря 1892 г. «архивариус Войскового архива Кубанского казачьего войска полковник Вареник производится в генерал-майоры, с увольнением от службы с мундиром».

Был дважды женат, второй его женой была дочь Керченского почетного гражданина Павла Плакиди София, от первого брака имел сына Константина. Скончался он 7 марта 1893 г., и похоронен в бывшей крепости, в ограде Воскресенской церкви.

В.С. Вареник оставил богатое литературное наследие. Он внес большой вклад в упорядочение войскового архива, занимая должность архивариуса с 1884 по 1893 гг. За красноречие его называли «кубанский Цицерон». Был известен Вареник и как автор юмористических рассказов. По инициативе и во многом на его личные средства установлен памятник на могиле полковника Льва Тиховского и его боевых товарищей, взяты на сохранение старинные казачьи захоронения на территории первого войскового собора.

Его сын, Константин Васильевич Вареник, родился 25 декабря 1857 г., Воспитание и образование получил в Ставропольском казачьем юнкерском училище по второму разряду. В службу вступил казаком 14 мая 1874 г. с зачислением в Таманский конный полк. Произведен в урядники 30 августа 1874 г. С 1 апреля по 1 сентября 1875 г. урядник Константин Вареник проходил службу в конно-учебном дивизи-

оне. 1 сентября 1875 г. зачислен в Ставропольское казачье юнкерское училище. Окончил в нем курс по второму разряду и переименован в портупей-юнкера 17 апреля 1877 г. 20 августа 1877 г. Высочайшим приказом произведен в хорунжие и 2 ноября 1877 г. назначен заведующим полковой оружейной мастерской. В 1878 г. в должности субалтерн-офицера служил в Таманском конном полку действующего состава. 7 октября 1880 г. за военное отличие против текинцев Высочайшим приказом произведен в сотники. Высочайшим приказом 31 декабря 1885 г. произведен в подьесаулы. Принимал участие в делах и походах против текинцев, в штурме и взятии крепости Геок-Тепе 12 января 1881 г. Участвовал в походах и делах против неприятеля в 1878–1881 гг. Имел: ордена Святого Владимира 4-й степени, Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом и 4-й степени с надписью «За храбрость», Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом, медали: темно-бронзовую в память русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и серебряную за взятие штурмом крепости Геок-Тепе 12 января 1881 г. Поручик К.В. Вареник 15 октября 1887 г. переведен в Лейб-Гвардии Кубанский эскадрон из подьесаулов Таманского конного полка, а 11 сентября 1891 г. переведен подьесаулом в Полтавский конный полк. Был женат на дочери вдовы купца 1-й гильдии Лабузова девице Наталии Степановой, имел сына и дочь [6].

Матвеевы

Преемником Войскового Атамана Ф.Я. Бурсака стал бывалый казак, имевший большой военный и житейский опыт, подполковник Григорий Кондратьевич Матвеев. Именно его из всех достойных кандидатов на атаманский пост выбрал Ф.Я. Бурсак. Г.К. Матвеев прослужил на должности войскового атамана Черноморского казачьего войска с 23 марта 1816 года по 18 января (30 сентября) 1827 года.

«Служивший не от бывшего Запорожья, а из вольно поступивших и имеющий армейский чин, прапорщик Григорий Матвеев» прибыл на Кубань в составе Васюринского куреня Черноморского казачьего войска и по переписи от 21 марта 1794 г., мы видим, что ему было 24 года и он был холост. Обосновался он «в Фанагории в Тамане».

Происходил он из казачьих детей, однако в формуляре (от 1 января 1821 г.) указывается, что он происходит из дворян Саратовской губернии – Царичанского уезда Екатерининского селения, где «имеет за собою семь душ мужского пола крестьян».

Матвеев хорошо знал грамоту российскую – читал и писал, да и в арифметике преуспел. Подростком он начал «царскую службу», запи-

савшись в казаки Черноморского казачьего войска 12 августа 1787 г., 18 декабря 1790 г. произведен в полковые хорунжие, а 10 февраля 1791 г. ему присвоен армейский чин прапорщика. Во время Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. участвовал в штурме турецких крепостей Очакова, Белграда-Днестровского, Аккермана, Бендер, Березани, Измаила и Браилова. После переселения на Кубань, в чине войскового есаула, присвоенного 22 декабря 1796 г. побывал в Персидском походе, 1796-1797 гг. С 1807 г. войсковой старшина Г.К. Матвеев находился в составе Черноморского пешего сборного полка за границей, за Дунаем, на гребной флотилии. Во время русско-турецкой войны 1806–1812 гг., получил последовательно все офицерские чины, включая подполковника, а в конце войны принял под свое командование полк. Был награжден орденами Святой Анны 4-й и 2-й степеней, Святого Владимира 4-й степени, за отличие в прорыве с правого на левый фланг Рущука к Журже, при захвате батарей по обе стороны Дуная устроенных, под сильным неприятельскими перекрестными выстрелами, и за оказанную же им тут храбрость и искусство награждён орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени того же июня (июля) 1810 г. Орден же был вручен, подполковнику Матвееву (звание присвоено 7 августа 1810 г.) 3 апреля 1811 г., в этом же году он был награжден орденом Святого Владимира 3-й степени. 12 марта он был назначен, а 23 марта 1816 г. Император Александр I утвердил его Атаманом Черноморского казачьего войска.

18 января 1827 г. «в 9 часов с полуночи» с ним случился инсульт, а к вечеру того же дня, «в 7 часов с полудня, волею Божию умер». Атамана с должными воинскими почестями похоронили на городском кладбище, возле церкви во имя Святого Фомы.

Г.К. Матвеев не блистал выдающимися административными способностями, но был человеком честным и преданным интересам казачества. В военных действиях он отличался храбростью и беззаветной отвагой, на поприще атаманской деятельности мягкостью, которая ставилась ему в вину современниками, и постоянной готовностью помочь младшему брату-казаку.

Григорий Матвеев был женат на дочери священника Евдокии Андреевой, и к 1811 г. имел четырех детей: сыновей Филиппа и Макария и дочерей Пульхерию и Марию.

В формулярных списках о службе и достоинстве штаб и обер-офицеров Черноморского казачьего войска и урядников 7-го пешего полка за 1828 г. имеются сведения о его сыне Макаре. Макар Григорьевич Матвеев «происходил из штаб-офицерских детей, поступил рядовым каза-

ком в Войско Черноморское 1 января 1812 г. и был «на пограничном карауле, в подкреплении оною», 12 апреля 1812 г. ему было присвоено звание урядника. Продолжая службу в войске, он участвовал в делах против неприятеля 3 февраля 1822 г., он уже в чине хорунжего, присвоенного ему 16 февраля 1817 г., находился в экспедиции в Закубанье под предводительством генерал-майора и кавалера Власова, при речках Пшезыще, Кун и Богундыр, где горские хищники были наказаны «примерным образом» и взято у них немалое количество рогатого скота и овец. 4 марта 1823 г. при истреблении трех аулов, где взяли в плен «141 душу черкесов», и немалое количество рогатого скота, угнали коров, лошадей и овец, а также в других военных экспедициях и сражениях «против закубанских хищников». За оказанное отличие в делах против закубанцев 12 октября 1823 г., он Всемиловнейше был награжден орденом Святой Анны 4-й степени и за проявленную отвагу, 23 декабря 1823 г. получил чин сотника, а в дальнейшем дослужился до есаульского чина. И еще одна характеристика: «Российской грамоте читать и писать знает. Холост» [7].

Тиховские

В составе Куцевского куреня Черноморского казачьего войска прибыл на Кубань служивший от бывшего Запорожья и имеющий армейский чин войсковой есаул, армии секунд-майор Лукьян Тиховский, 40 лет, со своей семьей. По переписи от 21 марта 1794 г. его жена Ефимия, 35 лет. Сын Лев 16 лет, героически пал в 1810 г. у Ольгинского кордона. Дочери: Евдокия, 9 лет и Любовь, 2 года. Семья обосновалась в слободе Антоновка.

В 1795 г. секунд-майору Лукьяну Тиховскому «на речке Малом Бейсугу, где жили козаки Кобзаре, по обе стороны по речке на восемь верст земли отведено».

Лукьян Тиховский дослужился до армейского звания полковника. Он командовал конным полком и находился в команде кошевого атамана Захария Чепиги, принимал участие практически во всех крупнейших сражениях русско-турецкой войны 1787–1791 гг. Он отличился «храбростию, мужеством и трудами» при взятии Измаила, за что и был награжден памятным крестом. Лукьяну Тиховскому пришлось собирать первую партию черноморских переселенцев на Кубань. Атаманом Чепигой ему было доверено произвести в Слободзее перепись всех семейных казаков, пожелавших переселиться на Кубань.

Расселяя таким образом жителей и обезопасив границу кордонной линией, войсковое правительство определило старшего есаула для

наблюдения за порядком армии, секунд-майора Лукьяна Тиховского, снабдив его инструкцией. Обязанности же его определялись порядком общей пользы»: «Войсковой есаул долг имеет по границе и внутри войсковой земли разъезжая, смотреть за определенными в окружные правления чинами и кордонными старшинами, дабы все повеления атамана кошевого и войскового правительства были выполнены в самой точности и без малейшей отмены».

Войсковой полковник, армии премьер-майор Лукьян Тиховской был первым начальником Черноморской кордонной линии. Умер он в Черномории.

Его сын, «войсковой полковник, Лев Лукьянович Тиховский, командир 4-го конного полка, 33-х лет, как видно из сведений о службе и достоинстве штаб и обер-офицеров и сотенных есаулов Черноморского казачьего войска за 1809 г., происходил из казачьих (штаб-офицерских детей). В службу вступил рядовым казаком 10 апреля 1789 г., а 21 октября 1789 г. ему присвоено звание хорунжего. Есаулом стал 10 февраля (25 мая) 1791 г., с 25 августа (25 сентября) 1795 г. – поручиком, а полковым есаулом – 13 ноября 1802 г. Звание войскового полковника присвоено 3 февраля 1809 г.

Участвовал в походах и делах против неприятеля. В 1789 году принял участие в штурме замка Аджибея, при покорении городов Аккермана, Бендер, в 1790 году – в штурме города Измаила, в 1791 г. в разбитии за Дунаем, под местечком Бабадою и Мачином турецких сил, а на пожалованной войску сему земле на пограничном карауле, в Персидском походе в начале 1796 г. и до окончания оною в 1797 г., в чинении закубанским черкесам 1804 и 1807 гг. репрессий, а сверх того, будучи на пограничном карауле, находился при неоднократном отражении закубанских злодеев, стремившихся на разорение селений Поповического и Корсунского, и того ж 1807 г., с 13 по 28 октября за Кубанью в походе с полком, ему вверенным, совместно с темиргоевскими народами, под нагой горами в ста верстах от Кубани отстоящими, был в сражении с абадзехами, на коем по упорной битве неприятель разбит и рассеян по горам и лесам, за что удостоился получить от императорского величества золотые часы». В графе о грамотности и семейном положении было отмечено: «Знает российскую грамоту. Холост».

Войсковой полковник Новокорсунского куреня командир 4-го конного полка Л.Л. Тиховский 18 января 1810 г. пал геройской смертью в сражении казаков Ольгинского кордона с 4-х тысячным горским ополчением. 4000 пеших и конных воинов-черкесов переправились по льду у Ольгинского кордона. Горцы рассчитывали, что гарнизон

укрепления, насчитывавший 200 человек, не посмеет их преследовать. Но казаки хорошо понимали, что произойдет на хуторах, где оставались беззащитные старики, женщины и дети, если туда ворвется неприятель. Во главе с полковником Львом Тиховским черноморцы вышли из укрытия и стали преследовать горцев. Больше четырех часов отряд героически сражался против окруживших его со всех сторон черкесов, и лишь двум десяткам израненных казаков удалось прорваться на кордон. В память о подвиге тиховцев в 1869 г. на берегу Кубани напротив станицы Ольгинской был поставлен скромный памятник – каменный крест с именами погибших.

Каждый год собираются казаки со всей Кубани. Сюда, на место бывшего Ольгинского кордона, у западной опушки Красного леса, съезжаются они, чтобы помянуть своих предков, героически погибших в неравном бою с противником [8].

Поночевные

Семья служившего от бывшего Запорожья и имеющего армейский чин, полкового хорунжего, армии прапорщика Демьяна Поночевного, 47 лет (так в документе), организатора первого казачьего поселения на месте современного Темрюка, прибыла на Кубань в составе Кореновского куреня Черноморского казачьего войска и по переписи от 21 марта 1794 г. состояла из жены Анны, 37 лет, сыновей Мирона, 3 года, Конона, 2 года, дочерей Ксении, 12 лет, Ирины, 7 лет. Обосновались они «в Фанагории в острове Курянском».

Поселившись на месте г. Темрюка хутором, он, благодаря своим средствам, мог сосредоточить вокруг себя людей разных профессий. В 1795 г. прапорщику Демьяну Поночевному было отмежевано земли «при Темрюке футор выстроить позволено». Проложив новый путь к своему хутору, пришедшийся кстати для военно-административных нужд заселявшегося края, он сразу поднял значение этого урочища.

В формулярных списках штаб и обер-офицеров и сотенных есаулов Черноморского казачьего войска за 1804–1805 гг., значится «полковой хорунжий Демьян Павлович Поночевный, 66 лет (так в документе). Из казачьих детей. В службу, в Черноморское казачье войско вступил полковым хорунжим 15 мая 1789 г., звание прапорщика присвоено 10 февраля 1791 г. Переименован хорунжим 13 ноября 1803 г. «В походах и делах против неприятеля в Турции: в 1789 г. при взятии штурмом замка Гаджибей, при покорении городов Аккермана и Бендер, в 1790 г. при взятии крепости Килии, при осаде и штурме крепости Измаильской, в 1791 г. при взятии против у города Браилова на

острову батареи и в разбитии за Дунаем под местечками Бабадое и Мачином турецкой армии был». И еще интересная характеристика: «Не грамотен. Женат на казачьей дочери. Умер в 1804 г. по исключению его из пленов у черкес получен».

Демьяном Поночевным были построены два моста (каменный и деревянный) через Темрюкское гирло, и так был проложен транспортный путь к горе Миска. Демьян Поночевный также заложил Николаевскую церковь, которая размещалась в районе современной гостиницы «Темрюк». Достраивал церковное здание уже его сын, Моисей Демьянович. Он нашел необходимым предпринять постройку в тогдашнем Темрюке церкви, в чем и успел, создав храм, нынешний перестроенный старый Николаевский собор. В заботах о благоустройстве своего детища Моисей Демьянович утонул в пучинах Черного моря против г. Феодосии, когда возвращался из г. Одессы на бриге, везя с собою добытые для созданного храма колокола. Бриг был разбит бурей, и среди погибших оказался Моисей Демьянович тело его не было разыскано. Заботы о соборе перешли по традиции затем к сыну Моисея Демьяновича, Михаилу Моисеевичу Поночевному, попавшему, при одном переезде из тогдашнего Темрюка в г. Екатеринодар в плен к черкесам, откуда он был выкуплен родными.

Его внук Осип (Иосиф) Михайлович Поночевный, родился в 1818 г. (1822), происходил из дворян Кубанского казачьего войска, утвержден в этом звании предписанием департамента военных поселений от 27 апреля 1851 г. № 1682, дослужился до есаула Кубанского казачьего войска. По воле начальства 24 мая 1862 г. был назначен начальником Раевской станицы, а 10 апреля 1863 г. – начальником Новороссийской станицы. Женат первым браком на дочери есаула Штригиля – Марии Ивановне, и на 1864 г. у них было трое детей: дочь Матрена родилась 10 ноября 1853 г., сыновья: Михаил, родился 1 ноября 1859 г. (8 ноября 1860 г.) и Иаков, родился 11 октября 1861 г.

Правнук – Михаил Иосифович Поночевный стал выдающимся географом, педагогом и общественным деятелем Кубани, автором многих работ, посвященных проблемам садоводства, виноградарства и виноделия. Выпускной его работой, по окончании в 1889 г. историко-филологического факультета Киевского университета Святого Владимира, где он обучался за счет Кубанского казачьего войска, стал «Географический очерк Боспорского царства», позднее опубликованный в «Кубанском сборнике».

Избирался почетным стариком 20 кубанских станиц и почетным членом Екатеринодарского мирового суда. Михаил Поночевный стал

первым в России организатором выращивания эфиромасличной болгарской розы. Образцы розового масла из «Раевского тюльпана» получили несколько золотых медалей на сельскохозяйственных выставках Юга России. Отмечено участие Михаила Поночовного в работе Кубанского статистического комитета, Общества любителей изучения Кубанской области (ОЛИКО), Екатеринодарского благотворительного общества, Общества изучения казачества.

10 ноября 1931 г. кубанский казак умер в лагерях Архангельской области. Дело в отношении Поночовного было пересмотрено 27 октября 1989 г. Прокуратурой Краснодарского края он был полностью реабилитирован.

В формулярных списках имеются сведения о Мироне Демьяновиче Поночовном. «Мирон Демьянович Поночовный, 24 года, происходил из обер-офицерских детей. На службу в Черноморское казачье войско вступил казаком 15 сентября 1799 г., 10 июля 1801 г. произведен в сотенные есаулы. Чин хорунжего был присвоен 28 сентября 1806 г., а 9 ноября 1811 г. стал сотником. Участвовал в походах и делах против неприятеля, в чинении закубанским горским народам в 1809 г. репрессий и с 16 декабря 1810 по 24 января 1811 гг. был в Закубанье в сражениях с черкесами. Где за храбрость и мужество получено Монаршее благоволение. Российской грамоте читать и писать знаком. Холост».

Также «в составе Кореновского куреня Черноморского казачьего войска на Кубань прибыл служивший от бывшего Запорожья и имеющий армейский чин полковой хорунжий, армии прапорщик Моисей Поночовный, 46 лет со своей семьей, которая по переписи от 21 марта 1794 г. состояла из жены Мелании, 30 лет, сыновей: Михаила, 10 лет, Кирилла, 8 лет, Григория, 4 года, Якова, 1 год и дочери Софии, 7 лет. Поселились они «при лимане Карасевском».

В формулярных списках штаб и обер-офицеров и сотенных есаулов Черноморского казачьего войска за 1804–1805 гг. значится «полковой хорунжий Моисей Павлович Поночовный, 55 лет. Из старшинских детей». На службу в Черноморское казачье войско вступил казаком 2 июня 1788 г. Чин хорунжего присвоен 7 декабря 1788 г., а 10 мая 1789 г. произведен в прапорщики. Переименован в хорунжие 13 ноября 1802 г. Участвовал «в походах и делах против неприятеля в Турции: в 1788 г. при истреблении и сокрушении неприятеля под городом Очаковым при взятии острова Березани, в 1789 г. при взятии Бендер, а в 1790 г. участвовал в штурме крепости Измаила, при взятии против города Браилова на острове батареи». Список сообщал, что офицер «на войсковой земле на пограничном карауле был», «неграмотен», «Женат на казачьей дочери».

Его сын, Михаил Моисеевич Поночовный, «происходил из обер-офицерских детей. Вступил на службу казаком 12 октября 1797 г., 10 июля 1801 г. произведен в сотенные есаулы. 28 сентября 1806 г. ему присвоен чин хорунжего. Сотником стал 24 октября 1808 г. В походах и делах против неприятеля, в чинении закубанским черкесам в 1809 г. репрессий, и на пограничном карауле находился. Российской грамоте читать и писать знаком. Холост» [9].

Таким образом, среди представителей трех дворянских родов Матвеевых, Тиховских и Поночевных было немало людей удивительной судьбы, волевых, целеустремленных, мужественных, предприимчивых, увековечивших своим имена в истории казачества Кубани.

Примечания

1. Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства. 21 апреля 1785 г. URL: www.vgd.ru/gramota.htm... 02.08.2010.

2. *Трехбратов Б.А.* История Кубани. Краснодар, 2000. С.129.

3. Высочайшая грамота, жалованная Черноморскому казачьему войску 1-го июля 1792 года // *Щербина Ф.А., Фелицын Е.Д.* Кубанское казачество и его атаманы. М., 2008. С. 291.

4. Полный список см: Первая перепись казаков-переселенцев на Кубань в конце XVIII в. Краснодар, 2006.

5. Полный список см. там же.

6. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 250. Оп. 2. Д. 93. Л. 57 об.-58; Д. 195. Л. 77 об.-78; Д. 209. Л. 55, 71 об.-72; Ф. 396. Оп. 2. Д. 358. Л. 246-275 об.; Д. 451. Л. 260-265; Д. 459. Л. 59-64; Д. 993. Л. 9; Д. 994. Л. 186, 188 об.-189; Первая перепись казаков-переселенцев на Кубань в конце XVIII в. Краснодар, 2006. С. 179-180; *Шкуро В.И.* Георгиевское оружие Кубанских дворян // *Дворяне в истории и культуре Кубани: Материалы научно-теоретической конференции.* Краснодар, 2001. С. 61; *Есаул Ив. Ив. Кияшко.* Именной список генералам, штаб и обер-офицерам, старшинам, нижним чинам и жителям Кубанского казачьего войска (бывших Черноморского и Кавказского линейных казачьих войск) убитым, умершим от ран и без вести пропавшим в сражениях, стычках и перестрелках с 1788 по 1908 г. Екатеринодар, 1911. С. 6; *Летопись «Екатеринодар-Краснодар» 1793–1993 гг.* Два века города в датах, событиях, воспоминаниях. Краснодар, 1993. С. 529; *Большая Кубанская Энциклопедия: В 6 т. Т.1.* Краснодар, 2005. С. 47–48; *Бардадым В.П.* Радетели Земли Кубанской. Краснодар, 1998. С. 142; *Галушкин Н.В.* Собственный Его Императорского Величества Конвой, М., 2004. С. 387; В честь казака Вареника // *Вольная Кубань.* 2006. 18 октября. URL: <http://gazetavk.ru/archive/2006/10/18.htm>... 02.08.2010; *Наследники казака Вареника.* «Откуда есть пошла земля наша...» // *Вольная Кубань.* 2007. 12 октября. URL: <http://gazetavk.ru/archive/2007/10/12.htm>... 02.08.2010.

7. ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 93. Л. 31 об.-32; Д. 165. Л. 21 об.-22; Д. 195. Л. 9 об.-11; Д. 208. Л. 8 об.-9; Ф. 396. Оп. 2. Д. 1. Л. 31 об.-32; Д. 6. Л. 25–26 об.; Первая перепись казаков-переселенцев на Кубань в конце XVIII в. Краснодар, 2006. С. 138, 149, 150; *Шкуро В.И.* Имена Кубанских дворян на стенах Георгиевского зала Московского кремля // Из истории дворянских родов Кубани: Материалы научно-теоретической конференции. Краснодар. 2000. С. 39–40; *Щербина Ф.А., Фелицын Е.Д.* Кубанское казачество и его атаманы. М., 2008. С. 193–197; *Бардадым В.П.* Атаманы. Краснодар, 2009. С. 70, 81, 82.

8. ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 93. Л. 24 об.-25; Д. 165. Л. 22 об.-23, 52 об.; Д. 174. Л. 9, 50 об.; Д. 195. Л. 21 об.; Ф. 249. Оп. 1. Д. 338. Л. 74 об.-77; *Самовтор С.В.* Отражение процессов казачьей колонизации в топонимии Кубани (конец XVIII – начало XX вв.). URL: www.slavakubani.ru/download.php...02.08.2010; Первая перепись казаков-переселенцев на Кубань в конце XVIII в. Краснодар, 2006. С. 396–397; *Есаул Ив. Ив. Кияшко.* Именной список генералам, штаб и обер-офицерам, старшинам, нижним чинам и жителям Кубанского казачьего войска (бывших Черноморского и Кавказского линейных казачьих войск) убитым, умершим от ран и без вести пропавшим в сражениях, стычках и перестрелках с 1788 по 1908 г. Екатеринодар., 1911. С. 5; *Щербина Ф.А.* История Кубанского казачьего войска. Том 2. История войны казаков с закубанскими горцами. Екатеринодар, 1913. С. 172; *Тернавский Н.А.* Подвиг казаков Ольгинского кордона: Исторический очерк. URL: www.slavakubani.ru. 02.08.2010; Подвиг на Ольгинском кордоне. URL: www.podvigrasy.ru/mg/20080118/index_4_1.html...02.08.2010; История города Ейска. URL: www.yeisk.ru. 02.08.2010.

9. ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 93. Л. 139 об., 140 об.-141, 148 об.-149; Д. 174. Л. 21 об., 59, 62 об.; Д. 195. Л. 65 об.-66, 77 об.-78; Д. 209. Л. 55, 64 об.-65, 72 об.-73; Ф. 396. Оп. 2. Д. 218. Л. 505–510; Д. 390. Л. 311–316; Ф. 249. Оп. 1. Д. 338. Л. 74 об.-77; *Самовтор С.В.* Отражение процессов казачьей колонизации в топонимии Кубани (конец XVIII – начало XX вв.). URL: www.slavakubani.ru/download.php...02.08.2010; Первая перепись казаков-переселенцев на Кубань в конце XVIII в. Краснодар, 2006. С. 227–228; Кубанские областные ведомости. 1901 г. № 16. 20 января; *Бридня О.П.* К вопросу об основателях гор. Темрюка // Родная Кубань. Литературно-исторический журнал. 2001. №3. С. 117; Казачью правду ищем вместе // Новороссийские вести. 2008. 15 марта. № 24. С. 4. URL: www.nrnews.ru. 02.08.2010.

А.Д. Вершигора (г. Краснодар)

Генерал Н.Н. Муравьев-Амурский на Кавказе

О генерал-адъютанте Николае Николаевиче Муравьеве-Амурском и других дворянах Муравьевых в дореволюционное время писали немало, в том числе и о пребывании на Кавказе. Об этом рассказывали энциклопедия Брокгауза и Ефрона [1], Военная энциклопедия издательства И.И. Сытина [2]. Немало свидетельств об этом периоде жизни выдающегося русского администратора содержится в публикации Актов Кавказской археографической комиссии (АКАК) [3]. В Русском биографическом словаре содержатся сведения как о его жизненном пути, так и его предках [4]. Есть упоминания о Н.Н. Муравьеве-Амурском в

известном архиве Раевских [5]. Аналитические способности и смелость в постановке вопросов перед начальством по Кавказу отмечены в краткой записи Ф.А. Щербины [6]. Высочайшая работоспособность, преданность долгу, самолюбие, умение увлечь подчиненных, забота о них, а также и некоторые отрицательные черты характера были отмечены Г.И. Филипсоном [7].

В 1997 году статью о Н.Н. Муравьеве опубликовал кубанский историк Б.А. Трехбратов [8]. Эта статья положила начало публикациям о выдающемся государственном деятеле во всех краевых справочных изданиях.

Из всех опубликованных в прошлом материалов следует выделить книгу И. Барсукова «Граф Н.Н. Муравьев-Амурский», основанную на послужном списке Н.Н. Муравьева, и многочисленных письмах к братьям с довольно обстоятельными пересказами событий своей бое-

вой и административной деятельности, анализом взаимоотношений с начальством [9].

Как следует из книги И. Барсукова, род Муравьевых-Амурских ведет начало от «рязанского сына боярского Аляповского, второй сын которого Иван по кличке Муравей был переведен на поместье в Новгород» и стал родоначальником рода Муравьевых. Эта многочисленная фамилия дала России трех государственных деятелей, к которой Высочайше было установлено добавить название местности, где они отличились, подобно Суворову-Рымникскому.

Из рода Муравьевых наиболее известны: Иван Никитич Муравьев, сожженный шведами при взятии Новгорода в 1611 году; подполковник Ерофей Федорович Муравьев, героически погибший в Русско-турецкую войну; его сын Николай Ерофеевич Муравьев (1794-1770 гг.) бывший сенатором, дослужившийся до чина инженер-генерала; Николай Николаевич Муравьев, писатель, отец Н.Н. Муравьева-Карского и Н.Н. Муравьева-Виленского; декабристы: корнет Александр Михайлович Муравьев, капитан Никита Михайлович Муравьев и др.

Николай Николаевич Муравьев, будущий Муравьев-Амурский, родился в Петербурге 11.08.1809 года в семье Николая Назаровича Муравьева, горного инженера и археолога, автора статей о новгородских монетах (1775–1845 гг.). От двух браков у него было 17 детей, многие из которых умерли во младенчестве. Матерью нашего героя была Елена Николаевна (урожденная Мордвинова). Из трех братьев Н. Муравьев чаще всего вел переписку с Валерианом, также окончившим Пажеский корпус и много позднее служившим в Тифлисе при генерале Е.А. Головине.

После выпуска из Пажеского корпуса Н.Н. Муравьев был зачислен в Лейб-гвардии Финляндский полк в чине прапорщика 25.07.1827 года. С началом Русско-турецкой войны он в составе полка 3.04.1828 г. выступил на юг, пересек границу с Польшей у Ковно, позднее переправился через Дунай и участвовал в осаде Варны. 16.09.1828 года состоялось первое сражение. После взятия Варны 10.10.1828 года полк подлежал возвращению в Россию, но Н.Н. Муравьев остался. При взятии Сизополя он командовал взводом, под Шумлой был первым, бросившимся в ров и «взошедшим на вал». Своей грамотностью и расторопностью обратил на себя внимание коменданта Варны генерала Е.А. Головина и стал его адъютантом. Н.Н. Муравьев быстро освоил административные функции по управлению городом.

В апреле Е.А. Головин убыл в Санкт-Петербург, взяв с собой Н.Н. Муравьева. Здесь последнему вручили орден Св. Анны 3-й степени и произвели за отличия в поручики.

В 1830 г. гвардейские полки выступили из столицы на подавление польского восстания. 24.02.1831 года Н.Н. Муравьев форсировал Неман у Ковно, участвовал в боевых действиях. Снова оказался адъютантом у начальника 26-й дивизии Е.А. Головина, но большее время проводил в разъездах с поручениями разной сложности, включая переговоры с престарелыми польскими генералами, проявляя находчивость. Позднее приобретенный опыт пригодился на Кавказе.

Между тем отряд Е.А. Головина оказался отделенным от главных сил, стал «лакомым куском» для польских генералов, желавших хотя бы маленькой победы. Но Е.А. Головин маневрировал, затевал переговоры и не допустил разгрома. 1 сентября поручик Муравьев участвует при взятии авангардом местечка Конана, 3 сентября при взятии приступом местечка Ополя и других, где поляки были опрокинуты дивизией Е.А. Головина при взятии штурмом г. Модлина. Противостоящие войска, возглавляемые авантюристом Романино, бежали в Австрию. И. Бурсаков отметил, что в польских войсках не было знамен. Их нашли вскоре в пороховом погребе во взятом штурмом г. Модлин [9. С. 54].

Для поручика Н. Муравьева участие в делах под командованием опытного Е.А. Головина стало превосходной школой малой войны, полезной для развития военного искусства самостоятельного начальника, которым со временем стал Н.Н. Муравьев-Амурский.

После окончания Польской кампании Н.Н. Муравьев получил разрешение на увольнение в отставку и убыл в имение отца. Но Е.А. Головин не хотел расставаться с расторопным и самостоятельным офицером. Он передал письмо, в котором отмечал, что всегда окажет помощь. По возвращению в Санкт-Петербург Н.Н. Муравьеву была вручена Золотая шпага с надписью «За храбрость» и орден Св. Владимира 4-й ст. с бантом. Это были награды, свидетельствовавшие о его личной храбрости и потому особо отмечаемыми всеми офицерами. Н.Н. Муравьев долго жил в имении отца, занимаясь хозяйством. Затем пошел служить по гражданской части в Варшаву. Между тем Е.А. Головин 30.11.1837 года получил назначение принять в свое командование Отдельный Кавказский корпус и все гражданское управление Кавказом.

Получив такое известие, Н.Н. Муравьев оставил службу в Варшаве и добился направления на Кавказ. Как писал И. Барсуков, по прибытии на Кавказ в течение всего 1838 года Н. Муравьев принимал самое деятельное участие в следующих экспедициях на восточном побережье Черного моря: в июне участвовал в ночной экспедиции на

р. Сочи, 10 июля – при десанте на Шапаро; 11 сентября он уже был в Дагестанском отряде.

Приведем слова Г.И. Филипсона, который писал о Н.Н. Муравье-ве: «он был искренне предан Головину и служил ему пером и головою. Он был маленького роста, с чертами лица довольно тонкими, и подвижными, с глазами, в которых было много ума. На Головина он имел огромное влияние. Между товарищами он казался добрым малым, любил дружескую беседу, за бутылкою вина; но проведши так всю ночь, он мог целый день работать пером, а работал он скоро и хорошо, образ жизни его был прост, но приличен» [9. С. 63].

Оказавшись в резиденции начальника 2-го отделения Черноморской береговой линии, Н.Н. Муравьев обнаружил, что у подчиненных укреплений (фортов) и гарнизонов по побережью Черного моря нет своего транспорта. Он обвинял в лени и бездействии начальника Черноморской береговой линии, некогда прославленного генерала-лейтенанта Н.Н. Раевского (1801-1843 гг.). Из анализа переписки самого Раевского видно, что он направлял обоснованные рапорты своему прямому начальнику, командующему войсками Кавказской линии и Черномории генералу от кавалерии П.Х. Граббе. Последний больше заботился о подчиненных ему войсках. Подкрепления он мог просить у командующего Отдельного Кавказского корпуса, генерала от кавалерии Е.А. Головина.

В начале своего служения на Черноморской береговой линии Н.Н. Раевский имел поддержку от Императора, но к приезду Н.Н. Муравьева он ее потерял. Раз в год с Высочайшего повеления собирались войска и проводилась мощная экспедиция. Резерва у Н.Н. Раевского не было, как и у самого Н.Н. Муравьева.

Оказавшись в своей резиденции в укреплении Бомборы и расспросив всех служивых о делах, Н.Н. Муравьев стал проявлять большое беспокойство о положении на вверенном ему участке. Он быстро уяснил, что положение во многом зависит от расположенности к нему старшин и владельцев. В его зону входили укрепления от форта Лазаревского на северо-западе до укрепления Дранды на юге. Прежде всего он установил самые дружеские отношения с владельцем Абхазии Михаилом Георгиевичем Шервашидзе, который был убежденным сторонником России и принимал участие своими милиционными силами совместно с русскими войсками против народов, совершающих набеги на абхазов. Набеги эти были с жертвами среди защитников, угоним скота, женщин и детей. Последних можно было продать турецким контрабандистам. Такие традиции бытовали среди убыхов, обитавших по Шахе и Сочи, отчасти джигетов, которые сами нередко

подвергались нападениям убыхов, ахчипсувцев в верховьях р. Мзымты, абазин с удаленной р. Пслух, цебельдинцев с их отраслью на реке Дал, являющихся частью абхазского народа.

За свою службу М.Г. Шервашидзе был награждаем денежными выплатами, орденами, дослужился до чина генерал-майора. Он полностью решал все внутренние дела Абхазии, в них русское командование не вмешивалось.

Из русских укреплений чаще всего подвергались нападениям укрепления Лазаревское на р. Пезуапсе, Головинское вблизи р. Шахе и Навагинское на р. Сочи, фактически в центре Убыхи. Укрепление Св. Духа, расположенное на левом берегу непроходимой в этом месте р. Мзымты, реже подвергалось нападениям именно по этой причине. В Абхазии сложными для обороны были Гагринский проход и выходы на Цебельду. В Сухуме с якорной стоянкой всегда было достаточно войск. А вот резервов Н.Н. Муравьев не имел, как и своего морского транспорта. Были у него и контакты со старшинами соседствующих народов, прежде всего Хаджи-Берзеком Герандуко (он же Догомуко). Это был образованный человек, хорошо владел русским языком, понимал, что за лучшее убыхам следует «покориться», что турецкий султан и такие эмиссары Англии, как Белл, им в войне с Россией не помогут. Правда, англичане и турки поставляли оружие и боеприпасы, учили артиллеристов, а Белл однажды даже помог стрелять из орудия по Навагинскому укреплению. Адрианопольский трактат связал руки султану. Оттоманская порта (Турция) была уже слаба, только с помощью Англии, Франции и России султан не был свергнут Египетским пашой. Но султан был главой мусульман, а турецкие контрабандисты постоянно заверяли черкесов, что султан, а также Англия и Франция помогут черкесам.

Этот период Н.Н. Муравьев принимал деятельное участие во многих важных событиях.

Массированные нападения убыхов при поддержке шапсугов и абадзехов производились на Лазаревское, Головинское и Навагинское укрепления. Часто нападения возглавлял Хаджи-Берзек Герандуко.

Весной и осенью 1841 г. состоялся переход крупных российских сил из укрепления Св. Духа на помощь осажденному укреплению Навагинскому в устье р. Сочи. Н.Н. Муравьев лично командовал арьергардом отряда при общем командовании генерала И.Р. Анрепа. Тогда были ликвидирована артиллерийская убыхская батарея у Навагинского укрепления и построена на том месте укрепленная башня, не допускавшая более произвольного обстрела территории укрепле-

ния (это – на месте современной Батарейки г. Сочи) [3]. Генерал Н.Н. Муравьев не раз принимал умелые решения, касающиеся Цебельды, что отмечалось генералом А.И. Будбергом.

Заслугой Н.Н. Муравьева стала его инициатива как начальника 3-го отделения о принятии русского подданства убыхами в 1842 г. Тогда ведущие дворяне с рек Субаши и Шахе «засвидетельствовали присягу России при мулле от себя лично, подданных и крестьян». Государь Император Николай I, обрадованный этим известием, подписал Высочайший указ о произведении в поручики, минуя первичный чин прапорщика, дворян Шейлек уко Альгецук Берзека, Хапеш-уко-Эльбуз-Берзека, Шегулук-уко-Эдыг Берзека, Шеужи-уко-Мату Берзека.

Из-за отсутствия Н.Н. Муравьева присягу принял начальник 2-го отделения генерал Опшерман при участии начальника укрепления князя Туманова [10]. Спустя несколько месяцев убыхи отказались выдать аманатов, объясняя это тем, что им больно расставаться с сыновьями и отправлять их на учебу в столицу. Как выяснилось позднее, им воспрепятствовали сочинские убыхи. Но зато живущий у самого Навагинского укрепления дворянин, часто называемый князем Аубла Ахмет открыто действовал в русскую пользу [3, 10].

В 1843 г. с новым начальником Черноморской береговой линии А.И. Будбергом в укреплении Навагинском встретился Хаджи-Берзек, который сообщил о недавно прошедшем собрании причерноморских черкесов, на котором большинство проголосовало за вхождение в состав России. Но при этом было заявлено, что они не имеют права это сделать без разрешения турецкого султана. Действительно, большинство причерноморских черкесов верили, что они остались подданными султана. Было принято решение послать делегацию к султану. На переговоры к убыхам начальник Черноморской береговой линии рекомендовал послать М.Г. Шервашидзе и Н.Н. Муравьева.

Генерал от кавалерии И.Р. Анреп был сторонником мирных решений, высоко ценил Н.Н. Муравьева, о чем докладывал Е.А. Головину. Но если Н.Н. Муравьев понимал, что его начальник затянёт решение какого-либо вопроса, копию своего рапорта отправлял начальнику штаба корпуса, о чем уведомлял и И.Р. Анрепа. Но более всех других начальников наставлял на решение острых вопросов в отношениях с народами Кавказа мирным путем начальник Черноморской береговой линии генерал А.И. Будберг.

Таким образом, пребывание на Черноморском побережье Кавказа Н.Н. Муравьева, будущего генерал-губернатора Восточной Сибири, присоединившего к России Амурскую область и Уссурийский край,

стало заметным событием в истории взаимоотношений России и горцев. Генерал Н.Н. Муравьев умел сочетать боевую доблесть с дипломатическим искусством и мирно решать проблемы вхождения местного населения в состав России.

Примечания

1. Энциклопедия Брокгауза и Ефрона. Т. 20.
2. Военная энциклопедия. Издательство И.И. Сытина. СПб., 1914. Т. 16.
3. Акты Кавказской археографической комиссии. Т. IX. С. 204, 292, 449, 450, 497, 488, 503, 506, 508, 509, 511, 512. 515-518, 521, 522. 523. 529, 808.
4. Русский биографический словарь/Сост. А.А. Половцев. СПб., Т. 14.
5. Архив Раевских. СПб., 1908-1910. Т. III.
6. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Т. II. Екатеринодар, 1913.
7. Филиппсон Г.И. Воспоминания. М., 1885.
8. Трехбратов Б.А. Муравьев-Амурский Николай Николаевич // Энциклопедический словарь по истории Кубани. Краснодар, 1997. С. 285.
9. Барсуков И. Граф Н.Н. Муравьев-Амурский. СПб., 1891. Кн. 1-2.
10. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 260. Оп. 1. Д. 289.

РАЗДЕЛ II.

Кавказское дворянство под стягом России

К.С. Чикаева (г. Краснодар)

Социальный статус дворянского сословия Северного Кавказа в социальной системе Российской империи

Роль дворянства в социальной системе северокавказского общества в дореволюционной России определяется его реальным значением в российской истории. Дворянство являлось основной социальной опорой самодержавия на протяжении веков, обладая рядом привилегий, играло существенную роль не только в сфере государственного управления, но и во многих областях жизни Российской Империи.

Рассматривая правовое оформление социального статуса служилого сословия, важно отметить, что в силу региональной специфики для жителей Северного Кавказа и Закавказья устанавливался особый порядок получения дворянства. Прежде всего, он коснулся тех лиц, которые принимали участие в Кавказской войне, в частности, «получивших Российские чины не по порядку службы, а за участие в военных действиях до появления Манифеста 11 июня 1845 года» [1]. В пореформенную эпоху возможности получения дворянского звания были существенно ограничены.

Обращаясь к анализу путей формирования дворянства в условиях Северного Кавказа, отметим, что к моменту окончания Кавказской войны все большее значение стал приобретать также приток дворянства из внутренних губерний России. Это было связано с очевидным расчетом на получение имений и более успешное продвижение по службе. Тем не менее, как справедливо отмечалось современниками, по-

прежнему, «главным средством для этого покорения (Кавказа) послужила военная колонизация» [2].

Сложным стал для самодержавной власти вопрос интегрирования в состав дворянства горской знати. Попытка взять в качестве образца решения данной проблемы уже имевшийся опыт Закавказья в принципе оказалась неудачной. На основе анализа опыта работы различного рода сословных комиссий, прежде всего, комиссии для разбора сословных прав горцев Кубанской и Терской областей (1869 – 1890 гг.), можно установить, что это было связано как с особенностями не мирного вхождения Северного Кавказа в состав России, так и с относительной неразвитостью процессов социального расслоения у горских народов. В силу этого ряд народов попросту «отказались от представления комиссии разъяснений» [3] по сословному вопросу. Наряду с этим, существенное значение имело и общее количество «знатных» претендентов, составлявшее к 1873-1874 гг. «по Терской области – 4 073, а по Кубанской – 13 062, итого более 17000 человек» [4].

Поэтому, несмотря на очевидное намерение значительной части видных сановников Империи форсировать процесс предоставления прав российского дворянства горской знати, данный процесс затянулся и, в целом, для большей ее части не был завершен. Тем не менее, среди наиболее образованных и тесно связанных с русской службой родов стремление к закреплению своего привилегированного положения через обретение дворянского звания было весьма сильно.

Несмотря на относительно более низкий удельный вес дворянства в составе населения региона и практически одинаковый удельный вес потомственных и личных дворян, на Северном Кавказе уделялось большое внимание поддержанию «чистоты» сословия. В частности, как показывает составленный 11 февраля 1894 года список дворян Ставропольской губернии, Кубанской и Терской областей, лишенных прав дворянского состояния, в их числе оказались лица, обличенные в воровстве, покушении на убийство, и даже в участии в «Народной воле» [5].

Рассматривая численность и состав дворянства Северного Кавказа в конце XIX – начале XX вв., необходимо отметить, что в основном это было военно-служилое дворянство и бюрократия – жители городов. Причем на фоне российских показателей здесь был заметен низкий удельный вес потомственного и, особенно, титулованного дворянства и, напротив, высокий показатель служилых дворян, особенно офицеров казачьих войск [6].

Дворянское землевладение на Северном Кавказе складывалось трудно. При этом в его основе лежали те казенные земли, которые приобре-

тались в первой половине XIX века. В результате растущего числа земельных пожалований, к началу 1860-х гг. сложилось, хотя и в ограниченных масштабах, помещичье землевладение. При этом в его структуре был высок удельный вес крупных помещиков. В частности, на Ставрополье из 140 землевладельцев 52 были крупными. Они в среднем имели по 3293 десятины земли, 140 мужчин и 141 женщине крепостных. В их владении находилось 142489 десятин земли [7].

Ситуация в данной сфере начала меняться с конца 1850-х годов, ввиду близившегося окончания Кавказской войны. С 1860-х годов набрал силу процесс формирования нового дворянского землевладения, не связанного с эксплуатацией труда крепостных. В частности, в распределении земель в это время самое активное участие приняло командование Кавказской армии, получившее соответствующие полномочия в 1863 году [8].

Особое значение придавалось формированию землевладения казачьего дворянства. Изданным 10 мая 1862 года «Положением о заселении предгорий западной части Кавказского хребта кубанскими и другими переселенцами из России» в потомственную собственность были выделены участки земли по 25–50 десятин каждому офицерскому семейству. Однако процесс наделения его землями существенно затянулся. Наконец, 23 апреля 1870 года было обнародовано «Положение об обеспечении генералов, штаб- и обер-офицеров и классовых чиновников Кубанского и Терского казачьих войск земельными участками в потомственную собственность» [9], заложившее основы юридической базы оформления частной земельной собственности. При этом среди получивших землю значились и представители известных дворянских фамилий — князя Романовы, Голицыны, Щербатовы, Урусовы, Трубецкие, графы Евдокимов, Сумароков-Эльстон, Шереметьев, Лорис-Меликов, Коцебу, бароны фон дер Остен-Сакен, Розен, Врангель и другие [10].

Вместе с тем, особенно в начале рассматриваемого периода, выросло и землевладение горской знати, состоявшей на российской службе. Таким образом, в основном помещичье землевладение окончательно оформилось на Северном Кавказе уже в пореформенный период.

Но при этом, помещичье землевладение в регионе изначально оказалось неустойчивым. В значительной своей массе дворяне не были способны организовать современное товарное производство. Поскольку в связи с крестьянской колонизацией спрос на офицерские участки был огромен, к 1895 году три четверти общей площади земель, подлежащих отмежеванию по Положению 1870 года в пользу офицеров-дворян, перешла к новым владельцам [11]. Начали дробиться и рас-

купаться и крупные латифундии. Тенденция к сокращению помещичьего землевладения стала особенно очевидной в связи с тем, что с середины 1880-х годов пожалование земель дворянам на Северном Кавказе фактически прекратилось.

На основе материалов делопроизводства Дворянского банка видно, что на Северном Кавказе закладывалось меньшее количество имений, причем в значительной части это являлось лишь мерой изыскания кредита для развития товарного хозяйства. В итоге, в залоге зачастую находились крупные и доходные поместья, а число имений, имеющих недоимки, в сравнении с другими регионами страны было незначительным. Дворянство не справлялось с ведением хозяйства, было вынуждено полагаться на управляющих, предлагавших варианты «усовершенствования» имений [12].

В целом, процесс сокращения дворянского землевладения продолжался. После относительной стабилизации 1907–1912 гг., в последующем под влиянием Первой мировой войны материально-техническая база помещичьего землевладения на Северном Кавказе была существенно подорвана.

Особенности государственной службы дворян на Северном Кавказе определялись максимальной военной системой управления и широким использованием офицеров на гражданских должностях. В рамках затянувшегося перехода к гражданскому управлению, многие штаб-офицеры и генералы занимали высокие посты в гражданских ведомствах, служили губернаторами, вице-губернаторами, начальниками областей, уездов, округов. В большей своей части это были офицеры, занимавшие в военном ведомстве административные должности по «военно-народному управлению». При этом, к примеру, начальник области в чине полковника или генерала обладал правами генерал-губернатора. Параллельно с этим шел процесс усиления власти окружных начальников [13].

Офицерский корпус стал основой северокавказского дворянства. Характеризуя процесс военно-дворянской колонизации края, необходимо отметить, что первоначально в составе местного дворянства ведущее значение имели выходцы из различных российских (особенно западных) губерний [14]. В него вливались и те представители горской знати, которые переходили на сторону России, поступали на службу. Первоначально приобретение представителями местной знати офицерского звания означало своего рода дипломатическую акцию, что порождало многочисленные ходатайства «о награждении» авторитетных горцев «первыми офицерскими чинами с жалованьем по чинам» [15]. Однако поскольку грамотные горцы составляли небольшой процент населения, в даль-

нейшем это обстоятельство значительно затруднило их участие и в получении офицерских званий, и в работе административного аппарата. Должность не только областных, но и окружных, уездных и участковых начальников занимали, в основном, русские офицеры, прежде всего, офицеры казачьих войск. Уже в 1861–1863 гг. в 59 станицах заселились 103 офицерских казачьих семейств [16]. Некоторые отличия характеризовали лишь практику управления в Дагестане.

Важно отметить, что в условиях Северного Кавказа успехи в службе открывали блестящие перспективы перед образованным и активным человеком практически любой национальности, способным выполнять административно-управленческие и военные обязанности. В силу сложившейся ситуации, среди потомственных дворян Терека, Кубани и Ставрополя в основном это были великороссы (62,7%), малороссы (12,9%), поляки (8%). Некоторое значение имели и выходцы из других европейских народов, в частности немцы (около 1%). Среди собственно кавказских национальностей численно особенно выделялись три группы дворян – из черкесов, а также турецко-татарских и закавказских (армяне и грузины) народов (в среднем группы по 3%). Примерно по 1,5% от общей численности дворян приходилось на долю осетин, карачаевцев, менее чем по 1% – на чеченцев, ногайцев и пр. [17]. Стоит обратить особое внимание на то обстоятельство, что среди личных дворян в указанном регионе особенно заметно возрастает удельный вес собственно русских (почти до 80%), при заметном снижении доли малороссов и поляков. В то же время, среди личных дворян из представителей народов Кавказа выделялись осетины, армяне, черкесы и чеченцы.

Важное место в составе дворянства заняла горская знать, привлечению которой на российскую сторону придавалось большое значение. В данной связи властями проводились масштабные изыскания по истории эволюции сословного строя местных племен, собирались свидетельства их «депутатов». И хотя споры о знатности семей шли в течение всего рассматриваемого периода [18], уже к началу 1870 годов было определено: «Высшие горские сословия в этих областях известны под следующим названиями: в Терской области: Пше с видом его Тума; Бий с видами его Чанка; Эли; Тлекотлеш; Диженуго; Таубий, Бадила, Саргасат, Гагуат, Алдар и Уллу узден. В Кубанской области Пше с видами его Тума; Султаны, Мурзы, Маршани, Агмиста-ду, Тлекотлеш и Диженуго» [19].

Однако, учитывая большое количество претендентов на дворянское звание (порядка 17-18 тыс.), выявленных различного рода сословными комитетами и комиссиями, предоставление им прав дво-

рянства оказалось затруднительным, поскольку угрожало создать неблагоприятные пропорции в составе местного дворянства.

Обсуждение вопроса о предоставлении горской знати прав дворянства затянулось более чем на полстолетия. При этом на фоне острых споров в правящих кругах, в конечном счете, он так и не получил четкого разрешения. К середине 1890-х годов против широкого предоставления горской знати прав потомственного дворянства высказались главы ведущих министерств – юстиции, внутренних дел и военного. По мере роста скептического отношения к «темным родовым признакам» наибольшую значимость все более получали служебные заслуги горцев. Тем не менее, горская знать продолжала активно апеллировать к власти с целью закрепления за собой особых привилегированных сословных прав [20].

Образовательный уровень дворян на Северном Кавказе, среди которых было немало получивших потомственное и личное дворянство исключительно высоким, не был высоким. С одной стороны, сами условия военной колонизации, нехватка в регионе средних и отсутствие высших учебных заведений, не позволяли в короткий срок улучшить ситуацию, а с другой – изменилась общая ситуация в сфере российского просвещения. По оценке предводителя северокавказского дворянства П. Мачканина: «Грамотный и образованный разночинец вошел во все мельчайшие изгибы государственного механизма ... несет ту службу, и с успехом, благодаря образованию, которое несло прежде дворянство» [21].

Тем не менее, к 1890 гг. в регионе была создана определенная образовательная среда. При этом ведущее значение для дворянства имело создание сети средних учебных заведений, где они составили абсолютное большинство (в 1891г. – 61% в мужских гимназиях и 53,8% в реальных училищах). В данной связи не случайно, их посещение было важным пунктом в программе путешествия по Северному Кавказу Императора Александра III [22]. В то же время дворян было мало в начальной школе (1,6%) и частных заведениях (12,7%).

Отличительной особенностью региона было также то, что «стремление к образованию делает весьма быстрые успехи среди горцев и развито у них сравнительно сильнее, чем у мусульман Закавказья» [23]. Местная знать считала долгом содействовать распространению просвещения. К примеру, отставной полковник Б. Долгиев завещал все свое движимое имущество в пользу местного общества распространения образования и технических знаний среди горцев Терской области [24]. Среди дворян были весьма популярны горские школы, особенно Нальчикская, где учились дети самых разных национальностей.

Вместе с тем, к концу XIX века местные дворяне уже не могли проявлять должного внимания к сфере образования ввиду растущих материальных проблем. В частности, согласно результатам переписи населения 1897 года, хотя дворянство на Северном Кавказе и составляло большую часть лиц с университетским (75,9%), высшим техническим (75,35%), значительную – со средним (36,4%) и средним специальным образованием (29,2%), здесь нарастали серьезные проблемы. В частности, обращает на себя внимание тот факт, что детей дворян начинали учить поздно (до 10 лет менее 20% грамотных), причем даже среди лиц старше 20 лет свыше 10% были неграмотными. Существенно ослабили позиции дворянства даже в военных учебных заведениях, где учились менее 4% общей численности местных дворян. Укажем также на то, что на Северном Кавказе было всего 26 человек, которые окончили высшие военные учебные заведения [25].

В XX столетии темпы сокращения удельного веса дворян среди учащихся местных учебных заведений существенно возросли, причем обедневшее дворянство заявляло об отсутствии личных и корпоративных средств на воспитание и образование молодежи [26]. В итоге, даже ряды офицерства здесь стали пополняться преимущественно детьми разночинцев.

Сословная организация дворянства оформилась на Северном Кавказе еще с момента создания в 1802 году Кавказской губернии. С 1822 г. местом пребывания дворянского собрания стал г. Ставрополь. Позднее в его состав вошли также дворяне Терской и Кубанской областей. Тем не менее, в условиях Кавказской войны традиции сословного дворянского самоуправления в регионе укоренялись плохо, а активность местного дворянства в данной сфере была незначительной. В основном представители дворянства служили в окружных советах, оспенных комитетах, а Кизлярский, кроме того, в комитетах береговых укреплений [27].

Существенных изменений в данной сфере не происходило в течение практически всей второй половины XIX века. Предводители местного дворянства – полковник Д.М. Сердаковский (1862–1875 гг.) и генерал-лейтенант И.Д. Попко (1875–1893 гг.), заслужившие потомственное дворянство беззаветной службой, воспринимали свои новые обязанности скорее как некую почетную должность. Поэтому, в частности, в 1876–1888 гг. дворянское депутатское собрание в Ставрополе не собиралось вовсе [28].

Попытки оживить деятельность дворянства были предприняты лишь с середины 1890-х годов генерал-майором П.А. Мачканиным. Однако они принесли мало результатов в силу объективных причин,

связанных с размытием сословной организации ввиду низкого образовательного уровня дворянства и его обеднения. В данной связи символическое значение имела отмена здесь результатов дворянских выборов 1898 года указом Сената от 15 января 1900 года (№ 313) из-за допуска к ним дворян, не владевших недвижимым имуществом. При этом оказалось, что из 128 потомственных дворян, внесенных в составленный предводителем список, только 22 человека имели формальное право участвовать в выборах [29].

Поскольку малочисленность собрания стала бросаться в глаза, его депутаты даже обращались к министру внутренних дел с просьбой понизить имущественный и образовательный цензы, в частности, допустить участвовать в делах собрания дворян, не имеющих высшего и среднего образования. Однако в данном отношении они так и не встретили понимания в МВД. В то же время, не получило поддержки и настойчивое стремление дворян Кубанской и Терской области к учреждению собственных собраний [30].

Заметный рост активности Ставропольского дворянского собрания был связан с событиями революции 1905-1907 годов. Однако это вызвало неудовольствие самого императора. В данной связи в дальнейшем мы видим новый спад, причем местные дворяне оказались довольно пассивны и в отношении работы в рамках общероссийской дворянской организации. По данным Постоянного Совета объединенных дворянских обществ в 1910 году в числе лишь пяти губерний, ставропольские дворяне «еще не примкнули к объединению» [31]. В итоге, даже отдельные проблески самостоятельности, активности дворян Северного Кавказа не получали реализации. В частности, это подтвердило назначение, а не избрание на пост местного предводителя дворянства в 1912 г. С.П. Бурсака.

Вновь социально-политическая деятельность северокавказского дворянства активизировалась в годы Первой мировой войны. В частности, Ставропольская дворянская организация решила присоединиться к общедворянской организации помощи больным и раненым воинам, она, а также ее отдельные члены, жертвовали средства на военные нужды, на помощь раненым [32].

На Северном Кавказе активно действовали такие дворянские учреждения, как опека и касса взаимопомощи. Тем не менее, изученные материалы показывают, что местное дворянство все яснее осознавало, что потеряло свою прежнюю социальную роль. Определенную точку в истории организации поставила отмена сословного строя в 1917 г., и в 1919 году она фактически прекратила свою деятельность.

В целом, военное присутствие на Северном Кавказе, в том числе, рост здесь численности военно-служилого дворянства, приобрели го-

сударственно-образующее значение в общественной системе Российской Империи. Стоит особо отметить, что высокообразованная и культурная часть сословия играла ведущую роль в социальной жизни региона.

Примечания

1. Саатчан А.Л. Свод законов о состояниях с предметным указателем и с позднейшими узаконениями по день выхода в свет. СПб., 1911. С. 7.
2. РГВИА. Ф. 414. Оп.1. Д. 305. Л. 229.
3. ЦГА РСО-Алания. Ф. 262. Оп.1. Д.22. Л.83 об.
4. ЦГА РСО-Алания. Ф. 262. Оп.1. Д.38. Л.37об.
5. ГАСК. Ф.52. Оп.1. Д.231. Л.29.
6. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. СПб., 1905. Т. 65, 67, 68.
7. Баркалов М. О значении реформы 19 февраля 1861 года для Ставропольской губернии. Ставрополь, 1911. С. 9.
8. РГВИА. Ф.38. Оп. 7. Д. 427. Л. 22 – 22 об.
9. Кубанские ведомости. 1895. 8 марта.
10. ГАСК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 340. Л. 20 об.
11. Северный Кавказ. 1889. 31 августа; Кубанские ведомости. 1895. 8 марта.
12. РГАДА. Ф.1468. Оп. 1. Д.2209. Л.Л. 1-2.
13. Кануков А.А. Законодательные акты, касающиеся Северного Кавказа и в частности Терской области. (Сборник законов, указов Правительствующему Сенату, положений Комитета Министров, правительственных распоряжений, разъяснений Государственного Совета и Правительствующего Сената). Владикавказ, 1914.
14. РГВИА. Ф. 1300. Оп. 7. Д. 42.
15. ЦГА РСО – Алания. Ф. 262. Оп. 1. Д. 30. Л. 21; РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 170. Л.11; и др.
16. РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д.431. Л. 21.
17. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. СПб., 1905. Т. 65, 67, 68.
18. Кавказский календарь на 1917 год. Т. 72. С. 255.
19. ГАКК. Ф. 348. Оп. 1. Д. 9. Л. 11; ЦГА РСО – Алания. Ф. 262. Оп.1. Д.30. Л. 128 об.
20. Терские ведомости. 1912. 11 декабря.
21. РГИА. Ф. 1283. Оп.1. Д. 125. Л. 2.
22. Кавказский календарь на 1891 год. Тифлис, 1890. С.254–261; Кавказский календарь на 1889 г. Тифлис, 1888. С. 1-27.
23. РГВИА. Ф. 414. Оп.1. Д. 305. Л. 241 об.
24. Северный Кавказ. 1907. 28 января.
25. Подсчитано автором: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи. 1897. СПб., 1905. Т.65, 67; 68.

26. РГИА. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 11. Л. 18об.
27. ГАСК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 4–7.
28. Северный Кавказ. 1889. 31 декабря.
29. РГИА. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 80 б. Л. 22–22 об.
30. ГАКК. Ф. 418. Оп. 1. Д. 2418. Л.Л. 11, 103; ГАСК. Ф. 48. Оп. 1. Д. 28. Л. 6-7; Кубанские ведомости. 1912. 28 января; Терские ведомости. 1912. 18 ноября; и др.
31. ГАРФ. Ф. 434. Оп. 2. Д. 30. Л. 247.
32. ГАСК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 383. Л. 29.

Вартаньян Э.Г. (г. Краснодар)

Роль дворянского рода Абамелек-Лазаревых в истории и культуре Российской Империи

Одной из особенностей истории армянского народа была массовая миграция за пределы исторической родины, вызванная нашествиями захватчиков, потерей государственности, жестокими гонениями и насильственным выселением с родных мест в разные исторические эпохи. В начале XVIII в. в армянском освободительном движении победила идеология, согласно которой спасение родины является прежде всего непосредственным делом её сыновей не только на территории Армении, но и вне её исторических границ [1]. И в этом направлении одной из основных задач армянских диаспор была просветительская деятельность. Далеко за пределами родины армянский народ стал создавать национально-культурные очаги как центры общественной мысли, образования, культуры.

В данной статье автор задаётся целью показать процесс возникновения армянских колоний в России и формирование в них национальной элиты на примере известной дворянской семьи армянского происхождения Абамелек-Лазаревых, её роль в истории и культуре Российской Империи.

Армянские колонии в России возникли в период средневековья, а в XVIII–XIX вв. они всё более содействовали укреплению взаимоотношений двух народов. Если в период позднего средневековья определяющим фактором в русско-армянских отношениях были торгово-экономические связи, то в XVIII в. – борьба за освобождение Армении, движение армян за присоединение к России.

Русско-армянские отношения вступили в новую стадию в период правления Петра I. В 1720-е гг. возникли благоприятные условия для армян, желавших переселиться в Россию: 10 ноября 1724 г. Петр I подписал указ, по которому армянам, жившим на Северном Кавказе

и в Прикаспийских областях, предоставлялся ряд привилегий [2]. Царским указом армянам отводилось поселение в присоединённых к России Прикаспийских территориях и предусматривалась значительная помощь. В этом отношении представляет большой интерес труд Ф.И. Соймонова, деятеля петровской эпохи, сопровождавшего Петра I во время персидского похода – «Описание Каспийского моря и чинённых на оном Российских завоеваний», в котором раскрываются многие важные аспекты армяно-русского экономического, политического и военного сотрудничества, приводятся ценные сведения о торговой деятельности русских и армянских купцов на Востоке, об участии армянских воинских отрядов в военных действиях на стороне России и т.д. [3].

В течение всего XVIII в., в частности при Екатерине II был опубликован ряд царских грамот, представляющих значительные экономические и правовые привилегии и льготы иноземцам, в том числе и армянам [4]. Российское правительство стремилось развивать на Северном Кавказе и юге России ремёсла, садоводство, земледелие, торговлю и армянам отводилась в этом немалая роль. Армянские поселения этого региона активно участвовали во внешней и внутренней торгово-экономической жизни России и были связующим звеном между Арменией и Российской Империей.

Значительная часть армян, в соответствии с указом Петра I, в 1720-е гг. переселилась из Карабаха и Зангезура в Россию. В результате этого на южных рубежах России, на Кавказе, возникло одно из поселений армян – Кизляр. Армяне обосновались там спустя несколько лет после основания крепости Кизляр в середине 1730-х гг. Переселенцы получили земельные участки и занялись земледелием. Они были освобождены от воинской повинности с условием, что останутся там жить и будут заниматься сельским хозяйством. В начале XIX в. армянское население Кизляра превышало 4 тыс. человек [5]. В конце XVIII в. выросло армянское население Моздока, даже возникла необходимость построить там три церкви [6].

Во второй половине XVIII в. заметно выросла наиболее давняя армянская община в России – Астраханская (армяне поселились в Астрахани ещё в XVI в.). В 1746 г. армянам Астрахани было предоставлено право иметь собственный суд, пользовавшийся административными полномочиями, а спустя десятилетия особым царским указом было разрешено учредить свой магистрат. Астраханские армяне имели внутреннее самоуправление, занимались торговлей, ремеслом, виноградарством и виноделием [7].

В 1778 г. А.В. Суворовым было организовано переселение 12600 армян из Крыма на правый берег Дона. В четырёх километрах от крепости Дмитрия Ростовского (ныне г. Ростов-на-Дону) был основан город Нор (Новый) Нахичевань и окрестные армянские сёла. По указу Екатерины II от 14 ноября 1779 г. крымским армянам, обосновавшимся в районе Дона, были предоставлены значительные экономические и правовые льготы [8]. Армяне были первыми распространителями производства шёлка в донских степях.

Значительна роль армянских поселений двух важнейших центров России – Москвы и Петербурга. Основанное ещё в XVI в. армянское поселение в Москве приобрело свою значимость в 1760-х гг., после заключения договора между российским правительством и Армянской торговой компанией в 1667 г. По договору Москва стала местом деятельности значительной части армянских купцов, ремесленников, представителей дипломатической службы. Для армян были созданы льготные пошленные и налоговые условия [9].

Освободительная борьба выдвинула выдающихся общественных и политических деятелей армянского народа. Среди них наиболее заметные роли в России во второй половине XVIII–XIX вв. принадлежали Ивану Лазареву и Иосифу Аргунтинскому. Исходя из интересов своей внешней политики, царское правительство длительное время поддерживало армянское национально-освободительное движение и его руководителей. Лазаревы, имея связи с армянскими колониями во многих странах Ближнего, Среднего Востока и Европы, хорошо разбирались в международной политической обстановке, поддерживали связи с грузинским царским домом и с влиятельными армянами Индии. К советам Лазаревых прислушивались, особенно при решении вопросов ближневосточной политики России. Семья Лазаревых сыграла значительную роль в присоединении Восточной Армении к России в 1828 г.

Семья Лазаревых (отец – Лазарь Назарович Лазарев, мать – Анна Овагимовна, сыновья – Ованес [Иван], Минас, Хачатур, Овагим [Еким] и дочь Анна) переехала в Россию из иранского города Новая Джульфа [10] в первой четверти XVIII в. и обосновалась в Астрахани. Несколько позже, в 1747 г., семья переехала в Москву, затем и в Петербург (старший сын Л.Н. Лазарева Иван переехал в Петербург в середине 1760-х гг.) В 1774 г. Лазаревы получили права потомственных российских дворян [11].

Иван Лазарев (1735–1801) – крупный государственный деятель, близкий к русскому двору, сыграл видную роль в развитии и укреплении дружественных отношений между армянским и русским народа-

ми. Он содействовал переселению в Россию тысяч армян и основанию городов Новый Нахичевань (1778 г.) и Григориополь (1792 г., бассейн Днестра). В 1788 г. австрийским Императором Иосифом II был пожалован Иоганну фон Лазареву с законными наследниками и потомками обоюбого пола титул графа Священной Римской Империи. Таким образом, Иван Лазарев с супругой и сыном носили графский титул [12].

С Иваном Лазаревым дружил известный государственный деятель России М.М. Сперанский (1772–1839). Причём, и в годы невзгод для М.М. Сперанского, когда его выслали из Петербурга, Лазаревы продолжали поддерживать с ним добрые отношения, навещали его в Перми, о чём после возвращения из ссылки М.М. Сперанский не забывал и покровительствовал семейству Лазаревых [13].

Обладая большим состоянием, начав свою предпринимательскую деятельность в России с основания шёлковых мануфактур, в 1770-х гг. Лазаревы направили свои интересы в сферу горного дела и вскоре превратились в крупнейших владельцев горнозаводских предприятий [14]. Предпринимательская, финансовая и политическая деятельность сблизила Ивана Лазарева – старшего из братьев – с влиятельными царедворцами России – Орловыми, Потёмкиным-Таврическим, Безбородко, Вяземским, Зубовым, Суворовым-Италийским, графом Румянцевым-Задунайским и др. [15].

Сравнительно немногочисленные армянские фамилии Петербурга и Москвы, особенно дворянская верхушка, были тесно связаны между собой родственными узами. Наиболее близкими родственниками Лазаревых были князья Абамелек, Арапетовы, Аргутинские, Деляновы, Сумбатовы. Породнившись с семьёй Абамелек Лазаревы укрепили свои политические связи с влиятельными грузинскими фамилиями в России.

Семья Абамелек переселилась в Россию на рубеже XVIII–XIX вв., была из рода священнослужителей, отличалась высокой образованностью и живым интересом к литературе и изящным искусствам. В 1871 г. скончался последний из мужского поколения рода Лазаревых – Христофор Екимович (1789–1871) и фамилия Лазаревых специальным указом в 1873 г. была передана генерал-майору Семёну Давыдовичу Абамелеку, женатому на дочери Христофора Екимовича Лазарева, т.е. Высочайше было дозволено принять фамилию тестя и именоваться впредь преемственно князем Абамелек-Лазаревым [16]. Абамелеки состояли в родстве с Грузинским Царским Домом – царевич Давид Георгиевич, старший сын последнего грузинского царя Георгия XII Багратиони, женился на Елене Семёновне Абамелек [17].

Братья Абамелек – Иван, Давид, Захарий, Георгий, Александр и Пётр – были приняты на российскую службу, избрав военное поприще. Из шести братьев наиболее известны старшие – Иван и Давид.

Иван Абамелек (1768–1828) служил начальником арсеналов в Киеве и Петербурге, ездил в Берлин для изучения отливки пушек и дослужился до звания лейб-гвардии артиллерии генерал-майора [18]. Незаурядным боевым офицером был и Давид Абамелек (1774–1833), который участвовал в многочисленных военных кампаниях и крупных сражениях России с Наполеоном, в Отечественной войне 1812 г. командовал лейб-гвардии гусарским полком. Активными участниками этой войны были и Лазаревы [19]. В период Отечественной войны 1812 г. армянские поселенцы проявили глубокий патриотизм, а высшие офицеры и генералы – Абамелек, Аргутинские, Ахшарумов (известен как первый историк Отечественной войны 1812 г.), Лазаревы, Меликов, Хастатов и др. – прославились.

Семён Давыдович Абамелек (1815–1888) согласно семейной традиции избрал военную карьеру, начав её в лейб-гвардии гусарском полку, где когда-то служили его братья, а командиром был отец. Семён Абамелек был товарищем М.Ю. Лермонтова по школе гвардейских юнкеров и по службе в полку. Их сблизало также и увлечение живописью. В 1859 г. он в чине генерал-майора вышел в отставку и всерьёз посвятил себя живописи.

Сестра Семёна Давыдовича, Анна Абамелек (1814–1889), в замужестве Баратынская, получила прекрасное образование, отличалась незаурядной красотой, любовью к литературе, была поэтессой-переводчицей, общественной деятельницей, почётной попечительницей ряда женских институтов в России. В 1832 г. Анна Давыдовна была назначена фрейлиной. Зная в совершенстве английский язык, она перевела ряд произведений А.С. Пушкина, Н.А. Некрасова, Ф.И. Тютчева и т. д. Анне Абамелек посвящали стихи П.А. Вяземский, И.П. Мятлев, И.И. Козлов и др.

Среди семейных реликвий князей Абамелек-Лазаревых бережно хранились два автографа великих русских поэтов: «В альбом княжны А.Д. Абамелек» А.С. Пушкина и «Последнее новоселье» М.Ю. Лермонтова, посвященные Анне Давыдовне Абамелек, что свидетельствует о том, что А.С. Пушкин и М.Ю. Лермонтов были хорошо знакомы с семьями Лазаревых и Абамелек. С семьёй Абамелек-Лазаревых был знаком и А.С. Грибоедов.

В стихах А.С. Пушкина «В альбом княж. А.Д. Абамелек» (1832 г.) мы читаем следующие строки [20]:

Когда-то (помню с умилением)
Я смел вас нянчить с восхищеньем,
Вы были дивное дитя.
Вы расцвели – с благоговеньем
вам ныне поклоняюсь я.
За вами сердцем и глазами
С невольным трепетом ношусь
И вашей славою и вами
Как нянька старая, горжусь.

Самый знаменитый в династии Абамелек-Лазаревых князь Семён Семёнович (1856–1916) был одним из богатейших людей России. Ему принадлежали золотые прииски и рудники на Урале, железорудные заводы, угольные и соляные копи. Родился в Москве, по линии отца принадлежал к роду Абамелеков, а по линии матери – к роду Лазаревых. В 1881 г. молодой князь окончил историко-филологический факультет Петербургского университета, служил в министерстве народного просвещения, защитил диссертацию, а позднее стал попечителем Лазаревского института восточных языков. Семён Абамелек-Лазарев был женат на дочери Павла Демидова и княгини Елены Трубецкой – Марии Павловне Демидовой – блестяще образованной женщине. Чету Абамелек-Лазаревых связывала тесная дружба с Татьяной Сухотиной-Толстой, дочерью Льва Николаевича Толстого. Князь С.С. Абамелек-Лазарев был лично знаком с Л.Н. Толстым, часто бывал у него в Ясной Поляне [21].

Семён Абамелек-Лазарев был крупным учёным, автором ряда работ по экономике России, истории горного дела. В 1881–1882 гг. вместе с художником В. Поленовым и профессором искусств Петербургского университета А. Праховым совершил путешествие по странам Средиземноморья. В Сирии участвовал в раскопках, где сделал крупное археологическое открытие – нашёл мраморную плиту, с надписью на греческом и арамейском языках, с помощью которой был позднее расшифрован древний арамейский язык [22].

В 1907 г. Семён Абамелек-Лазарев купил огромную виллу в исторической части Рима и согласно его завещанию, после смерти жены вилла должна была перейти в собственность Российской академии художеств с целью организации в ней пансиона для художников и скульпторов. В настоящее время там расположена резиденция Российского посла. Память С.С. Абамелек-Лазарева увековечили представители армянской диаспоры: на собранные ими средства на вилле установлен памятник князю, который много сделал для развития

российско-итальянских отношений [23]. Со смертью Семёна Семёновича Абамелек-Лазарева закончился род Лазаревых.

Представляя нарождавшуюся промышленную буржуазию, Лазаревы прекрасно видели необходимость распространения образования, его значимость для национально-освободительного движения и в жизни армянских колоний. Их просветительская деятельность выходила далеко за рамки благотворительности. Во многих своих имениях они построили школы и прекрасные в архитектурном отношении церкви. Армянское дворянство и буржуазия в России содействовали распространению просвещения, приобщению армянского юношества к науке и культуре.

В 1815 г. Иван Лазарев основал в Москве армянское училище, преобразованное в 1827 г. в Лазаревский институт восточных языков. В завещании, составленном 4 января 1800 г., он предписывал своему наследнику, младшему брату, Екиму, внести в опекунский совет 200 тыс. рублей ассигнациями, для строительства здания, «для воспитания и обучения бедных детей из армянской нации» [24]. Сразу после окончания Отечественной войны 1812 г. Еким Лазарев приступил к строительству учебного заведения в Москве, в районе, издавна заселённом армянами. За князьями Абамелек-Лазаревыми было закреплено право быть почётными попечителями Лазаревского института. Первым почётным попечителем стал Семён Давыдович Абамелек-Лазарев.

С момента возникновения это частное учебное училище было русско-армянским по контингенту учащихся. Учебный план предусматривал, помимо обычного курса русских гимназий, преподавание армянского языка, словесности и изучение восточных языков. Восточные языки были включены в программу по инициативе Лазаревых, т.к. они прекрасно сознавали их значение для России и для армян, большая часть которых находилась в пределах Персидской и Османской империй (Западная Армения – под властью султанской Турции, восточная – шахского Ирана). В течение короткого времени Лазаревский институт превратился в одно из наиболее значительных высших учебных заведений Москвы. В библиотеках Лазаревского института было собрано более 40 тыс. книг. При институте в 1829 г. была создана типография. Кстати, именно в типографии Лазаревского института в Москве в 1850 г. было опубликовано первое собрание сочинений Ф.М. Достоевского (в 2-х т). Среди посетителей Лазаревского института были известные государственные деятели, представители культуры, в частности, А.С. Грибоедов, И.К. Айвазовский и др. [25].

Лазаревский институт сыграл значительную роль в развитии отечественного востоковедения и армянской культуры. Московская школа

востоковедения сложилась усилиями профессуры Московского университета и Лазаревского института, единственного специализированного востоковедного учебного заведения, где изучались арабский, персидский, турецкий языки и три языка народов Закавказья (армянский, азербайджанский, грузинский), много позже и узбекский. Лазаревский институт восточных языков олицетворял пример русско-армянских культурных и научных связей [26]. В институте преподавали и вели научную работу известные учёные – академики Ф.Е. Корш, В.Ф. Миллер, профессора С.И. Назарянц, В.А. Гордлевский и др., получили образование Н.И. Ашмарин, В.А. Гордлевский, К.А. Мелик-Огаджанов, Б.В. Миллер, В.Ф. Минорский, В. Терьян, Т.М. Лорис-Меликов, А.Ф. Мясников, И.А. Зиновьев и т.д. [27]. Выдающийся художник-маринист И.К. Айвазовский, в знак благодарности за высокий уровень образования, предоставляемый учащимся в Лазаревском институте, в числе которых были и два его родных племянника, написал картину «Вид города Феодосия» и подарил её институту [28].

После революции октября 1917 г. Лазаревский институт был реорганизован в Институт востоковедения, который стал одним из ведущих в стране центров подготовки специалистов.

Портреты членов семьи Лазаревых-Абамелек нашли отражение и в изобразительном искусстве. Первые два поколения Лазаревых – Лазарь Назарович, его супруга, их второй сын с супругой представлены в четырёх портретах, написанных знаменитым крепостным художником графов Шереметьевых Иваном Петровичем Аргуновым [29]. Кисти профессора венской Академии художеств и члена Веронской академии Иоганна Баптиста Лампи-старшего. принадлежит «Портрет Ивана Лазаревича Лазарева». В 1789 г. Лампи-отец был приглашён командующим русской армией в русско-турецкой войне 1787–1791 гг. Г.А. Потёмкиным в Яссы, где живописец написал портрет екатерининского военачальника и ещё несколько портретов, в том числе молодого офицера, адъютанта командующего графа Артемия Ивановича Лазарева (1768–1791). В 1792 г. Лампи-отца пригласили в Петербург, где он работал несколько лет и оказал большое влияние на творчество ряда российских художников-портретистов. Среди его работ, выполненных в Петербурге, портреты Ивана Лазаревича Лазарева и графини Лазаревой [30]. Портрет Анны Давыдовны Абамелек (Баратынской) написал один из лучших акварелистов того времени Александр Павлович Брюллов [31]. Портреты членов семьи Лазаревых-Абамелек были представлены в творчестве крупных русских и иностранных живописцев (Аргунова, Тропинина, Мартоса и др.) а также в мемориальной скульптуре.

Таким образом, дворянская семья Абамелек-Лазаревых сыграла большую роль в истории армянского освободительного движения второй половины XVIII–XIX вв., в укреплении русско-армянских связей и внесла немалый вклад в общественно-политическую, экономическую и культурную жизнь Российской империи. Созданный ими Лазаревский институт восточных языков сыграл выдающуюся роль в развитии образования и способствовал подъёму науки и культуры в России.

Примечания

1. *Хачатрян А.Н.* Военно-исторический очерк. – Армянское войско в XVIII веке. Из истории армяно-русского военного содружества. Ереван, 1968. С. 16.
2. *Эзов Г. А.* Сношения Петра Великого с армянским народом. СПб., 1898. С. 256.
3. *Хачатрян Р.Г.* Русская историческая мысль XVIII в. и русская ориентация освободительного движения // Из истории вековой дружбы. Ереван, 1983. С. 44.
4. *Бархударян В.Б.* Армянские колонии в России и их роль в армяно-русских отношениях // Из истории вековой дружбы. Ереван, 1983. С. 124.
5. *Там же.* С. 125.
6. *Волкова Н.Г.* Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX вв. М., 1974.
7. *Бархударян В.Б.* Указ. соч. С. 126.
8. Сборник актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. Т. 1. М., 1983. С. 178–181.
9. *Бархударян В.Б.* Указ. соч. С. 129.
10. *Байбуртян В.А.* Армянская колония Новой Джульфы в XVII в. Ереван, 1969; Новая Джульфа (Нор Джуга) основана близ Исфагана в XVII в. армянами-переселенцами из старой Джульфы. Армянская торговая буржуазия Новой Джульфы играла важную роль в международной торговле.
11. *Иоаннисян А.Р.* Россия и армянское освободительное движение в 80-х годах XVIII столетия. Ереван, 1947; *Нерсисян М.* Из истории русско-армянских отношений. Кн. 1. Ереван, 1956; Лазаревы. Большая Советская энциклопедия URL: <http://slovari.yandex.ru> (Дата обращения: 14. 07. 2010).
12. *Базиянц А.П.* Над архивом Лазаревых. М., 1982. С. 60.
13. *Корф М.М.* Жизнь графа Сперанского. Т. 1. СПб, 1861. С. 82–83.
14. *Дилоян В.А.* Из истории общественно-политической деятельности Лазаревых (вторая половина XVIII в.). Ереван, 1966. С. 258–259.
15. *Базиянц А.П.* Указ соч. С. 5.
16. Абамелик-Лазаревы – Википедия. URL: <http://wikipedia.org/wiki> (Дата обращения: 14. 07. 2010).
17. Елена Семёновна Абамелек похоронена в Фёдоровской церкви Александро-Невской лавры; Базиянц А.П. Указ. соч. С. 6.
18. *Арешян С.Г.* Армянская печать и царская цензура. Ереван, 1957. С. 26.

19. *Нерсисян М.* Из истории русско-армянских отношений. Кн. 1. Ереван, 1956. С. 133–135.
20. *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений. В 10 т. Т. 3. М., 1963. С. 518.
21. Сокровища князей Абамелек-Лазаревых // Петербургский дневник. 2008. № 19 (179). <http://www.spbdnevnik.ru/?show=article&id=3422> (Дата обращения: 14. 07. 2010).
22. Там же.
23. Там же.
24. *Базиянц А.П.* Над архивом Лазаревых. М., 1982. С. 33.
25. Там же. С. 37.
26. Краткий очерк истории русской культуры с древнейших времён до 1917 г. Л., 1967. С. 342.
27. Формирование гуманистических традиций отечественного востоковедения. М., 1984; Шаститко П.М. События и судьбы. Из истории становления советского востоковедения. М., 1985.
28. *Базиянц А.П.* Лазаревский институт восточных языков (Исторический очерк). М., 1959; *Базиянц А.П.* Над архивом Лазаревых. М., 1982. С. 55.
29. *Селиванова Т.А.* Иван Петрович Аргунов. М., 1978. С. 64, 72–73.
30. *Базиянц А.П.* Указ. соч. С. 59–60.
31. Там же. С. 61.

А.В. Казаков (г. Нальчик)

О службе потомственных российских дворян адыгского (кабардинского) и абазинского происхождения

Вопрос включения горского дворянства в состав потомственного российского дворянства является слабо изученным и требует специального исследования.

В «Списке дворян, внесенных в дворянские родословные книги Ставропольской губернии, Терской и Кубанской областей с 1795 г. по 1 декабря 1912 г.», составленном Ставропольским дворянским депутатским собранием по «постановлению очередного губернского собрания, состоявшегося 16 декабря 1909 года» и увидевшем свет в Ставрополе в 1912 году, значится ряд фамилий адыгского (кабардинского) и абазинского происхождения. Это кабардинцы: Алтадуковы, Анзоровы, Абезывановы, Астемировы, Жогичевы, Куденетовы, Перхичевы, Тяжговы, Шардановы, Шипшевы; абазины: Аджиевы и Кмузовы, а также крещеные кавказцы с адыгскими корнями: Батыревы, Безоруковы, Гошокины, Дыдымовы, Медведевы и др. [1].

К сожалению, заслуги этих людей перед государством со временем оказались совершенно забытыми.

Необходимо отметить, что многие дворянские фамилии были внесены в дворянские родословные книги губерний по местам их проживания и приписки. В настоящей статье приводятся материалы, касающиеся российских дворян адыгского (кабардинского) и абазинского происхождения, проживавших в пределах Терской области и Ставропольской губернии.

«Аджиев Зураб Гучужиевич, штабс-ротмистр. Сын его Амфоко. Сыновья Амфоко: Магомет Мурза и Хаджи Мурза. Внесен 1852 г. января 11 дня и 1859 г. июня 30 дня. Утвержден 1852 г. мая 28 дня № 4984, и 1898 г. марта 27 № 1533. Внесен во 2 часть. Место жительства – в Пятигорске» [1, С. 2].

Аджиев Зураб Гучужиевич, родившийся 15.03.1828 г., по другим данным – 15.03.1829 г., умер не ранее 1890 г. в чине полковника и происходил из абазинских узденей 1-й степени (сословия агмиста). В первичное офицерское звание был произведен 08.08.1842 г., состоял во 2-й бригаде Кавказского Линейного казачьего войска. Особо отличился во время Восточной (Крымской) войны 1853-1856 гг., участник разоблачения турецкого агента. К 1872 г. проживал в Кубанской области в ауле Дударуковском Баталпашинского отдела и Пятигорском уезде [2, Ф. 262. Оп. 1. Д. 23. Л. 18]. На 1878 г. «подъесаул Хоперского конного полка Войска Кубанского командир сотни Аджиев Зураб Гучучиевич (так в тексте – *А.К.*), 15.03.1828 г.р. Имеет ордена Св. Станислава 2-й и 3-й ст.» [3, Ф. 396. Оп. 2. Д. 369. Л. 45-49]. На 1879 г. он – «есаул Хоперского казачьего Ее Императорского Высочества Великой княгини Анастасии Михайловны полка *Аджиев Зураб Гучуевич* (так в тексте – *А.К.*), 15.03.1829 г.р.» [3, Ф.396. Оп.2. Д. 373. Л. 39-44].

В «Списке потомственным дворянам не казачьего сословия, проживавшим и проживающим в Терской области, утвержденным в сем достоинстве Правительствующим Сенатом и записанным в дворянскую книгу Ставропольской губернии», составленном 31 декабря 1907 г. значится под «№ 4. *Аджиев Зураб Гучужиевич*, отставной полковник. Сын его подъесаул Амфоко, род. 12 февраля 1857 г. Сыновья сего последнего, рождения: Магомет-Мурза – 16 августа 1883 г. и Хаджи-Мурза – 4 января 1889 г. Какой местности дворянин – в гор. Пятигорске. Число, месяц, год и № указа Правительствующего Сената об утверждении в дворянстве – 28 мая 1852 года № 4992-й, 27 марта 1897 г. № 1533-й» [4, Ф.И-6. Оп.1. Д.748. Л. 56].

У Аджиева З.Г. были братья Шолох, Ильяс, которые не были возведены в российское дворянство [2, Ф.2. Оп.1. Д.111. Л. 217-об].

Сын полковника – *Аджиев хаджи-Амфоко Зурабович* (12.02.1857 г. – не ранее 1918 г.), есаул (к 1898 г.), в конце 70-х годов XIX века

состоял в службе в лейб-гвардии Кавказско-Горском эскадроне Собственного Его Императорского Величества Конвоя оруженосцем, юнкером. С производством в офицерский чин прикомандирован к Хоперскому казачьему полку Кубанского казачьего войска. На 15.12.1894 г. «подъесаул Аджиев Амфока Зурабович, имел знак «За службу в Собственном его Величества конвое», персидский орден Льва и Солнца 4-й ст., орден Св. Станислава 3-й ст.» [3, Ф. 396. Оп. 2. Д. 640. Л. 83-90].

В период Гражданской войны есаул Амфока Аджиев – начальник 4-го участка – пристав Черкесии «руководил мобилизацией в Черкесии, ревностно служил Деникину и с помощью своих сыновей – ротмистра Хаджи-Мурзы и корнета Измаила и сформировал 3-й Черкесский конный полк и часть 4-го» [7, С. 10-11; 3, Ф. Р-7. Оп. 2. Д. 155. Л. 5].

Сын его *Аджиев Измаил Амфокович* (? – не ранее 1920 г.), корнет (1919 г.), участник Гражданской войны с 1918 г. в чине прапорщика (к 1918 г.) в составе 2-го, позднее 3-го Черкесского конного полка, в 12.1919 г. – начальник пулеметной команды [8, С. 35].

Внесенный в «Список потомственных дворян...» за заслуги деда – полковника – *Аджиев Хаджи-Мурза Амфокович* (04.01.1889 г. – не ранее 1920 г.), полковник (1920 г.), окончил Елисаветградское кавалерийское училище, в 1911 г. был ротмистром 18-го драгунского полка. К 1914 г. отставной есаул Хоперского казачьего полка. С началом Первой мировой войны подготовил телеграмму: «15/9-1914 г. Командиру Кабардинского конного полка графу Воронцову-Дашкову из Баталпашина. Прошу зачисления Ваш полк. Я абазинского племени потомственный дворянин отставной Хоперского полка есаул Аджиев» [4, Ф. И-20. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 5].

После 1917 г. участник Белого движения, с 09.1918 г. – помощник командира 2-го (позднее 3-го) Черкесского конного полка, с 05.01.1920 г. командовал 3-м Черкесским конным полком, летом 1920 г. находился в Крыму в 1-м Лабинском казачьем полку ККВ. Награжден в числе 337 человек высшей наградой Русской Армии в Крыму – орденом Святителя Николая Чудотворца, учрежденного генералом Врангелем [8, С. 7, 35; 9, С. 20].

После Гражданской войны он оказался, так же, как и большинство офицеров, в эмиграции [10, С. 341].

«**Алтадуков Тепсоруко Хамурзович**. Дети его – сын Сагат-Гирей и дочери София и Фатемат. Внесен 1891 г. ноября 29 № 45. Утвержден 1882 г. февр. 24 № 1612. Внесен во 2 часть. Место жительства – в слободе Нальчик, Терской области» [1, С. 3].

Генерал-майор Алтадуков Т.Х. был произведен в потомственное российское дворянство как кавалер ордена Св. Георгия 4-й ст.

Сын генерала *Алтадуков (он же Алтудоков) Адиль-Гирей (он же Тута) Тепсарукович* (1894 – не ранее 1921 г.), корнет (к 12.10.1919 г.), в 1909 г. был причислен к Терскому областному правлению с откомандированием в распоряжение Владикавказского полицмейстера [11]. Участник Гражданской войны в составе белогвардейских частей. В 1920 г. эмигрировал в Турцию [12, Ф.10. Оп. 1. Д. 480. Л. 1].

Согласно «Списка муниципализированных строений в селениях Нальчикского округа КБАО на 1926 г. по сел. Чегем I» «имущество, принадлежавшее сыну генерала Алтадукова Тута Тепсаруковичу как контрреволюционеру, отступившему с белыми», обобществлено [4, Ф. Р-2. Оп.1. Д. 261. Л. 219-об].

Старший сын генерала *Алтадуков (он же Алтудоков) Сахат-Гирей Тепсарукович* (10.06/07.1880 г. – не ранее 08.1904 г.), корнет (10.08.1902 г.), из кабардинских беслен-уорк, сын генерала. Воспитывался во Втором Московском Императора Николая I кадетском корпусе. Назначен в эскадрон Николаевского кавалерийского училища, куда зачислен юнкером рядового звания 31.08.1900 г., произведен в унтер-офицеры 11.02.1902 г. По окончании курса наук по 2-му разряду, произведен в офицерский чин корнета 10.08.1902 г. и зачислен в 15-й драгунский Александрьевский полк. Находясь в отпуске по домашним обстоятельствам, заболел. Высочайшим приказом от 23.07.1904 г. в связи с тяжелой болезнью легких, уволен из армии и проживал в Большой Кабарде в слободе Нальчик [4, Ф. Р-1209. Оп. 5. Д. 31].

Генерал-майор (с 13.04.1890 г.) *Алтадуков Тепсаруко хаджи-Хамурзович* (он же Алтадоков, Алтудоков, Алтодоков Тепсоруко Хаджи-мурзович), род. 12.11.1832 г., ум. 02.06.1898 г.), происходил из кабардинских дворян. Родился в селении Куденетова-1, обучался в Нальчикской Горской школе. В службу поступил оруженосцем Лейб-гвардии Кавказско-Горского полуэскадрона Собственного Его Императорского Величества Конвоя 04.02.1850 г., юнкером с 12.12.1852 г. Произведен в офицерский чин корнета 11.03.1854 г. с зачислением по кавалерии и прикомандированием с 11.04.1854 г. к Образцовому кавалерийскому полку. Переведен в 15-й драгунский Тверской Его Императорского Высочества Великого князя Николая Николаевича-старшего полк с 12.07.1855 г., с 29.08.1862 г. – командир 4-го эскадрона этого полка. В Русско-турецкую (Крымскую или Восточную) войну 1853–1856 гг. участвовал в охране Балтийского побережья. Участник Кавказской войны в 1857–1864 гг. Произведен в поручики 12.11.1857 г., штабс-капитаны 19.09.1863 г., капитаны 17.10.1865 г. В чин майора произведен 05.03.1867 г. Награжден орденами Св.

Станислава 3-й ст. с мечами и бантом (24.02.1861 г.), Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом (12.10.1864 г.), Св. Станислава 2-й ст. с Императорской короной и мечами (30.08.1870 г.). С переименованием в войсковые старшины «с 5 марта 1867 по 5 октября 1877 года командующий 2-м Горско-Моздокским полком» Терского казачьего войска. С началом войны против турок «убыл командир 2-й Терской военно-артиллерийской казачьей батареи войсковой старшина Алтадуков и зачислен по Кубанскому казачьему войску» [18, С. 89-92; 19; 4, Ф.Р-1209. Оп.1. Д.57]. В период крестьянской и земельной реформы майору Тепсоруко Алтодукову Всемилоствейше пожаловано 532 десятины земли [5, 25-1-10, Л. 15-Об-16]. В Русско-турецкую войну 1877–1878 гг. с 16.06.1877 г. «Командуя 2-м Горско-Моздокским Терско-казачьим полком 23.10.1877 г. на Дево-Бойну оказал отличие в деле против турок». «За оказанное отличие в делах против турок при овладении неприятельской позицией на Дево-Бойну 23.10.1877 г.» награжден Военным орденом Святого Георгия 4-й ст. (09.06.1878 г.) [14, С. 346]. На той же войне награжден Золотой пашкой с надписью «За храбрость» (06.03.1879 г.) [15; 16, С. 21, 25; 17, С. 336, 510, 523; 18, С. 89-92]. Стал подполковником 14.05.1878 г., командовал 1-м льготным Горско-Моздокским казачьим полком, с 09.06.1880 г. – командир Сунженского полка, с 07.04.1882 г. – командир Горско-Моздокского конного полка ТКВ. За отличие по службе произведен в полковники 15.05.1883 г., с 17.03.1886 г. – командир 1-го Уманского конного (казачьего) полка ККВ. Награжден орденами Св. Владимира 3-й и 4-й ст., Св. Анны 2-й ст., персидским орденом Льва и Солнца 2-й ст., тремя медалями. С 13.04.1890 г. в отставке с производством в генерал-майоры с мундиром и «пенсией 1129 руб. в год» [18, С. 89-92; 19; 4, Ф.Р-1209. Оп.1. Д.57].

«**Анзоровы**, родные братья: Темир-Булат, прапорщик Мудар и Абубекир Кайсыновичи. Внесены 1903 г. января 8 № 35. Утверждены 1904 г. апреля 18 № 1881. Внесены во 2 часть. Место жительства – не указано» [1, С. 3]. Произведены они за заслуги отца – генерал-майора Анзорова Кайсына.

Анзоров Кайсын (он же Кайсун) Мисостович (06.10.1818–26.11.1885), генерал-майор (23.12.1879 г.), из кабардинских тлекогтлешей. Воспитывался в Павловском кадетском корпусе с 02.04.1830 г., по окончании которого «произведен в прапорщики 14.05.1835 г. с состоянием по кавалерии при Отдельном Кавказском корпусе и прикомандированием к Кубанскому казачьему полку с жалованьем по чину в 209 руб. 55 коп.». Прикомандирован 22.11.1842 г. к Кавказскому

казачьему полку (в станице Ладовская). Произведен в поручики 20.07.1848 г., штабс-капитаны – 12.07.1850 г. В апреле 1850 г. сотенный командир отличился «в делах при уничтожении Херписовского аула, благоразумении при переселении урупских кабардинцев с башильбаевцами на р. Большой Зеленчук», за что удостоен чина капитана 31.10.1850 г. (со старшинством с 05.10.1850 г.) [4, Ф. Р-1209. Оп. 1. Д. 34; 6, Ф. Р-1268. Оп.5. Д. 44]. Награжден орденами «за отличие против горцев – в экспедиции для истребления абадзехских аулов на р. Тах 25–28.01.1831 г.; истребления аула беглых кабардинцев, поселившихся на р. Псефар 04.03.1831 г.; для истребления абадзехского аула О Гумрей, лежащего у вершины р. Ходзь с 3 по 17.07.1831 г.; для истребления аула абадзехского старшины Барзаджева и охранения преданного нам абадзехского старшины Исмаила Хамыкова при переселении его со своими подвластными с реки Белой на Лабу и разорения аула Хошабль (вероятно Кошхабль – А.К.), в коем проживали кабардинские абреки с 5 по 17.09.1831 г.» Св. Станислава 4-й ст. (25.05.1830 г., по вторым данным – в 1836 г., по др. данным 25.05.1839 г.), Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом (09/19.09.1841 г., по другим данным с бантом в 1840 г.). Награжден орденом Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость». Награжден золотым оружием – саблей с надписью «За храбрость» (03.09/20.10.1848 г.) [2, Ф. 2. Оп. 1. Д. 111. Л. 48–48-об; 17, С. 222, 470, 483]. «Майор Анзоров прикомандирован к Горскому казачьему полку (станция Екатериноградская) 17.05/20.06.1851 г. по приказу Военного министра от 20 июня 1851 г. для несения службы наравне с другими азиатскими офицерами... состоит по кавалерии и прикомандирован к полку с 1851 г., а службу несет депутатом в Кабардинском окружном суде» [4, Ф. И-2. Оп. 1. Д. 9. Л. 3-об, 6, 7-об, 9]. «Горский казачий полк – 15.06.1852 г. – в полку из азиатцев (Екатериноград) капитан Анзоров». Назначен помощником (письмоводителем) экзекутора Большой Кабарды 23.05.1853 г. с жалованием 200 руб. серебром в год. Произведен в чин майора 31.09.1854 г. [4, Ф. И-16. Оп.1. Д. 1231. Л. 1; 2, Ф. 2. Оп.1. Д. 111. Л. 48–48-об]. В 1858 г. решался вопрос о назначении командиром Анапского горского полуэскадрона [4, И-7-1-33; 4, И-2-3-21, Л. 50-об]. Назначен депутатом Кабардинского окружного суда 17.09.1858 г. «Высочайшим приказом от 13.10.1860 г. отчислен от Горского казачьего полка с состоянием при Кавказской Армии. Присвоен чин подполковника 11.11.1860 г. С окладом по чину штабс-капитана – 94 руб. 25 коп. сер.» [4, Ф.И-2. Оп.3. Д.32. Т. 1. Л. 41–42, 55-об, 66-об, 70; 4, Ф.И-40. Оп.1. Д.4. Т. 1. Л. 13–14; 4,

Ф. И-40. Оп.1. Д. 43. Л. 26–27]. На 1860 г. состоял сверх штата при канцелярии Начальника Главного штаба [30, С. 63-64]. В 1864 г. в чине подполковника участвовал в подготовке «Ходатайства кабардинских князей, поданное Начальнику Терской области Лорис-Меликову о зачислении их в отряды, усмиряющие горцев» [4, Ф. И-1209. Оп.14-доп. Д.10. Л. 3]. Награжден орденами Св. Станислава 2-й ст. с мечами (13.10.1863 г.), Св. Владимира 4-й ст. с бантом (22.09/15.11.1864 г.), Св. Владимира 3-й ст. (28.09/28.10.1871 г.), Св. Станислава 1-й ст. (04.06/21.07.1883 г.), серебряной медалью за покорение Кавказа, крестом за службу на Кавказе, бронзовой медалью в честь военной кампании 1853–1856 гг., знаком и медалью за освобождение крестьянства (от крепостной зависимости), серебряной медалью в честь посещения в 1871 г. Императором Кавказа, бронзовой медалью в память 100-летия учреждения Военного ордена Св. Георгия (1874 г.). Получил Высочайшее благоволение (1853 г.) и «Высочайший подарок по чину – перстень с вензелем Его Величества». Утвержден в звании почетного Мирового судьи Владикавказского округа. Произведен 23.12.1879 г. в генерал-майоры с оставлением по армейской кавалерии [2, Ф. 2. Оп.1. Д.111. Л. 48; 20, С. 60]. В 1883 г. участвовал в Москве в качестве депутата от Кабарды в мероприятиях по коронации Императора Александра III. К 1885 г. являлся почетным мировым судьей Нальчикского округа. [4, Ф. И-6. Оп.1. Д. 92. Т. 1. Л. 99; 6, Ф.400. Оп.12. Д.15910. Л. 8–13].

Сын генерала *Анзоров Аубекир (он же Аубекир) Кайсынович* (05.07.1885–не ранее 1920 г.), капитан (к 1920 г.), на 1916 г. состоял членом комиссии Нальчикского округа [1, С. 3; 4, И-27-1- 62, Л. 1]. В 1920 г. эмигрировал [24, С. 177, 201; 23].

Анзоров Мудар Кайсынович (1880/20.08.1883–1927 г.), генерал-майор (09.04.1919 г.), сын генерала. Воспитывался в Симбирском кадетском корпусе, 31.08.1901 г. зачислен в эскадрон Николаевского кавалерийского училища. По окончании полного курса наук в училище Высочайшим приказом 10.08.1903 г. с переименованием в хорунжие переведен в Терско-Кубанский конный полк. За отличия в боях на Русско-японской войне 1904–1905 гг. награжден пятью орденами: Св. Георгия 4-й ст. (1907г.); Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость»; Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом; Св. Анны 2-й ст. с мечами; Св. Станислава 2-й ст. с мечами, Золотым оружием с надписью «За храбрость» – 12.03.1906 г. [17, С. 373, 526]. На 16.03.1911 г. – младший офицер 18-го драгунского Северского полка. В Первую мировую войну в 18-м драгунском полку, позднее – в Татарском конном полку

Кавказской Туземной конной дивизии. В чине штабс-ротмистра за отличие в боях награжден орденом Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом [21; 22]. Высочайшим приказом от 13 декабря 1916 г. произведен в чин подполковника [24, С. 27, 28, 38, 43, 177, 179, 201]. С лета 1918 г. состоял в Белой армии, в конце 1918 г. присвоен чин полковника. С весны по осень 1919 г. – командир 1-й бригады Кабардинской конной дивизии и временно исполнял дела начальника дивизии, в 09.04.1919 г. присвоен чин генерал-майора, на 05.10.1919 г. – начальник Кабардинской конной дивизии. Дважды ранен. Эмигрировал из Крыма в Сирию [8, С. 47; 6, 16096-1-12, Л. 8–17-06; 2, 2-1-111, Л. 48; 4, И-20-1-5 Т. 1, Л. 171; 23; 14, С. 358; 50, С. 462, 625, 658; 9, С. 20, 230; 116, С. 29; 32, С. 311-314; 25, С. 161].

Анзоров Темирбулат (он же Тембот) Кайсынович (27.12.1861 г. – не ранее 1920 г.), поручик (к 1919 г.), из кабардинских дворян, сын генерала. Был внесен 13.04.1904 г. в «Список потомственных дворян неказачьего сословия, проживавших и проживающих в Терской области, утвержденных в сем дворянстве Правительственным сенатом и записанных в дворянскую родословную книгу Ставропольской губернии» [1, С. 3]. В 17-ти летнем возрасте в качестве урядника Кабардино-Горского конно-иррегулярного полка с 15.06 по 15.11.1878 г. находился «в Азиатской Турции» на русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Зачислен оруженосцем в лейб-гвардии Кавказско-Горский эскадрон Собственного Его Императорского Величества Конвоя с 06.02.1879 г. Произведен в юнкера 04.09.1881 г., в офицерский чин прапорщика милиции 08.10.1881 г. и зачислен на службу в Терскую постоянную милицию 01.09.1890 г., помощником командира 1-й сотни Терской постоянной милиции в Нальчикском округе с 24.02.1892 г. Прикомандирован к 1-му Кизлярско-Гребенскому полку 20.04/14.08.1900 г. [2, Ф.54.Оп.1. Д.292. Л. 14]. Назначен членом комиссии земства по воинской повинности участка Нальчикского округа, прикомандирован ко 2-му Горско-Моздокскому полку 16.02.1905 г., вновь к 1-му Кизлярско-Гребенскому полку 22.12.1906 г. [2, Ф.2. Оп.1. Д.292. Л. 13–16, 23, 24, 26, 32]. На 09.1911 г. командир 1-й сотни Терской постоянной милиции. Утвержден в звании директора Нальчикского отдела «Комитета общества попечительства о тюрьмах». Награжден орденом Св. Станислава 3-й ст. (1913 г.). На 1914 г. прапорщик Тембот Анзоров, с. Кайсын-Анзорово числится в составе Кизлярско-Гребенского полка ТКВ [4, Ф.И-6.Оп.1 Д.887, Л. 6]. В Первую мировую войну с 06.03.1915 г. в составе Кабардинского конного полка. Награжден орденом Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом (1915 г.). Произведен в подпоручики (12.05.1917 г.)

[4, Ф.И-20 Оп.Д.1-21, Л. 141, 229]. В Гражданскую войну в чине поручика (к 09.1919 г.) состоял в Кабардинской конной дивизии. Был женат на вдове генерал-майора Алтадукова – урожденной кн. Тлостаналиевой Хамсат (Хамсаде) Ахловне. С 1920 г. в эмиграции [4, Ф.И-6 Оп.1 Д.264. Там же. Д. 170. Там же. Ф. И-20 Оп.1 Д.5 Т. 1. Л. 202–202-об. Там же. Р-1209-5-35, Л. 8. Там же. Д. 39, Л. 1; 6, Ф.400. Оп.12. Д.25756. Л. 171–174. Там же. Ф. 400. Оп.9. Д.36158; 24, С. 165; 50, С. 629; 2, Ф.54. Оп.1. Д.429, Л. 2-об–3. Там же.Д. 1815. Там же. Ф.1815. Оп.2. Д.292. Л. 13–16, 23–24, 26, 32. Там же, Ф.2. Оп.1. Д.492. Л. 1–10]. В 1888 г. был включен в «Список лиц, избранных обществами Большой и Малой Кабарды и Горских обществ Нальчикского округа к участию в сотне, сформированной для встречи Государя Императора Александра III, находившегося в поездке по Северному Кавказу» [4, Ф.И-6 Оп.1 Д.130. Л. 59].

Абезыванов Хуцу (так в тексте. – А.К.) **Хусынович**. Отставной капитан. Сыновья его: Камбулат и Тембулат. Внесены 1893 г. ноября 19 № 49. Утверждены 1894 г. марта 31 № 2398. Внесены в 3 часть. Место жительства – в слободе Нальчик, Терской области [1, С. 4].

Абезыванов Хацу Хусынович (1825/1828–не ранее 1894 г.), капитан милиции (к 1892 г.), из кабардинских дворян. Служил в Кавказско-Горском конном дивизионе в Варшаве. В офицерском чине прапорщика с 20.04.1849 г., в следующий чин корнета произведен 16.09.1849 г. [4, Ф.И-16 Оп.1 Д.13]. В апреле 1850 г. отличился «в делах при уничтожении Херписовского аула, благоразумии при переселении урупских кабардинцев с башильбаевцами на р. Большой Зеленчук», за что удостоен ордена Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» (04.02.1852 г.) [4, Ф.Р-1209.Оп.14. Д.34; 6, Ф.Р-1268. Оп.5. Д.44]. «Корнет Хацу Абезыванов, в офицерском звании с 19 сентября 1849 года, имеет орден Св. Анны 4-й ст. «За храбрость». Жалованья и прочего содержания не получает. Этому офицеру постоянно поручается караул милиции, а также, кроме того, возложено на него охранение верховья Малковской дистанции, и он исполняет эти обязанности с полным усердием и много содействует кордонной страже в отражении и преследовании хищников. Последняя награда – жалованье на 3 года, в год 209 руб. 55 коп. серебром на основании Высочайшего повеления, состоявшегося в 10-й день января 1854 года, объявленного в приказе по корпусу 1-го марта того же года № 37, но такового теперь не получает по случаю истечения срока. Испрашиваемая награда – следующий чин подпоручика» [4, Ф.И-2. Оп.1 Д. 5. Л. 47-об-48, 59]. Произведен в подпоручики 04.08.1858 г., поручики с 20.03/20.04.1867 г. За ак-

тивное участие в крестьянской реформе награжден единовременно 200 руб. серебром (1869 г.). К 1869 г. исполнял дела Начальника Кабардинской кордонной линии [4, Ф.И-3. Оп.1 Д.94. Л. 11. Там же. Ф.И-6. Оп.2 Д.3. Л. 8]. К 12.03.1874 г. – командир 1-й сотни Терской постоянной милиции, представлен к награждению орденом Св. Анны 3-й ст. для нехристиан установленным [4, Ф.И-3 Оп.1 Д.157, Л. 13-об]. В период аграрной реформы коннозаводчику «поручику Хацу Абезыванову Всемиловейше пожаловано 350 десятин» [5, Ф.25 Оп.1 Д.10. Л. 10-об-11], в Большой Кабарде, которые перешли к Султан Тохтамыш-Гирею [4, Ф.И-2 Оп.1. Д.245, Л. 65. Там же. Ф.И-2 Оп.3 Д.4. Л.132–136; 2, Ф.12. Оп. 4. Д.29. Л. 10, 14, 14-об. Там же. Ф.12. Оп. 4 Д. 43. Л. 26]. «24 марта 1892 г. Канцелярия Начальника Терской области и Наказного атамана Терского казачьего войска Начальнику Нальчикского округа. Копию с грамоты на орден Св. Владимира 4-й ст. Всемиловейше пожалованной в 1881 году штабс-капитану милиции Хацу Абезыванову при сем препровождая, канцелярия просит выдать таковую названному Хацу Абезыванову» [4, Ф.И-6. Оп.1 Д.247. Л. 46]. К 1894 г. – в отставке. К 1883 г. являлся старшиной аула Конова. В 1888 г. был выбран для встречи Императора в ходе его поездки по Северному Кавказу. «Прикомандированный к 1-й сотне Терской постоянной милиции командир 12-й сотни тайной милиции поручик Абезыванов» в 1868 г. [4, Ф.И-6. Оп.1 Д.1, Л. 12-об. Там же. Д. 264. Там же. Ф.И-40. Оп.1 Д.18. Л. 92. Там же. Ф.И-2. Оп.1. Д.5. Л. 26–28, 59. Там же.Д. 245, Л. 107, 108. Там же. Д. 311, Л. 13-об. Там же. Д. 42, Л. 25. Там же. Ф.И-16 Оп. 1 Д.928. Л. 39-39-об. Там же. Д. 1889. Л. 3. Там же. Ф.И-3 Оп.1. Д.157. Л. 13-об. Там же. Д. 4. Там же. Д. 94; 47; 48, С. 141-143].

Сын капитана *«Абезыванов Темир Булат Хацуевич*, 1870 г.р., урож. Баксанского р-на, с. Куркужин; кабардинец, грамотный; место проживания: города Ново-Пятигорска, арестован 15.04.1931 г., 09.05.1931 г. освобожден» [4, И-43-1-4, Л. 1, 11; 49].

Потомки подполковника *Эдыка Астемирова*, возведенные в дворянство за его заслуги – **«Астемиров Хакяш Эдыкович**, юнкер, племянники его, сыновья родного брата Измаила – Албаксит, Адиль Гирей, Магомет Гирей и Аслан Гирей. Сын юнкера Хакяша – Магомет Мурза. Сын Албаксита Измаиловича – Давлет Гирей, и сыновья Адиль Гирея Измаиловича: Асланбек и Хасанби. Внесены 1894 г. ноября 29 № 71. Утверждены 1895 г. июля 17 № 3112. Внесены в 3 часть. Место жительства – не указано» [1, С. 4].

Жогишев, Султанбек (он же Сосланбек), штабс-ротмистр. Сыновья его: Хакяш, Магомет, Кургоко, Каирбек и дочь Хани. Внесены

1890 г. июля 12 № 36. Утверждены 1891 г. июня 14 № 4408. Внесены в 3 часть. Место жительства – в Нальчике, Терской области [1, С. 28].

Жогишев Глостанбек (он же Жагышев Глостамбек, Жагишев, Жыгышев Сосланбек, Загишев Султан-Бек) хаджи-Алиевич (14.02.1826/1827/1832–не ранее 1907 г.), штабс-ротмистр (1886 г., по другим данным – ротмистр к 1907 г.), из малокабардинских дворян, родился в ауле отца – Али Жагишева. В лейб-гвардии Кавказско-горского полускадрона Собственного Его Императорского Величества Конвоя состоял оруженосцем с 06.04.1851 г., юнкером с 14.03.1854 г. Награжден серебряной медалью «За службу в конвое Государя Императора Николая Павловича» для ношения на шее на Аннинской ленте (14.04.1855 г.), бронзовой медалью «В память войны 1853–56 гг.» на Андреевской ленте. Участник Крымской (Восточной) войны 1853–1856 гг. Произведен в офицерское звание корнета 01.05.1855 г. с зачислением по кавалерии. Назначен словесным переводчиком в Управление Кабардинского округа с 19.10.1858 г. [4, Ф.И-2. Оп.3. Д.21, Л. 50-об, 57, 57-об]. Награжден серебряной медалью «За покорение Чечни и Дагестана» (1859), орденом Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» (17.10/13.12.1860 г.), крестом «За службу на Кавказе». Произведен в подпоручики 11.03.1864 г. (по другим данным – 08.06.1868 г.), поручики к 1872 г. (по др. данным с 24.03/24.09.1880 г.). «За отлично усердную службу Всемилостивейше награжден одновременно 200 руб. серебром, о чем объявлено приказом по Кавказскому военному округу 21.01.1870 г. № 260. Достоин производства в чин поручика. 17.02.1878 г.» Назначен командиром 1-й сотни Терской постоянной милиции с 01.09.1874 г., позднее командиром 3-й сотни Терской постоянной милиции. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., награжден бронзовой медалью «В память войны 1877–1878» [2, Ф.15 Оп.1 Д.214. Л. 49-об–50, 86-87, 104. Там же. 12-4-29. Л. 15, 15-об; 4, Ф.И-6. Оп.1 Д.43, Л. 16-об]. На 1871/1872 г. «Заурбек Жогишев, 35 лет, Малой Кабарды. Происходит из узденей (тлакотлеш). За неграмотностью расписался родной брат подпоручик Жогишев»... Из «Посемейного списка жителю 3-го участка Георгиевского округа подпоручику Султанбеку Жогишеву, происходящему из узденей (тлакотлеш). Подпоручик Султанбек Жогишев, 40 лет от роду, сын его Кургоко, 2 года. Собственноручно по-русски расписался подпоручик Жогишев» [3, Ф.348. Оп.1 Д.7. Л. 46, 59]. Награжден за выслугу 25 лет в офицерских чинах орденом Св. Владимира 4-й ст. с бантом и надписью «25» (22.09.1882 г.) [ЦГА КБР, Ф. И-6. Оп. 1. Д. 143. Там же. Д. 149. Л. 34–34-об. Там же. Д. 170. Там же, Ф.Р-1209. Оп. 14. Д. 51]. Подпору-

чику Султанбеку Жогишеву «Всемилостивейше пожаловано 300 десятин» [5, Ф. 25. Оп.1 Д.10, Л. 25-об–26; 51, С. 4, 15; 4, Ф.И-40 Оп.1. Д.3 Т. 2]. Из «Списка лиц, имеющих право участия в выборах в Государственную Думу на съезде уездных землевладельцев», усматривается, что идет под «№ 91. Ротмистр Жогишев Султан-бек Алиевич – с. Муртазово» [4, Ф. И-43 Оп.1 Д.4, Л. 15].

Кмузов Нарык, поручик. Сын его – Хаджи-Бек. [Внесены] 1867 г. августа 9. Утверждены 1871 г. января 22 № 397. Внесены во 2 часть. Место жительства – в ст. Баталпашинской, Кубанской области [1, С. 38].

Поручик *Кмузов (он же Кумызов, Кмузов) Нарык* (?–не ранее 1867 г.), из абазинских дворян, в чине прапорщика с 27.06.1844 г., поручика – с 1848 г. По другим данным проживал близ Пятигорска, в Лоовском ауле на р. Куме. С сыном его штабс-капитаном Ботом Кмузовым было отмежевано в Кубанской области 1500 десятин земли [4, Ф.Р-1209-7: Д. 26, Л. 42; Д. 28, Л. 85; Д. 29, Л. 26-27]. Сыновья: Бот (воспитывался в Дворянском полку), Хаджи-Бек (обучался в Ставропольской гимназии) [4: Ф.И-16. Оп.1. Д.1607. Л. 23. Там же. Ф.И-6. Оп. 1. Д.143. Там же, Д. 149, Л. 34–34-об. Там же, Д. 170. Там же, Ф.Р-1209 Оп. 14.Д.51; 35, С. 265; 3, Ф.574. Оп.1. Д. 518. Л. 37. Там же. Д. 607, Л. 239-Об–241].

Куденетов Карашай Камботович, отставной полковник. Дети его: дочери Хаджет и Таужан и сын Таусултан. Внесены 1894 г. декабря 16 дня. № 72. Утверждены 1895 г. июля 5 дня. № 2724. Внесены во 2 часть. Место жительства – в сел. Куденетово, Терской области» [1, С. 40].

Куденетов Карашай (он же Карачай) Камботович (Камбулатович) род. в 1839/1840/1843–1920 г.), полковник (06.10.1888), из кабардинских первостепенных дворян, сын капитана. Воспитывался в Ставропольской гимназии [4, Ф.Р-1209. Оп.7. Оп.99]. Состоял в лейб-гвардии Кавказско-Горском эскадроне Собственного Его Императорского Величества Конвоя состоял оруженосцем, юнкером с 16.12.1861 г. [36, С. 55, 71]. Произведен в прапорщики 06.12.1864 г. с прикомандированием к 77-му пехотному Тенгинскому полку. Служил в 17-м драгунском Северского короля Датского Христиана IX полку с 01.07.1869 г., произведен в поручики 02.03.1870 г., адъютант полка с 04.11.1870 г., командир 4-го эскадрона, штабс-капитан с 10.04.1876 г. Награжден орденом Св. Станислава 3-й ст. для нехристиан (22.09.1871). В качестве субалтерн-офицера участвовал в составе Кабардино-Кумыкского конно-иррегулярного полка в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. с 15.02 по 20.08.1877 г., произве-

ден в капитаны «за отличие в делах против турок» во время Русско-турецкой войны 30.08.1877 г., награжден «за отличное мужество и храбрость, оказанные в делах и перестрелках с турками» награжден орденом Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом для нехристиан установленным (05.10.1877). 16.07.1877 г. в сражении с турками у горы Большой Ягни ранен в правую голень ружейной пулей [2, 15-1-228, Л. 115–120]. Переведен 27.05.1879 г. в лейб-гвардии Кавказско-Горский эскадрон Собственного Его Императорского Величества Конвоя в чине капитана. Прикомандирован к драгунскому Северскому короля Датского Христиана IX полку в чине ротмистра. С 08.10.1881 г. – в лейб-гвардии Кавказско-горском эскадроне Собственного Его Императорского Величества Конвое в чине подполковника по армейской кавалерии. В 1888 г. вышел в запас с присвоением следующего чина полковника. В 1888 г. был выбран для встречи Императора в ходе его поездки по Северному Кавказу. С 18.09.1892 г. в отставке с «пенсией 1800 руб. и эмиратурой 288 руб.» [2, Ф.15. Оп.1. Д.228. Л. 115; 4, Ф.И-6. Оп.1. Д.181. Там же. Д. 241. Там же. Д. 264. Там же. Ф.Р-197. Оп.1. Д.35, Л. 57–59-об. Там же. Ф.И-6. Оп.1. Д. 914 Т. 2, Л. 202–203]. В 1898 г. «В Высочайшем приказе по военному ведомству от 6 октября объявлено, что Государь Император Всемиловейше соизволил пожаловать ордена: Св. Анны 2-й ст. ...»... «присутствия по военно-конской повинности, Нальчикского округа, члена полковника Карашая Камботовича Куденетова» [44; 52, С. 279].

В период аграрной реформы отцу – капитану Камботу, его детям – будущему юнкеру Мурзабеку, будущему полковнику Карашаю, будущему прапорщику милиции Жантемиру и будущему генерал-майору Жанхоту Куденетовым, Всемиловейше пожаловано 1078 десятин» [5, Ф.25. Оп.1. Д.10. Л. 2-Об-3]. В 1919 г. 80-летний полковник в отставке Куденетов Карашай Камбулатович (Камботович) проживал в с. Куденетово-1, Нальчикского округа Терской области, умер в 1920 г. [4, Ф.Р-197. Оп.1. Д.35. Л. 57–59-об].

«**Перхичев Кургоки Мирзоевич**, подпоручик. Внесен 1831 г. сентября 29 дня. Внесен во 2 часть. Место жительства – в Моздокском округе» [1, С. 61].

Перхичев Кургоко (Корсоко) Мирзович (1767 г. – не ранее 1833 г.), подпоручик (к 1825 г.), из малокабардинских дворян. К 1809 г. – заседатель Моздокского пограничного суда. Проживал в Малой Кабарде. Высочайшим Сенатом от 02.04.1801 г. утвержден в российском дворянстве с 21.04.1785 г. Повторно признан в дворянстве 29.09.1831 г. Был женат. Сын Асламбек, 1809 г.р. [33, С. 237, 308; 43, Ф. 2. Оп.1. Д.1649. Л. 24-26].

«**Тяжговы**, сыновья умершего подполковника Магомета – Исмаил и Атажуко. Дети Исмаила: сыновья: Алихан и Камбулат и дочь Моржан. Внесены 1895 г. сентября 30 дня. № 45. Утверждены 1897 г. апреля 30 дня. № 1766. Внесены в 3 часть. Место жительства – сел. Атажукина 3-го, Нальчикского округа Терской области» [1, С. 79].

Тяжгов Магомет (1810–не ранее 1887 г.), подполковник (01.08.1871), из кабардинских беслен-уорков. «Русскую грамоту читать и писать не знает». В службу вступил казаком в Волгский казачий полк 22.03.1828/21.08.1828 г., урядник с 23.06.1831 г. В офицерский чин хорунжего произведен 03.08.1838 г., сотник с 10.09.1842 г. «За оказанное отличие в 1843 г. при отражении огромной партии от станицы Бекешевской, пожалован орденом Св. Станислава 3-й ст. с мечами (29.05.1843/23.03.1844 г.). Переведен на службу в Оренбургское казачье войско» с зачислением в 3-й полк 03.08.1845/01.10.1845 г. Произведен в есаулы 11.04.1847 г. и «по Высочайшему повелению переведен из Оренбургского казачьего войска в один из Волгских казачьих полков с прикомандированием на Черноморскую береговую линию 10.05.1847 г. Откомандирован во 2-й Волгский казачий полк 14.08.1847 г. «За оказанное отличие в 29 день января 1847 года» награжден орденом Св. Анны 3-й ст. с бантом (29.01.1848 г.), «за оказанное отличие и храбрость в том же году» награжден орденом: Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (23.09.1848/1852 г.). «За оказанное отличие в 1851 году произведен войсковые старшины 03.03.1852 г. со старшинством с 14.05.1851 г. и за таковое отличие, оказанное в том же году, награжден орденом Св. Анны 2-й ст. с мечами (30.09.1851/28.10.1852)». Переведен 26.04.1854 г. в Горский казачий полк (станция Екатериноградская), 6-й бригаде Кавказского Личейного казачьего войска. Получил Высочайшее благоволение 18.12.1856 г. [2, Ф.2. Оп.1. Д.105, Л. 16-об. Там же. Д. 111, Л. 38–38-об; 4, Ф.Р-1209. Оп.13. Д.50. Л. 3; 6, Ф.Р-1058. Оп.1. Д.172. Л. 101-192]. Исключен из казачьего сословия с переименованием в майоры 07.06.1863 г. Проживал в поселке Тяжгова при станице Павловской в Ставропольской губернии, в 1861 г. получено разрешение о переселении в Кабарду в аул ротмистра Хасанби Атажукина (Атажукина-III). В отставке с 01.08.1871 г. «За прослужение узаконенных лет в действительной службе, на основании Высочайшего приказа, состоявшегося 1.8.1871 г. назначен пенсией из Пятигорского уездного казначейства...». «Находился в делах и походах в 1828, 1831, 1843, 1847, 1850, 1851, 1854 годах» [3, Ф.348. Оп.1. Д.7. Л. 371-372]. Братья прапорщик Карашай, Ибрагим и Генардуко также были казаками ста-

ницы Бабуковской [4, Ф.И-3. Оп.1. Д.135-а. Там же. Д. 314. Там же. Ф.И-2. Оп.1. Д.529. Л. 1–14. Там же. Ф.Р-1209. Оп.7. Д.32. Там же. Ф.И-40. Оп.1. Д.757. Л. 117–117-об, 118–118-об; 2, 13-1-946, Л. 1–2, 32, 40–44. Там же, 53-1-57, Л. 32–33. Там же, 2-1-110, Л. 10-Об; 28, С. 109, 110]. Подполковнику Тяжгову Всемилоостивейше пожаловано 300 десятин [5, Ф.25. Оп.1. Д.10. Л. 11-Об–12].

«Шарданов Якуб Магометович, подполковник. Дети его: сыновья – Магомед, Бек-Мурза и Аслан-Бек и дочери Гоаша, Фиредау, Каосер и Рукоят. Сыновья Магомета: Мусса, Темир-Хан и Адиль-Гирей. Сыновья Бек-Мурзы: Батарбек и Исмаил. Сын подполковника Якуба – Жамбот, а у него сыновья: Асхад и Исмаил. Сын Магомета Якубовича – Хан-Гирей. Сыновья Аслан-Бека Якубовича: Мурат и Косым. Сыновья Мурата Асланбековича: Магомед и Гумар. Внесены 1822 г. мая 10, 1825 г. декабря 10 дня и 1857 г. мая 30. Утверждены 1858 г. апреля 29 № 2879. Внесены во 2 часть. Место жительства – не известно» [1, С. 89].

Шарданов Якуб-хаджи Магомедович (1788–05.1849/03.05.1850), подполковник (11.09.1846), из кабардинских уорк-шауотлухус князей Бекмурзиных. Поручик с 15.12.1809 г., исполнял обязанности дефтердара (секретаря-делопроизводителя) при главном князе (вали) Кабарды. Владел несколькими восточными языками. В составе посольства России в 1817 г. находился в Персии и награжден орденом Льва и Солнца 2-й ст. на зеленой ленте (07.01.1818 г.). Произведен в чин капитана 30.12.1817 г. С 1822 г. – секретарь Кабардинского временного суда, майор с 12.02/19.12.1828 г. [4, Ф. И-2. Оп.1. Д.42.Л. 65-об, 92. Там же. Ф.И-16. Оп.1. Д.2. Л. 15, 35. Там же. Д. 61, Л. 35]. Награжден орденом св. Анны 3-й степени (15.12.1838 г.) [4, Ф.И-16. Оп.1. Д.282, Л. 1–7]. Представлен 11.09.1846 г. к производству из майоров в следующий чин «за отличия в делах по отражению вторжения Шамиля в Кабарду». Выступал с проектами в интересах народа, против произвола крупных феодалов и всеилия духовенства. Подготовил записки «Постановление о сословиях в Кабарде», «Записка об обычном праве», «О принадлежности земель в Кабарде», «Об управлении Кабардой», «Народное условие, сделанное 1807 года июля 10-го, после прекращения в Кабарде заразы, в отмену прежних обычаев». Участвовал в подготовке «Полного собрания кабардинских древних обрядов». Проживал в Кабарде в собственном ауле на р. Шалушка [4, Ф.И-2. Оп.3. Д.21, Л. 116-об. Там же. Ф.И-16. Оп.1. Д.13. Там же. Д. 928, Л. 38–38-об; 33, С. 229, 266, 269, 342, 353, 354; 33; 45, С. 394; 53, С. 83–120; 5, 25-1-25, Л. 24-25]. «Чтобы подорвать вредную власть духовенства, Ермо-

лов учредил в укреплении Нальчик временный кабардинский суд. Он поручил с этой целью состоявшему при нем уроженцу Кабарды капитану Якубу Шарданову составить записку о кабардинских народных обычаях и о существовании бывшего в Кабарде управления и, положив эту записку в основу суда, восстановил в нем исконные обычаи народа. Для наблюдения же за правильным действием его назначен был особый русский чиновник» [26, Т. 2, 324-325].

Шипшев Темирхан Актолович. Утвержден в дворянстве 09.12.1893 г. за № 96 и внесен 26.07.1894 г. за № 4607 в «Список потомственных дворян неказачьего сословия, проживавших и проживающих в Терской области, утвержденных в сем дворянстве Правительственным сенатом и записанных в дворянскую родословную книгу Ставропольской губернии вместе с женой, сыновьями Жебоги (Шебаох), Хаджи-Касполатом, Азраилем и дочерью Кябахан» [1, С. 90].

Шипшев Темирхан (Темиркан, Темир-Хан) Актолович (1830–1905 гг.), генерал-лейтенант (17.09.1892), из кабардинских уорк-дигинуго. Сын юнкера милиции. После окончания Второго кадетского корпуса в 1847 г. с производством в офицерский чин корнета 14.08.1847 г. прикомандирован к уланскому Его Императорского Высочества Августейшего Государя наместника Великого князя Михаила Николаевича полку. Произведен в поручики 23.10.1850 г., штабс-ротмистры 12.12.1853 г. Переведен в Нарвский гусарский полк 11.11.1855 г. и, «не прибывая к полку, по собственному желанию, командирован в числе охотников к пехотным полкам в Крыму находящимся ... командовал 12-ю егерской ротой с 5 января по 25 апреля 1856 г. Назначен командующим 7-м эскадроном, по реформировании полка назначен командовать 2-м эскадроном» 18.12.1856 г. Произведен в ротмистры 14.06.1859 г. В 1860-1861 гг. в чине капитана исполнял должность участкового начальника Черекского участка Большой Кабарды, пом. начальника Кабардинского округа. 18.05.1862 г. назначен командующим Кубанским конно-иррегулярным эскадроном, награжден орденом Св. Станислава 3-й ст. (19.10.1862 г.), «за отличие против горцев» – орденом Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом (09.02.1863). Назначен начальником Шапсугского округа 03.11.1863 г. (фактически управлял Шапсугским округом с 04.05.1863 по 01.10.1864 гг.). Командовал летучим отрядом. «За отличие против горцев» произведен в майоры 1863/19.03.1864 г., «по случаю выселения жителей названного округа в Турцию назначен состоять при Кавказской армии 15.11.1864 г. Назначен командиром 13-го конного полка Кубанского казачьего войска 29.05.1866 г. «За отличие против горцев» произве-

ден в подполковники 26.08.1866 г. «За отлично-усердную и ревностную службу награжден орденом Св. Станислава 2-й ст. (30.08.1870 г.). Назначен командиром 1-го Уманского полка Кубанского казачьего войска с 24.03.1871 г. «За отличие по службе произведен в полковники 30.08.1873 г.». «За 25-летнюю беспорочную службу» награжден орденом Св. Владимира 4-й ст. с бантом (24.02.1874 г.). В 1877–1878 гг. участвовал в Русско-турецкой войне в качестве командира 1-го Уманского полка. «За отличия, оказанные в апреле, мае и июне 1877 г.» награжден орденом Св. Анны 2-й степени с мечами для нехристиан установленным (17.12.1877 г.), «за дела 4, 9, 15 и 22 июня 1877 г.» – золотым оружием – шашкой с надписью «За храбрость» (19.05.1878 г.). «За отличие, оказанное в делах с турками 16, 18 и 22 июля 1877 г.» награжден орденом Св. Владимира 3-й степени (20.09.1880), а «за отличные воинские подвиги, оказанные 24 июля 1877 г. при с. Халфалю» – орденом Св. Георгия 4-й ст. (для нехристиан установленный 24.03.1880 г.). Шахом персидским пожалован орден Льва и Солнца 2-й ст. со звездой (на принятие и ношение которого последовало Высочайшее разрешение 29.07.1880 г.). Назначен состоять при Кавказской армии с оставлением по армейской кавалерии 17.02.1881 г. Зачислен в Уманский конный полк ККВ с оставлением по армейской кавалерии и при войсках Кавказского военного округа 10.04.1882 г. В 1885 г. – почетный мировой судья Нальчикского округа. Произведен в чин генерал-майора в 1886 г. В 1888 г. был выбран для встречи Императора в Его поездке по Северному Кавказу. В связи с поданным 09.01.1892 г. прошением об отставке уволен с 17.09.1892 г. в отставке с мундиром и «пенсией 1122 р. 10 к. и из эмигрантурной кассы 1503 р. в год» [6, Ф.400. Оп.12. Д.6138. Л. 11–20, 49–49-об. Там же. Ф.400. Оп.17. Д.6421. Л. 2, 3, 25–32-об; 4, Ф.И-40. Оп.1. Д.10-а. Там же. Ф.И-2. Оп.3. Д.32 Т. 1, Л. 9-об, 17, 29–29-об, 36, 37, 66, 70; 2, 12-2-1092, Л. 103–105, 106-об; 17, С. 323, 521, 523; 14, С. 356; 19; 16, С. 22, 25; 4, Ф.И-2. Оп.1. Д.1099, Л. 4; 20, С. 751].

Будучи в отставке, участвовал в общественной жизни региона. В 1896 г. подготовил «Памятную записку о современном состоянии горского населения Терской области», в которой обрисовал неудовлетворительное состояние горцев. За свою общественно-политическую деятельность с 1897 г. находился под негласным надзором полиции [4, Ф.Р-1209. Оп.2. Д.5. Там же. Ф.Р-1209. Оп.10. Д.5; 2, Ф. 12. Оп.8. Д.361]. Проживал в Кабарде в ауле Докшукина. Жена – кн. Тлостаналиева Гошесох (она же Госаша, Корако) Алхасовна (Алхоевна). Сыновья Шебаюх (он же Жабаги, 12.01.1889 г.р., в 1920 г. эмигрировал в США, ум.

1928 г.), Хаджи-Касполат (1893 г.р.), Азраил (1894 г.р., в 1920 г. эмигрировал в США, ум. не ранее 1932 г.). Дочери: Кябахан (28.12.1886 г.р., она же Дуда, по мужу Клишбиева), Фатимат (в 1920 г. эмигрировала в США). Отец – Шипшев Актола, 1803 г.р., юнкер с 21.10.1851 г., состоял к 1846 г. в милиции управления Центра Кавказской линии, награжден серебряной медалью с надписью «За усердие» для ношения на шее, получил «100 руб. за оказание помощи при истреблении абрека» 09.04.1848 г. [4, Ф.И-2. Оп.1. Д. 51, Л. 11-об. Там же. Ф.И-2. Оп.1. Д.1087. Л. 3-об. Там же. Ф.И-16. Оп.1. Д.1098. Л. 62, 143. Там же. Ф.Р-1209. Оп.1. Д.5; 5, Ф.25.Оп.1. Д.10. Л. 15-об–16].

II. Крещенные кабардинцы

Батырев Никита Павлович, поручик в отставке. Брат его родной Иван и племянник Герасим Филиппович Батырев. Сыновья Ивана: Семен и Василий. Внесены 1816 г. августа 31, 1858 г. мая 31. Утверждены 1859 г. июля 5. № 6111. Внесены во 2 часть. Место жительства – не указано [1, С. 5].

Безоруков Павел Иванович, подпоручик в отставке. Брат его родной Николай, подпоручик. Внесены 1817 г. ноября 29 дня. Внесены во 2 часть. Место жительства – не указано [1, С. 5].

Безаруков (Безоруков) Павел (?–не ранее 1845 г.), сотник (к 1840 г.), из крещеных кабардинцев. К 04.07.1834 г. командир 4-й сотни Моздокского казачьего полка. В 25.11.1844–23.01.1845 гг. – сотник Горского казачьего полка (в ст. Екатериноградской). Проживал в станице Луковской. «Вдовы Варвары Безоруковой юрт ст. Луковской» [4, Ф.И-16. Оп.1. Д.36. Л. 11–11-об. Там же. Д. 51. Л. 56. Там же. Ф.И-3. Оп.1. Д.39-а. Л. 205-об].

Гошокин Григорий Акимович, сотник. Сын его – Михаил. Внесены 1863 г. апреля 13. Утверждены 1865 г. февраля 22 дня. № 859. Внесены во 2 часть. Место жительства – в Моздоке, Терской области [1, С. 17].

Гошокин Григорий Акимович (?–не ранее 1865 г.), сотник (к 1840 г.), из казаков-кабардинцев ТКВ. К 1840 г. состоял сотником Горского казачьего полка (станция Екатериноградская). Проживал в станице Горской, близ г. Моздока. Был женат. Сын Михаил [4, Ф.И-16. Оп.1 Д.36. Л. 4. Там же. Д. 51. Л. 55]. Согласно «посемейного списка дворянам Моздокского казачьего полка, внесенным в родословную книгу и не внесенным в оную» на 23 марта 1867 г. «урядник Михаил Григорьевич Гошокин, 33 года от роду, жена его Мария, 34 года, дети их сын Елисей, 2 года, дочь Александра, 12 лет» [2, Ф.13. Оп.1. Д.503. Л. 40-об, 87-об, 105-об].

Дыдымов Василий Андреевич, есаул. Дядя его – Иоаким Стефанович Дыдымов, майор. Сын Иоакима – Елиазар, а у сего – Дмитрий. Внесены 1819 г. августа 3 дня и 1872 г. апреля 27. Утверждены 1827 г. апреля 25. № 2591. Внесены во 2 часть. Место жительства – в Моздоке [1, С. 22].

Есаул *Дыдымов Василий Андреевич* родился в 1781 г., из крепких кабардинцев. В службе состоял в казачьих линейных частях (в Моздокском казачьем полку) на Кабардинской линии. В чин хорунжего произведен 14.09.1801 г. Сопровождал кабардинскую депутацию в Санкт-Петербург в 1811/1812 г., за что ему было «пожаловано 300 руб. и перстень ценой в 500 р.» (1812 г.) и произведен в следующий чин сотника. Временно исполнял дела пристава в Кабарде [4, Ф.И-1. Оп.1. Д.1. Л. 209-209-об.;33, С. 183, 267, 271, 300, 310, 312, 336, 337; 34, С. 9].

Его сын *Дыдымов Михаил Васильевич*, подполковник. Сын его – Василий. Внесены 1867 г. марта 31 дня. Утверждены 1867 г. июля 9 и сентября 25 дня. №№ 4077, 5985. Внесены во 2 часть. Служил в Моздокском казачьем полку [1, С. 23]. Из «Посемейного списка дворянам Моздокского казачьего полка, внесенным в родословную книгу и не внесенным в оную»: «Не внесены в родословную книгу. Подполковник Михаил Васильевич Дыдымов, 53 года от роду, жена его Матрена, 53 года, дети его сын Василий, 19 лет, дочь Евгения, 17 лет» [2, Ф.13. Оп.1. Д.503. Л. 40-об].

Дыдымов Еким (он же Аким, Иоаким) Степанович (1779–02/03.09.1825 г.), майор (к 1825 г.), из обер-офицерских детей Моздокского казачьего полка. Прапорщик с 14.03.1806 г. Состоял в чине хорунжего. К 1810 г. Командир Кубанского казачьего полка. Утвержден Правительствующим Сенатом в дворянстве 25.04.1827 г. указом № 2591 (посмертно). Проживал в станице Луковской. Был женат. Сыновья Елиазарий, Георгий [6, Ф.13454. Оп.1. Д.7. Л. 59–60; 34, С. 9]. «Орудия переходили из рук в руки. В один из таких моментов, когда неприятель сидел же на пушках, майор Дадымов, желая увлечь за собой казаков, один врезался в густую толпу абадзехов. Казаки бросились выручать его и в едином порыве отбросили врага. Однако спасти своего командира им не удалось: его вынесли из боя, покрытого с головы до ног глубокими ранами от вражеских клинков. На следующий день Иоаким Степанович скончался в лагере... [27, С. 383]. «...Дадымов погиб в минувшем году, и горцы в короткое время уже другой раз пытались проложить себе путь к полковым хуторам, рассчитывая, что вместе с Дадымовым исчезла и доблесть старых украинцев. Но заветы

Дадымова свято хранились в полку... Весело возвращались казаки по своим станицам... по обыкновению, затянули песню про своего любимого, безвременно погибшего командира Дадымова. Эта песня, как и все почти народные русские песни, быть может, не имеет литературных достоинств, но в ней бездна поэзии; она согрета чувством и заменяет надгробный памятник, который не могло сокрушить даже само время, так как она и до сих пор поется потомками тех, которые ее сложили.

Во горах то было, во крутых горах –
Как за речкою то было – за рекою Белою,
Как сизые ли то орлы – со лесов орлы солетались,
Так князья горские из гор соезжались.
Собрались-то князья, они, на высок курган,
Думали князья думушку единую;
Передумавши, князья сделали сражение,
Как ни малое оно было, ни великое –
всего ровно пять часов,
На шестом-то часу стали тела разбирать.
Во сражении том убили майора Дадымова;
Положили тело его на черную бурочку,
Отнесли его во станицу Ладожскую [26, С. 240].

Дыдымов Георгий Екимович, 1817 г.р., из дворян Кавказской области, г. Моздока, сын майора, губернский секретарь, уездный судья Новосильевского уездного суда. Женат. Сын Георгий. [6, Ф.400. Оп.9. Д.6210. Л. 6].

Его сын – подпоручик *Дыдымов Георгий Георгиевич*, 1851 г.р., из дворян Кавказской области (г. Моздок), прикомандирован к 1870 г. к лейб-гвардии Измайловскому полку, субалтерн-офицер [6, Ф.400. Оп.9. Д.6210. Л. 58-59].

Другой сын майора – командир горной артиллерийской 2-й батареи артиллерийской бригады Отдельного Кавказского корпуса к 1860 г. «подполковник *Дыдымов Елиазарий Иоакимович*, из дворян Ставропольской губернии. Сын офицера (майора)», имел 104 лошади [4, Ф.Р-1209. Оп.14. Д.51; 29, С. 714].

Внук майора *Дыдымов Дмитрий Елиазарович*, род. в 1861 г., активно участвовал в Первой мировой войне, стал полковником в 1915 г., со старшинством с 27.10.1914 г., «из дворян Ставропольской губернии, на 1900 г. в чине штабс-ротмистра заведовал полковой учебной командой 45-го драгунского Северского Е.И.В. короля Датского полка». Награжден мечами и бантом к имеющемуся ордену Св. Владимира 4-й ст. [6, Ф.409. Оп.1. Д.133604, п/с 82240/14. Л. 118–121; 41; 42; 10, С. 341].

Дыдымов Михаил Васильевич (1814–1869 гг.), полковник (1862 г.), из моздокских кабардинцев, православный, казак станицы Луковской. Владел русской грамотой, кабардино-черкесским и татарско-кумыкскими языками. Утвержден Правительствующим Сенатом в дворянстве 25.04.1827 г. указом № 2591. Подтверждалось № 4077 от 09.07.1867 г. и № 5985 от 25.09.1867 г. [1, С. 23]. Участник Польской кампании 1830/1831 г. Награжден Знаком отличия Военного ордена под № 65052 (1831), знаком польского военного ордена «За военное достоинство» 4-й (5-й) ст. (1831), серебряной медалью «За взятие Варшавы приступом» (1831 г.). В офицерском звании хорунжего с 05.01.1833 г. Награжден «единовременно деньгами в сумме 500 руб. ассигнациями за участие в походе на Западный Кавказ». За отличие при взятии Ахульго произведен в чин сотника с 06.11/04.12.1840 г. К 1840 г. в Горском казачьем полку (станция Екатериноградская) состоял в должности «Центрального переводчика» [4, Ф.И-16. Оп.1. Д.49, Л. 35]. Награжден серебряной медалью «За взятие штурмом Ахульго» (1839), орденами Св. Станислава 3-й ст. с мечами (30.06.1837 г.), Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом (09.02.1846 г.). Есаул к 1847 г. Исполнял дела секретаря и медитатора Кабардинского временного суда с 07.09.1847 по 1852 гг. [4, Ф.И-23. Оп.1. Д.88. Л. 1–8. Там же. Ф.И-16. Оп.1. Д.728. Л. 10]. Произведен в чин войскового старшины 29.06.1849 г. В 1852 г. прикомандирован к Кавказскому линейному казачьему войску, исполнял дела пристава Малой Кабарды в 1854–1858 гг. [4, Ф.И-23. Оп.1. Д.9. Л. 35. Там же. Ф.И-16. Оп.1. Д.1438. Л. 3-об, 10-об]. Участник Крымской (Восточной) войны 1853–1856 гг., награжден орденами Св. Владимира 4-й ст. с мечами, Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость», Св. Анны 2-й ст. с мечами. На 1861 г. подполковник Горско-Моздокского казачьего полка [4, Ф.И-2. Оп.1. Д.679. Там же. Ф.И-2. Оп.3. Д.32 Т. 1. Л. 105. Там же. Ф.И-24. Оп.1. Д.67. Там же. Ф.Р-1209. Оп.7. Д.35; 2, Ф.2. Оп.1. Д.106. Л. 40-об–41. Там же. Д. 111. Л. 156-об. Там же. Ф.13 Оп.1. Д.503. Л. 40-об, 105]. Имел свой хутор близ Моздока (Дыдымкин, ныне Дыдымовка в Курском районе Ставропольского края). Был женат на дочери штаб-офицера Марье Ивановой. Сыновья Аким (09.09.1846 г.р.), Василий (03.03.1852 г.р.), дочь Евгения (11.04.1850 г.р.) [2, Ф.53. Оп.1. Д.2039. Л. 3–10]. По состоянию на 1869 год, в «Семейном списке дворянам Моздокского казачьего полка за 1869 год», в родословной книге указано: «подполковник *Михаил Васильевич Дыдымов*, 55 лет от роду, умер, жена его Матрена, 55 лет, дети его: сын Василий, 21 год, дочь Евгения, 19 лет, умерла» [2, Ф.13. Оп.1. Д.503. Л. 87].

Медведев Алексей Григорьевич, хорунжий. У него сын – Василий. Внесены 1820 г. февраля 23 дня. Утверждены 1819 г. августа 31. № 497. Внесены во 2 часть. Место жительства – в Моздоке [1, С. 48]. Моздокские Медведевы до крещения носили фамилию Булатов и происходили из малокабардинских дворян [39, С. 186].

Его родственник – *Медведев (он же Булатов) Тимофей Григорьевич* (? – не ранее 1857 г.), есаул (07.04.1850 г.), из малокабардинских уорков 1-й степени. Православный. Награжден золотой медалью на Георгиевской ленте с надписью «За храбрость», серебряной медалью на Георгиевской ленте с надписью «За храбрость». В офицерском звании с 02.06.1841 г. Награжден орденами Св. Анны 3-й ст. (31.10.1854) и Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость». В чине есаула состоял словесным переводчиком при штабе войск правого крыла Кавказской линии. Проживал близ Моздока [4, Ф.И-6. Оп.1. Д.181. Л. 4-об, 12].

Другой родственник – *Медведев (он же Булатов) Платон*, канцелярский служитель Управления Нальчикского округа, не имеющий чина, произведен 08.10.1890 г. в коллежские регистраторы со старшинством с 03.05.1890 г. [4, Ф.И-6. Оп.1. Д.181. Л. 4-об, 12].

Вдова сотника (вероятно, вышеуказанного Алексея Григорьевича), убитого в 1840 г. при вторжении Шамиля в Малую Кабарду – *Елизавета Медведева*, проживала в станице Луковской под Моздоком [4, Ф.И-16. Оп.1. Д.51.Л. 56].

Медведев-Булатов Лазарь Ильич (? – не ранее 1917 г.), служил письмоводителем Главного управления государственного коннозаводства в Терской заводской конюшне (Марьинское почтово-телеграфное отделение Терской области) [40, С. 590; 31, С. 742].

Кроме указанных офицеров и членов их семей, признанных или возведенных в потомственное российское дворянство, укажем здесь и одного из офицеров, возведенных в личное дворянство.

Думаев Жамбек (1795–27.03.1844 г.), есаул (19.09.1842 г.), из кабардинских узденей. С 29.03.1828 г. урядник Волгского казачьего полка, награжден серебряной медалью на Георгиевской ленте с надписью «За усердие» (1828 г.). В офицерском звании хорунжего с 16.09.1829 г., произведен в сотники 02.07.1838 г., есаулы – 19.09.1842 г. Награжден орденом Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость». Проживал в станице Бабуковской. Умер на службе в 1844 г. «Приписан к сословию русского дворянства Кавказской области» 30.10.1837 г. с внесением во «2-ю часть Дворянской родословной книги Кавказской области» [4, Ф.И-6. Оп.117. Л. 167, 168-об. Там же. Ф.И-40. Оп.1. Д.18. Л. 61, 79–80, 82–83; 28, С. 53].

Таким образом, мы видим широкий круг участия адыгского и абазинского дворянства в служении Российской Империи.

Примечания

1. Список Дворян, внесенных в дворянские родословные книги Ставропольской губернии, Терской и Кубанской областей с 1795 г. по 1 декабря 1912 г. Составлен Ставропольским дворянским депутатским собранием по постановлению очередного губернского собрания, состоявшегося 16 декабря 1909 года.

2. Центральный государственный архив Республики Северная-Осетия-Алания (ЦГА РСО-А).

3. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК).

4. Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики (ЦГА КБР).

5. Центр документации новейшей истории Кабардино-Балкарской Республики (ЦДНИ КБР).

6. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).

7. *Лайпанов К.Т.* Октябрь в Карачаево-Черкесии: Борьба большевиков за власть Советов (1917–1920 гг.). Черкесск, 1987. С. 110–111.

8. *Волков С.В.* Офицеры армейской кавалерии. Опыт мартиролога. М., 2004. С. 35.

9. *Волков В.С.* Белое движение. Энциклопедия Гражданской войны. СПб.-М., 2003. С. 20.

10. *Стрелянов (Калабухов) П.Н.* Казаки в Персии. 1909–1918 гг. М., 2007, С. 341.

11. Приказ по Терской области № 350 [от] 20 апреля 1909 г.

12. Архив УФСБ России по КБР.

13. *Карма Р.К.* Карма. Нальчик, 2003. С. 29.

14. Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1769–1920. Биобиблиографический справочник. М., 2004, С. 346.

15. Кавалеры Золотого оружия за 1879 год.

16. *Исмаилов Э.Э.* Георгиевские кавалеры – азербайджанцы. М., 2005, С. 21, 25.

17. *Исмаилов Э.Э.* Золотое оружие с надписью «За храбрость». Списки кавалеров 1788–1913. М., 2007. С. 336, 510, 523.

18. *Туганов Р.У.* Золотая шашка «За храбрость» (Генерал-майор Тепса-руко Хаджимурзович Алтадуков) // Страницы прошлого. Нальчик, 1989. С. 89–92.

19. *Казаков А.В.* Черкесский дворянский род Улагаев и Балканы // Материалы II Международных Дворянских чтений (25–26 ноября 2006 г.) «Да кто душу положит за други своя... К 130-летию участия Русского дворянства в освобождении православного населения Балкан от османского ига. Краснодар, 2006.

20. *Волков С.В.* Генералитет Российской империи. Энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра до Николая. Т. 1. М., 2009. С. 60.

21. Газета «Кавказ», № 28, четверг, 5-го февраля 1915 г.

22. Газета «Кавказ», № 35, пятница, 13-го февраля 1915 г.

23. *Опрышко О.Л.* Кавказская конная дивизия. 1914–1917: Возвращение из забвения... Нальчик, 1999.

24. *Опрышко О.Л.* «Бывают странные сближения...». Нальчик, 1993, С. 27, 28, 38, 43, 177, 179, 201.

25. *Чхеидзе К.А.* Страна Прометея. Нальчик, 2004, С. 161.

26. *Потто В.Н.* Кавказская война. т. 5. Время Паскевича, или бунт Чечни. С. 240.

27. *Батя В.М., Мономах В.В.* Кавказский крест России. М., 2009. С. 383.

28. Материалы к истории и генеалогии бабуковцев: (Извлечения из архивных фондов: 1829–1862 гг.) / Сост. А.В. Мамхегов. Нальчик, 2006, С. 53.

29. Кавказский календарь на 1855 год. Тифлис, 1854. С. 714.

30. Кавказский календарь на 1861 год. Тифлис, 1860. С. 63-64.

31. Кавказский календарь на 1917 г. Тифлис, 1917. С. 147.

32. *Арсеньев А.* Воспоминания о службе в Кабардинском конном полку. Сб. Возрожденные полки Русской армии в Белой борьбе на Юге России. М., 2002. С. 314.

33. Из документальной истории кабардино-русских отношений: Вторая половина XVIII – первая половина XIX в. / Составитель Х.М. Думанов. Нальчик, 2000.

34. *Любимов С.В.* Дворянские роды, внесенные в родословную книгу Кавказской области (1804–1825). М., 1913. С. 9.

35. *Вершигора А.Д.* Горские офицеры и полные Георгиевские кавалеры Кубанского казачьего войска и территории Кубанской области на службе России (Конец XVIII – начало XX в.) // Казачество и народы России: пути сотрудничества и служба России. Материалы заочной научно-практической конференции. Краснодар, 2008.

36. *Кармов Р.К., Айдаболова М.И.* Лейб-гвардии Кавказско-горский полускадрон. Страницы истории. – Нальчик, 2002, С. 55, 71.

37. Терский календарь на 1898 год. – Владикавказ, 1897. С. 279.

38. Газета «Кавказ», № 136, среда, 17-го июня 1915.

39. *Казаков А.В.* Адыги (черкесы) на российской военной службе. Воеводы и офицеры. Середина – начало XX в. Нальчик, 2006.

40. Кавказский календарь на 1913 г. Тифлис, 1912. С. 590.

41. Газета «Кавказ», № 27, среда, 4-го февраля 1915.

42. Газета «Кавказ», № 136, среда, 17-го июня 1915.

43. Центральный государственный архив Республики Грузия (ЦГИА Грузии).

44. Приказ по Терской области от 20 октября 1898 г. № 328.

45. *Опрышко О.Л.* Через века и судьбы. Нальчик, 2007. С. 394.

46. *Туганов Р.У.* Якуб Могомедович Шарданов / История общественной мысли кабардинского народа в первой половине XIX века. Нальчик, 1998.

С. 83–120.

47. Терские ведомости, 1894, № 69.

48. *Бейтуганов С.Н.* Кабарда в фамилиях. Нальчик, 1998.

49. Книга памяти Ставропольского края.

50. *Опрышко О.Л.* По тропам истории. Нальчик, 2007.

51. Высшие сословия Кабарды. Извлечения из архивных фондов 1858–1896 гг. / Сост. А.Б. Мамхегов. Нальчик, 2006.

52. Терский календарь на 1898 год. – Владикавказ, 1897. С. 279.

53. *Туганов Р.У.* Якуб Магомедович Шарданов / История общественной мысли кабардинского народа в первой половине XIX века. Нальчик, 1998. С. 83–120.

И.Т. Марзоев (г. Владикавказ)

Национальная элита феодальной Осетии

Аристократия Северной Осетии представлена несколькими родами, правившими в четырех осетинских обществах: в Тагаурском – потомки Тага, в Куртатинском – потомки Курта и Цимити, в Алагирском – потомки Ос-Багатара, в Дигорском – потомки Бадели, Царгаса и Гагуа.

Многочисленные русские документы XVIII в., касающиеся североосетинских обществ, упоминают о двух классах – «старшин» и зависимых от них «подвластных людей» [1]. При этом нередко старшины титуловались «князьями» и «дворянами» [2].

По мнению В.И. Абаева, понятия «алдар» (князь) и «уацайраг» (пленный раб) возникли еще у равнинных алан в период военной демократии [3]. «Осетины имели своих царей, – писал М.М. Ковалевский, о которых часто упоминается в грузинских древних документах и исторических сочинениях, имели, следовательно, и князей, и другие низшие сословия» [4].

В адатах, записанных Ф.И. Леонтовичем в 1846 г., более четко определяется социальный смысл этих категорий: «княжеское и старшинское достоинство есть родовое и не приобретается ни покупкой, ни другими личными качествами» [5].

В материалах Комиссии для разбора личных и поземельных прав туземного населения Терской Области (1864 г.) говорится, что в Осетии высшее сословие (т.е. князь) носило только одно название, а именно алдар, причем княгиня называлась ахсин [6]. Вместе с тем архивные документы XIX-нач. XX в. зафиксировали в каждом осетинском обществе свои социальные титулатуры: Тагаурский алдар, Дигорский баделят, Дигорский царгасат, Дигорский гагуат, Куртатинский таубий, Алагирский уаздан, уздень 1-й степени, старшина, князь.

Их предназначением было поддержание внешнего знака статуса феодала. Необходимым условием знатности была «чистота по крови» и принадлежность к старинному роду.

Кавказскую аристократию связывали между собой не только этнокультурные и родственные связи, но и общность происхождения тех или иных родов. Баделята в Дигории и басыата в Балкарии происходили от двух родных братьев; тапандигорские царгасата, согласно некоторым источникам, имели общие корни с абхазской владетельной фамилией Шервашидзе, а так же с кабардинскими феодальными родами Анзоровых, Каголкиных и Куденетовых; тагиат, а с ними и куртатинских таубиев, предания связывали с армянским царским домом.

Дигорское общество. По сравнению с другими осетинскими обществами, деление общества на классы в Дигорском обществе достигло наибольшего развития. Источники указывают на наличие основных сословий и социальных категорий населения этой части Осетии, имея расхождение мнений лишь в разном толковании их происхождения.

В 1884 году князем Голицыным были записаны «Древние обряды дигорских обществ». По этим записям сословная структура Дигории состояла из нескольких сословий:

1) владетели – баделята и царгасата; 2) фарсаглаги; 3) «тумы», происходящие от старшинских жен, взятых не из сословия старшин; 4) кнек – дворовые люди; 5) косаг – рабы [7].

Географически Дигория делится на Тапан-Дигорию, Стур-Дигорию, Уаллагком и Донифарское общество. Соответственно были разделены и сферы влияния привилегированных родов: в Тапан-Дигории и Уаллагкоме правили баделята, в Стур-Дигории – царгасата, в Донифарсе – гагуата.

Тапан-Дигория. К сословию баделят относятся следующие фамилии: Абисаловы, Тугановы, Кубатиевы, Каражаевы, Битуевы, Кабановы и Чегемовы.

Собирателем фольклора Махарбеком Сафаровичем Тугановым было записано несколько преданий о баделятах. В одном из них говорится о братьях Байсат-Хане и Бадели-Хане, которые восстали против своего старшего брата, покушались на его жизнь, но неудачно и оба были изгнаны решением народного суда из пределов Венгрии (Маджара – И.М.) на Северный Кавказ. И таким образом Бадели попал в Дигорию. Это предание интересно тем, что в нем объясняется происхождение всех семи фамилий баделят: Абисал, Туган и Кубади – это сыновья Бадели. Карадзау – зять, пришедший из Грузии и происходивший из княжеской фамилии Караджау. Кабан и Чегем также именуется зятьями, а Битуевы происходят уже от Каражаевых [8].

Между тем, на могиле правнука Бадели Тазрета Кубатиева была арабская надпись с указанием даты его смерти. Согласно этой надписи Т. Кубатиев жил в XIII-нач. XIV в. Она гласила: «Мы четыре хана застали пред смертью Тазарета-Хана и умер при нас, в память чего ему и поставили настоящую могильную плиту нами, четырьмя ханами: Амурхан, Омархан, Умахан и Сумахан – пришли из Крыма, учинив над нам «джа-наз-намаз». Надпись эта хранилась у Батырбека Кубатиева [9].

Свое достоинство баделяты передавали по наследству. В 1812 г. А.М. Буцковский, характеризуя сословный строй Дигорского общества, отмечал, что власть баделяты «подобна княжеской в Кабарде» [10].

Стур-Дигория. Население Стур-Дигории составляли жители пяти горных аулов: КуССу, Ахсаргин, Стур-Дигора, Одола и Моска. В этих аулах вместе со своими подвластными жили феодальные землевладельцы, известные под сословным названием «Царгасата», которое происходит от осетинского «царгас» (орел). По свидетельству грузинского царевича Вахушти Багратиони, царгасата именовались владельческими князьями Дигории [11].

О происхождении рода Царгаса в Осетии сохранилось несколько любопытных преданий, которые сходятся в одном: Царгас пришел с юга и имел непосредственное отношение к роду владетельных князей Абхазии Шервашидзе. По одному из этих преданий, приведенному доктором В.Б. Пфафом в «Материалах по истории Осетии», царгасата происходили от некоего Царгаса, пришедшего из-за Черного моря со своим братом Шарвошем в Дигорию. Шарвош ушел в Абхазию и стал там родоначальником абхазской владетельной фамилии Шервашидзе, а от трех сыновей Царгаса пошли фамилии царгасат – Карабугаевы, Кантемировы и Таймазовы [12]. Свое происхождение князья Шервашидзе ведут от восточно-закавказских Ширван-шахов, владения которых были завоеваны Давидом Строителем. Представители рода Шервашидзе-Чачба стояли во главе Цхумского воеводства, а первый деятель из рода абхазских Шервашидзе упоминается в эпоху царицы Тамары [13]. В XII–XIV веках писали «Шервашидзе», что по-грузински означает «сын ширваншаха» [14]. О возможном тюркском происхождении царгасат говорят их фамилии, имеющие тюркскую этимологию. В частности, в тюркских языках компонент «кара» имеет значение «черный», а также хвалебный титул «великий», «могучий». Метафора «кара» встречается очень часто, главным образом в составе имен и титулов представителей господствующего класса тюркского феодального общества [15].

По другому варианту, записанному в 1900 году в горном селе КуССу с уст царгасата Бекира Таймазова, Царгас пришел в Стур-

Дигорию с юга, из Грузии. Происходил он из рода князей Шервашидзе и должен был скрываться в Дигории за какое-то убийство, совершенное им в Грузии [16]. Кровная месть стала причиной также и для абхазских князей Маршания, которые покинули родину и местом своего жительства избрали Ингушетию, а затем и Северную Осетию [17].

По сведениям одного из источников XIX века, «Царгасаты и Баделяты составляют высшее сословие или алдары. Алдары считают себя равными кабардинским князьям...» [18].

В работе Вахушти Багратиони «География Грузии» (середина XVII в.) сословие царгасат под названием «Черкесидзе» упоминается в числе других высших феодальных сословий осетин. «Они знают фамилии, пишет Вахушти, – и к превосходнейшим принадлежат овсы; овсы эти разделяются на следующие роды: Сидамони, Чахилидзе, Тагаури, Куртаули, Баделидзе, Черкесидзе, Басиани, и они считаются превосходнейшими из всех» [19]. О высоком социальном статусе царгасат говорит тот факт, что с XVII века царгасата были союзниками грузинских царей из рода Багратиони. Они были признаны грузинскими царями владетелями с правом наследия деревень в Имеретии: Геби, Чиори, Глоли [20].

В прошении, поданном 31 декабря 1859 года от трех фамилий царгасат на имя наместника Кавказского г-на генерал-фельдмаршала князя А.И. Барятинского с просьбой об «удостоении наших фамилий утверждением в дворянском достоинстве», они писали: «...о том, что фамилия Чергезидзе была владетелями и пользовалась знатностью происхождения, описывает подробно царевич Вахушти («География Грузии» Броссе, стр. 428, 436, и 451). Кроме этого факта, подтверждающего народные предания, можно найти доказательства того, что владетели Дигории именовались князьями и в «Истории Грузинской Экзархии», 2 изд., 1827 года, стр. 83» [21].

Донифарс. К феодальному сословию в Донифарском обществе относилось несколько фамилий, происходивших от Гагу, «который в давние времена поселился в Донифарской земле, где он сам, а затем и потомки его правили донифарским народом» [22]: Хорановы, Асеевы, Найфоновы, Кобегкаевы, Кануковы и Кабановы.

В «Путевых заметках» графини П.С. Уваровой указывается на происхождение родоначальника донифарских феодалов: «Вообще же аристократия в Дигории представляет особое смешение происхождения и делится на Бадилят (от Бадилы), Царгасат (грузинского происхождения в Стыр-Дигории) и Гагуат – греческого» [23].

По народным преданиям два брата: Сата (старший) и Гагуа прибыли в Донифарс из Балкарии. Потомки Гагуа происходят от шести его сыновей: Канука, Алия, Кобека, Найфона, Хорана, Кабана [24].

В.Б. Пфаф считал гагуат одними из древнейших владетельных родов Дигории [25].

Алагирское общество. Русские власти, характеризуя социальный строй жителей Алагирского ущелья в XVIII веке, свидетельствовали, что «народ алагирцы... тоже управляются «старшинами» [26]. В «Адатах» Ф.И. Леонтовича (1844 г.) было записано, что «Алагирское общество разделяется на 2 сословия: уазданлаги (алдары) и фарсаглаги» и что права и обязанности этих сословий и отношений между ними «совершенно те же, что и куртатинцев». К алдарским фамилиям относились: Сидамоновы, Царазоновы, Кусагоновы, Агузовы, которые своё происхождение вели от легендарного Ос-Багатара, а также ссылались на то, что Давид Царазон был мужем царицы Тамары» [27].

В сведениях о сословном делении Осетии, правах и обязанностях каждого сословия за 1844 г. также сказано, что в Алагирском обществе «Узданлагское сословие состоит всего их 4-х фамилий, а именно: Сидамонта, Царазонта, Агузата и Кусагонта. Они происходят от 4-х внуков Оса. Для защиты против грузин и персиян построили каменную стену, высотой в 9 аршин и толщиной в 3 аршина. Развалины этой стены еще видны в Алагирском ущелье» [28].

«Уздан лаги или узданта (букв. «благородные») по своему имущественному положению и весу в обществе не уступали многим алдарам и баделятам». В среде узданлагов, как и у других осетинских феодалов, при заключении браков строго придерживались сословных различий [29].

Ю.Ю. Карпов приводит интересное в этом отношении высказывание представителей Алагирского общества о правах старшин Куртатинского общества на дворянство, при даче показаний Комиссии, разбивавшей сословный вопрос в Осетии. Они заявили следующее: «Особых вольных людей в зависимости у себя не имели и не имеют, а есть только у них, так же как и у некоторых наших почетных фамилий, вольные фарсаглаги, свои кавдасарды и холопы, которые находятся у них, как мы слышали, на тех же точно условиях, как и наши, т.е. на установленных обычаях между кабардинскими князьями» [30]. Из указанных выше четырех родов наибольшим авторитетом с давних времён обладали Царазоновы. «Удел» Царазоновых представлял значительные владения в Нузальской теснине Алагирского ущелья со сторожевыми укреплениями, таможенными заставами, крепкими замками

[31]. Родственная группа, выводящая себя от Царазона, признавалась в Алагирском обществе наиболее могущественной. Во многих прошениях членов этих фамилий в сословные комитеты середины XIX в. указывалось, что они в старину брали подати с соседнего населения [32].

В 1900 г. в Прощении к начальнику Терской области, уполномоченные от Алагирского общества, отстаивая древность и знатность своего происхождения, указывали: «если же в прибавлении к титулу Иоанна Грозного «Черкесских и горских князей» подразумеваются осетины, то это может относиться все же к потомкам Ос-Багатара – Царазонцам, Сидамонцам и Кусагонцам, а не к потомкам именуемых себя алдарями, которые ведут свое начало только со второй пол. XVIII столетия» [33]. По данным исторических документов XVIII века к колену Царазонта принадлежали фамилии старшин (узданов) Зангиевых, Сохиевых, Агнаевых и др., «об установившихся связях которых с русским царизмом сохранились достоверные известия» [34]. Так, летом 1750 года архимандрит Пахомий сообщал в Сенат, что в Алагирском ущелье «других лутчее и надежнее» были Нафи Зангиев, Чомак Сохиев, Георгий Агнаев [35].

К другому колену – Сидамонта относился ряд таких феодальных фамилий, как Датиевы, Макеевы, Темиркановы-Доцоевы и др. По некоторым преданиям, к потомству Сидамона относились и представители высших сословий тагаурского и куртатинского обществ: «По каким-то внутренним распрям два брата, правнуки Сидамона, по имени Тага и Курта, переселились в соседственное, названное по имени Курта, Куртатинским ущелье» [36].

И происхождение грузинских княжеских фамилий эриставов арагвских Сидамон-Эристави, ксанских – Бибилури, а также Ратишвили и Цилосани восходит к роду Сидамоновых, одному из крупнейших средневековых осетинских феодальных родов. Ю.С. Гаглойти, исследовавший алано-грузинские отношения, пишет: «В «Записке об осетинских ущельях, присваиваемых князьями Эристовыми-Ксанскими», документе, составленном русскими чиновниками для графа И.Ф. Паскевича, прямо говорится, что «эриставы арагвские были из фамилии князей Сидамоновых, а эриставы ксанские – из дома дворян Бибилуровых». И далее: «Князья же Сидамоновы именуются в народе и поныне под именем Эриставов Арагвских, хотя в списке, при заключенном с Россией в 1781 г. трактате имеющимся, показаны они собственным их именем, т.е. Сидамоновыми. Напротив, фамилия Бибилуровых, из коей при заключении трактата назначались лица для управления Ксанским эриставством, названа в помянутом списке по

занимаемой тогда должности князьями Эристовыми-Ксанскими» [37]. Кн. С.Г. Баратов в своей средневековой «Истории Грузии» также приводит предание, по которому родоначальниками родов Ксанских и Арагвских эриставов «считаются два осетинских князя – Ростом и Сидамон» [38]. В.И. Миллер записал в Алагире сказание о том, что «три царевича из Сидамоновой фамилии – Ростом, Бибила и Цилосан, с сыновьями и свитой из 70 человек переселились из Кабарды (в то время еще занятой оссами – это было во времена императора Юстиниана) в северную Грузию» [39].

Потомками Агуза являлись Жантиевы, переселившиеся из Южной Осетии в Тагаурское ущелье и вошедшие в сословие Тагаурских алдар. К Агузатам относились также и Томаевы [40]. Томаевы за свою «службу» грузинским царям получали денежное жалование; они поставлены были в особое привилегированное положение, будучи освобождены от налогов и податей; в царских грамотах они именовались дворянами, в своей же среде они назывались узданами. Как «лучшая» фамилия, они заключали браки преимущественно с феодальными фамилиями Северной Осетии: с Дударовыми, Мамсуровыми и др., а также с грузинскими князьями Мачабели [41].

26 апреля 1845 г. осетины Алагирского общества подали прошение на имя Г. Главнокомандующего, в котором они просили: «в 1-м пункте – что бы не унижать их в родоприсхождении и званиях пред другими обществами Владикавказского округа, на том основании, что будто бы все Осетинское племя, включая кавдасардов и грузиаков, должно быть в достоинствах по происхождению равно; во 2-м пункте – о предоставлении им тех же самых преимуществ и прав, какие будут даны тагаурцам и куртатинцам, а в 4-м и 6-м – о предоставлении прав на принятие детей в военно-учебные заведения и об удержании в зависимости и подчиненности Старшинам их Гурдзиаков и Кавдасардов. Просьба эта была представлена в открывшийся в 1846 г. «Комитет для разбора личных и земельных прав горцев Военно-Осетинского Округа» [42].

В 1859 году в этот Комитет от народа Алагиро-Мамисонского участка были поданы родословные списки на утверждение их в привилегированном достоинстве. Всего было подано прошений от 73 фамилий. В работе Комитета приняли участие 17 депутатов от Алагирского общества. Комитет, рассмотрев прошения, сделал замечания относительно каждой из них: 1) Равны и старшины; 2) Все равны и старшины; 3) Равны между собой; 4) Равны между собой, но не признают их старшинами, а фарсаглами; 5) Равны между собой, но порода их не признаётся старшинами, считают их фарсаглами; 6) Между собою равны, но фарсаглаги; 7) Фарсаглаги и т.д.

Достойными звания старшин Комитет признал следующие фамилии:

- от «Царазоновского племени» – Аладжиковых, Галаовых, Дзюзовых, Зангиевых, Каргиновых, Марзоевых, Мзоковых, Сохриевых;
- от «Сидамоновского племени» – Адырхаевых, Датиевых, Доцоевых-Темиркановых, Камарзаевых, Мадзаевых, Макеевых, Мисиковых, Урузмаковых, Урусовых, и др.;
- от «Кусагоновского племени» – Бесоловых, Габуевых, Дзугаевых, Калоевых, Караевых, Саламовых и др. [43].

Родословные привилегированных фамилий Алагирского общества к середине XIX века насчитывали до 12 колен, что доказывало древнее происхождение этих фамилий.

Куртатинское общество. Куртатинское ущелье состояло из двух частей – Куртатинской и Цимитинской общин, названия которых произошли от собственных имен Курта и Цимити – родоначальников привилегированных фамилий Куртатинского общества. Делилось оно на те же классы, что и в других осетинских обществах, т.е. феодалов – куртат или узданлагов и зависимые сословия – фарсаглагов, кавдасардов и рабов.

Высшее сословие в Куртатинском обществе, как и в других осетинских обществах, имело следующие отличительные признаки: 1) владение крупной земельной собственностью, намного превышающей размерами угодья рядовых сограждан; 2) эксплуатация экономически зависимых фарсаглагов; 3) использование института кавдасардов; 4) владение холопами; 5) приндлежность к «лучшим и почетнейшим», «самым древним, знатнейшим», фамилиям своего общества, признающего преимущества «знатнейших» перед прочими; 6) сословное равенство или, во всяком случае, сравнимость со знатью соседних осетинских обществ и дворянами Кабарды [44].

В «Адатах кавказских горцев» Ф.И. Леонтович приводит перечень привилегированных родов куртатинцев: «Тамбоната, Наефоната, Олаسه, Кунаната, Дадегата, Бадзиата, Гутиата, Адията и Богульте» [45]. Три первых «фамилии» представляют собой названия трех колен куртатинцев, три вторых «фамилии» – трех колен цимитинцев. «...Других узданлагских фамилий нет. Ни одна из этих фамилий не считается ни старшей, ни младшей, а все они находятся в одинаковой степени старшинства. Узданлагское достоинство не приобретается ни покупкой, ни заслугами, а остаётся единственно в роде этих фамилий, признанных народом в этом достоинстве издревле» [46].

В «Родословной потомков Курта и Тага, правнуков Осо-Багатара» указываются 20 фамилий, возводящих свои родословные к Курта:

Цаликовы, Тохтиевы, Цопановы, Караевы, Боговы, Схановы, Демировы, Созановы, Худзиевы, Хадарцевы, Гайтовы, Церековы, Фарниевы, Борсиевы, Гуриевы. Есиевы, Хаматовы, Арисхановы, Ардасеновы, Тезиевы [47].

К потомкам Цимити относились следующие фамилии: Елоевы, Карацевы, Каргиевы, Тархановы, Караевы, Гумецевы, Куловы, Брциевы, Таучеловы, Мазлоевы, Мамуковы, Дзускаевы, Басаевы, Гудиевы, Агкацевы, Гусовы, Ализаевы [48].

Кроме вышеперечисленных, только две фамилии – Гутиевы в Хилаке и Томаевы в Кора признавались равными по происхождению и положению Куртатинским и Цимитинским старшинам [49].

7 марта 1873 года уполномоченные от привилегированных фамилий обратились к Начальнику области с прошением, в котором говорилось:

«1) Из народных преданий и исторических данных известно, что Курта и Тага были родными братьями, доказательством чего служат древние постройки в Куртатинском ущелье, оставшиеся от названных братьев и называются именами Тага и Курта.

2) Доказательством равноправности их с тагаурскими алдарами служат следующие факты: а) одинаковая кровная плата при взаимных убийствах, так, например, кровные дела между фамилиями: тагаурскими Кануковыми и куртатинскими Худзиевыми, тагаурскими Мамсуровыми и куртатинскими Цопановыми и т.д.; б) одинаковая высшая плата в калым как у них, так и у тагаурцев, и затем при русском правительстве, одинаковое право при поступлении на службу и определении детей в кадетские корпуса и другие учебные заведения. Как у тагаурских алдар, так и у высшего сословия куртат существовала, относительно своих фарсалагов и кавдасардов, высшая плата калыма; у них он был в 100 коров и от 6 до 12 быков.

3) До водворения русского владычества на Кавказе, у них в Осетии только высшие сословия имели в зависимости крепостных, что было как и у них, так и у тагаурских алдар, так что было в обычае: тот, кто не имел уважения и высшего достоинства по фамилии, не мог брать из других сословий номылусок (именных жен – И.М.) и никто из низших сословий не привилегированному не отдал бы своей дочери» [50].

В 1866 г. сословная комиссия признала, что в Осетинском округе к дворянскому сословию могут быть причислены тагиаты, бадилаты и куртаты. В 1871 г. начальник Терской области Лорис-Меликов посчитал возможным отнести к привилегированному сословию «высшее куртатинское сословие, известное под именем «куртат». «В уста-

ве о службе гражданской в своде законов (т. III, ст. 3-33, 1876 г.) было установлено, что алдары, бадилаты и таубии принимаются на гражданскую службу, как «принадлежащие к привилегированным сословиям». Таким образом, правительственная власть признала куртатинских таубиев равными алдарам и бадилатам» [51].

В 1907 году Елоев Александр Заурбекович в доказательство привилегированного положения своей фамилии, а также ее отношению к сословию куртатинских таубиев, ссылается на ряд документов: «1) показания Комитета, учрежденного в 1858 году для разбора личных прав туземного населения левого крыла Кавказской линии; 2) предписание И.Д. Начальника Терской области Владикавказского округа от 23 февраля 1871 г. за №895; 3) предписание Владикавказского полицейского управления от 17 мая 1871 г. за № 992; 4) И.Д. Пристава Куртатинского участка, книга: «Материалы для новой истории Кавказа» от 1722 г. по 1803 г.; 5) распоряжение Штаба Кавказского Военного Округа от 30 декабря 1900 г. за № 23659; 6) дела Областного правления – Указ Высочайший 1896 г. октября 5 дня. (Указ этот значится в канцелярии Вашего Превосходительства) отд. V.» [52].

Тагаурское общество. Высшее сословие Тагаурского общества включало в себя одиннадцать фамилий и называлось по имени легендарного прародителя Тага – «Тагиата». К ним относились фамилии Алдатовых, Жангиевых, Дударовых, Есеновых, Кануковых, Кундуховых, Мамсуровых, Тугановых, Тулатовых, Тхостовых и Шанаевых. Официальное русское название тагиат было – тагаурские старшины, употреблявшееся до 1847 года, когда им было разрешено именоваться «Тагаурскими алдарами» [53]. Согласно предписанию Российского Правительства, временно-командующий войсками Кавказской линии и Черномории издал распоряжение (№ 1647 от 13 декабря 1847 года), по которому вышеупомянутые фамилии тагаурских старшин «именовались на будущее время не старшинами, но Алдарами, с сохранением при том всех прав, коими они до сего времени пользуются» [54]. Генерал Несветаев в 1804 году назвал тагаурских алдар «почетными тагаурскими князьями» [55], т.к. «алдар» на осетинском языке означает «князь», а также – «господин» [56].

В.С. Толстой в одном из своих очерков привел перечень сословий в Тагаурии: «Тагаурцы, о которых выше сказано. Их одиннадцать семейств происходят от Тагаура по мужскому колену и одно – по женскому, всего двенадцать. Синаевы (Шанаевы – И.М.), Кануковы, Тулатовы, Есеновы, Кундуховы, Алдатовы, Жангиевы, Есиевы (Есеновы – И.М.), Тхостовы, Дударовы и Мурзабековы (ветвь Кануковых – И.М.);

эта последняя семья ныне не находится на Кавказе, будучи сослана в Сибирь в 1830 году генерал-майором князем Абхазовым» [57].

Известно несколько вариантов преданий о происхождении этих фамилий. По некоторым из них «Тагаур – наследник Армянского царства, который по смерти отца хотя вступил на престол, но вскоре, по причине предстоявшей ему опасности со стороны двоюродных братьев, возмущивших против него народ, бежали из Армении с несколькими членами дворовых людей и прибыл на Кавказ. Сначала Тагаур поселился в Абхазии, потом (неизвестно почему) перешел в Осетию и в Куртатинском ущелье построил себе башню, где прожил до глубокой старости, пользуясь в преданном ему народе большими почестями и уважением» [58]. Н.Ф. Дубровин также считал, что «эльдары – суть потомки беглых армянских царей» [59].

Отличительной чертой Тагаурского феодального сословия было то, что «всякая алдарская фамилия – сильна ли она была, или слаба, все равно была с незапамятных времен, равноправным членом алдарского сословия» [60].

Таким образом, в период XVIII – начала XX вв. в североосетинских обществах – Дигорском, Алагирском, Куртатинском и Тагаурском прослеживались основные признаки привилегированных сословий: владение крупной земельной собственностью, эксплуатация экономически зависимых сословий, наличие института кавдасардов, владение холопами, признание преимуществ знатных фамилий представителями других сословий, сословное равенство с привилегированными родами соседних народов [61].

Примечания

1. Калоев Б.А. Осетины. М., 1967. С.160.
2. Там же.
3. Гутнов Ф.Х. Генеалогические предания осетин как исторический источник. Орджоникидзе, 1989. С.9.
4. Ардасенов А., Есиев А. Высшие сословия осетин Куртатинского общества. М., 1899. С.8.
5. Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Одесса, 1882, Т.II. С. 239-240.
6. НА СОИГСИ. Ф.16.Оп.1. Д.18. Л.4.
7. Скитский Б.В. Очерки истории горских народов. Орджоникидзе, 1972. С. 85.
8. НА СОИГСИ.Ф.Фольклор. Оп.1. Д.665. Л.24 об-25.
9. НА СОИГСИ.Ф.Фольклор. Оп.1. Д.665. Л.26.
10. Гутнов Ф.Х. Средневековая Осетия. Владикавказ, 1993. С.152.

11. Скитский Б.В. Очерки по истории осетинского народа с древнейших времен до 1867 года. Грозный, 1947. С.95.

12. Пфаф В.Б. Материалы для истории Осетии // ССКГ. Тифлис, 1871. Вып. V. С. 84.

13. История Абхазии. Сухум, 1991.С. 99.

14. Чиковани Ю.К. Княжество Абхазия // Дворянские роды Российской Империи. М., 1998. С. 21.

15. Уарзиати В.С. Из истории осетино-кабардинских взаимоотношений // Проблемы этнографии Осетии. Орджоникидзе, 1989. С.108.

16. Туганов М.С. Предания о Дигории, гагутах и астанта // Ираф. 1996. № 2. Владикавказ. С.144.

17. ЦГА РСО–А. Ф.53. Оп.1. Д.1723.

18. Терские ведомости. 1870. № 48.

19. Багратиони В. География Грузии. Тифлис, 1904. С. 143.

20. ЦГА РСО–А. Ф.262. Оп.1. Д.1. Л.110–111.

21. Там же.

22. ЦГА РСО–А. Ф. 262. Оп.1. Д.1. Л.112.

23. Путевые заметки графини Уваровой // Кавказ. М., 1904. Ч. III. С.116.

24. Гецати А. Происхождение фамилий Дигорского ущелья. Владикавказ, 1999. С. 219.

25. Пфаф В.Б. Народное право осетин // ССКГ. 1871. Т. 1. С. 208.

26. Материалы по истории Осетии // ИСОНИИ. 1933. Т. VI. С. 259.

27. Скитский Б.В. Очерки по истории осетинского народа с древнейших времен до 1867 г. Грозный, 1947. С. 102.

28. НА СОИГСИ. Ф.16.Оп.1 .Д.35 .Л.12.

29. Этнография и мифология осетин. Владикавказ, 1994. С. 152–153.

30. Карнов Ю.Ю. Народные собрания и старшины в «вольных» обществах Северной Осетии в XVIII – первой половине XIX в. // Археология и традиционная этнография Северной Осетии. Орджоникидзе, 1985. С. 107.

31. Скитский Б.В. Очерки истории горских народов. Орджоникидзе, 1972. С. 194.

32. Гутнов Ф.Х. Генеалогические предания осетин как исторический источник. Орджоникидзе, 1989. С. 44.

33. Материалы по истории Осетии. Т. III. Дзауджикау, 1950. С.231.

34. Кокиев Г.А. Крестьянская реформа в Северной Осетии. Орджоникидзе, 1940. С. 52.

35. Гутнов Ф.Х. Средневековая Осетия. Владикавказ, 1993. С. 92.

36. Там же. С. 147.

37. Гаглойти Ю. Алано–Георгика // Дарьял, 1995, № 2, Владикавказ. С. 168.

38. Тебенькова М. Еще по поводу осетинской истории // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Кн. 2. Цхинвали, 1982. С. 66.

39. Миллер В.И. Осетинские этюды. М., 1881. Ч. I. С. 15.

40. Абаев В.И. Происхождение осетинских фамилий CARAZONTA и

AGHUZATA // Избранные труды. Владикавказ, 1990. С. 408.

41. *Скитский Б.В.* Очерки по истории осетинского народа с древнейших времен до 1867 года. Грозный, 1947. С. 141.
42. ЦГА РСО-А. Ф.291. Оп.1. Д.29. Л.50.
43. ЦГА РСО-А. Ф. 291. Оп.1. Д.16. Л. 3.
44. *Бзаров Р.С.* Три осетинских общества в середине XIX в. Орджоникидзе, 1988. С.44.
45. *Леонтович Ф.И.* Адамы кавказских горцев. Одесса, 1983. Т. 2. С. 15.
46. Там же. С. 11–12.
47. ОРФ СОИГСИ. Ф. 37. Оп. 1. Д. 89. Л. 1.
48. ЦГА РСО-А. Ф. 291. Оп. 1. Д. 13.
49. Там же. Д.2. Л.98.
50. Материалы по истории Осетии // ИСОНИИ. 1950. Т.3. С.192.
51. *Скитский Б.В.* Очерки по истории осетинского народа с древнейших времен до 1867 г. Грозный, 1947. С. 102.
52. ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп.13. Д.869. Л.4.
53. *Бзаров Р.С.* История в осетинском предании. Владикавказ, 1993. С. 46.
54. ЦГА РСО-А. Ф.291. Оп.1. Д.29. Л.4.
55. *Скитский Б.В.* Очерки истории горских народов. Орджоникидзе, 1972. С. 82.
56. Там же. С. 103.
57. *Толстой В.С.* Сказание о Северной Осетии. Владикавказ, 1997. С. 49-51.
58. ОРФ СОИГСИ. Ф. 37. Оп. 1. Д. 26. Л. 2-3 об.
59. *Дубровин Н.Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. Спб., 1871. Т.1. Кн.3. С.152.
60. Алдар. О сословных правах горцев // Новое обозрение, 1893, № 3230.
61. ЦГА РСО-А. Ф.291. Оп.1. Д.29. Л.40–об.

Х.М. Доного (г. Махачкала)

По следам ротмистра князя Эльдарова

Среди множества открытий, которые я сделал для себя, будучи в творческой поездке в Париж в ноябре 2009 года, удивительным считаю нахождение захоронения Ахмед-Хана Эльдарова, ротмистра императорской Российской армии, эмигрировавшего и нашедшего последний приют, как теперь выяснилось, в столице Франции.

Просматривая со своим другом чеченцем Майрбеком Вачагаевым, проживающим с семьей в Париже, первый том издания «Незабытые могилы» в электронном варианте, мы вдруг обнаружили следующий текст: «Ахмат-Хан Эльдаров (? – до 28 мая 1932. Франция). Ротмистр.

Похоронен на кладбище St. Quen Parisienne». Оба пришли к предварительному выводу, что и имя и фамилия явно кавказского происхождения. Для самого Майрбека эта находка также оказалась удивительной и интересной, несмотря на то, что он своими титаническими усилиями на сегодняшний день уже обнаружил и зафиксировал немало захоронений кавказских мухаджиров, а некоторые из них (например, Тапы Чермоева) даже отреставрировал. «В общей сложности, рассказывал Майрбек, – после двух лет поисков удалось идентифицировать почти 70 могил. Дело в том, что фамилии, значащиеся в списках погребенных, порой не имеют никакого отношения к тем, кто здесь на самом деле похоронен, а буквы на могильных стелах зачастую стерлись от времени. Поэтому приходилось вникать во всё крайне скрупулезно, буквально шаг за шагом, продвигаясь к цели ощупью».

Итак, решено было на следующий день поехать на кладбище «St. Quen Parisienne», увидеть могилу Эльдарова в надежде, что надписи на надгробии подскажут нам дополнительные сведения о покойном. Прибыв на кладбище, расположенное в пригороде Парижа на севере, нас ждало некоторое разочарование. На территории каждого кладбища в Париже существует офис со своим штатом, где имеется каталог, база данных всех захоронений, т.е. имя, участок, ряд и пр. Работник офиса после нашего к нему обращения по поводу могилы князя Эльдарова, оперативно дал нам следующую информацию: несколько лет назад, видимо, родственники Эльдарова, перезахоронили его на другое кладбище. Дело в том, что во Франции (да и в других европейских странах) существуют некоторые нюансы по захоронениям. Например, если за могилой долгое время никто не ухаживает, ее по местным законам просто сносят и место освобождается под новое захоронение. При этом останки перемещают в общую, так сказать, братскую могилу, сохраняя, разумеется, имя покойного. Поэтому информация о том, что кто-то перезахоронил прах Эльдарова, мы восприняли с надеждой, что найдем его в другом месте. Этим местом оказалось кладбище «Vanves», что в пригороде Парижа на юго-востоке. Отправились туда, а это не близкое расстояние и успели – буквально через пять минут в офисе должен был наступить перерыв (с этим делом у французов строго). Выяснив место расположения захоронения (удивительно как это было просто и четко), мы стали продвигаться вдоль аккуратных рядов. Что сразу бросается в глаза на французских кладбищах, так это чистота, строгие ряды захоронений, прекрасная работа персонала. Вскоре мы нашли нужный ряд и вот перед нами могила, невысокий широкий камень на котором были выбиты следующие надписи на французском языке сверху

вниз: «Lialia Eldaroff 1917-1925; Prince Ahmed Khan Eldaroff 1889-1932; Olga Eldaroff 1896-1968».

По всей видимости, первой была дочь Эльдарова, умершая ребенком, второй – сам Ахмед-Хан, а вот третье имя, скорее всего жены ротмистра, судя по изображению православного креста рядом с фамилией – христианки. Рассуждали мы следующим образом. Возможно здесь в 1925 г. была похоронена дочь Эльдаровых – Лейла. Отца, скончавшегося 28 мая 1932 г. похоронили на кладбище в «St. Quen Parisi- enne». Вопрос, почему не рядом с дочерью? Затем скончалась жена Ольга, которую похоронили с дочерью, а вот уже кто-то четвертый совершил перезахоронение Ахмед-Хана в общую могилу с женой и дочерью. Конечно, возможны и другие версии. Сфотографировав надмогильный камень Эльдаровых, мы довольные находкой покинули кладбище «Vanves». Но вопрос самый главный остался. Князь Ахмед-Хан Эльдаров, кто он?

По приезду домой предпринял некоторые поиски. Понимаю, что предстоит еще немало покопать, но некоторые результаты уже есть, а поэтому спешу поделиться с читателем. Направив запрос в Российский государственный военно-исторический архив (Москва), получил следующую краткую информацию: «Князь Ахмат Хан Умат Гиреевич Эльдаров. Согласно служебного списка и наградного листа, составленных 12 марта 1915 г., родился 15 мая 1893 г. Происходил из князей Терской области. Вероисповедания магометанского. Грамотен. Женат, жена вероисповедания магометанского (имя жены и есть ли дети – не указано). Зачислен во 2-ю сотню Кабардинского конного полка – 28 декабря 1914 г. Младший урядник (дата производства не указана). Наказаниям и взысканиям по службе не подвергался. Орденов и знаков отличия не имеет. Участвовал в боях за обладание Карпатскими проходами. Представляется к производству в прапорщики милиции за отличие в боях за обладание Карпатскими проходами. В строевом отношении вполне подготовлен и исполняет обязанности младшего офицера. Приказом армиям Юго-Западного фронта № 736 от 10 июня 1915 г. произведен в числе прочих в прапорщики милиции [1].

После ознакомления с архивными сведениями возникли дополнительные вопросы. Если в справке даны сведения о жене магометанского вероисповедания, то почему на стеле изображен крест напротив фамилии жены. Может быть, будучи в эмиграции, Эльдаров вторично женился, на Ольге. Что стало с первой женой? Умерла? Если дочь Лейла 1917 г. рождения (т.е. родилась, по всей видимости, на Кавказе и она не дочь Ольги), как она оказалась с отцом в эмиграции? Забрал ли он ее с собой? Возникли и другие вопросы.

Дальнейшие поиски военной биографии князя Эльдарова увенчались некоторым успехом. Из материала Центрального Государственного архива Кабардино-Балкарии становится известным, что «урядник князь Ахмат-Хан Эльдаров с весны 1915 года служил в Кабардинском конном полку. В его составе приказом командующего Юго-Западным фронтом произведен в чин прапорщика. Позже переведен в Чеченский конный полк. За боевые отличия награжден орденами св.Владимира 4-й степени с мечами и бантом и Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом. В марте 1917-го произведен в подпоручики» [2].

Итак, Ахмат-Хан Эльдаров, участник Первой Мировой войны, всадник Кабардинского полка, и, видимо, корни его надо искать в Кабарде? Ан нет! Следующий документ из того же архива, который был опубликован в известной книге О.Л. Опрышко «Кавказская конная дивизия» несколько проясняет ситуацию: «Прапорщик Ахмат-Хан Эльдаров житель Хасав-Юртовского округа был прикомандирован к Кабардинскому полку из 1-го Дагестанского конного полка, сражавшегося в Юго-Западном фронте в составе 3-й Кавказской казачьей дивизии. За храбрость в боях награжден Георгиевским крестом 4-й степени. Позже прапорщик князь Ахмат-Хан Эльдаров перейдет на службу в Чеченский конный полк. В приказе по Кавказской конной дивизии от 11 марта 1917 года сказано: «Приказом Русским войскам Румынского фронта от 23 февраля сего года помощником Августейшего Главнокомандующего фронтом, по Высочайше предоставленной власти Чеченского конного полка прапорщик Ахмат-Хан Эльдаров за отличия в делах против неприятеля награжден орденом Св.Равноапостольного князя Владимира 4-й ст. с мечами и бантом» [3].

Таким образом, приходим к выводу, что Ахмед-Хан Эльдаров принадлежит, скорее всего, к известному кумыкскому роду Эльдаровых из Аксая Хасав-Юртовского округа. Как следует из выше представленных архивных материалов, начав службу в 1-ом Дагестанском конном полку, он потом переходит на службу в Кабардинский, а затем в Чеченский полки.

В дальнейших наших поисках имя Ахмед-Хана Эльдарова всплывает в 1920 г. В сентябре 1920 г. в Дагестане началось антисоветское восстание под руководством Нажмуддина Гоцинского, полковника Кайтмаза Алиханова, Саид-Бея Шамиля, вылившееся в настоящую войну и продолжавшееся вплоть до мая 1921 г.

В начале октября 1920 г. подняли восстание и казацкие станицы Терской области. Организацией, призванной готовить восстание в Терской области стал врангелевский «Комитет содействия горцам и терским ка-

закам по их освобождению от большевиков», начавший свою работу в июне 1920 г. Основателями комитета и ведущими его деятелями были личные друзья Врангеля: генерал-лейтенант князь Н.И. Меликов, генерал-майор князь Туманов, во время Первой мировой войны командовавшие кавалерийскими корпусами и... князь Ахмед-хан Эльдаров. Последний, по свидетельству исследователя Е.Жупиковой, занимал «видное место среди сотрудников бывшего командующего войсками Северного Кавказа при Деникине генерала Эрдели. Эльдаров имел тесную связь с Врангелем ещё до создания комитета. У него была своя организация, которая, пользуясь большим доверием Врангеля и грузинского правительства, вербовала белогвардейских офицеров, бежавших в Грузию с Северного Кавказа и грузинских офицеров» [4]. Штаб комитета располагался в Тифлисе по улице Ольгинской в доме № 7 княгини Эристовой, а его председателем являлся генерал-лейтенант князь Туманов.

Ротмистр князь Эльдаров значился как член комитета для организации восстания на местах от «Кумыцкой плоскости и Надтеречной части» [5]. Заведующий политотделом (внешним и внутренним) поручик А.Погодин и ротмистр Ахмед-хан Эльдаров от имени Врангеля вступили в соглашение с участниками созданного в Кистинском ущелье Терской области собрания представителей горцев, где присутствовали, как писал в своём отчёте Врангелю А.Погодин, «почётные старики и руководители туземных масс», которые согласились приступить к боевым действиям и своими силами очистить Терский край от большевиков. В конце сентября 1920 г. комитет доложил Врангелю о готовности к восстанию. 15 организованных им отрядов общей численностью около 5 тыс. чел., к которому впоследствии должны были примкнуть ещё около 5 тыс. бойцов.

Однако с разгромом Врангеля пал и его комитет. Барону отказали в помощи и французская миссия, и правительство Грузии. 9 ноября в Тифлисе был арестован поручик А. Погодин. Ему было предложено в двухнедельный срок покинуть территорию Грузии. Возможно, подобный «приговор» был и в отношении Эльдарова. Чем же занимался Эльдаров в эмиграции – вопрос остается открытым. Пока.

Таковы наши скромные поиски о судьбе князя Ахмед-Хана Эльдарова на сегодняшний день. Предстоит еще немалая поисковая и исследовательская работа по обнаружению новых данных, касающихся этой незаурядной личности. Уверен – результаты будут интересными.

Примечания

1. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2067. Оп. 2. Д. 933. Л. 119-119 об., 133-136.

2. Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской республики (ЦГА КБР). Ф.И-20. Оп.1. Д.38. Л. 39 об.

3. ЦГА КБР. Ф.И-20. Оп.1. Д.38. Л. 80; *Опрышко О.Л.* Кавказская конная дивизия. Нальчик, 2007. С. 118.

4. *Жупикова Е.Ф.* Повстанческое движение на Северном Кавказе в 1920-1925 годах // Академия исторических наук. Сборник трудов. Том 1. М., 2007. С. 144.

5. РГВА. Ф. 109. Оп. 1. Д. 38. Л. 40; Оп. 3. Д. 214. Л. 20, 37, 41.

Э.Э. Исмаилов (г. Баку)

Проблема решения сословного вопроса в Азербайджане

Во второй половине XVIII – начале XIX столетия на территории Южного Кавказа существовало более двух десятков независимых и полунезависимых азербайджанских государств – ханств и султанств, образовавшихся, в основном, после гибели Надир-шаха Афшара и распада его Империи в 1747 г.

Такими государствами являлись – *Ардебильское, Бакинское, Гянджинское, Дербентское, Карабахское, Карадагское, Кубинское, Макинское, Марагинское, Нахичеванское, Сарабское, Тальшинское, Тебризское, Шекинское, Шемахинское, Урмийское, Хойское, Эриванское ханства и Илсуйское (Елисуйское) султанство*, а также зависимые от своих более сильных соседей *Джаватское ханство, Арешское, Борчалинское, Казахское, Куткашинское, Памбакское, Сальянское, Шамшадильское и Шурагельское султанства*.

Политическая история этих государственных образований насыщена бесконечными междоусобными войнами и кровавыми дворцовыми переворотами. Верховная власть в этих государствах принадлежала хану или султану. В административном плане ханства подразделялись на «магалы» (округа), которыми управляли «наибы». Вооруженные силы состояли из конных воинов – «черик», и пеших – «пияда». Многие ханы пользовались и наемными формированиями.

В результате двух Русско-иранских войн в первой четверти XIX столетия территория исторического Азербайджана была разделена на Северную и Южную части. Таким образом, зажатые с севера и юга более сильными соседями, азербайджанские государственные образования потеряли свою самостоятельность, а азербайджанский народ в результате этого акта оказался расколотым на две части.

Более того, с подчинением Северного Азербайджана Российской империей в официальный обиход последней вошли искаженные этни-

ческие названия азербайджанцев, которых называли либо «татарами» («закавказскими татарами», «азербайджанскими татарами»), не редко «персами» (в частности в Дербентском и Бакинском регионах), либо просто по конфессиональной принадлежности – «мусульманами».

Эти этнические названия даже легли в названия иррегулярных и регулярных воинских частей Российской империи, которые были сформированы из азербайджанцев. Такими частями являлись, например, четыре конно-мусульманских полка периода Русско-турецкой войны 1828–1829 гг., Кавказской войны и Восточной войны, Закавказский конно-мусульманский полк (1834–1857 гг.), команда Мусульман Собственного Его Императорского Величества Конвоя (1839–1856 гг.), 4-й взвод Мусульман лейб-гвардии Кавказского эскадрона Собственного Его Императорского Величества Конвоя (1856–1881 гг.) и Татарский конный полк Кавказской туземной конной дивизии (1914–1917 гг.).

В то же время само название народа являлось «турки», «тюрки» (азербайджанские турки) и также назывался язык: тюркский (азербайджанско-тюркский). Эти названия вернулись в официальный обиход лишь в 1918 г. с восстановлением государственности на территории Северного Азербайджана. Собственно же этноним «азербайджанцы» в различных формах стал использоваться в академической литературе с XIX столетия.

После подчинения североазербайджанских владений Российской империей, представители азербайджанского высшего сословия хотя и сохранили в основном свои местные родовые титулы в употреблении, однако так и не были окончательно приравнены к русским дворянам и признавались в российском дворянстве только по чинам и орденам, получаемым на русской службе.

Впервые дело о составлении проекта положения о личных правах высшего мусульманского сословия в Закавказье возникло по повелению императора Николая I в 1843 г. Для исполнения этого повеления в марте 1843 г. был образован из высших должностных лиц Закавказского края специальный комитет – «об устройстве среди мусульманского населения Закавказья привилегированного сословия». По проекту, составленному данным комитетом, высшее мусульманское сословие следовало разделить соответственно принятым в Российской империи основаниям при разделении дворянского сословия, т.е. на потомственное и личное. При этом прямым потомкам бывших владетельных ханов, по проекту комитета, следовало присвоить княжеское достоинство.

6 декабря 1846 г. Императором Николаем I был подписан Рескрипт «Об определении поземельных прав ханов, султанов, меликов, агаларов и беков, составляющих высшее мусульманское сословие в Закавказье, и об утверждении за ними в потомственном владении земель, которыми они владели во время присоединения Кавказа к Российской империи». Тем же Рескриптом предписывалось заняться определением личных прав этого сословия, приравнивая его, «по мере возможности, к правам, благородному дворянству Российскому присвоенным» [9. С. 30–34].

По завершении работ, относящихся к поземельным владениям, Совет наместника Кавказа в 1862 г. передал дело о личных правах в Департамент судебных дел. Последним в 1863 г. были составлены проекты инструкций четырёх бекских комиссий – Тифлисской, Эриванской, Шушинской и Бакинской – для приведения в известность и «определения личных прав высшего сословия в мусульманских частях Закавказского края».

Результатом деятельности бекских комиссий (Тифлисской в 1865–1867 гг., Эриванской в 1865–1867 гг., Шушинской в 1870–1876 гг. и Бакинской в 1870–1882 гг.) стали списки родов высшего мусульманского сословия по уездам Тифлисской, Эриванской, Елисаветпольской и Бакинской губерний*, которые были подразделены на две ос-

* В последней четверти XIX столетия Бакинская губерния состояла из бывших владений: *Бакинского ханства* (Бакинский уезд), *Джаватского ханства* и *Сальянского султанства* (Джаватский уезд), *Кубинского ханства* (Кубинский уезд), *Талышского ханства* (Ленкоранский уезд), *Шемахинского ханства* (Шемахинский и Геокчайский уезды); Елисаветпольская губерния состояла из бывших владений: *Гянджинского ханства* (Елисаветпольский уезд), *Карабахского ханства* (Джеванширский, Зангезурский, Шушинский и Джебраильский уезды), *Шекинского ханства* (Нухинский уезд), *Арешского* и *Куткашинского султанств* (Арешский уезд), *Казахского* и *Шамшадильского султанств* (Казахский уезд); Эриванская губерния состояла из бывших владений: *Нахичеванского ханства* (Нахичеванский и Шаруро-Даралагезский уезды), *Эриванского ханства* (Эриванский, Эчмиадзинский, Новобаязетский и Сурмалинский уезды), *Памбакского* и *Шурагельского султанств* (Александропольский уезд); Закавказский округ состоял из бывших владений: *Джаро-Белокавказских вольных обществ* и *Илисуйского (Елисуйского) султанства*; территория бывшего *Дербентского ханства* входила в состав Кайтахо-Табасаранского округа Дагестанской области; территория бывшего *Борчалинского султанства* составляла Борчалинский уезд Тифлисской губернии.

новные категории. К первой категории отнесли списки родов, причисленных к «потомственным бекам и родовым агаларам», а ко второй – списки родов, причисленных к «личным бекам и неродовым агаларам». Все эти списки были рассмотрены в Совете Главного управления кавказского наместника и в Совете Главного начальствующего гражданского частью на Кавказе**.

Материалы бекских комиссий являются одним из важнейших источников по генеалогии привилегированных сословий Южного Кавказа. В делах Тифлисской, Эриванской, Шушинской и Бакинской бекских комиссий содержатся уникальные сведения о происхождении, образовании фамилии, генеалогии, сословном статусе и землевладении многочисленных ханских, султанских, меликских, агаларских и бекских родов региона.

В этой связи одной из важных задач, стоящих перед исследователями кавказской генеалогии является выявление и ввод в научный оборот архивных документов, отражающих деятельность данных учреждений. Изучение материалов бекских комиссий позволит обогатить новыми сведениями генеалогов, этнографов, а также будет полезно для специалистов, интересующихся экономической и политической историей Азербайджана.

Материалы двух из этих бекских комиссий – Шушинской и Бакинской – в настоящее время находятся на хранении в Государственном историческом архиве Азербайджанской Республики. Документы Шушинской бекской комиссии собраны в одной описи фонда № 69 общим объемом 83 единицы хранения за период 1869 – 1874 гг. Документы Бакинской бекской комиссии собраны в одной описи фонда № 55 и состоят из 50 единиц хранения за период 1870 – 1882 гг.

Материалы Эриванской бекской комиссии в настоящее время находятся на хранении в Национальном Архиве Армении (фонд № 89). Фонд включает в себя 32 архивных дела, объединенных в одну опись.

Материалы Тифлисской бекской комиссии, вероятно, находятся на хранении в архивах Грузии.

По окончании деятельности бекских комиссий, т.е. после установления разрядов мусульманского «высшего сословия» в Закавказье, предполагалось выработать предложения о тех правах, которые следовало присвоить каждому из установленных бекскими комиссиями раз-

рядов высших сословий в общем ряду привилегированного сословия Российской империи. Также планировалось выработать организацию и проект учреждений, которые ведали бы интересами высшего сословия Закавказья. И, наконец, необходимо было отредактировать списки лиц, подготовленные бекскими комиссиями. Решение всех этих задач в 1891 г. было возложено на члена Совета Главного начальствующего гражданского частью на Кавказе тайного советника Прибыля, который в конце 1894 г. в особой записке представил свои соображения по данным вопросам. В частности, тайным советником Прибылем были составлены именные списки ханских родов (3 рода), сводный список родов, причисленных к сословиям потомственных беков и родовых агаларов (850 родов), которым он предполагал предоставить права потомственного дворянства Российской империи, а также сводный список родов, причисленных к сословиям личных беков и неродовых агаларов (302 рода), которым предполагалось предоставить права потомственного почетного гражданства. Планировалось также создать временные учреждения, на которые до образования бекских депутатских собраний, должны были быть возложены обязанности дворянских депутатских собраний. Предполагалось, что эти временные учреждения должны будут подготавливать свидетельства и посемейные списки для представителей родов, заменяя свидетельства и посемейные списки бывших бекских комиссий, с дальнейшим их представлением на ревизию Департамента герольдии Правительствующего Сената.

На основании проделанной работы Совет Главного начальствующего гражданского частью на Кавказе признал необходимым испросить «Высочайшее соизволение»: 1) на дарование ханским родам, приведенным в списке тайного советника Прибыля, княжеского достоинства Российской империи с титулом сиятельства; 2) на дарование потомственным бекам и родовым агаларам потомственного дворянского достоинства Российской империи; и 3) на образование в Эриванской, Елисаветпольской и Бакинской губерниях для ведения дел дворянского сословия по одному дворянскому депутатскому собранию. Данное постановление Совета 20 января 1897 г. было утверждено исполнявшим обязанности Главного начальствующего гражданского частью на Кавказе генералом от инфантерии графом Татищевым [9. С. 41–47].

Однако в 1901 г. новый Главного начальствующий гражданского частью на Кавказе генерал-адъютант князь Голицын категорически отказался согласиться с предложением, согласно которому в потомственное дворянство возводились бы представители высших сословий Кавказа по спискам, составленным Главным кавказским начальством.

** Подробнее о деятельности бекских комиссий в Азербайджане см.: 8. С. 47–51; 2. С. 118–124; 1. С. 125–133.

Князь Голицын полагал более целесообразным установить в законодательном порядке категории лиц, которым признавалось бы необходимым предоставить те или иные сословные права, и чтобы Департамент герольдии в каждом конкретном случае определял право просителей на то или иное состояние. В августе 1904 г. князь Голицын в своем отзыве на имя Министра юстиции указал, «что массовое предоставление дворянских прав туземцам несправедливо в отношении дворянства русского!» Министр юстиции, в свою очередь, в ноябре 1904 г. внес на рассмотрение Государственного Совета проект, согласно которому потомственное дворянское достоинство могло быть предоставлено только прямым потомкам бывших владельцев, в то время как потомственным бекам и родовым агаларам должно было быть предоставлено лишь потомственное почетное гражданство. Данное законодательное предложение осталось в Государственном Совете нерассмотренным и, после восстановления на Кавказе 26 февраля 1905 г. наместничества, было возвращено Министру юстиции для дальнейшего согласования с наместником на Кавказе генерал-адъютантом графом Воронцовым-Дашковым. Последний, в свою очередь, настаивал на безусловной необходимости предоставления высшим сословиям мусульманского населения Кавказа прав дворянства и предлагал в частности указать в формулировке законопроекта, что потомственное дворянское достоинство предоставлялось в Бакинской, Елисаветпольской, Тифлисской и Эриванской губерниях – ханам, потомственным бекам, бекам (владельцам деревень), родовым агаларам и агаларам (владельцам деревень). Право же на княжеский титул, согласно этому законопроекту, могло быть предоставлено только в исключительных случаях в виде «монаршей милости» отдельным лицам после утверждения их в дворянском достоинстве и признании их заслуживающими княжеского титула Советом наместника на Кавказе, с согласия самого наместника и Комитета министров.

10 марта 1908 г. Императором Николаем II было утверждено предложение Министра юстиции, согласно которому дальнейший ход настоящего дела был передан наместнику на Кавказе генерал-адъютанту графу Воронцову-Дашкову. Последний в январе 1913 г. ходатайствовал перед Советом министров о разрешении, наконец, сословного вопроса на Кавказе в ознаменование 300-летия царствования Дома Романовых. Но Совет министров категорически исключил всякие льготные меры в разрешении данного вопроса, который так и не получил окончательного юридического утверждения до начала Первой мировой войны [9. С. 176, 185, 197–202].

Эта ситуация кардинально отличалась от той, что сложилась в соседней с Азербайджаном Грузии. Согласно заключенному 24 июля 1783 г. трактату с царем Картли и Кахетии (Восточная Грузия) Ираклием II, по которому он признавал над собой верховную власть и покровительство России, грузинские тавады и азнауры получали право пользоваться в России теми же преимуществами, какие были «российским благородным присвоены». В частности, девятый артикул Георгиевского трактата гласил: «Простирая милость свою к подданным его светлости Царя, князьям и дворянам, Е[го] И[мператорское] В[еличество] устанавливает, что оные во Всероссийской Империи будут пользоваться всеми теми преимуществами и выгодами, кои российским благородным присвоены, а его светлость, приемля с благодарностью столь милостивое к подданным его снисхождение, обязывается прислать ко двору Е[го] В[еличества] списки всех благородных фамилий, дабы по оным можно было знать в точности, кому таковое отличное право принадлежит» [3. С. 243]. В представленном Ираклием II списке насчитывалось 62 тавадских и 317 азнаурских родов [4. С. 9–15].

С вступлением в 1801 г. Картли и Кахетии, а в 1810 г. и Имеретии, в непосредственное управление России населению этих территорий было обещано сохранение за «высшими классами» всех принадлежавших им прав и преимуществ. В 1818 г. было учреждено Грузинское (позже – Тифлисское) дворянское депутатское собрание, которым дела о признании тавадов в княжеском и азнауров в потомственном дворянском достоинстве направлялись на рассмотрение в Общее собрание Верховного грузинского правительства, откуда, в свою очередь, эти дела представлялись на утверждение в Санкт-Петербург, в Департамент герольдии Правительствующего Сената. За период с 1818 по 1846 г. в княжеском достоинстве Российской империи были признаны 39 тавадских, а в дворянском достоинстве – 70 азнаурских родов Картли, Кахетии и Имеретии [9. С. 2].

30 марта 1846 г. на основании повеления Императора Николая I были созданы две временные комиссии, в Тифлисе и в Кутаиси, с целью окончательного «приведения в известность» всех лиц, принадлежащих к числу тавадов и азнауров Грузии (т.е. Картли и Кахетии), Имеретии и Гурии. Данными комиссиями были составлены поименные списки лиц, признанных в тавадском и азнаурском достоинстве. Эти списки были рассмотрены в Совете Главного управления кавказского наместника, затем вынесены на рассмотрение в Кавказский комитет, и, наконец, согласно положению последнего, удостоились 6 декабря 1850 г. утверждения императором Николаем I. При этом лица,

признанные тавадами, были утверждены в княжеском, а азнаурами – в потомственном дворянском достоинстве Российской империи (всего около 30 000 человек!) [9. С. 3].

Списки княжеских и дворянских родов Восточной Грузии, Гурии и Имеретии были опубликованы в 1851 г. в Санкт-Петербурге [См.: 5; 6; 7]. В этих списках в разделе, посвященном дворянским родам Восточной Грузии, которые получили права русского дворянства, были перечислены и четыре азербайджанских бекских рода Борчалинского уезда, входившего в состав Тифлисской губернии: Везиры (в источнике Киаз-Везиры), Едигаровы, Мустафовы и Агаларовы. Имена представителей этих родов были записаны с русской транслитерацией и часто не совпадали с действительными именами даже по звучанию. Тем не менее, информация именных списков 1850 г., несомненно, представляет собой ценный материал, который может оказать существенную помощь для исследователей истории и генеалогии азербайджанских бекских родов.

Ценный генеалогический материал содержат и печатные списки российского дворянства, в котором в XIX – начале XX в. был признан целый ряд азербайджанских родов, получивших дворянство либо за военную службу, либо за гражданскую службу, либо в результате награждения орденом.

Одной из печатных губернских родословных книг, с которой нам удалось поработать, является «Список дворян, внесенных в дворянские родословные книги Ставропольской губернии, Терской и Кубанской областей с 1795 г. по 1 декабря 1912 г.» (на 104 страницах). Среди 932 семей, внесенных в этот список, присутствует и одна семья азербайджанского происхождения (под № 22), главой которой в 1912 г. был записан отставной полковник Ахундов Ирза-Молло Аскерович. Он был признан в потомственном дворянском достоинстве определением Сената 24 мая 1899 г. и был внесен во 2-ю часть родословной книги по определению собрания 25 июня 1901 г. У него было два сына и одна дочь. Все они проживали в городе Владикавказе Терской области [10. С. 3].

Примечания

1. *Абрамян Р.М.* Материалы Эриванской бекской комиссии как генеалогический источник // Известия Азербайджанского историко-родословного общества. Вып. 6. Баку, 2007. С. 125–133.

2. *Ахмедов С.А.* Материалы Шушинской и Бакинской бекских комиссий в Государственном историческом архиве Азербайджанской Республики

ки // Известия Азербайджанского историко-родословного общества. Вып. 6. Баку, 2007. С. 118–124.

3. Договор о признании царем Карталинским и Кахетинским Ираклием II покровительства и верховной власти России. 24 июля 1783 г. // Под стягом России: Сборник архивных документов. Москва, 1992. С. 243.

4. *Думин С.В.* Грузинские князья // Дворянские роды Российской империи. Том 4. Князья Царства Грузинского. Москва, 1998.

5. Именной посемейный список лицам, принадлежащим к княжеским и дворянским родам Грузии [Санкт-Петербург, 1851].

6. Именной посемейный список лицам, принадлежащим к княжеским и дворянским родам Гурии [Санкт-Петербург, 1851].

7. Именной посемейный список лицам, принадлежащим к княжеским и дворянским родам Имеретии [Санкт-Петербург, 1851].

8. *Исмаилов Э.Э.* Бекские комиссии и проект положения о правах высшего мусульманского сословия Закавказья // Генеалогический вестник. Вып. 9. Санкт-Петербург, 2002. С. 47–51.

9. *Линден В.* Высшие классы коренного населения Кавказского края и правительственные мероприятия по определению их сословных прав. Исторический очерк. Тифлис, 1917.

10. Список дворян, внесенных в дворянские родословные книги Ставропольской губернии, Терской и Кубанской областей с 1795 г. по 1 декабря 1912 г. Составлен Ставропольским дворянским депутатским собранием по постановлению очередного губернского собрания, состоявшегося 16 декабря 1909 года. Ставрополь, 1912.

К.М. Алиев (г. Махачкала)

Под стягом России (Род Шейх-Алиевых (Шейх-Али) на российской воинской службе)

Начиная с XVIII века немало представителей кумыкских княжеских и узденских родов находились на российской воинской службе. К ним относится и узденский род Шейх-Али из Эндирея (в русских источниках нередко фигурирует под названием «Эндери», «Эндри» или «Андреевская деревня» в Засулакской Кумыкии). Из этого рода вышли: один полковник и два генерала Российской Императорской армии. Они вписали свои имена в историю России, своего родного народа, Кавказа.

Родоначальником Шейх-Али считается ШЕЙХ-АЛИ Девлет-Мирза (1811 – не ранее 1872 г.), полковник [1], Главный пристав магометанских народов Ставропольской губернии, майор (1852 г.)

[2], из кумыкских первостепенных узденей (с. Эндирей). Первоначальное образование он получил в Тифлисском благородном училище. На военную службу вступил в 1827 г. Как свидетельствует его Послужной список [3], “27 марта 1830 г. Высочайшим приказом Д.-М. Шейх-Али произведен в прапорщики. 25 марта 1833 г. приказом по Кавказскому корпусу (позднее армии) № 101 произведен в подпоручики. В том же году Высочайшим приказом получил в числе других Монаршее благоволение. 20 июня 1836 г. приказом по Кавказскому корпусу № 40 награжден орденом Св. Станислава 4-й степени. 7 августа 1837 г. приказом по Кавказскому корпусу № 89 награжден орденом Св. Анны 4-й степени с надписью “За храбрость”. 21 сентября 1838 г. приказом по Кавказскому корпусу № 108 награжден орденом Св. Анны 3-й степени с бантом. 15 января 1839 г. приказом по Кавказскому корпусу № 10 произведен в поручики. 4 декабря 1839 г. приказом по Кавказскому корпусу № 152 получил Монаршее благоволение. 18 декабря 1839 г. приказом по Кавказскому корпусу № 156 награжден единовременно 300 руб. ассигнациями. 17 февраля 1840 г. Высочайшим приказом произведен в штабс-капитаны. 30 июня 1841 г. приказом по Кавказскому корпусу № 99 награжден единовременно 300 руб. серебром. 27 апреля 1843 г. приказом по Кавказскому корпусу № 66 произведен в капитаны с производством жалованья по 135 руб. серебром в год. 9 июля 1844 г. приказом по Кавказскому корпусу № 88 награжден единовременно 307 руб. серебром. 12 апреля 1845 г. приказом по Кавказскому и пехотному корпусам № 8 награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом. 2 марта 1847 г. Высочайшим приказом произведен в майоры. 23 января 1849 г. награжден орденом Св. Анны 2-й степени. 20 января 1853 г. Высочайшим приказом произведен в подполковники. Жалованье получал по требованиям начальника Кумыкского окружного военного округа на основании Высочайшего повеления, объявленного в приказе по Кавказскому корпусу от 27 апреля 1843 г. № 60. На службе состоял по кавалерии. Жительство имел в г. Кизляре”. С 1853 г., служба Главным приставом магометанских народов (ногайцев, туркмен и др.) Ставропольской губернии и “будучи “основательно знакомым с мусульманством вообще и нравами кочевых мусульман Ставропольской губернии в частности”, Шейх-Али сделал очень много в деле обустройства и защиты их коренных прав, в изучении их культурного наследия [4]. Им была переведен на русский язык песня “Кёр-оглу”, записанная у ставропольских туркмен. Шейх-Али был составлен и опубликован в газете “Ставропольские губернские

ведомости” (1879, №10-14) “Кодекс народных юридических обычаев кочевых мусульман Ставропольской губернии» [5]. Автор предисловия, подписавшийся инициалом «А», характеризует «майора, Главного пристава мусульманских народов края» как «основательно знакомого с мусульманством вообще и нравами кочевых мусульман Ставропольской губернии в частности».

В начале 40-х годов XIX в. Шейх-Али наряду с Х. Уцмиевым (в будущем генерал-майор), Шора Ногмовым, Магомедом Дударовым, Касимом Курумовым (в будущем генерал-майор), и находившимся на службе кадием Юсуфом Клычевым был привлечен Канцелярией по управлению мирными горцами (начальник – подполковник. Бибииков) к работе по собиранию и изучению адатов горцев, а также переводу книг по шариату на русский язык [6]. Широко публиковался в различных кавказских изданиях, в том числе опубликовал свой главный труд – историко-этнографический очерк “Рассказ кумыка о кумыках” в 1848 г. в газете «Кавказ». Появление этого очерка в печати было примечательным явлением. «Его смелые для того времени суждения об уровне общественного развития кавказских народов, – пишет современный исследователь, профессор Р. Юсуфов, – разрушали представления примитивности их общественного строя» [7].

В конце 60-х годов Шейх-Али вышел в отставку и жил первоначально в г. Кизляре в собственном доме по улице Лориса-Меликова (ныне ул. Пролетарская, д. 10), позже переехал в г. Владикавказ. Для его общественно-политических взглядов характерен такой факт. В 1883 г. с его непосредственным участием во Владикавказе учреждается «Благотворительное общество для распространения образования и технических знаний среди горцев Терской области». Как сообщает по этому поводу газета «Терджиман» от 17 января 1884 г.: «В Терской области *просвещенные мусульмане Шейх-Али, И. Шанаев, Д. Шанаев, М. Далгат, М.-Э. Османов, А.-Г. Мансуров и др.* создали Благотворительно-просветительское общество, имеющее целью открытие в области училищ, в коих кроме мусульманского языка, будут обучаться различным ремеслам и русскому языку. Общество также будет помогать нуждающимся мусульманам в обучении в средних и высших учебных заведениях...». При этом до смертного часа своего оставался «патриотом России и просвещенным ходатаем своего народа».

Д.-М. Шейх-Али принадлежит к замечательной плеяде деятелей Северного Кавказа, вышедших на историческое поприще в середине XIX в. благодаря воздействию русской культурной среды, и стоит в

одном ряду с такими корифеями как Султан Хан-Гирей, Султан Казы-Гирей, Ш. Ногмов, Д. Кодзоков и др.

В потомстве своем Девлет-Мирза имел четырех сыновей, двое из которых получили блестящее военное образование в Санкт-Петербурге и стали впоследствии генералами:

ШЕЙХ-АЛИ (он же – **Шихалиев**) Махмут, генерал-майор (с 1890 г.), сын Девлет-Мирзы Шейх-Али, из кумыкских эндириевских узденей (гуэнов), состоял при войсках Кавказского военного округа по армейской кавалерии [8]. Родился 16 октября 1835 года. Магометанского вероисповедания. По выдержании в Кадетском корпусе экзамена Высочайшим приказом произведён в корнеты 7 августа 1851 года с зачислением по кавалерии. Приказом по Гвардейскому гренадерскому корпусу от 26.08.1851 г. №216 прикомандирован к Владимирскому Уланскому Е.И.В. Великого князя Михаила Николаевича полку. Отправлен из корпуса 29.08.1851 г. Прибыл в полк 7.09.1851 г. Поручиком – с 11 сентября 1854 г. Переведен в оный полк 11.08.1855 г. Командирован в Камчатский пехотный полк, находившийся на передовой позиции против союзников в Крыму 18.08.1855 г. Прибыл обратно в свой полк. 20 июля 1856 г. переведен в 17 (ныне 45-й) Северский Его Величества Короля Датского полк – 28.09.1858 г. Отправлен по переводу 30.09.1858 г. Прибыл 29.11.1858 г. Назначен заведующим 4-м эскадром 3.11.1859 г. Сдал эскадрон 4.02.1860 г. За отличие в делах против горцев произведен в штабс-капитаны 21.02.1861 г. Заведывал 5-м эскадром с 1.06 по 19.08.1861 г. За отличие против горцев награжден орденом Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом 5.12.1862 г. За такое же отличие произведен в капитаны 14.10.1863 г. со старшинством с 3.10.1862 г. Назначен командиром 3-го эскадрона 3.03.1865 г. За отличие при покорении Западного Кавказа в 1864 г. награжден орденом Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом 25.10.1865 г. На вакансию произведен в майоры 19.06.1866 г. Утвержден командиром эскадрона 5.11.1866 г. За отличие по службе награжден орденом Св. Станислава 2-й ст. 9.11.1868 г. За такое же отличие награжден орденом Св. Станислава 2-й ст. с короною 22.09.1871 г. Сдал эскадрон и утвержден Командиром 1 дивизиона и заведующим в полку хозяйством 11.03.1875 г. Награжден орденом Св. Владимира 4-й ст. с бантом для нехристиан установленным за выслугу 25 лет в офицерских чинах 22.09.1876 г. Сдал должность командира 1-го дивизиона и командирован по распоряжению начальства для командования Кубанским казачьим полком 5.06.1877 г. Назначен Командующим этим полком 25.07.1877 г. За отличие сражений с тур-

ками награжден Золотой саблей с надписью «За храбрость» 30.08.1877 г. За отличие в сражении с турками Всемиловейшее пожалован орденом Святой Анны 2-й ст. с мечами 31.10.1877 г. За такое же отличие в делах против турок 2 и 3 октября награжден орденом Св. Анны 2-й ст. с мечами (мусульманский) 14.12.1877 г. Сдал командование полком и возвращен в свой полк 26.01.1877 г. Назначен состоять при Кавказской Армии с зачислением по Армейской кавалерии 24.12.1878 г. Его Величеством Королем Датским пожалован орденом Данеброга – Командорским крестом 2-го класса, на принятие и ношение которого последовало Высочайшее соизволение 8.10.1881 г. Взамен вторично пожалованной 14.12.1887 г. Св. Анны 2-й ст. с мечами произведен в полковники 23.10.1881 г. Старшинство в чине полковника отдано с 3.10.1877 г., о чем сообщено Главным штабом 30.01.1882 г. В гражданской службе по выборам дворянства не служил. Всемиловейших рескриптов и Высочайших благоволений не получал. В походах и делах находился в 1855–1856 гг., а в Крымской кампании против союзных войск с 20.04.1855 по 1.07.1856 г. В 1859 г. с 25.02. по 14 апреля – движения и действия Дагестанского отряда в Аухе и Ичкерии. В продолжение этого времени были следующие дела и перестрелки: 2 марта при следовании отряда к Зандаку; 3 марта при рекогносцировке местности впереди Зандака, взятии неприятельского редута Зандак-кала и уничтожении хуторов; 5 марта при селении Госсан-Бек-Кент; 10 марта поражение неприятельских скопищ при селении Боши-Юрт; 14-го при переселении жителей хуторов Агач-Отар и рекогносцировке к аулам Аллерой, Самсану и Шамхал-Берды; 19-го при занятии леса на правом берегу Аксяя между Аллероем и Шамхал-Берды; с 19-го марта по 5 апреля при рубке просеки по направлению к аулу Аллерой; 5-го апреля при движении и истреблении аулов Шамхал-Берды, Девлет-Бей-отар, Ноной-Отар-Дербин-Махк и Даван-Берды; 9-го при отступлении отряда к Гойтемировским воротам (14.04.1859 г.). В том же году с 25 мая по 1 сентября в Главном Дагестанском, Койсубулинском и в отдельных отрядах передовой линии. В продолжение этого времени были следующие дела и перестрелки: 15 июня при взятии Бурундук-Кальской башни; 16-го в Бурундук-Кальском ущелье, 18-го на Тавлинских горах; 26-го при движении к урочищу Чох; 24 июля при занятии неприятельского укрепления Уллу-Кале; 27-го при занятии неприятельского укрепления Чох; 2 августа при занятии неприятельского укрепления Ириб, с 10 августа под личным Начальством Главнокомандующего Кавказскою Армиею при блокаде и 25-го при взятии штурмом Гуниба и пле-

нении Шамиля 1 сентября 1859 г. С 1860 по 1864 гг. М. Шейх-Али (Шихалиев) принимал участие в военных действиях на Западном Кавказе. В 1877-1878 гг. – в действиях против турок в составе войск действовавшего корпуса на Кавказско-Турецкой границе с 12 апреля 1877 г. по 25 октября 1878 г. и участвовал в 1877 г. апреля 12-го при переходе через границу главных сил корпуса под начальством генерал-адъютанта Лорис-Меликова и в бывших при этом перестрелках; 16 апреля в перестрелке кавалерии под Карсом у Азат-Кева; с 16 по 19 апреля в поиске кавалерии под начальством генерал-майора князя Чавчавадзе, по южную сторону Карса к Соганлугу и преследовании части Карского гарнизона; 4 мая в рекогносцировке северо-восточных фортов Карса генерал-майором Комаровым III и в деле кавалерии под начальством Свиты Его Величества генерал-майора князя Челокоева впереди укр. Карадаг; 8-го в рекогносцировке форта Карадаг и Чахмахских высот генерал-майором Комаровым III; 13-го в деле кавалерии под начальством генерал-майора Лорис-Меликова у Магараджика; 18-го в деле кавалерии под начальством генерал-майора князя Чавчавадзе у сел. Бегли Ахмет; 20-го в усиленной рекогносцировке Шорахских и Чахмахских укреплений и мсетности перд ними генерал-адъютантом Лорис-Меликовым; 22-го установлении блокады Карса; 27-го в рекогносцировке генерал-лейтенантом Гейманом Щорохских высот; 3 июня в атаке 17 Драгунского Северского Его Величества Короля Датского полка при вылазке войск Карского гарнизона на лагерь колонны генерал-лейтенанта Геймана у сел. Аравартан и Чифтлика; 13-го в бою отряда генерал-лейтенанта Геймана под Зивинном; 28-го при прекращении бомбардирования и снятии блокады Карса; 14 июля в рекогносцировке генерал-майором Лорис-Меликовым правого фланга распоожения неприятеля на Аладжинских высотах у развалин Ани; 16-го при рекогносцировке генерал-адъютантом Лорис-Меликовым левого фланга неприятельского расположения у Визинкева и в кавалерийском деле у горы Большие Ягны; 18-го при занятии развалин г. Ани; 27-го при рекогносцировке полковником Рыдзевским центра Турецкого расположения у сел. Хаджи-Вали; 2 августа в перестрелке у Ани; 6-го в усиленной рекогносцировке генерал-адъютантом Лорис-Меликовым Аладжинской позиции турок; с 7 по 8 августа в ночном деле кавалерии генерал-лейтенантом князем Чавчавадзе у сел. Буланах; 13-го в сражении под горой Кизил Тапа отряда под начальством генерал-лейтенанта князя Чавчавадзе; 1 сентября в усиленной рекогносцировке генерал-майором Лорис-Меликовым расположения неприятеля у сел. Джана и на горе Иннах-Тепеси; 20, 21

и 22 сентября в трехдневном сражении с Турецкою Армиею под Аладжинскими высотами и у гор Б. и М. Ягны под начальством генерал-адъютанта Лорис-Меликова и под личным руководством Его Императорского Высочества Главнокомандовавшего армиею; 27-го в кавалерийском деле генерал-майора Лорис-Меликова у горы Иннах-Тепеси; 3 октября при поражении турецкой армии на Аладжинских высотах войсками действовавшего корпуса под начальством генерал-адъютанта Лорис-Меликова и под личным руководством Его Императорского Высочества Главнокомандовавшего армиею; 5-го в перестрелке кавалерии с частями войск Карского гарнизона у сел. Магараджик; 8-го при втором обложении крепости Карс; с 5 по 6 ноября при штурме крепости Карс частью войск действовавшего корпуса под начальством генерал-адъютанта Лорис-Меликова и под непосредственным руководством Его Императорского Высочества Главнокомандовавшего армиею и в 1878 г. по сдаче Кубанского казачьего полка находился в распоряжении Командовавшего Карским отрядом генерал-лейтенанта Лазарева до расформирования отряда, т.е. с 20 июня по 25 октября. Ранен и контужен не был, особых поручений сверх прямых обязанностей по Высочайшему повелению и от своего начальства не имел. В

службе не было обстоятельств лишаящих права на получение знака отличия беспорочной службы, или отдаляющих срок выслуги к сему знаку. Награжден также медалями – бронзовой в память войны 1853-1856 гг., серебряными – за покорение Чечни и Дагестана в 1857-1859 гг.; за покорение Западного Кавказа в 1861-1864 гг.; в память войны 1877-1878 гг. и крестом за службу на Кавказе.

Махмуд Шейх-Али был в 1906 г. делегатом на II Всероссийском мусульманском съезде в Санкт-Петербурге. Был женат на дочери казанского дворянина,

помещика, коллежского регистратора Султан-Мухаммеда Алкина девице Маги-Первез. Имел сына Дауда, родившегося 24.10.1881 г. и дочь Амину, родившуюся 25.05.1884 г. Жена и дети магометанского закона. Дочь была замужем за сыном Шахайдара Сыртланова – Гали-Аскарком, вторым браком – за Мухамеджаном Тынышпаевым. Дауд Шейх-Али – впоследствии в России стал известным ученым-ботаником, в 40-50-е годы заведовал кафедрой в Дагестанском сельскохозяйственном институте. Похоронен на одном из мусульманских кладбищ в г. Махачкале

ШЕЙХ-АЛИ Али Девлетович, – генерал-майор (10.01.1900-? гг.) командующий 2-й бригадой 1-ой Кавказской казачьей дивизии / Штаб дивизии – Карс (1.02.1913 г.) [9]., сын Девлет-Мирзы Шейх-Али (см.), из эндиреевских первостепенных узденей. Окончил в 1862 г. Санкт-Петербургский 2-й кадетский корпус и был распределен в кавалерию. В бытность подполковником командовал 6-м Оренбургским казачьим полком, участвовал в Русско-турецкой войне 1877-1878 гг. на Кавказском фронте в составе отдельного Кавказского корпуса под командованием генерала от кавалерии М. Т. Лорис-Меликова. Сведения об этом отличаются скудностью. Известно, что оренбургские казаки под командованием подполковника Шейх-Али 1 и 2-го октября 1877 г. участвовали в боях при взятии Орлогских высот, 3 октября при Аладжинских высотах, 8 октября при вторичной блокаде г. Карса, 5 и 6 ноября в штурме крепости Карс. Зимой 1877-1878 гг. эти полки были при блокаде г. Эрзерума. Полк возвратился из действующей армии в ноябре 1878 г. За отличие при штурме крепости Эрзерум и в боях под Карсом именными указами Императора Александра II был награжден тремя орденами. После выхода в отставку в чине генерал-майора жил в Петербурге, занимался общественной деятельностью [9]. Его имя называется среди тех феодальных мусульманских фамилий, «которые своими крупными историческими заслугами перед самодержавием стояли очень близко к Петербургскому Двору» [10]. Его имя и имя его супруги Гюльсум-бике из знаменитого татарского рода Тевкелевых часто фигурируют в мусульманских газетах, издававшихся в начале века в Петербурге, Казани, Оренбурге. Оба они были довольно известными людьми в светских кругах столицы и ее мусульманской общины. С 1901 г. они оба активно участвуют в деятельности Петербургского мусульманского просветительского общества. Из протоколов Общества также видно, что «по инициативе генерал-майора Шейх-Али в 1901-1902 гг. был поставлен вопрос об открытии при Обществе приюта для мусульманских детей, учрежде-

на также школа для первоначального обучения детей родной и русской грамоте». При Обществе же уже в 1906 г. было открыто «национальное училище для детей обоего пола (4 года обучения), где уже в 1906-1907 учебном году обучалось 34 мальчика и 16 девочек» [11]. Генерал Али Шейх-Али был одним из инициаторов строительства соборной мечети в Санкт-Петербурге. Он вошел в Комитет по постройке, сформированный собранием прихожан и утвержденный министром внутренних дел П.А. Столыпиным в январе 1906 г. Комитет этот состоял из 20 мусульман, видных государственных, общественных, военных деятелей, купцов и домовладельцев. В состав Комитета вошел генерал Шейх-Али [12]. В 1914 году генерал Шейх-Али, писатель и публицист, редактор и издатель газеты «Нур», доктор богословия Мухаммед-Сафа Баязитов и кандидат коммерции Фатих Байрашев учредили политическую партию «Сырат аль-Мустахим» (- Правый путь) [13]. Генерал Али Шейх-Али состоял в родстве с могущественными фамилиями казанских татар, имел сына *Аскара* и дочь *Софию-ханым*.

На военной службе в Кабардинско-кумыкском полку находился и третий сын Девлет-Мирзы **Юсуф Шейх-Али**, блестяще окончивший в начале 70-х гг. XIX в. Ставропольскую гимназию. В 1877-78 гг. Юсуф принял участие в Русско-турецкой войне, но более подробными сведениями о нем на сегодня мы не располагаем. Четвертый сын Девлет-Мирзы **Ибрагим-бек Шейх-Али** получил в Петербурге блестящее экономическое образование, занимался до революции банковской деятельностью [14]. В потомстве имел сына Данияла – профессора медицины, работавшего в Дагестанской медицинской академии. Дочь Данияла София была замужем за А. А. Бессмертных, советским дипломатом, министром иностранных дел СССР в 1990-1991 г.

Шейх-Али Аскар Алиевич (родился в 1885 г., г. Санкт-Петербург), внук полковника Девлет-Мирзы, окончил здесь гимназию и физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета (1912) [15]. В самом начале Первой мировой войны (1914 г.) он, как многие студенты, был призван в армию. Окончил краткосрочные офицерские курсы при артиллерийском училище. Получив офицерский чин, участвовал в боевых действиях. В Гражданскую войну подпоручик Аскар Шейх-Али был артиллеристом в составе 5-ой армии Восточного фронта, а затем был переведен в артуправление главного штаба Красной Армии. Впоследствии оставил службу в армии. Инженер-конструктор, технический руководитель фабрики пишущих машин. Проживал в г. Казань. Арестован 8 мая 1931 г. Приговорен:

коллегией ОГПУ 11 мая 1932 г., обв.: 58-10, 58-11. («участник националистической организации, личная связь с Султангалеевым»). Приговор: 5 лет лагерей. В 1934 г. досрочно освобожден. Реабилитирован 7 января 1959 г. Был женат (1910 г.) на Суфии Ахмеровой, дочери известного татарского просветителя. Имел двух дочерей: Динару Аскарловну, ставшую великолепным медиком, ученым, в годы войны — фронтовым врачом, и Гульнару Аскарловну, ставшую инженером-химиком. Аскар Алиевич умер в 1968 г.

В наследство от прославленного рода осталась добрая память, воинская и гражданская доблесть.

Примечания

1. По архивным данным (см. ЦГА РСФСР-А.Ф.12. Оп.4. Д.103. Л.208), в 1872 г. полковник Девлет-Мирза Магомедов Шейх-Алиев жительство имеет в Аксае.

2. ГАСК. Ф. 249, Оп. 3, Д. 4524. Л. 1–38.

3. Послужной список офицеров из азиатцев...сентябрь 1866. – ЦГА РСФСР-А,Ф.12, оп.5, д.191 (1867), л.131-141.

4. *Алиев К.* Шейх-Алиевы в истории Кавказа // Махачкалинские известия. 1994, № 3,7,10.

5. *Шихалиев Д.-М.* Рассказ кумыка о кумыках. М.-ла, 1993, предисл. С.Ш. Гаджиевой. С. 11.

6. *Шихалиев Д.-М.* Рассказ кумыка о кумыках. М.-ла, 1993, предисл. С.Ш. Гаджиевой, С.11

7. *Юсуфов Р.Ф.* Общность литературного развития народов СССР в дооктябрьский период. М, 1985, С. 143.

8. ЦГВИА. Ф.400. Оп.17 .Д.4567; см. также *Алиев К.М.* Кумыки в военной истории России. Махачкала. 2010. С.170—172.

9. ГАОО.Ф.185. Оп.1. Д.70-2. Л.463-464.; см. также *Алиев К.М.* Кумыки в военной истории России. Махачкала. 2010. С.166-168

10. *Аминов Д.* Ислам в Санкт-Петербурге. СПб. 1993. С.23.

11. *Ибрагимов Г.* Татары в революции 1905 г. Казань. 1926. С. 11.

12. Отчет Мусульманского благотворительного общества в Санкт-Петербурге. СПб., 1909. С. 17.

13 Соборная мечеть. Архитектура первой половины XX в., http://www.opeterburge.ru/sight_705_825.html

14. *Аминов Д.* Татары в Санкт-Петербурге. Исторический очерк // Татарстан. 1995. №3-4. 1995 // tatarica.narod.ru/

15. *Алиев К.М.* Кумыки в военной истории России. Махачкала, 2010. С.168

*М.И. Барзбиев*¹ (г. Нальчик)

Привилегированные сословия Балкарии и Карачая

Балкарцы и связанные с ними общностью происхождения карачаевцы проживают в высокогорной части Центрального Кавказа. Балкарцы живут с восточной стороны Эльбруса, а карачаевцы в его западных отрогах. Балкарцы занимают четыре горных ущелья – Черекское, Хуламо-Безенгиевское, Чегемское, Баксанское, а также верховья р. Малки. Карачаевцы обжили верховья Кубани и ее притоков – Теберды, Зеленчука [1].

К моменту официального вхождения Балкарии (1827 г.) и Карачая (1828 г.) в состав Российского государства общественный строй карачаево-балкарцев характеризуется как феодальный. Исследователи отмечают, что наличие некоторых форм феодальных отношений в Балкарии фиксируется не позднее, чем в XIV–XV веках [2]. Особенностью социальной структуры Карачая и Балкарии XIX столетия была ее крайняя выработанность и законченность. Так, известный российский кавказовед М.М. Ковалевский по этому поводу писал: «Взаимные отношения сословий определены с большой точностью, время отбывания отдельных повинностей и платежи установлены раз навсегда и неизменно» [3].

В труде кабардинского историка начала XX столетия В.Н. Кудашева зафиксированы сословия балкарцев периода феодализма: «1) таубий; 2) чанка, происходившие от неравного брака с таубием (у чегемцев); 3) ёздень (уздень) – дворянин, несший известные обязанности по отношению к таубиям и оказавший им почести; 4) каракиши – черный народ, бывшие податные таубиев; 5) азаты – вольноотпущенные таубиями, лично свободные, но отбывавшие повинности таубиям за землю; 6) казак (касак) и карауаш (карабаш) – дворовые люди таубиев, т.е. бесправные холоп и холопка» [4].

Высшим сословием являлись князья, именовавшиеся терминами селкельт, басият, акъ-сюек (с карачаево-балкарского – белая кость), бий (с карачаево-балкарского – князь) или таубий (с карачаево-балкарского – горский князь) [5]. Одной из важнейших обязанностей представителей высшего сословия карачаево-балкарского народа, как и у аристократии всего мира, являлась охрана территории страны от посягательств извне. Каждый мужчина из княжеского сословия должен был иметь оружие и коня и в военное время по первому призыву старшего князя (олий) явиться

ся под его команду готовым к походу [6]. Только князьям поручалось общее руководство вооруженными силами страны [7].

Умелое обращение с оружием и личная храбрость способствовали тому, что представители карачаево-балкарской аристократии занимали у себя на родине выдающееся положение. Н.П. Тульчинский в начале XX в. писал: «...предки теперешнего высшего сословия действительно были умелые и доблестные ремесленники войны. Они неустанно совершали набеги не только на окружающие соседние земли: Сванетию, Имеретию, Осетию, Кабарду и т.д., но в союзе с кабардинскими князьями предпринимали походы вглубь плоскости к ногайцам, калмыкам, а в более близкое время даже к казакам. Такие люди в глазах своего народа олицетворяли все совершенство человека» [8].

Современный исследователь из Кабардино-Балкарской республики Е.Г. Муратова, рассматривая статусные характеристики балкарского высшего сословия, отмечает, что в традиционном обществе выделяется несколько особо значимых индикаторов принадлежности к определенной социальной страте. Это, прежде всего, плата за кровь, возможность заключения брачного союза и выкупной взнос за невесту [9].

Так, в среде карачаево-балкарцев правонарушения, направленные против членов княжеских фамилий, влекли за собой уплату обидчиком виры в 3-4 раза больше обыкновенной [10]. В случае убийства кем-либо из низестоящих сословий князя ответственность за пролитую кровь, падавшая не только на убийцу, но и на ближайших его родственников, была весьма тяжела. Вследствие этого никто из низестоящих сословий не решался на убийство князя, за исключением убийства в давние времена одного из балкарских князей Шакмановых их подвластным из сословия каракиши – Богоюковым [11]. Сообщается, что виновный в убийстве князя Шакманова заплатил своей собственной жизнью. Его родственники вынуждены были навсегда бежать из родного общества, а их имущество: лошади, овцы, пахотные и сенокосные земли, дома и проч. перешло к Шакмановым [12]. В отношении карачаевских князей во второй половине XIX отмечалось: «Убийство бия кем-либо из карачаевцев до настоящего времени не случалось» [13].

К своему аристократическому происхождению князья всегда относились в высшей степени осторожно и очень хранили его. При заключении браков особое внимание они обращали на благородство происхождения. Вследствие этого карачаево-балкарские князья посредством брачных контактов давно породнились между собой [14]. Вместе с тем они заключали браки и с представителями высших сословий соседних народов Кавказа, среди которых можно назвать князей и

первостепенных дворян Кабарды, княжеские фамилии Грузии, Абхазии, Кумыкии, адыгов-бесленевцев, ногайцев, абазин и осетин [15].

Брачный выкуп (калым) князей значительно превышал калым всех остальных сословий Балкарии и Карачая [16]. Величина калыма в денежном эквиваленте варьировалась от 800 до 1500 руб. [17].

Наибольшее количество балкарских княжеских родов было сосредоточено в Черекском ущелье. Наиболее знатными и влиятельными князьями там считались потомки легендарного Басиата, по имени, которого грузины это общество называли Басиани [18]. Известный российский кавказовед второй половины XIX века профессор В.Ф. Миллер записал в Балкарии несколько вариантов предания о происхождении Басиата. Согласно первому варианту, записанному со слов таубия хаджи Шаханова, Басиат и его родной брат Баделят являлись прямыми потомками Чингис-хана, внуками его сына хана Барака и сыновьями хана Джанибека.

Впрочем, сам Миллер более правдоподобным считал другое предание, записанное им со слов таубия Абаева. Эфенди Абаев сообщил ему, что братья Басиат и Баделят являлись осиротевшими сыновьями одного крымского вельможи, которые вынуждены, были покинуть Крым и уйти на Кавказ из-за притеснений своего родного дяди. Первоначально братья поселились на р. Куме, а оттуда перешли на территорию Балкарии в местность Къашха-тау. Там они расстались: Басиат остался в Балкарии и поселился около аула Кюннгом, на левом берегу Черка, а Баделят ушел в Северную Осетию (Дигорию), где стал родоначальником дигорских феодалов – баделяттов [19].

Предания о единстве происхождения Басиата и Баделята отчетливо фиксировались в XIX столетии и у дигорских князей [20]. Современные осетинские исследователи время появления Баделята в Дигории обозначают рубежом XV-XVI вв. [21].

Николай Харузин, посетивший Балкарию в 80-х годах XIX столетия и также записывавший предания о Басиате сообщал, что тот сумел покорить местное население и долго правил в Балкарии. Под старость он почувствовал тоску по родине и, оставив своих сыновей в Черекском ущелье, возвратился в Крым [22]. К потомкам Басиата в Черекском ущелье относились следующие княжеские фамилии: Абаевы, Айдаболовы, Амирхановы, Биевы, Боташевы, Джанхотовы, Кучуковы (ветвь Абаевых – М.Б.) и Шахановы [23].

Помимо потомков Басиата в Черекском ущелье к княжескому сословию относились фамилии Мисаковых, Жанокowych (Заниюковых), Бикановых и Темиркановых.

О происхождении Мисаковых довольно интересные сведения оставил первый балкарский историк Мисост Абаев, писавший, что их родоначальник – Мисака, «неизвестный человек» прибыл в Балкарию, остановился на правах гостя в семье местных правителей девятерых братьев Малкаровых. Подружившись с этими братьями, Мисака ходил вместе с ними на охоту и против неприятелей, всегда отличаясь умом и храбростью, чем привлек к себе внимание и любовь единственной сестры братьев Малкаровых. Братья, однако, были против породнения с пришельцем неизвестного происхождения, в результате чего сестра Малкаровых и Мисака пошли на их убийство. После уничтожения братьев Малкаровых Мисака женился на их сестре, завладел их землей и имуществом и подчинил своей власти жителей селения Сауту. Эти события происходили незадолго до появления в Балкарии Басиата [24].

Сведения М. Абаева несколько дополняют данные В. Ф. Миллера. Миллер отмечал, что Мисака жил первоначально на Кумыкской плоскости с князьями Таймазовыми, после ссоры, с которыми увел у них лошадь къашха (лошадь с лысиной на лбу – М. Б.) и приехал в Балкарию. Мавзолей (кешене) Мисаки находился у горы Къашха-тау, которая будто-бы и получила такое название из-за лошади, похищенной им у Таймазовых [25].

Вместе с тем в совместной работе с М. М. Ковалевским Миллер привел и другой вариант предания о родоначальнике Мисаковых и Басиате. В частности, там отмечается, что Мисака до поселения в Балкарии был вассалом у Басиата, проживавшего со своим братом Баделятом в Маджаре. Именно Мисака пригласил Басиата на новые места, когда узнал о его стесненном положении на родине, но поставил условие, что в Балкарии они будут обладать равными сословными правами [26].

В материалах сословно-поземельной комиссии Терской области о происхождении таубиев Жаноковых, которых сами балкарцы называют Заниюковыми, отмечалось, что они являлись потомками Басиата [27]. Нам представляется, что подобное утверждение не соответствует действительности. Очевидно, что если бы это было так, то Мисост Абаев, прямой потомок Басиата обязательно отметил бы это в своем труде.

Имеются сведения, что родоначальник Жаноковых, обосновавшийся в местности Зылги, прибыл в Черекское ущелье из «Борагана» [28]. Современный балкарский исследователь Ю. Н. Асанов предполагает, что местность «Бораган» откуда прибыли Жаноковы может быть связана с тюркским владением Брагуны, располагавшимся в период средневековья в междуречье Сунжи и Терека [29].

Определенную информацию о происхождении Жаноковых может дать заявление начальнику Георгиевского округа от 24 февраля 1872 г.

жителей кабардинского селения Джанхотова Муссы и Шеретлуко Жаноковых, в котором сказано: «Происходя из Горских Таубиев и в давнее время переселились из Балкарии в Кабарду и хотя по переселении нашем мы считались наравне узденей Тамбиевых, Кудинетовых и Анзоровых брат же наш Алибек Женоков и родственники Мисаковы проживают в Балкарии и считаются Таубиями...» [30].

Можно предположить, что выделение Жаноковыми в качестве родственников только Мисаковых и замалчивание родственных взаимоотношений с другими княжескими фамилиями Балкарии является не случайностью, не проявлением забывчивости, а указанием на их общее происхождение именно с таубиями Мисаковыми.

К сожалению, о происхождении фамилий Бикановых и Темиркановых имеются довольно скудные сведения. Мисост Абаев о них писал: «Существуют таубиевские фамилии Темиркановы и Бикановы – потомки Мимбулата, но не Басиата» [31]. Представляется, что Бикановы и Темиркановы стали феодалами в Балкарии еще до появления там Басиата или в скором времени после него, что прослеживается по материалам осетинских родословных. Так, в них отмечается, что родной племянник Басиата Кубати Баделятович был женат на балкарской княжне Бикановой, а его внучатый племянник Аслан-Гирей Чегемович – на княжне Темиркановой [32].

Следующим по количеству княжеских родов в Балкарии являлось Чегемское ущелье. Там их было четыре: Балкаруковы, Барасбиевы, Кучуковы и Келеметовы.

Происхождение первых трех фамилий зафиксировано в 80-е годы XIX столетия известным русским кавказоведом академиком М. М. Ковалевским. Ковалевский отмечал, что их предок Анфако Болотуков являлся выходцем из адыгского племени абадзехов, который первоначально поселился в Баксанском ущелье Балкарии. Из Баксанского ущелья внуки Анфако от его сына Ипара – Бай-Мурза и Джан-Мурза перебрались в Чегемское, правителем которого в то время был князь Бердыбий. Братья Болотуковы были радушно встречены Бердыбием и стали пользоваться его расположением.

После смерти Бердыбия, пришельцы, воспользовались малолетством его сына Рачкау, и захватили власть в Чегемском обществе в свои руки. Согласно сведениям Ковалевского братья Болотуковы прибыли в Чегем приблизительно в XVI столетии [33]. От старшего брата Бай-Мурзы произошли впоследствии таубии Барасбиевы и Кучуковы, а от младшего – Балкаруковы.

Сведения о происхождении таубиев Келеметовых в начале XX века привел Н. П. Тульчинский, писавший, что их родоначальником яв-

лялся выходец из Дигории [34]. Впрочем, часть исследователей считает, что Келеметовы своим генезисом восходят к родоначальнику трех других княжеских фамилий Чегема – Анфако Болотокову [35]. Это же мнение с поправкой на национальную принадлежность родоначальника присутствует в документальных материалах второй половины XIX в. В частности, там отмечено, что Келеметовы, Кучуковы, Барасбиевы и Балкаруковы: «считают себя происходящими от кабардинских князей фамилии Болотоковых» [36].

В Хуламском обществе Балкарии представителями княжеского сословия являлись таубии Шакмановы. О происхождении Шакмановых также имеется несколько версий. По одной из них Шакмановы являлись потомками Басиата [37], а по другой их предок прибыл в Балкарию из Осетии. Так, Н.П. Тульчинский отмечал, что они, также как и Келеметовы являлись выходцами из Дигории [38]. Сведения о происхождении Шакмановых из Осетии приводит и З. Д. Гаглойти, которая пишет, что в селении Тара, расположенном в Архонском ущелье проживали потомки некоего Хунарвада. Впоследствии часть из них покинула это ущелье и ушла в другое место. Так, Слоновы и Дударовы ушли в Тагаурское ущелье, где сумели примкнуть к высшему сословию тагаурцев – тагиатам, а их родственники Шакмановы выселились в Балкарию. Впрочем, Гаглойти отмечает, что сам Хунарвад по происхождению был не осетином, а ногайцем [39].

В Безенгиевском обществе к сословию таубиев принадлежали князья Суюнчевы, утверждавшие, что их предок прибыл на Кавказ из Крыма. В документах сословно-поземельной комиссии Терской области отмечается, что Суюнчевы выводили свое происхождение от некоего Барак-хана, к которому возводили свою генеалогию и брагунские (кумыкские) князья [40]. В связи с этим нам кажется, что имеет смысл привести сведения о происхождении брагунских князей. В «Очерке сословного строя в горских обществах Терской и Кубанской областей», составленном во второй половине XIX века записано: «Брагуновские князья Таймазовы объясняют свое происхождение так – более трехсот лет тому назад, во время раздоров, возникших между крымскими ханами, предок Таймазовых – Борохан (Барак-хан – М.Б.), принадлежавший к роду крымских ханов, ушел из Крыма на Кавказ с подвластным ему народом, в числе 1700 кибиток, и поселился первоначально возле Дербента, но подавленный персиянами принужден был удалиться оттуда и избрал с своим народом у слияния р. Сунжи с р. Терек на настоящем месте нахождения аула Брагуны» [41].

Интересно, что в преданиях, зафиксированных, в Балкарии в 50-х годах прошлого столетия указывалось, что Суюнчевы прибыли туда именно из местности «Бораган», т.е. из Брагунов [42]. Таким образом, можно предположить, что процесс переселения предков Суюнчевых в Безенги проходил в несколько этапов: Крым – Дербент – Брагуны – Безенги. Причем, сами Суюнчевы сохранили в памяти место своего первоначального проживания – Крым. Одним из подтверждений крымского происхождения Суюнчевых можно считать сведения, приводимые в конце XIX столетия В.Я. Тепцовым, который писал о внешнем виде князей Безенги: «...они, несомненно, татарского происхождения» [43].

Потомками Барак-хана являлись также и представители княжеской фамилии Баксанского ущелья Балкарии – Урусбиевы. Согласно народным преданиям, малолетний Чепелеу Урусбиевич Суюнчев, вследствие раздоров с родственниками по отцу вынужден был покинуть Безенги, и ушел вместе с матерью к ее родственникам в Чегемское ущелье. Когда Чепелеу повзрослел, то переселился на жительство в Баксанское ущелье, где он сам и его потомки стали правителями. За потомками Чепелеу закрепилась фамилия Урусбиевы [44]. Переселение Урусбиевых в Баксанское ущелье произошло предположительно во второй половине XVIII столетия [45].

Анализ генеалогических преданий Суюнчевых, Урусбиевых и княжеских династий Черекского ущелья, выведивших свое происхождение от Басиата и Мисаки позволяет прийти к выводу об их общих составляющих, к которым относятся: 1) наличие в преданиях басиатидов, Суюнчевых и Урусбиевых в качестве предка Барак-хана; 2) упоминание одних и тех же мест проживания до переселения – Крыма и Брагунов.

Вместе с тем, предположение об общем происхождении басиатидов, Суюнчевых и брагунских князей Таймазовых позволяет объяснить и некоторые противоречия в генеалогических преданиях балкарских князей. Так, уже отмечалось, что по одному из вариантов преданий князья Мисаковы являлись до их переселения в Балкарию подвластными кумыкских князей Таймазовых, а по другой – Басиата и его брата Баделята. Наличие близких родственных взаимоотношений Басиата с Таймазовыми устраняет это противоречие, так как в этом случае Мисака мог быть их общим подвластным. Своеобразным подтверждением сохранявшихся еще длительное время после переселения Басиата в Балкарию близких взаимоотношений между его потомками и князьями Таймазовыми может служить известная балкарская историко-героическая песня первой половины XVII в. «Кайсыны» [46].

В этой песне сообщается, что к балкарским князьям Тазритовым (ветвь Айдаболовых-М.Б.) прибыли гости из Брагун, которых встретили «как самых почетных людей». Причиной приезда гостей являлась просьба о наделении их дорогими подарками – невольниками. Для выполнения этой просьбы Тазритовы совместно с князьями Абаевыми и Урусбиевыми, собрав дружину, совершили набег на Имеретию, в результате которого погибли многие его участники, в том числе и Кайсын Тазритов – герой песни [47]. Заметим, что в набеге на Имеретию приняли участие князья, которые по нашему предположению, были связаны с правителями Брагунов общим происхождением.

В Карачае к княжескому сословию относились представители трех фамилий: Крым-Шамхаловых, Дудовых и Карабашевых [48]. Все эти фамилии в той или иной степени своим генезисом были связаны с легендарным предводителем карачаевцев – Карчой, о происхождении которого зафиксировано несколько преданий. По одному из них он являлся выходцем из Крыма [49]. В другом предании эта информация корректируется и там отмечается, что Карча, родственник некоего Аксак-Султана был выходцем из Турции, первоначально переселившимся в Крым, а уже оттуда проникшим на Северный Кавказ [50].

Согласно сведениям, зафиксированным во второй половине XIX столетия, первым браком Карча был женат на девушке из сословия султанов (кавказские потомки крымских Гиреев – М.Б.), от которой у него имелся сын Дуда предок князей Дудовых [51]. От третьей жены Карчи родился сын Балта, ставший родоначальником князей Карабашевых [52].

Предания утверждают, что Крым-Шамхал, родоначальник Крым-Шамхаловых прибыл к Карче в тот момент, когда карачаевцы еще проживали в Баксанском ущелье. У карачаевцев в этот период были серьезные осложнения с известным кабардинским князем Кази (погиб в 1615г. -М.Б.). Крым-Шамхал вмешался в кабардино-карачаевскую распрю и способствовал примирению сторон.

После этих событий Карча выдал замуж за Крым-Шамхала свою дочь Кюнсулю, и тот остался жить в Карачае навсегда. Еще при своей жизни Карча, несмотря на то, что у него имелись собственные сыновья, завещал, чтобы власть над карачаевцами после его смерти перешла в руки Крым-Шамхала. Подобное завещание Карчи объясняется тем, что Крым-Шамхал не только происходил из знатного рода, но он и его потомки всегда отличались важнейшими качествами правителя периода феодализма – быть первыми как на войне, так и в мирное время [53].

Настоящее имя Крым-Шамхала приводится в фольклорных произведениях балкаро-карачаевцев. Так, в известной песне «Жаншаубий» отмечается, что родоначальника Крым-Шамхаловых звали Бекмурза [54].

Относительно этнического происхождения Крым-Шамхаловых существует несколько версий. Одна из них утверждает, что их предок Шамхал прибыл в Карачай из Крыма, в связи, с чем и возникла приставка к их фамилии «Крым» [55]. Вместе с тем довольно значительное количество карачаево-балкарских фамилий, выводивших свое происхождение из Крыма, но не имеющих приставки «Крым» вызывает недоверие к данной версии.

Согласно другой версии основатель рода Крым-Шамхаловых прибыл в Карачай из Дагестана. Так, в 1879г. Г. Петров писал про представителей рода Крым-Шамхаловых: «Теперешние члены этой фамилии считают себя отраслями фамилий владетельных Шамхалов Тарковских Дагестанской области...» [56].

Шамхалом называли главу самого крупного политического образования Дагестана, объединявшего в своем составе помимо основного кумыкского населения и некоторые другие дагестанские этносы [57]. Термином же «крым-шамхал» называли прижизненно назначаемого наследника шамхала [58].

Своеобразным подтверждением происхождения князей Крым-Шамхаловых от кумыкских правителей могут служить сведения, приводимые известным советским кавказоведом Л.И. Лавровым, который сообщал, что правитель кумухской деревни Табахлу Махди-Шамхал (1729-1783) посещал Карачай, где помогал карачаевцам бороться с какими-то внешними врагами. Л.И. Лавров особо подчеркивал, что подобная взаимопомощь могла быть следствием контактов Крым-Шамхаловых со своими дагестанскими родственниками [59].

Следует отметить, что данная точка зрения находит сторонников и в среде современных кумыкских авторов [60]. Таким образом, версия о дагестанском (кумыкском) происхождении князей Крым-Шамхаловых представляется нам более убедительной.

Вторым по знатности привилегированным сословием карачаево-балкарского общества являлось сословие чанка, за которым царская администрация рассматривала вопрос о возможности признания, также как и за князьями, прав потомственного российского дворянства [61].

В XIX – начале XX в. это сословие в Балкарии было представлено следующими фамилиями: Гудуевы, Джаубермезовы, Мурачаевы, Соттаевы, Тудуевы, Эбуевы и Эфендиевы [62]. В этот же период в Карачае

к этому сословию относились фамилии: Айсандыровы, Апаевы, Бийбертовы, Магаяевы, Магометовы, Минкоевы, Кагиевы, Казиевы, Калахановы, Карамурзины, Коджаковы, Темирбулатовы, Тогаевы, Чипчиковы, Шахановы и Эсекуевы [63].

Помимо карачаево-балкарцев сословие чанка существовало и у родственников им кумыков, у которых оно было представлено потомками князей по мужской линии, произошедших от неравных браков [64].

Пытаясь объяснить этимологию данного сословного термина дагестанские ученые Н.С. Джидалаев и Т.М. Айтберов высказали довольно убедительное предположение, что она может быть объяснена заимствованием древними тюрками из китайского языка, где слово *chang* (чжан) означало «старший по чину, начальник» [65]. Эти же ученые пытаются объяснить появление данного термина в Балкарии и Карачае пришли к неверному выводу, что он проник туда: «...с речью русской администрации в XIX в., а следовательно его не было в карачаево-балкарском языке ранее названного времени» [66].

Имеющиеся в распоряжении современных исследователей данные позволяют не согласиться с подобным утверждением. Так, первое упоминание в письменных источниках о существовании у карачаево-балкарцев сословия чанка встречается в труде российского академика Г.-Ю. Клапрота «Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808 гг.. Академик Клапрот на основании сведений, полученных от моздокского армянина Захара Ивановича Чергилова, проводившего несколько лет среди карачаевцев писал: «Если князь или дворянин не имеет детей от своей законной жены, он приобретает их от одной из своих рабынь. Эти последние называются «тума» или «чанкуа»» [67].

Таким образом, чанка, которых называли также и другим тюркским термином тума были известны карачаево-балкарцам еще до установления в местах их проживания российской администрации и, следовательно, время возникновения как самого сословия чанка, так и сословного термина следует отнести к более древнему периоду.

Вместе с тем наличие у кумыков аналогичного сословия, а в более широком смысле практически идентичная сословная структура с одинаковыми социальными наименованиями (бий, чанка, уздень, чагар, казак, кул и т.д.) позволяет предположить, что эта социальная стратификация сложилась у предков современных кумыков и карачаево-балкарцев еще до XIII столетия, когда они в результате монголо-татарского нашествия оказались разделенными между собой значительным расстоянием [68].

Касаясь социального положения сословия чанка у балкарцев и карачаевцев, следует отметить, что в отличие от кумыков, у которых представители данного сословия занимали более влиятельное положение, зачастую являясь владельцами целых населенных пунктов, пожалованных им их более знатными родственниками [69] карачаево-балкарские чанка в XVIII-XIX веках не имели подобных преимуществ. Их положение в карачаево-балкарском обществе в рассматриваемый период было несколько скромнее, что объясняется более тяжелыми природно-географическими условиями, в которых оказались карачаево-балкарцы после нашествий монголо-татар и полчищ Тимура.

Нам представляется, что значительное сокращение территории и земельный голод в горах, а также относительно невысокая численность населения способствовали тому, что у карачаево-балкарцев верховными и единовластными владельцами населенных пунктов должны были остаться только лишь представители высшего – бийского сословия. Балкарские и карачаевские князья не имели возможности поделить часть своего земельного фонда, а следовательно и властью с представителями сословия чанка, как это имело место у кумыков, не испытывавших серьезных затруднений с земельными угодьями.

По этой причине у карачаево-балкарцев чанка – правители населенных пунктов, претендующие на особые привилегии в обществе должны были восприниматься князьями как довольно серьезные конкуренты в осуществлении феодальной власти в этом обществе. Подтверждением, что подобные опасения могли иметь место, служит тот факт, что в 70-х годах XVI столетия родоначальник кумыкских князей, чанка Султан-Мут (сын шамхала Тарковского Чопана и дворянки из рода кабардинцев Анзоровых) сумел отбить у своих братьев по отцу, рожденных от жен княжеского происхождения, значительный удел, в котором он сам и его потомки стали княжить [70].

История с Султан-Мутом должна была быть хорошо известна в Балкарии и Карачае. Согласно архивным данным, посвященным описанию сословного строя кумыков, в составе войска, собранного Султан-Мутом в Кабарде для борьбы со своими братьями находились и карачаево-балкарцы. В частности, там сообщается: «К сала-узденям (дворянам первой степени-М.Б.) же причисляются также древние фамилии, происшедшие от других сподвижников Султан-мута. К таким фамилиям причисляются: Умар-Аджиевы и Бамат-Аджиевы – выходцы из Балкарского общества...» [71].

В связи с вышеизложенным, балкарские и карачаевские князья должны были всеми возможными средствами не допустить аналогичных действий со стороны чанка у себя на родине.

На наш взгляд, отсутствие в XIX столетии представителей сословия чанка во всех обществах Балкарии, за исключением Чегемского [72] может быть объяснено именно тем, что в этих обществах князья сумели справиться с этой задачей. Основанием для подобного предположения могут служить данные балкарского фольклора. Так, современный исследователь из Кабардино-Балкарии Х.Х. Малкондуев пишет, что в Большой Балкарии (Черекское ущелье-М.Б.) по тайному решению Тере (высший политический и судебный орган Балкарии-М.Б.) некогда были истреблены чанка Боташевы, которые пытались ввести и узаконить там право первой брачной ночи. Эту миссию по собственному желанию выполнили местные князья Абаевы, которым, однако, Тере после этого случая не разрешил завладеть землями Боташевых [73].

Подвергая приведенные фольклорные сведения анализу можно отметить, что в них имеются определенные исторические противоречия. Так, в нормах обычного права жителей Черекского ущелья, записанных в 1854 году четко зафиксировано: «Первая ночь новобрачной принадлежит князю» [74].

Непонятно почему князья Абаевы выступали против обычая, являвшегося привилегией сословия, к которому они принадлежали. Другое противоречие заключается в том, что Абаевы, совершившие поступок, вроде бы, санкционированный Тере и отвечавший настроениям общества не получают за это никакого вознаграждения и даже лишаются права пользоваться земельным фондом истребленной ими фамилии. Объяснить данные противоречия можно в том случае если мы признаем, что версия причины истребления чанка Боташевых князьями Абаевыми возникла впоследствии, в качестве своеобразного морального оправдания Абаевых в народном сознании. Логичнее предположить, что Абаевы избавились от Боташевых по причине имевшихся между ними противоречий, одной из которых могла являться претензия Боташевых на равный с Абаевыми социальный статус.

Таким образом, мы считаем, что сословие чанка существовало когда-то во всех обществах Балкарии и его отсутствие в XIX столетии в Черекском, Хуламском, Безенгиевском и Урусбиевском (Баксанском) обществах может быть объяснено как физическим истреблением его представителей, так и возможным переходом их в разряд нижестоящих социальных категорий. При этом следует отметить, что для правителей таких относительно небольших, как по занимаемой площади, так и по численности населения обществ, как Хуламское, Безенгиевское и Урусбиевское невозможность допущения к осуществлению

властных полномочий представителями других знатных сословий является очевидной.

В этих обществах в борьбе за власть и материальные блага правители-таубии зачастую старались избавиться от возможных конкурентов не только из других сословий, но и из среды своих ближайших родственников, ничуть не уступавших им по «благородству» происхождения. Так, М.К. Абаев отмечал, что князь Чепелеу Урусбиев, выделившийся из рода безенгиевцев Суюнчевых в XVIII в. вынужден был покинуть Безенги и переселиться сначала в Чегем, а затем в Баксанское ущелье именно из-за внутрисемейных раздоров, «опасаясь за свою жизнь» [75]. Потомок Чепелеу Урусбиева – Мырзакул Исмаилович, чтобы единолично управлять Баксанским ущельем пошел на убийство своего родного брата Магомета, сын которого Мисост после этих событий переселился в Тебердинское ущелье [76].

В Чегемском обществе Балкарии и в Карачае процесс уничтожения сословия чанка не был доведен до конца, хотя и там подобные попытки неоднократно предпринимались. Одним из доказательств такого утверждения может служить жалоба 1851 года представителей чегемских фамилий Гудуевых, Джаубермезовых, Соттаевых, Тудуевых, Эбуевых и Эфендиевых, принадлежавших в Балкарии к сословию чанка на своих старшин, т.е. князей. В жалобе указывалось: «Происходя мы из предков от колен Чегемских Старшин, в последствии **пред вступлением русского правительства Чегемские старшины имея вражду на наши фамилии хотели вовсе истребить** (выделено нами – М.Б.), но провидение Божие спасло, и так до настоящего времени» [77].

О том, что чанка воспринимались нежелательным элементом и у карачаевских князей писал Г.-Ю. Клапрот: «если остались другие законные дети от жены и если последние отказываются признать незаконнорожденного своим братом, принять его в дом и уступить часть своего отцовского наследства, они его убивают, так как никто не будет мстить за его кровь, потому, что он ни с кем не находится в родстве» [78]. Данные, приводимые Г.-Ю. Клапротом представляют большой интерес и по той причине, что в них отмечается основная причина противоречий, возникавших между князьями и чанка, а именно нежелание уступать части отцовского наследства.

В связи с тем, что князья старались устранить представителей сословия чанка от прав владения крупными земельными участками между их статусом и статусом чанка увеличивалась дистанция, так как последние не имели возможности привлекать к себе на службу узденей, составляв-

ших основную вооруженную и экономическую силу карачаево-балкарских феодалов. Характер установления взаимоотношений между князьями и узденями на примере Карачая оставил начальник Эльбрусского округа Кубанской области Н.Г. Петрусевич, писавший в 1870 году про представителей фамилий князей Крым-Шамхаловых, Дудовых и Карабашевых: «Фамилии эти завладели большими землями как внутри самого Карачая так и по окраинам его, и потом значительную часть этих земель поотдавали в разное время тем из узденей, которые наиболее заслужили этого своею приверженностью к ним или же тем, от которых сами получили немало подарков. Такой подарок называется узденьлик, то есть за узденство и получившие его обыкновенно делались еще более приверженными к тем, которыми были награждены» [79].

Рассматривая экономическое положение чанка следует отметить, что по данным, так называемой, Абрамовской комиссии к началу XX в. чанка Гудуевы, Мурачаевы, Соттаевы, Тудуевы и Эбуевы в совокупности являлись собственниками 1056 десятин земли Чегемского общества, в то время как таубии Келеметовы владели 2194 десятинами, Кучуковы 3450 десятинами, Балкаруковы 4187 десятинами и Барасбиевы 4337 десятинами земли соответственно [80]. Показательными в освещении экономического положения чанка могут являться сведения и о количестве зависимого от них населения. Так, по данным на 20 марта 1865 года карачаевские чанка Карамурзины, Коджаковы, Магометовы и Тогаевы владели в общей сложности 58 крепостными крестьянами обоюго пола [81]. Для сравнения можно указать, что на тот момент князья Карабашевы владели 51, Дудовы 139 и Крым-Шамхаловы 439 крепостными крестьянами [82].

Следует отметить, что уступая князьям в количестве земельных участков и подвластного населения чанка могли являться довольно состоятельными людьми, чье благосостояние базировалось на скотоводстве. К примеру, после умершего в 70-е гг. XIX в. чегемца Бекира Эбуева осталось наследство в 500 голов мелкого рогатого скота, 100 голов крупного рогатого скота и табун лошадей в 70 голов [83].

Брачные контакты чанка старались поддерживать в своей сословной среде, а также с представителями дворянских родов соседних народов [84]. Нередки были браки чанка с представителями княжеского сословия Балкарии и Карачая. При этом можно отметить, что в отличие от Кумыкии где дети чанка от браков с дочерьми князей признавались князьями [85], в Балкарии и Карачае брак чанка с дочерью князя не сообщал их детям княжеского статуса. Так, в уже упоминавшейся жалобе 1851г. чегемских чанка отмечается, что они не толь-

ко выдавали своих дочерей в замужество за таубиев, но и сами могли жениться на их дочерях [86]. Это же подтверждал и пристав балкарских обществ майор Абисалов, писавший в декабре того же года, что таубии «...с оными (чанка – М.Б.) имеют навсегда сватовство в выдаче детей своих друг другу в замужество» [87].

Другое отличие карачаево-балкарских чанка от кумыкских заключается в том, что в Карачае и Балкарии это сословие формировалось не только за счет потомков от неравных браков князей, но к нему могли быть причислены и лица высшего сословия, пониженные вследствие каких-либо причин в своем социальном статусе. Так, в одном из документов 70-х годов XIX в., повествующем о сословиях Кабарды и Балкарии отмечается: «...чанк (князь потерявший право)» (выделено нами – М.Б.) [88]. К этому сословию могли быть причислены также и потомки переселившихся в Балкарию и Карачай аристократов из соседних народов [89].

Причисление к сословию чанка лиц высшего сословия, лишенных своего титула, а также аристократов из других народов находит аналогию в соседней Кабарде. Согласно адыгским преданиям, кабардинские дворяне первой степени (тлекотлеш) являлись потомками правителей этого края, лишившимися своего владельческого статуса после водворения в Кабарде князя Инала, а дворяне второй степени (дыженуго) были потомками переселившихся в Кабарду аристократов из соседних народов Кавказа [90].

Аналогия со знатными кабардинскими дворянами прослеживается и в том, что, определяя сословный статус чегемских чанка представители местной администрации указывали, что они «с давних времен происхождением из первой степени узденей» [91]. Происходящим «из первостепенных узденей Карачаевского племени» называл себя в прошении к командующему войсками в Терской области от 22 ноября 1870г. и чанка Кургоко Чипчиков [92]. Данные факты позволяют нам предположить, что некогда сословие чанка занимало в Балкарии и Карачае положение верхушки узденства, то есть знатных дворян.

Вместе с тем у карачаево-балкарцев имелось и отдельное сословие уллу-узденей (с карачаево-балкарского – большие дворяне), которых называли также сыйлы-уздени, сырма-уздени (с карачаево-балкарского – почетные дворяне) [93]. О положении уллу-узденей в Карачае отмечалось, что совместно с князьями они являлись членами суда (мехкеме и тере) и также как и князья были избавлены от общественных повинностей [94]. Аналогичные привилегии существовали и у первостепенных узденей кумыков, у которых они именовались сала-узденями [95].

Уллу-уздени зачастую выступали также и в роли воспитателей детей карачаевских князей [96]. По своему социальному положению в представлениях соседних кавказских этносов уллу-уздени приравнивались к кабардинским дворянам третьей и четвертой степеней (беслан-уорк и уорк-шаотлугуса), с которыми вступали в родственные связи [97].

Завершая данное исследование можно прийти к выводу, что к привилегированным сословиям в Балкарии и Карачае относились князья (таубии, бии), чанка и первостепенные уздени (уллу-уздени, сыйлы-уздени).

Примечания

1. Кузнецова А.Я. Народное искусство карачаевцев и балкарцев. Нальчик, 1982. С.16.
2. Батчаев В.М. Балкария в XV – начале XIX вв. М., 2006, с. 76.
3. Витова Е.Г. Социальная история Балкарии XIX века: (Сельская община). Нальчик, 1997. С.42.
4. Кудашев В.Н. Исторические сведения о кабардинском народе. Нальчик, 1991. С.160
5. Муратова Е.Г. Социально-политическая история Балкарии XVII – начала XX в. Нальчик, 2007, с. 102; Хатуев Р.Т. Карачай и Балкария до второй половины XIX века: власть и общество // Карачаевцы и балкарцы (этнография, история, археология). М., 1999. С..154.
6. Барзбиев М.И Балкарские и карачаевские аристократы на военной службе Российской империи // Под Андреевским верным стягом...: Материалы III Международных Дворянских чтений. Краснодар, 2007. С.113.
7. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК), Ф.348, ОП.1, Д.8, Л.43.
8. Тульчинский Н.П. Пять горских обществ Кабарды // Терский сборник. Владикавказ, 1903. Вып. 5. С.165.
9. Муратова Е.Г. Указ. раб.. С.103
10. Там же.
11. Сборник документов по сословному праву народов Северного Кавказа 1793-1897 гг. Т.1. / Составители Х.М. Думанов, А.И. Мусукаев, А.А. Максидов. Нальчик, 2003, с. 99.
12. ГАКК. Ф.348, ОП.1. Д.8, Л.43.
13. Сборник документов по сословному.... С. 141.
14. Кудашев В.Н. Указ.раб.. С. 160.
15. Барзбиев М.И. Этнокультурные связи балкарцев и карачаевцев с народами Кавказа в XVIII – начале XX века. Нальчик, 2000, с. 37-64; Каракетов М.Д. От вооруженных столкновений до брачных связей // Диаспоры. Независимый журнал. М., 2004. №4. С.117-122.
16. Муратова Е.Г. Указ.раб.. С.103.

17. Сборник документов по сословному.... С. 101.

18. Гюльденштедт И.А. Путешествия господина академика И. А. Гюльденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770, 1771, 1772 и 1773 годах // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. (АБКИЕА) Нальчик, 1974. С. 207.

19. Миллер В. Ф. Терская область. Археологические экскурсии (Извлечение) // Балкария: Страницы прошлого. Вып.3. Нальчик, 2006. С. 93, 94.

20. Скитский Б. В. Очерки истории горских народов. Орджоникидзе, 1978. С. 73.

21. Гутнов Ф. Х. Генеалогические предания осетин как исторический источник. Орджоникидзе, 1989. С. 66.

22. Харузин Н. По горам Северного Кавказа (Извлечение) // Балкария: Страницы прошлого. Вып.3. Нальчик, 2006. С. 123.

23. Миллер В. Ф. Указ. раб.. С. 94.

24. Абаев М.К. Балкария // Азаматов К. Г., Хутуев Х. И. Мисост Абаев: общественно-политические взгляды. Нальчик, 1980. С. 93.

25. Миллер В. Ф. Указ. раб. С. 98.

26. Миллер В., Ковалевский М. В Горских обществах Кабарды // Карачаево-балкарский фольклор в дореволюционных записях и публикациях. Нальчик, 1983, с.107, 108.

27. ГАКК. Ф.348, Оп.1, Д.8, Л.40.

28. Соттаев А. Х. Некоторые вопросы истории балкарского языка // Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Нальчик, 1959, Т. XIV. С. 252.

29. Асанов В. Н. Родственные объединения адыгов, балкарцев, карачаевцев и осетин в прошлом. Нальчик, 1990. С. 139.

30. ГАКК. Ф.348, Оп.1, Д.7. Л.40.

31. Абаев М. К. Указ. раб. С. 100.

32. Барзбиев М.И. Этнокультурные связи балкарцев.... С. 38.

33. Калоев Б.А. М. М. Ковалевский и его исследования горских народов Кавказа. М., 1979, с. 172-175.

34. Тульчинский Н.П. Указ. раб. С. 164.

35. Асанов В. Н. Указ. раб. С. 141.

36. ГАКК, Ф.348. Оп.1, Д.8, Л.40.

37. Там же.

38. Тульчинский Н.П. Указ. раб., с. 164.

39. Гаглойти З. Д. Очерки по этнографии осетин. Тбилиси, 1974., с. 131.

40. ГАКК Ф.348. Оп.1, Д.8, Л.40.

41. Архив Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН, ф.-1, оп.-2, д.-26, л.-81.

42. Соттаев А. Х. Указ. раб. С. 252.

43. Тепцов В. Я. По истокам Кубани и Терека // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, вып. 14, 1892. С.172.

44. Абаев М. К. Указ. раб . С.96.

45. Асанов Ю. Н. Указ. раб. С.143.

46. Там же, с.140.
47. Там же, с. 141.
48. *Думанов Х.М., Думанова Ф.Х.* Правовые нормы адыгов и балкаро-карачаевцев в XV-XIX вв. Майкоп, 1997. С. 260.
49. *Алиев У.Д. Карачай.* (Карачаевская автономная область). Историко-этнологический и культурно – экономический очерк. Черкесск, 1991. С. 49.
50. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания. Ф.262. Оп.1, Д.71. Л. 109.
51. Там же. Л. – 116.
52. Там же.
53. *Барзбиев М.И.* Генеалогия Ислама Крым-Шамхалова // Генеалогия Северного Кавказа. Нальчик, №4, 2002, с. 78, 79.
54. Там же. С.79.
55. *Алейников М.* Карачаевские сказания // Карачаево-балкарский фольклор в дореволюционных записях и публикациях. Нальчик, 1983, с. 105.
56. *Петров Г.* Верховья Кубани – Карачай. // Кубанские областные ведомости. Екатеринодар, 1879, № 3, с. 3.
57. *Гаджиева С.Ш.* Кумыки. Историко-этнографическое исследование. М., 1961, с.46.
58. Там же. С. 49.
59. *Барзбиев М.И.* Этнокультурные связи балкарцев..., с.42.
60. *Алиев К.М.* Дорогою тысячелетий: кумыки и их этнородственные связи. Махачкала, 2004, с. 48.
61. *Хатуев Р.Т.* Указ. раб. С. 153; Сборник документов по сословному..., с. 252.
62. Центральный государственный архив КБР (ЦГА КБР). Ф 31. Оп.1, Д. 4, Л.8 об.
63. *Хатуев Р.Т.* Указ. раб., с. 153, 154; ЦГА РСО-А, ф – 262, оп – 1, д – 23, л – 50 об. Там же Д.71, Л.116-119.
64. *Гаджиева С.Ш.* Указ. раб. С. 108, 109.
65. *Джидалаев Н.С., Айтберов Т.М.* Чанка. // Тюркско-дагестанские языковые взаимоотношения. Махачкала, 1985. С. 83,84.
66. Там же. С.93.
67. *Клапрот Г.-Ю.* Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807 – 1808 годах // АБКИЕА. Нальчик, 1974. С.248.
68. *Лавров Л.И.* Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. // Кавказский этнографический сборник. Вып. 4. М., 1969. С. 77.
69. *Джидалаев Н.С., Айтберов Т.М.* Указ. раб. С. 72.
70. *Гаджиева С.Ш.* Указ. раб. С.107.
71. ЦГА РСО-А, Ф.262. ОП.1, Д.1. Л.20 об.
72. *Кудашев В.Н.* Указ. раб. С. 160.
73. *Малкондуев Х.Х.* Тере как инструмент народного парламента и судебно-правовой системы карачаево-балкарцев. // Карачаевцы и балкарцы: язык, этнография, археология, фольклор. М., 2001. С.213.

74. Правовые нормы адыгов и балкаро-карачаевцев в XV-XIX вв. Составители: Х.М. Думанов, Ф.Х. Думанова. Майкоп, 1997. С.199.
75. *Абаев М.К.* Указ. раб. С. 96.
76. Центральный государственный архив КБР (ЦГА КБР). Ф. 1209 . Оп. 7. Д.77. Л.32 об.
77. Там же. Ф. 31, оп.1. Д.4. Л.8 об.
78. *Клапрот Г.-Ю.* Указ. раб. С. 248.
79. ГАКК. Ф.774. Оп. 1. Д. 512. Л. 9.
80. Труды комиссии по исследованию современного положения землепользования и землевладения в нагорной полосе в Терской области. Владикавказ, 1908. С.61, 62.
81. ЦГА КБР. Ф. 1209. Оп.7. Д.60.
82. Там же.
83. ЦГА КБР. Ф.22, Оп.1. Д.371, Л. 6.
84. *Барзбиев М.И.* Этнокультурные связи балкарцев...С. 47; ЦГА КБР, ф.2. ОП.1. Д. 1752. Л. 26 об.
- Сборник документов по сословному... С. 143.
86. ЦГА КБР. Ф.31. Оп.1. Д.4. Л.8 об.
87. Там же. Л.9 об.
88. ЦГА КБР. Ф. 22. Оп.1, Д.275. Л.6.
89. ЦГА РСО-А. Ф. 262. Оп1. Д71, Л.112 об., 113.
90. *Кудашев В.Н.* Указ. раб. С.111.
91. ЦГА КБР. Ф.31. Оп.1. Д.4. Л.10.
92. Там же. Ф.40. Оп.1. Д.8. Л.242.
93. *Хатуев Р.Т.* Указ. раб. С.152.
94. Сборник документов по сословному... С. 140; *Хатуев Р.Т.* Указ. раб. С.152.
95. Сборник документов по сословному... С.127.
96. Там же. С. 141.
97. Там же. С.141, 142.

Ш.М. Батчаев (г. Карачаевск)

Представители рода Крым-Шамхаловых-Соколовых на службе в российской армии

Процесс образования новых фамилий характерен для любого этноса и имеет перманентный характер. Миграции населения создают почву для межнациональных браков, результатом которых становится растворение пришельца в принимающем этносе, а сам он становится основателем нового рода. Подобные явления в прошлом происходили гораздо чаще, чему причиной была неустойчивость национального самосознания.

Особое место в этом смысле занимает казачество, которое с самого начала формирования представляло собой своеобразный «сплав» представителей различных этносов и конфессий. Подобное происходило во всех центрах формирования казачества. Как справедливо отмечает В.И. Шкуро: «Процесс поступления в казаки продолжался на Северном Кавказе и тогда, когда казаки стали непосредственными соседями закубанских кавказских народов» [1. С.28]. В течение нескольких десятилетий формировались военные династии горцев, которые отважно несли службу в казачьих полках.

Многие из них, путем браков, сроднились с казаками, основывая новые казачьи роды. Можно привести немало таких примеров. Это кубанские казаки – Бабиевы (из осетин), Мурзаевы (из кумыков), Улагаи (из шапсугов), терские казаки – Горичи (из балкарцев), Серебряковы, Келеушевы (из кабардинцев), многие осетинские роды. В одном ряду с ними стоит и род Соколовых, одна ветвь которых проживала в Терской области, а другая в Кубанской, соответственно неся службу в местных казачьих полках.

До недавнего времени вопрос об этнической принадлежности основателя рода Соколовых оставался дискуссионным. С одной стороны некоторые из них в начале XX в. указывали свою фамилию как Крым-Шамхалов-Соколов [2], что свидетельствовало об их происхождении из княжеского рода, правившего Карачае; с другой стороны – в справочнике «Дворянские роды, внесенные в родословную книгу Кавказской области – (1804-1825 гг.)» указывалось, что Соколовы происходят «от Бой – Мурзы Арима, владельца караногайского народа», то есть ногайского происхождения [3]. Известный историк из Карачая К.Т. Лайпанов считал, что к роду Соколовых (по его версии – русских дворян), принадлежала мать героев Первой мировой и Гражданской войны Михаила и Степана Соколовых. Отцом же их, по версии Лайпанова К.Т. был Айтек Крым-Шамхалов, принявший православие и крещенный под именем Август [4]. Подобной версии придерживались и другие исследователи [5. С.67].

Однако наши исследования архивных документов позволили сделать окончательный вывод, что Айтек Крым-Шамхалов не являлся отцом Михаила и Августа Соколовых. Он был крещен под именем Константина Львовича, был женат, имел сына Дмитрия. Прослужив в российской армии 35 лет, вышел в отставку в 1911 г. в чине генерал-майора [6].

Исследователем Казаковым А.В. было высказано предположение, что предком Соколовых является крещеный кабардинец [7. С.314-416].

Автором данного доклада было высказано предположение, что двойная фамилия представителей рода связана с различным происхождением двух ее составляющих, то есть представитель рода Крым-Шамхаловых заключил брак с представительницей рода Соколовых, происходивших из караногайцев, а их дети стали носить двойную фамилию.

Поставить точку в данном вопросе позволило исследование документов Государственного архива Краснодарского края [8], принятое нами в июле этого года. Согласно архивным данным, войсковой старшина Кубанского казачьего войска Гавриил Никифорович Соколов ходатайствовал о разрешении ему пользоваться двойной фамилией Крым-Шаухалов-Соколов. Отметим, что в ходатайстве фамилия предков Соколова указана именно в транскрипции, принятой в Карачае (Къырым-Шаухаллары – Крым-Шаухаловы), а не в традиционной – Крым-Шамхаловы.

В качестве доказательства своего происхождения из карачаевского княжеского рода он приводил подтверждающее удостоверение своих родственников из Карачая, засвидетельствованное Кабардинским народным судом в 1833 г., (вторично в 1869 г.), выданное ему с братьями Иваном и Александром. Согласно этим документам, отец Гавриила после перехода в православие получил имя Никифор и отчество – Степанович. И хотя имя отца не указано, думается что имя «Бой – Мурза», указанное у Любимова С.В., является искажением довольно распространенного в Карачае, и в частности, в роду Крым-Шамхаловых имени Бек-Мырза (с вариантами – Бай-Мырза, Бий-Мырза). Указание же на происхождение «Бой-Мурзы» из караногайского племени, скорее всего, связано с опечаткой при записи созвучных этнонимов карачаевцы и караногайцы.

Несмотря на вполне обоснованные и подтвержденные притязания, Сенат отказал Г.Н Соколову в разрешении именоваться Крым-Шаухаловым-Соколовым (хотя его старшему брату такое разрешение было дано!). Причиной было объявлено несоответствие даты рождения просителя, указанного в его метрическом свидетельстве с послужным списком отца, а также то, что в прошении Г.Н. Соколов указал чин отца при своем рождении как ротмистр, в том время как на тот момент Никифор Соколов был (что естественно!) в чине сотника. Следует только удивиться такому бездушному крючкотворству чиновников Сената.

Добавим, что потомки брата Гавриила – Ивана пользовались своей родовой фамилией – Крым-Шамхалов наравне с «официальной».

Так, внук Ивана – Степан Августович в ряде документов указан как Крым-Шамхалов-Соколов, в других же просто Соколов. На наш взгляд, постановка родовой фамилий впереди приобретенной была со стороны Соколовых вполне объяснимой, учитывая то, что род Крым-Шамхаловых был известен многим на Кавказе и принадлежал к высшей горской аристократии.

Находка, сделанная в Краснодарском архиве, и побудила нас к написанию данной статьи. К сожалению, недостаток информации не позволил дать более полную поколенную роспись, которая подготовлена на основе имеющихся материалов.

I поколение

1. Бек-Мырза (Бай-Мырза?) Крым-Шамхалов (? – начало 1822 г.). Скорее всего, попал в Россию в качестве аманата от Карачая. Получил начальное образование. Вступил на российскую военную службу. После перехода в православие получил имя Никифор, отчество – Степанович (согласно традиции, отчество давалось по имени крестного отца), а также двойную фамилию Крымшаухал-Соколов. Вероятнее всего, представительницей рода Соколовых была супруга Б. Крым-Шамхалова, который, возможно, при заключении брака с ней и принял православие. Служил в российской армии около 30 лет. Принимал участие в военных действиях. Последовательно произведен в чин подпоручика (22.08.1801), сотника (на 1813 г.), штабс-ротмистра, ротмистра. Был награжден медалями и орденами, в том числе Св. Анны 3-й степени.

Командовал горско-казачьей командой, составленной из жителей Луковской станицы и горцев («черкесов») Моздока [8. Лл. 23-23об, 26об, 29об.]. Проживал там же. В 1818 г. был утвержден в дворянстве по чину, полученному в 1801 г. Имел 14 «крепостных и дворянских людей» (7 мужчин и 7 женщин) [3].

Был женат, имел детей, в том числе сыновей – Ивана, Гавриила и Александра [9].

II поколение

1.1. Иван Никифорович (? – не позднее 1862 г.). В службу вступил рядовым казаком. Последовательно был произведен в хорунжие, сотники (к 1818 г.), есаулы, подполковники (19.04.1849). В 1850–1853 – пристав Тохтамышевских (ногайских) аулов в чине подполковника и полковника (1853). Награжден орденами Св. Станислава 3-й степени, Св. Анны 3-й степени, а также крестом «За службу на Кавказе» и медалями. После отставки проживал «со своими холопами – кабар-

динцами» в поселке Армянском, приписанном к станице Горячеводской Пятигорского уезда Ставропольской губернии.

Был женат на дочери первостепенного кабардинского узденя Тамбиевой Елизавете Аверьяновне (Дандыковне, 1817 г.р.). Сыновья Василий (хорунжий), Варфоломей (хорунжий), Владимир (урядник), Николай (1840 г.р., урядник); Григорий (1844 г.р. хорунжий), Платон (1853 г.р., женат, сын Орест-офицер). Дочь Елена (1851 г.р.) [7. С.315].

Внесен 20.01.1869 г. в «Список потомственных дворян, проживавших и проживающих в Терской области, утвержденных в сем дворянстве Правительственным сенатом и записанных в дворянскую родословную книгу Ставропольской губернии по Терскому казачьему войску» [9].

1.2. Александр Никифорович родился в 1811 г. в семье офицера. Относительно образования А.Н. Крым-Шамхалова-Соколова известно, что воспитывался он в частном учебном заведении. Интересно отметить, что в послужном списке указано, что он «знает грамоты российской, арапской и турецкой – читать и писать умеет». Кроме того, знал он и «черкесский разговор». Имеется ли в виду адыгский язык, или же родной язык отца Александра – карачаево-балкарский, названный таким образом согласно дореволюционной традиции, именовавшей всех горцев «черкесами», – судить трудно. На наш взгляд, более вероятен второй вариант. То есть, Александр владел не только языками родителей, но и еще двумя восточными.

В службу вступил рядовым казаком в Хоперский конный полк (8.06.1831), произведен в урядники (22.07.1831). В офицерский чин хорунжего произведен через 5 лет (19.04.1836), еще через 6 лет в сотники (19.09.1842). После разделения Хоперского казачьего полка поступил во 2-й полк (1846). Назначен заседателем в полковое правление 6-й (впоследствии 4-й) бригады Кубанского казачьего войска (21. 11. 1847). В феврале 1848 г. вернулся на службу во 2-й Хоперский полк. Произведен в есаулы (20.12.1848). В 1852 г. по распоряжению начальства был переведен в 1-й Хоперский (впоследствии 16-й конный) полк. В 1855 г. вновь вернулся во 2-й Хоперский (переименованный в 17-й конный) полк, где и служил до выхода в отставку.

Крым-Шамхалов-Соколов А.Н. принимал активное участие в походах против шапсугов и «закубанских народов» (1834, 1835, 1837, 1838, 1840 гг.). За отличие в боях был награжден чином хорунжего а также получил «Всемилоостивейше пожалованные 2 рубля ассигнациями, две чарки водки, два фунта мяса» (21.07.1836). 21.09.1838 г. получил денежную награду в 200 рублей. Дважды получал Высочайшие Благоволения Императора Николая I (9.09.1839 и 29.09.1841).

Принимал участие в Крымской войне 1853-1856 гг. Был награжден орденом Св. Станислава III степени, а также памятной бронзовой медалью на Андреевской ленте. Известно, что «ранен, в плену у неприятеля и под судом не был», также не был «под штрафами». За 30 лет службы Крым-Шамхалов-Соколов А.Н. (1831-1861) ни разу не пользовался правом на отпуск.

Женат был на дочери подпоручика Нилина – Елене Максимовне. Имел детей: Константин (9.08.1843) /обучался в Ставропольской губернской гимназии/, Владимир (8.01.1848), Надежда (19.04.1845), Любовь (14.04.1846). Проживал в ст. Бекешевской [10].

1.3. Гавриил Никифорович родился 20.03.1814 г. Образование получил в частном учебном заведении. В службу вступил казаком Хоперского казачьего полка (25.02.1830), произведен в урядники (30.06.1830). В сентябре 1832 г. бежал к «непокорным» горцам, однако вскоре вернулся. За побег был разжалован в рядовые (28.11.1832), и вторично произведен в урядники лишь через 4 года (27.08.1836). «За отличия против горцев» в боях 1836 г. награжден Знаком отличия Военного ордена (Георгиевским крестом) №72291 (05.1838). За бои в ущелье реки Псемен в сентябре 1842 г. произведен в чин хорунжего (17.06.1843) со старшинством 31.08.1842 г. При разделении Хоперского полка перешел в 2-й Хоперский полк (1.01.1846).

За отвагу в боях против темиргоевцев в 1845 г. на р. Белой Г.Н. Крым-Шамхалов-Соколов получил Монаршее благоволение Николая I (12.08.1846). Произведен в сотники (4.09.1848) со старшинством 5.12.1847 г. за участие в боях против абадзехов на р. Псефирь в 1847 г. За отвагу вновь был награжден Монаршим благоволением (12.06.1849). За бои с горцами, напавшими на с. Сенгилеевскую (1848 г.) был награжден орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» (18.06.1849). За отличия в боях и рекогносцировке в Черных горах и в долине р. Губах (1852 г.) произведен в есаулы (6.01.1853) со старшинством 12.02.1852 г. За бои в ущелье р. Псемен 10-15 февраля 1854 г. награжден орденом Св. Анны 3-й степени с бантом (02.1855).

По распоряжению командования переведен в резервный казачий полк 5 (впоследствии 4-й) бригады ККВ (13.06.1855). Принимал активное участие в боях против турецких войск под Карсом, на Соганлукском хребте, у Карадагских высот и других участках фронта с мая по сентябрь 1855 г. В бою под Карсом был тяжело ранен. За отличия «против турок» Г.Н. Крым-Шамхалов-Соколов был произведен в войсковые старшины (14.12.1855). Переведен во 2-й Хоперский (впос-

ледствии 17-й конный) полк (1.06.1856). Получил Монаршее благоволение за отвагу в боях против турецких войск (31.07.1856). Награжден бронзовой медалью на Георгиевской ленте «В память войны 1853-1856 гг». За «боевые отличия и усиленные труды, способствовавшие окончанию войны на Западном Кавказе» награжден орденом Св. Станислава 2-й степени с мечами и бантом (12.1865). Также награжден серебряной медалью на Георгиевско-Александровской ленте «За покорение Западного Кавказа» и крестом «За службу на Кавказе». Решением Императора Александра II за безупречную службу в офицерских чинах в течение 25 лет награжден знаком «XV лет беспорочной службы» (6.11.1866). 21.02.1869 г. Г.Н. Крым-Шамхалов-Соколов был утвержден в должности начальника ст. Бекешевской (Бекешевской).

Женат был на «дочери дворянина» Чаглаевой Елизавете Андреевне. Имел детей: сын Николай (4.12.1853), дочери: София (9.11.1847), Надежда (25.12.1851), Вера (3.01.1857), Любовь (18.09.1858). Проживал в ст. Бекешевской [11].

III поколение.

1.1.1. Григорий Иванович (1840/1844–не ранее 1907), хорунжий (к 1886). Сын полковника. К 1867 урядник Волгского казачьего полка. Внесен 20.01.1869 в «Список потомственных дворян, проживавших и проживающих в Терской области, утвержденных в сем дворянстве Правительственным сенатом и записанных в дворянскую родословную книгу Ставропольской губернии». Проживал в ст. Горячеводской. Был женат. Сын Андрей.

1.1.2. Варфоломей (Август) Иванович (?–не ранее 1886), хорунжий (к 1886) Терского казачьего войска. Сын полковника. В офицерском чине с 26.01.1848. С 08.03.1852 состоял «под военным судом, за прошлые поступки не арестовывался». Проживал в ст. Горячеводской. Был женат. Сыновья – Михаил, Степан.

1.1.3. Василий Иванович (?–не ранее 1886), хорунжий (к 1886).

1.1.4. Николай Иванович (1840–?). Служил в чине урядника

1.1.5. Платон Иванович (1853 –?). Женат, сын Орест [7. С.314-316].

1.2.1. Константин Александрович (1843 –?)

1.2.2. Владимир Александрович (1848–?)

1.2.3. Михаил Александрович (?) Женат. Сын – Валентин.

1.3.1. Николай Гаврилович (1853 – после 1900). Женат. Дети: Надежда, Елизавета, Гавриил, Мария и Владимир [9].

IV поколение

1.1.2.1. Михаил Августович родился 25 октября 1871 г. в ст. Горячеводской. Получил среднее образование в Пятигорской гимназии. В службу вступил вольноопределяющимся в 1-й Сунженско-Владикавказский казачий полк (17.04.1890). Произведен в урядники (20.07.1892), старшие урядники (29.12.1892). В 1894-1896 гг. обучался в Ставропольском казачьем юнкерском училище, окончив которое по 1-му (высшему) разряду, был произведен в подхорунжие с назначением в 1-й Сунженско-Владикавказский генерала Слепцова казачий полк (12.09.1896). Переведен в 45 (18)-й драгунский Северский короля датского Христиана IX-го полк с переименованием в эскадрон-юнкера (28.08.1897).

М.А. Крым-Шамхалов-Соколов был произведен в корнеты (5.05.1898) со старшинством 1.09.1896 г., поручики (29.08.1901) со старшинством 1.09.1900 г., штабс-ротмистры (1.09.1904). Занимал различные должности в полку: заведующий полковым оружием и лазаретом, заведующий полковыми мастерскими, полковой квартирмейстер (1898-1904), временно командовал 2-м эскадрона полка (2.07. – 16.07.1900, 4.01. – 18.01.1904). Был избран членом офицерского заемного капитала (1.10.1901). М.А. Крым-Шамхалов-Соколов являлся одним из лучших наездников в полку, неоднократно выигрывал и занимал призовые места в скачках на призы военного министерства, а также на призы Императора и императорской фамилии (Санкт-Петербург – 1903, 1904 гг.).

12 сентября 1904 г. был командирован на театр военных действий с Японией, где назначен командиром 15-го военно-вьючного транспорта (24.10.1904), затем 25-го транспорта (21.11.1904). В качестве специалиста был отправлен в Монголию для закупки лошадей для нужд российской армии (17.05.-25.06.1905). Временно назначен командиром 26-го военно-вьючного транспорта (26.06.1905). 11 июля 1905 г. М.А. Крым-Шамхалов-Соколов был переведен в Терско-Кубанский конный полк, в составе которого принимал участие в боях. За проявленное мужество награжден орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» (5.08.1905); Св. Станислава 3-й степени с мечами (12.09.1905), а также светло-бронзовой памятной медалью.

По окончании войны вернулся в свой полк, где занимал различные должности (02-10.1906). Командирован для получения образования офицерскую кавалерийскую школу (1906-1908), которую окончил успешно с награждением нагрудным знаком. В годы учебы прини-

мал участие в скачках на призы Императора, занимал призовые места (1907-1908). По возвращению в полк М.А. Крым-Шамхалов-Соколов был назначен начальником полковой команды (1908-1911), избирался членом суда общества офицеров, членом комитета по заведению офицерского заемного комитета (13.10.1909). Назначен командиром 5-го эскадрона (16.10.1911), произведен в чин ротмистра (6.03.1912) со старшинством – 1.09.1908 г. В 1908-1913 гг. принимал участие в скачках в Санкт-Петербурге, Красном Селе, Тифлисе, занимал высшие и призовые места [12].

М.А. Крым-Шамхалов-Соколов являлся активным участником первой мировой войны, в составе полка сражался на Западном и Кавказском фронте. За отвагу в боях награжден орденами Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом; Св. Станислава 2-й степени с мечами и бантом; а за бой 8 ноября 1914 г. у д. Брезина был награжден высшей офицерской наградой – орденом Св. Георгия 4-й степени (7.04.1915) [5. С.68]. Отметим, что в полку кроме него за все время боевых действий (1914-1917) данной наградой был награжден лишь один офицер [13]. В 1916 г. был произведен в подполковники, впоследствии в полковники.

Следует отметить, что одним из взводов эскадрона М.А. Крым-Шамхалова-Соколова командовал адыгский офицер Кучук Улагай, а вахмистром этого взвода был будущий командир Первой конной, «главный кавалерист» СССР, маршал Советского Союза – М.С. Буденный. В своих воспоминаниях Буденный неоднократно упоминает как командира эскадрона, так и своего взводного, причем подходя с позиций классовых, конечно же, выставляет их только в негативном свете. Ведь через несколько лет бывшие командиры оказались по другую сторону фронта, став его злейшими врагами. Кроме того, Буденный М.С. перепутал национальность своих командиров, назвав Крым-Шамхалова-Соколова – кабардинцем, а К. Улагая – карачаевцем, тем не менее, отметив, что настоящая фамилия командира эскадрона Крым-Шамхалов [14. С.13] (следует отметить, что в большинстве документов дореволюционного периода Михаил Августович упоминается только под фамилией Соколов).

М.А. Крым-Шамхалов-Соколов принимал активное участие в Гражданской войне в составе своего полка, а впоследствии, вернувшись на родину предков – Карачай, служил в составе Карачаевского конного полка, возглавив его на заключительном этапе войны (в 1920 г.) [15]. Руководил одним из отрядов во время антибольшевистского восстания в Карачае осенью 1920 г. [16. С.161]. После его поражения эмигрировал. Участвовал в работе русских воинских организаций,

был произведен в генерал-майоры Терского казачьего войска. Проживал в Восточной Европе, после второй мировой войны эмигрировал в США, где и скончался в 1948 г. в Нью-Йорке [17. С.87].

Известно, что 3 сентября 1907 г. М.А. Крым-Шамхалов-Соколов вступил в брак с Татьяной Львовной Малеваной (дочерью надворного советника), братья которой также активно участвовали в белом движении и впоследствии эмигрировали. Сведений о детях нет (к 1913 г.).

1.1.2.2. Степан Августович родился в ст. Горячеводской 7 августа 1877 г. Образование получил в Оренбургском-Неплюевском кадетском корпусе. В службу вступил казаком в 1-й Сунженско-Владикавказский конный полк Терского Казачьего Войска (01.09.1896). Окончил Николаевское кавалерийское училище (1898), после чего был выпущен для прохождения службы в свой полк. Последовательно произведен в чин хорунжего (старшинство – 08.08.1898) сотника (старшинство – 13.08.1901), подьесаула (старшинство – 13.08.1905).

Получил образование в Николаевской академии Генерального штаба (1907), которую окончил по 1-му (высшему) разряду. По окончании курса в числе лучших слушателей С.А. Крым-Шамхалов-Соколов был произведен в капитаны (старшинство – 07.05.1907). Цензовое командование сотней отбывал в 1-м Кизляро-Гребенском казачьем полку (01.11.1907-23.11.1909). Затем был переведен на должность старшего адъютанта штаба 2-го Сибирского армейского корпуса (26.11.1909-18.09.1912). Окончил Офицерскую воздухоплавательную школу (21.06.-24.09.1912), получив квалификацию – «летчик-наблюдатель». После занял должность обер-офицера для поручений при штабе 2-го Кавказского армейского корпуса (18.09.1912-21.11.1914).

С.А. Крым-Шамхалов-Соколов принимал активное участие в первой мировой войны. Исполнял должность штаб-офицера для поручений при штабе 26-го армейского корпуса (21.11.1914). Был произведен в подполковники (06.12.1914) со старшинством с 06.12.1913 г. (за отличие) с утверждением в занимаемой должности. Произведен в полковники (06.12.1915) со старшинством с 06.12.1915. И.д. начальника штаба Кавказской гренадерской дивизии (25.06.1915). Командир 2-го Кубанского полка Кубанского казачьего войска (07.09.1916). За особые отличия 03.01.1917 г. С.А. Крым-Шамхалову-Соколову старшинство в чине полковника было установлено с 06.12.1914 г. С 30.09.1917 г. назначен начальником штаба 2-го Кавказского армейского корпуса.

За отличную службу и отвагу в сражениях С.А. Крым-Шамхалов-Соколов имел награды: ордена Св. Станислава 3-й степени (1910;

04.03.1911); Св. Анны 3-й степени (16.05.1914); Св. Станислава 2-й степени с мечами (14.12.1914); мечи и бант к ордену Св. Станислава 3-й ст. (12.04.1916); Св. Владимира 4-й степени с мечами (07.05.1916); мечи и бант к ордену Св. Анны 3-й степени (19.01.1917). Также получил Высочайшее благоволение за боевые отличия (08.01.1916) [18].

С.А. Крым-Шамхалов-Соколов являлся одним из руководителей казачьего восстания на Тереке летом 1918 г. В Добровольческой армии с конца 1918 г. Командир 1-й Терской казачьей дивизии. Был произведен в генерал-майоры (1919). В 1919 г. командовал сводными отрядами в составе войск главноначальствующего Терско-Дагестанским краем, а затем – при Главнокомандующем на Северном Кавказе ген. Эрдели. С марта 1920 г. С.А. Крым-Шамхалов-Соколов – начальник штаба Владикавказского отряда (остатки войск Северного Кавказа), с которым отступил в Грузию [19]. В сентябре 1920 г. – участник десанта генерала С.Г. Улагая на Кубань, начальник штаба северной группы войск десанта. В ноябре 1920 г. эмигрировал. Проживал в городе Шумен, в Болгарии, где был заведующим хозяйством и воспитателем в русской гимназии. С.А. Крым-Шамхалов-Соколов скоропостижно скончался в госпитале г. Велико Тырново 7 мая 1927 г. Похоронен в Шумене на местном кладбище [20].

Подводя итог нашему небольшому исследованию, хочется отметить, что потомки князей Крым-Шамхаловых – потомственные дворяне, казаки Соколовы более столетия верой и правдой служили России, не щадя своей жизни в ратном труде. И нет сомнений, что последующие поиски откроют нам новые, не менее героические, страницы истории этого рода, связавшего карачаевцев и казаков – рода Крым-Шамхаловых-Соколовых.

Примечания

1. *Шкуро В.И.* «Сыновья идут дальше...» (О Георгиевских наградах некоторых кавказцев, ставших кубанскими казаками) // «Под сенью Святого Георгия». Материалы V Международных Дворянских чтений – Краснодар, 2009. С. 28-39.

2. Кавказский календарь на 1914 г. Тифлис, 1913. Стб. 571.

3. *Любимов С.В.* Дворянские роды, внесенные в родословную книгу Кавказской области – (1804 – 1825 гг.). //Летопись Историко-Родословного Общества. Выпуск №1-2. – М., 1913. С. 28-54.

4. *Лайпанов К.Т.* Этногенетические связи карачаево-балкарцев с другими народами. – Черкесск, 2000. С. 65.

5. *Барзбиев М.И.* Карачаевские и балкарские аристократы – кавалеры Знака отличия Военного Ордена Святого Георгия и ордена Святого Георгия.

// «Под сенью Святого Георгия». Материалы V Международных Дворянских чтений. Краснодар, 2009. С. 60-71.

6. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), Ф. 409. П/с 317-943. 1911 г.

7. Казаков А.В. Адыги (черкесы) на российской военной службе. Воеводы и офицеры. Середина XVI – начало XX в. Нальчик, 2006.

8. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 396. Оп.1. Д. 211. Л.1-29.

9. Список дворян, внесенных в дворянские родословные книги Ставропольской губернии, Терской и Кубанской областей с 1795 по 1 декабря 1912 г. и дополнение к нему. Составлен Ставропольским дворянским депутатским собранием. Ставрополь, 1912. С.71.

10. ГАКК. Ф. 396. Оп.2. Д. 197. Л. 31-35.

11. ГАКК, Ф. 396. Оп.2. Д. 271. Л. 99-118.

12. РГВИА. Ф.409. Оп.1, Д.41887, П/с 433. Л.1-10об.

13. www.st-george.ru

14. Буденный М.С. Пройденный путь. М, 1958.

15. Архив Карачаевского Научно-Исследовательского института (АКНИИ). Ф.2. Д.119. Л.7.

16. Лайпанов К.Т. Октябрь в Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1971.

17. Общеказачий журнал – 1948 – №5. (Заметим, что в информации о смерти фамилия Михаила указана как Крым-Шамхалов /в источнике ошибочно – Крым-Шамхматов/ без прибавления «Соколов»)

18. Русская армия в Великой войне: Картотека проекта // www.grwar.ru;

19. Ф.С. Киреев. Владикавказская операция //Белая гвардия. №8. 2005. М. С. 107-114;

20. Письмо Е.Неклюдова // Личный архив Батчаева Ш.М.

РАЗДЕЛ III.

Повседневность служения, система ценностей, культурное наследие дворянского сословия

И.Ю. Мартианова (г. Краснодар)

Отражение жизненного мира молодого придворного времён царствования Екатерины II в воспоминаниях князя А.Е. Чарторыйского

В центре внимания данного исследования некоторые аспекты жизненного мира придворного времён правления Екатерины II. Воспоминания, создание которых было обычной практикой среди современников прославленной российской императрицы, вполне позволяют исследователю проследить системную взаимосвязь между макро- и микроисторией, увидев через саморепрезентацию жизненного мира мемуариста уникальные особенности исторического времени. Ведь в любых мемуарах словно пересекаются две исторические плоскости – личная и общечеловеческая, так как «в каждом из нас материально отражается частица всей мировой истории» [1. С.27]. Тем более, когда это отражение наблюдается в такой знаковой личности эпохи, каким был князь Адам Ежи Чарторыйский*, чей жизненный мир, опи-

* В издании мемуаров князя 1998 г. фамилия указана как Чарторижский, хотя чаще употребляется иная транскрипция – Чарторыйский. В данной работе автор придерживается второй версии написания фамилии.

санный в его воспоминаниях, для нас является своеобразным пропуском в восемнадцатое столетие. Исследуя своеобразие жизненного мира этого незаурядного человека, его особенную линию поведения в придворной жизни, мы имеем возможность заметить как «проступает своеобразие исторического мира культуры» [2. С.10].

Наличие у каждого представителя человечества в любой точке его пространственно-временного существования собственного жизненного мира не вызывает сомнения. Остаётся понять, какие именно черты этого жизненного мира изменялись в истории, а какие были постоянными константами, присутствовавшими всегда, составляя характерную черту, свидетельствующую о принадлежности к человечеству. Для этого нам следует понять, что такое «жизненный мир человека» и из чего он складывается. Жизненный мир человека несводим к понятию повседневности, хотя и достаточно широкому, и включающему многообразные явления. Однако, А.Ю. Рожков даёт именно такое определение этому понятию: «Под термином «жизненный мир» понимается весь мир повседневности... это область социальной реальности, которая воспринимается как нечто непреложное, несомненное, само собой разумеющееся, обыденное. ... Человек не только живёт, но и действует в этом мире, который сам по себе определяет рамки его мышлению и действию» [3. С.12] и далее: «Жизненный мир есть действительность, которую люди изменяют с помощью своих поступков и которая, в свою очередь, меняет поступки людей» [3. С.13]. То есть автор делает синонимами понятия жизненного мира и повседневности. С таким определением жизненного мира можно согласиться лишь отчасти и хотелось бы сделать некоторые уточнения.

Жизненный мир человека – системное понятие, охватывающее целый комплекс взаимосвязанных и взаимозависимых систем представлений человека об окружающей его объективной действительности и субъективных ощущений, каждая из которых имеет свою сложную исторически сложившуюся структуру. Повседневность лишь одна из таких систем жизненного мира человека. Система не может быть сведена ни к одной из своих подсистем. Объединение различных элементов в системы позволяет историку решать задачи ранее не доступные при изучении отдельных элементов, её составляющих [4. С.97]. Изучение жизненного мира отдельного человека как системы через описание отдельных составляющих его подсистем позволяет также пронаблюдать их взаимосвязанность и взаимозависимость. Поэтому изучение повседневности, как одной из подсистем жизненного мира

человека, действительно открывает перед исследователем многообразие всей этой структуры.

Жизненный мир человека является скорее системой его представлений о своём внутреннем содержании и внешнем мире, чем объективным миром вне человека. В него, например, не входят вещи и явления, о существовании которых данный человек не знает. Незнаемое не может быть частью жизненного мира человека, так как он его не представляет. То есть, жизненный мир имеет определённые границы. Их масштаб зависит от степени развития и образования человека. Создавая свои воспоминания о пройденном жизненном пути, мемуарист описывает свой жизненный мир с максимально возможной для него полнотой, но рассказать обо всём его многообразии этой системы он не в состоянии. Об этом многообразии исследователь может судить лишь по косвенным фактам или отдельным описанным деталям, изучая ту или иную подсистему, отразившуюся в тексте воспоминаний.

Так, одной из систем жизненного мира является сумма представлений личности об окружающем мире и о себе в этом мире. Разумеется, мемуарист представил его в том виде, каким хотел бы показать его потомкам. Дворяне в XVIII в. становились придворными как в соответствии со своими намерениями, так и вопреки им, но в любом случае по высочайшей воле. Князь А.-Е. Чарторыйский, происходивший из старинной польской аристократической фамилии, был, по сути, взят в заложники ко двору российской императрицы вместе со своим младшим братом [5. С.35]. Представления молодого князя о себе и окружающей его действительности в этот момент жизни складывались под влиянием этого трагического для него факта. Поэтому, несмотря на благосклонность Екатерины II и обретение значительных связей при её дворе, получение статуса и чина придворного, возвращение всех конфискованных у его семьи поместий и имущества, мемуарист чувствовал себя всегда чужим в этой новой для него жизненной среде. На склоне жизни, разочаровавшись во всех своих надеждах и мечтах юности, он чувствовал настоятельную потребность объясниться с будущими поколениями и поляков, и россиян на страницах воспоминаний по поводу первых лет пребывания в качестве придворного. Испытанное тогда ощущение собственной чуждости этому двору диктовали ему при создании текста резкие формулировки и пристальное внимание ко всевозможным сторонам придворной жизни, которые не воспринимались его русскими современниками как нечто заслуживающее внимания и отдельного описания. Историку, таким образом, предоставлена возможность ознакомиться со взгля-

дом «со стороны» компетентного современника на некоторые аспекты придворной жизни времён Екатерины II, взглядом в значительной степени недоброжелательного, но заинтересованного чужого, придирчивого и образованного. Собственно, в этом и заключается ценность этого источника по истории России.

А. Шютц указывал на то, что, попав в чужое общество, человек лишается привычных ему базовых представлений и испытанной жизненным опытом системы ценностей, что и может вызывать ощущение враждебности и отчуждённости. «Он по сути своей является человеком, который должен сомневаться почти во всём, что кажется несомненным членам самой группы», принимающей его [6; с.197]. Как для современного человека, так и для человека XVIII в. это стрессовая ситуация, вызывающая значительную перестройку всех систем его жизненного мира. Князь Чарторыйский так вспоминал свои ощущения, считая главным следствием начатой против воли придворной жизни потерю способности к откровенности: «на мой характер и на мои умственные силы всё это подействовало самым губительным образом. Этот гнёт, наложенный на мою откровенность, сделал меня мрачным, молчаливым сверх меры, ушедшим в самого себя ... Весьма возможно, что я по натуре своей был предрасположен к этому недугу. Более счастливые обстоятельства, быть может, совершенно рассеяли бы или, по крайней мере, ослабили его, но противоположные условия моей жизни только ещё больше его увеличили. Я стал слишком осторожным, осмотрительным ... Всю жизнь потом я не мог побороть, изменить в себе этого настроения ума, насильно навязанного мне в молодости роковыми обстоятельствами» [5. С.55]. Придворная жизнь, о которой мечтали многие сверстники князя, для него самого в то время стала личной трагедией.

Стресс от вхождения в чужое общество усугубляется ещё и тем, что «с точки зрения чужого культура этой (принимающей – *И.М.*) группы имеет свою специфическую историю, и эта история даже доступна ему. Но она никогда не была неотъемлемой частью его биографии, как история его родной группы. Для людей естественным является только способ жизни их отцов и дедов. Могила и воспоминания невозможно ни перенести, ни преодолеть» [4. С.197]. Отличительной чертой дворянского менталитета XVIII – начала XX в. является с детства сформированное чувство неразрывной связи с историей страны, которую он считает своей. Через осознание этой связи дворянин устанавливает своё место в историческом процессе вообще. В случае с князем Чарторыйским очевидным становится подрыв этой базовой составляющей его

польского дворянского менталитета. Под влиянием своих родителей, особенно матери, А.-Е. Чарторыйский сформировался как глубоко убеждённый патриот, чему способствовала в немалой степени вся обстановка его мира детства. С годами эта обстановка в сознании мемуариста приобрела ярко выраженные идеализированные черты социальной утопии [7. С.107], из которой он был вырван волей «палачей нашего отечества» [5. С.36]. Находясь на службе у этих «палачей» молодому князю со свойственным возрасту юношеским максимализмом было нелегко, поэтому столько горьких и критических замечаний обо всём увиденном при дворе. Позже, создавая текст своих воспоминаний, мемуарист вводит оговорки и комментарии к описаниям своих и брата юношеских впечатлений рождённые здравомыслием опытного образованного человека и тонкого политика, старающегося быть объективным хотя бы в глазах потомков: «... мы поняли, что несправедливо, несмотря на ужасы, проделанные с нами, винить в этом всю нацию ... Мало-помалу мы пришли к убеждению, что эти русские, которых мы научились инстинктивно ненавидеть, которых мы причисляли, всех без исключения, к числу существ зловердных и кровожадных, ... – что эти русские более или менее такие же люди, как и все прочие, что между ними есть умные молодые люди, люди вежливые, приветливые ... в общем, можно жить в их обществе, не испытывая чувства отвращения, что даже можно иногда считать себя обязанным питать к ним дружбу и чувство благодарности» [5. С.39].

К такому образу мыслей мемуариста постепенно подготовила пережитая им повседневная жизнь придворного. Жизненный мир человека кроме системы представлений о себе, включает в себя, как и упоминалось выше, сложную систему повседневности. Повседневность – это сфера стабильных устоявшихся привычных практик, которые возобновляются по ощущению и восприятию человека достаточно длительное время. В сфере повседневности все изменения происходят в режиме замедленных длительных процессов, малозаметных для самого человека, их переживающего. Ускорение процессов изменений в повседневности воспринимается как стресс в непосредственный момент переживания, а позднее человек стремится эти уже произошедшие изменения узаконить в рамках вновь сложившейся ситуации повседневности.

Несмотря на то, что молодые князья Чарторыйские прибыли в Петербург по личному повелению императрицы, они не были с самого начала допущены ко двору, а должны были около полугода прожить в высшем петербургском обществе, которое по замечанию А.-Е. Чарторыйского, «представляло не что иное, как отражение двора» [5. С.41].

Этот период для него был заполнен визитами, наработыванием общественных связей, которые были необходимы для продвижения дела Чарторыйских о возвращении им осеквестрованных поместий и имуществ (официальный предлог, объясняющий присутствие молодых людей в Петербурге). Повседневная жизнь этого времени вспоминалась автору тем, что «ежедневно приходилось возобновлять беготню, не упуская случая расширять круг знакомства» [5. С. 58]. Князю Адаму «это было унизительно и очень тяжело» [5. С. 46]. Наконец братья получили приглашение на праздник в честь молодого двора к княгине Голицыной, «получившей это разрешение свыше» и совершавшей приём поляков «сообразно инструкциям» [там же]. Они стали завсегдатями в доме фаворита императрицы графа Платона Зубова и, наконец, были представлены Екатерине II, которая дала им понять, что для них самих и продвижения их дела будет лучше официально поступить на российскую службу. «Это было неременное условие, дополнявшее нашу жертву, неизбежное следствие нашего приезда в Петербург», — комментировал пережитое событие своей жизни князь Чарторыйский. Братьям было предложено вступить офицерами в личную гвардию императрицы, расцененное ими как унизительное, но, как вспоминал мемуарист, «мы считали недостойным себя входить в какие-либо переговоры, показывать малейшую заботу о получении более высокого положения. И самое высокое положение, и самое низкое были нам в одинаковой степени нестерпимы» [5. С. 62]. Служба в гвардии была для молодых людей не обременительна и состояла том, что необходимо было отправляться «во дворец только лишь по воскресеньям и по праздничным дням, чтобы стоять на карауле у входа, где помещался дипломатический корпус и где проходила императрица», которая «бросала ... милостивый взгляд», а «великие князья кланялись ... всегда любезно» этим польским аристократам, являвшимся перед ними в образе караульщиков [5. С. 63]. Императрица, питая всё же к своим заложникам известную степень уважения, приглашала князей Чарторыйских на концерты в Таврический дворец, что было по признанию мемуариста «необычайной милостью для офицеров гвардии, не причисленных ко двору» [там же]. Вскоре Екатерина II сочла необходимым перевести братьев на придворную службу, несмотря на то, что они не желали присвоенных им званий камер-юнкеров, хотя князь Адам вполне осознавал, что подобный перевод ему следует рассматривать как милость и повышение по службе. Он знал, что те семьи российских дворян, «у которых было знатное имя, или большая протекция, спешили поместить своих сыновей в гвардию и в то же время добиться получения ими

какой-нибудь должности при дворе», так как «это было и средством для быстрого повышения» на любом поприще [5. С. 64]. Мемуаристу не пришлось заботиться о подобных вещах (в этом была особенность его линии поведения), ведь для него чин камер-юнкера давал лишь «право на полное безделье», а для остальных получение этого чина «имело свои прелести для честолюбивой и богатой молодёжи, жадной до удовольствий, открывая ей поприще авантюры и разнообразных впечатлений» [5. С. 67]. И в то же время, «люди, действительно преданные службе, не могли попасть иначе» в определённые придворные собрания (то есть, открыть себе доступ к личным контактам с вышестоящими), «как при условии достижения самого высокого чина». Такой порядок вещей при дворе, очень удивлял А.-Е. Чарторыйского: «люди без всяких личных заслуг находили широко открытыми для себя двери дворца, тогда как старые генералы, смешиваясь с толпой, напрасно томились в передней, ожидая милостей» [там же]. Однако, именно получив придворную должность, он почувствовал себя «удовлетворённым, видя ужасного генерал-губернатора нашего края, затерявшимся в столице, едва привлекающим на себя взгляды фаворита и не смеющим показаться ни в каком высшем обществе. Это была маленькая месть, которую приятно было чувствовать» [там же]. Возвращение его семье имущества тоже приятным образом обернулось для новоявленного придворного, который отлично знал, что «трудно или почти невозможно было добиться правосудия при постоянных злоупотреблениях произвольной власти; самое большее, чего можно было желать, — чтобы эти злоупотребления не были слишком возмутительны (возмутительны в стране, где ничто не оскорбляет), чтобы соблюдалась хоть какая-нибудь пристойная форма» [там же]. В роли придворного князь получил некоторую долю уверенности в своей безопасности и «возможность узнать интимные привычки двора, ближе познакомиться с некоторыми важными сановниками и с некоторыми молодыми людьми ... В довершение сего, оно приблизило нас к молодым великим князьям» [5. С. 68], что давало эфемерные надежды юноше на возможность собственного влияния на благоприятный поворот событий для Польши и поляков.

Повседневная жизнь каждого человека протекает среди мира вещей. Часть этих вещей составляет личное имущество человека. Именно ими человек пользуется наиболее часто, они же несут на себе «отпечаток» личности хозяина. Создавая воспоминания, мемуарист не может вспомнить и описать все свои вещи, какими бы любимыми и ценными они для него не были. В мемуарах фигурируют главным образом те из них,

которые могли бы дать представление читателю об авторе, то есть знаковые вещи. Описывая свои личные вещи, мемуарист, таким образом, характеризует некоторые аспекты своей повседневной жизни, которые в другом бы случае остались бы совершенно скрытыми для читателя. Воспоминания князя Чарторыйского о первых годах жизни при дворе напротив совершенно лишены подобных описаний. В мире вещей, его окружавших в повседневной жизни, он не находит ни одного предмета достойного воспоминания, что само по себе весьма показательно. Он не описывает своего жилья, ничего не говорит о смене им костюмов, которые для молодого человека того времени являлись важным показателем его положения и успеха в обществе. Нет ни одного слова о его прислуге, лошадях, удобствах, личных мелких вещей. Отсутствие подобных описаний может косвенно свидетельствовать о том, что у этого человека в описываемый период его жизни не было ощущения живой связи/привязанности к месту, в котором он находился и какой-либо материальной ценности, которой он дорожил. Мемуарист, описывая свою повседневную жизнь при дворе, ценит только свои ощущения и свои впечатления от встреч с людьми.

Системы жизненного мира автора воспоминаний как представления о себе и переживаемая повседневность были тесно увязаны с такой подсистемой, как внеповседневная реальность. Внеповседневная реальность – это сфера жизненного мира человека, которая в обыденном сознании воспринимается им как глобальные изменения, произошедшие в данное время и в данном месте, т.е. история. Иногда можно услышать, что нет ничего, кроме повседневности. Однако, переживая то или иное событие, человек достаточно чётко определяет, какие из них являются обыкновенными (повседневными, ожидаемыми) событиями, а какие – историческими (неожиданными, затрагивающими большое количество людей). Современник может ошибаться в оценке значимости того или иного явления, но в конечном итоге для него это неважно. Важно то, что он сам думает на этот счёт. Внеповседневная реальность имеет большое значение для мемуариста. Человек, решивший писать воспоминания, всегда осознаёт себя лицом историческим, а события, которые он пережил, значимыми; свои суждения об этих событиях, своё видение – интересным современникам и потомкам (чаще последним).

А.-Е. Чарторыйский в главах посвящённых этому периоду своей жизни лишь бегло характеризует события политические. В то время они так же мало его занимают, как и вещный мир. Да и какое событие может затмить в глазах патриота пережитое им крушение своего Оте-

чества. Поэтому центральное место в системе его внеповседневной реальности занимает не политическая интрига, а люди, с которыми водит судьба и превратности придворной жизни. Каково бы ни было отношение князя к этим людям, он хорошо осознаёт, что для его жизни знакомство с русскими выдающимися деятелями эпохи, близкое знакомство и постоянное общение с ними – событие незаурядное, выдвигающее его самого на авансцену истории как участника и свидетеля, чьи слова не останутся пустым звуком для потомков. И, конечно, кульминационным в его повествовании о знакомствах при дворе становится общение с самой императрицей и великим князем Александром Павловичем.

Об императрице Екатерине II А.-Е. Чарторыйский отзывается в целом нелицеприятно. Она для него вероломный и расчётливый политик [5. С.72], «непосредственная виновница гибели Польши ... проклинаемая всяким, у кого только в груди билось польское сердце» [5. С.41], женщина, «лишённая всяких добродетелей и даже добавочной ... скромности» [5. С.42]. Это далеко не полный перечень высказываний мемуариста в адрес российской императрицы. Он не устаёт удивляться её популярности и в среде придворных, и в дворянском обществе, и в провинциях, и в среде простолюдинов. Однако, когда князь описывает своё непосредственное общение с этой удивительной для него женщиной и правительницей, он вдруг меняет тон и чувствуется, что тоже в своё время попадал под влияние её незаурядного обаяния и умения привлекать к себе даже сердца своих врагов: «Это была уже пожилая, но очень ещё сохранившаяся женщина, скорее низкого, чем высокого роста, очень полная. Её походка, её осанка и вся она носили печать достоинства и изящества. У неё не было резких движений, всё в ней было величественно и благородно. Но это была сильная река, всё уносившая на своём пути» [5. С.57]. И в старости мемуарист помнил её взгляд и первые слова, обращённые к нему и брату: «Когда она подошла к нам, её лицо просветлело и, глядя на нас тем ласковым взглядом, который так восхваляли, она сказала: «Ваши годы напоминают мне годы вашего отца в то время, когда я увидела его в первый раз. Надеюсь, вы здесь хорошо себя чувствуете»» [там же]. Молодые поляки чувствовали себя, как мы уже установили, прескверно, но им было приятно напоминание об отце, существовавшее, что существует «отголосок старинных взглядов на Польшу и того высокого мнения, которое ещё сохранялось у русских о наших знатных вельможах» [там же]. Действительно, многие придворные и политики знали и помнили об услугах оказанных князем

Адамом Казимежем Чарторыйским в ходе борьбы за избрание последнего польского короля и щедро оплаченных российской казной, о чём сохранилось немало подтверждающих документов, извлечённых из архивов и продемонстрированных в монографии Б.В. Носова» [8]. Сам мемуарист тоже помнил об этих обстоятельствах прошлого и почитал этот факт семейным «несчастьем» [5. С.57].

Исследованный жизненный мир придворного не сводим к понятию повседневности, а включает её как одну из подсистем, наряду с системой представлений мемуариста о себе, о своём времени и собственном месте в истории. Все системы его жизненного мира тесно взаимосвязаны между собой и определяют взаимно своё существование, но не подменяют друг друга. Обстоятельства и особенности придворной жизни, которую вынужден был вести в молодые годы князь А.-Е. Чарторыйский, повлияли на всю последующую его жизнь, характер, развитие его политических взглядов. В жизненном мире польского князя и в его мемуарах реалии придворной жизни екатерининской эпохи нашли своеобразное воплощение, как один из возможных исторических сценариев для человека XVIII в.

Примечания

1. *Тейяр де Шарден П.* Феномен человека: сборник очерков и эссе. М.: АСТ, 2002.
2. *Бессмертный Ю.Л.* Что за «Казус»? // Казус: Индивидуальное и уникально в истории. 1996 / под ред. Ю.Л. Бессмертного, М.А. Бойцова. М.: РГГУ, 1997. С. 7–24.
3. *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в советской России 1920-х годов: В 2 т. Краснодар: Перспективы образования, 2002. Т. 1.
4. *Асмолов А.Г.* Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. М.: Смысл : Издательский центр «Академия», 2007.
5. *Чарторыйский А.* Мемуары. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 1998.
6. *Шютц А.* Чужой. Очерк социальной психологии // Шютц А. смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. С. 191–206.
7. *Мартианова И.Ю.* Утопизм мира детства эпохи Просвещения в Речи Посполитой по воспоминаниям А.-Е. Чарторыйского // Философский век. Альманах. Вып. 34. Человек в философии Просвещения / отв. ред. Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. СПб.: Санкт-Петербургский центр истории идей, 2008. С. 101–110.
8. *Носов Б.В.* Установление российского господства в Речи Посполитой. 1756–1768 гг. М., 2004.

О.М. Морозова (г.Ростов-на-Дону)

Супружество и отцовство в жизни донских дворян

Внутрисемейные родственные отношения у донских казаков отличались от великорусского типа, встречавшегося в патриархальных семьях города и деревни. Многие, от положения женщины до отношения к детям, имело свою специфику. Когда архаика станичного уклада начала уходить в прошлое, исследователи казачьего быта приложили усилия к описанию традиционного порядка жизни.

В Ростовском государственном областном архиве хранится уникальный фонд – переписка членов семьи донских казаков Ульяновых почти за весь XIX век. Самое раннее письмо фонда датировано 1803 годом, последние документы относятся к 1889 году. Ульяновы занимали промежуточное положение в донском социуме. Будучи беспоместными офицерами, они непосредственно смыкались с донскими низами, ничем, ни уровнем культуры, ни бытом, ни достатком, из них не выделяясь. Но служебные и дружеские контакты связывали их с самыми широкими кругами областной и отчасти общероссийской элиты. В переписке, сформировавшей фонд, участвовало четыре поколения семьи.

В 1777 году Никита Ульянович Ульянов, казак ст. Усть-Медведицкой, получил чин поручика, а вместе с ним и право на личное дворянство. Еще более полувека его потомки были дворянами только по службе, пока в конце 1840-х годах внук Иван не достиг чина, дававшего право потомственного дворянства. Длительное время отношения в этой семье ничем не отличались от сложившихся в казачьей среде. Постепенно в жизни семьи появляется все больше заимствований из поведения и мышления российского дворянства. Сталкиваясь с новыми образцами, которые демонстрировали их сослуживцы, казаки копировали их как соответствующие их новому, более высокому, офицерскому и чиновничьему, положению.

Отношение к детям, особенно мальчикам, достаточно суровое, ведь сыновья – продолжатели карьерных усилий отцов. Их наставляли, определяли на службу, следили за продвижением, способствовали по мере сил их карьере. Успешный сын был гордостью родителей. Поэтому Самойла Никитич неустанно давал поучения своему сыну Ивану, будущему генерал-майору: «Так[,] любезный сын! Лучше учишься чему доброму и старайся быть твердым[,] последовательным, нежели строптивым[,] легкомысленным и слабоверчивым. Это есть гранит основа-

ния твоего, а утвердись сильно и глубоко, не всякая буря обвалить тебя [с]может. Умнейшим выставлять никогда не может, всякого чтыщего и показывающего себя таковым называют глупцом...» [1]. Родительские напутствия тоном мало напоминают советы, скорее это угрозы неминуемого гнева за послушание и поведение не по воле старших. В 1824 году Самойла, поздравляя сына с чином корнета, неожиданно переходит к угрозам: «...Поздравляю тебя, любезный сын, с получением МОНАРШЕГО благоволения, сердечно желаю носить новый сей чин с честью и славой и оправдать доверие начальства в полной мере до таких пределов, как оне могут простираться. Надежда ласкает меня. Иметь в тебе честность, любовь, правду, исправность и осторожность, но[,] боже[,] укрой! Как что выйдет противное, тогда я скажу [...] я в надежде обманут, а ты соделаешься тогда недостойных таковых имен – подлинно – [до] потери такового» [2].

Регулярность в написании писем Самойла считал сыновним долгом и за невыполнение его строго отчитывал сына, но когда Иван пожаловался на невнимание отца, то получил такой ответ: «...Не удивляйся моему молчанию, конечно, на то были причины, и я о них никому не должен давать отчета» [3]. Причины нам становятся известны из той же переписки: Самойла привержен Бахусу. В одном из его писем сыну за 1822 г. мы обнаруживаем зашифрованные строчки: «Ньяпидей качца, точца я уже релада кми питанси пищелу шокти шъ мокъ, а ль шипоръ и нупверъ пе шлечца рохек льсугяда илнолсеципири мафше шъ торнапий ико уремепп?, ль лецошакесьпо катой перохекъ щыкъ пафышаеръ ньетидеи» [4]. Шифр оказался довольно простым: гласные буквы оставлены без изменений, а согласные заменяются так: вместо согласной буквы, расположенной первой в русском алфавите «б» пишется последняя – «щ»; вместо «в» – предпоследняя в ряду «ш» и т.д. Оказалось, что таинственная фраза скрывает оправдания пожилого воина перед сыном по поводу пагубного пристрастия: «Пьяницей тогда, когда я уже месеца три ни капли ни беру вотки в рот, а с виномъ и пуншем не всегда может случяца, и с последними разве в компании и то умеренно, следовательно такой не может быть называем пьяницей».

Самойла ревниво оберегал свой отцовский авторитет даже в очень двусмысленных ситуациях. В 1822 году Ивану стало известно, что у отца, ему в тот год исполнилось 39 лет, есть некая дама в Кракове, из-за чего Самойла даже задержал отъезд домой на «льготу». Сын упрекал отца за адюльтер: какой пример детям, когда «нравственность их еще не тверда»; пугал начальством и тем, что это может стать известным в семье. Все скрыто за цветистыми фразами о заблуждениях, гро-

зящих злополучиях, «о семействе[,] едино Вами существующем» и о сердечных ранах, «не изрыгнут ли они в последствии смертельных плодов» [5]. Самойла все отрицал, но в итоге возвратился домой, и более в Польше не служил никогда. После культурного края местом его последней службы стала Бессарабия. Стареющий и разочарованный Самойла писал, что жители там «скверные и похожие больше на цыган. Женщины и девицы всю[ду] ходят под белыми покрывалами на голове. Как будто что и доброе, поглядишь[,] так испугаешься» [6]. Романы с местными жительницами во время службы на чужбине были частыми у казаков. Да и сам повзрослевший Иван туманно упоминает в письмах из Польши и Молдавии «прелестных ляшек» и бессарабских кукон [7], что, конечно, не сообщает никаких конкретных фактов, но передает общую атмосферу полковой жизни.

До середины XIX в., но случалось и позже, практиковался тип супружества, заключаемый в интересах свекрови; невесту она выбирала тогда, когда ей становилось трудно одной управляться с хозяйством. Тогда сына вызывали со службы в кратковременный отпуск для женитьбы, причём суженная к его приезду была намечена. Выбор невесты диктовался, прежде всего, соображениями материальной и карьерной выгоды. В 1840 г. в Усть-Медведицкой стали известны планы молодого офицера [8] жениться на уроженке Бессарабии. Родители сердиты, что им неизвестны подробности. Мария Шурупова, кузина офицера, просит подполковника Ивана Ульянова, его непосредственного начальника, сообщить их, ведь родители должны знать о будущей невестке все – о доброте, о поведении, о звании отца: молдаванин, валах, серб, и главное: какое имеет состояние, и что за приданное будет за его дочерью. Они дадут благословление, «если будет какая-либо выгода Михайле Климовичу» [9].

Исходя из таких соображений, женили Ивана в 1824 году на полковничьей дочери Татьяне Ивановне Карасевой. Она была ему определенно не ровня: имела личное дворянство, ее семья наряду с наследственным наделом на территории Войска Донского владела еще и приобретенным в 1817 году имением в России – в Кирсановском уезде Тамбовской губ.[10] Однако из-за того, что ее отца Ивана Карасева уже не было в живых, и из-за неплохих служебных перспектив хорунжего Ульянова этот брак состоялся.

Молодая жена, оставшись в доме мужа, находилась в распоряжении свекрови. Отношения в семьях были типично домостроевские: женатый сын, его жена и дети были в полном подчинении у старшего в семье, в его отсутствие – у его жены. Следует отметить, что казачки

длительное время оставались неграмотными [11]; Матрена Семеновна и ее невестка Татьяна Ивановна свои письма диктовали местным грамотеям. Наличие посредника в таком деле как написание письма затрудняет понимание личности жены казака, хотя и не исключает полностью. Иван сохранил все письма от своей матери, в которых она предстает женщиной с тяжелым и сильным характером, действиями которой в большей степени управлял не здравый смысл, а желание следовать обычаю и удовлетворить свои далеко не бескорыстные интересы.

В семье Ульяновых в течение двух лет развивалась такая ситуация. В связи с переходом в 1825 году со строевой службы на канцелярскую Иван Самойлович лишился права иметь годовой отпуск и обратился к матери с просьбой отпустить жену к нему в Варшаву [12]. «Старая» Матрена Семеновна, которой, очевидно, немного за сорок, наотрез отказывалась давать свое согласие на отъезд невестки. Ей не нравится, что сноха живет больше у своей матушки, а не в их доме. Ведь Матрена и ее взрослая дочь предпочитают жить на хуторе, а за станичным подворьем смотреть некому. Незамужняя сестрица Аннушка не желает хозяйствовать, потому что она уже достигла брачного возраста и не рассматривает родительское хозяйство как свое. Она считает, что им должна заниматься Татьяна Ивановна. У нее, как и у матери, зуб на богатую сноху. Сын в ответных посланиях упрекает мать: не жену вы мне хотели, а себе жилищу!. Не последнюю роль в исходе дела сыграло вмешательство начальства, оно выразило недоумение, которое стало известно свекру, и он еще раз надавил на жену. Однако и после этого она продолжала всячески саботировать «увольнение» невестки. Дело затянулось почти на два года, прежде чем жена выехала к мужу.

Многолетняя – до трех-пяти лет без перерыва – служба в дальних уголках империи не способствовала установлению крепких семейных уз. Несемейственность казаков отмечал донской историк и этнограф Е.П. Савельев, хотя и в большей степени почему-то относил это к низовым казакам [13]. В донских песнях казака из похода ждет мать, а не жена. А Григорий Мелехов напомнил Аксинье расхожий упрек жалмеркам. Жена лишь обещает ждать верно и жить смиренно, но несколько лет в разлуке делают свое дело. В некоторых фольклорных текстах отражены напряженные отношения супругов; в одной из них жена уговаривает мужа, «законного друга», не убивать ее при детях [14]. Переписка казаков, находящихся в полку, с оставшимися дома женами касается исключительно вопросов состояния хозяйственных дел. Атмосфера семейной жизни Ивана Самойловича остается для нас

загадкой; ясно одно: несмотря на то, что, будучи молодым, он очень привязан к жене, позже отношения с ней приобрели все более формальный характер.

Главной наследницей казака была его жена, все считалось приобретенным на общий капитал. Только после ее смерти дети могли унаследовать отцовское имущество. Практиковалось составление завещаний за много лет до смерти. Наследники разворачивали целые баталии по поводу дележа добра, сколь бы мизерным оно ни было. Шел учет не только пуховым подушкам, побитым молью чекменям, но и домотканым коврикам. В этом принимали активное участие друзья, соседи и незаинтересованные напрямую родственники. Они представляли интересы конфликтующих частей клана, информировали их о действиях друг друга, всячески способствуя соблюдению интересов «своей» кандидатуры. То, что переписка велась через посторонних лиц, приводило к тому, что все семейные дела становились предметом живейшего обсуждения и недоброжелательного любопытства. Когда Ивану Самойловичу пришлось заниматься дележом имущества умершей матери, то ни в станице, ни на хуторе равнодушных не оказалось. Одни были на стороне ее внучки-«сироты» – дочери покойной Анны, имеющей, однако, живого отца; другие же давали советы Ивану и делали разоблачения в отношении племянницы.

Раиса, дочь Анны, наследовала от матери и бабки станичные стандарты поведения. Ей не могло быть более девятнадцати лет, но она уже твердо знала, что ей следовало делать, чтобы получить как можно больше из бабкиного наследства. У нее был собственный «изустный» вариант завещания, и она требовала, чтобы дядя его выполнял. А тем временем она продала то, что могла, соседям, остальное заперла в сундуки и уехала, прихватив ключи. Понятые никак не могли составить опись имущества, что бы отправить его основному наследнику. Раиса претендовала на большую часть скота, пять душ крепостных и хуторские строения. Кроме того, она утверждала, что бабка собиралась выдать ее замуж за семинариста. Ее особенно волнует этот пункт «изустного завещания», она желала бы, чтобы дядя приложил усилия в этом направлении. Причем речь идет не о конкретном женихе, а вообще о семинаристе, Раиса мечтала стать попадшей.

Переход собственности по наследству редко проходил без конфликтов. Вдова брата Татьяны Ивановны Евпраксия Карасева, например, не признала дележ наследуемых ею и женой Ульянова земель, который произведен заседателем и понятыми, потому что «они делали [это] вам в удовольствие», написала она свояку. Карасева считала, что все

войсковые чиновники заодно. Поэтому их решению она объявила бойкот: «Луг в Карагачках вы также считаете своим и даже запрещаете срубить там палку и рвать тёрен, мне кажется, что для вас слишком тягостно будет, чтобы и луг ваш был, и хворост, и тёрен, и везде все ваше; но мне, если будет нужен хворост, то и в Карагачках нарублю, я ни в коем случае не соглашусь передать в одни руки как Карагачки, так и Чирской луг» [15].

Отношения с родственником, сделавшим карьеру, осложнял именно факт его успеха. А Иван Ульянов как раз благодаря своим способностям и усердию стал заметной фигурой в Войсковой администрации. С одной стороны, в отношении его тут же выстраивались планы, связанные с эксплуатацией преимуществ достигнутого статуса, а с другой, он рассматривался как угроза, если использовал, как казалось родне, свое влияние против них.

Такой родич должен был, по мнению станичников, помогать многочисленным своякам, тетушкам, сестрицам и племянникам. Широкие слои донского общества были уверены в том, что покровительство своим и продвижение их по службе, протекция и пособничество решению дел – это обязательное правило жизни государственного аппарата. Случаи поддержки родственников, описанные в этих документах, имели основой, как правило, духовную близость или взаимную служебную заинтересованность, своего рода партнерские отношения, даже если речь идет о лицах, обладавших разным статусом. Хлопоты офицеров и чиновников по поводу родственников только из-за связывающих их кровных уз довольно редки.

Внутрисемейные раздоры постепенно меняли свою природу: конфликты «разности интересов» дополнялись конфликтами «непонимания». В случаях с Карагачками и «маменькиным делом» происходит столкновение чиновничьей этики с обывательскими представлениями о чиновниках. Ульянов, выходец из низших слоев казачьего офицерства, бывал шокирован бесцеремонностью своих родственников – отсутствием у них уважения к закону, к приличиям, к чужой собственности, эгоизмом и мелким сутяжничеством.

Будучи молодым, Иван Ульянов вынес всю строгость родительской власти, характерной для казачьих семей традиционного типа. Сам став отцом, Иван начал выстраивать в отношении детей те же требования и ограничения, что испытал от родителей. В письме из Варшавы он разрешает бабушке и тетушке Анне давать им розги! А ведь Павлу – три года, Надежде меньше двух. «Розги часто необходимы для того, чтобы дети почитали своих кровных и были со временем

добрыми людьми» [16], пишет Ульянов, явно желая потрафить домостроевским привычкам станичной родни.

Телесные наказания были в ходу в казачьей среде, хотя даже у дореволюционных этнографов можно встретить и другие мнения: мать была сурова, а отец – ни-ни! Разумеется, встречались семьи с обычаями более мягкими; различались в этом отношении и поколения одной семьи. Но в целом, отношение казаков к нагайке, как и к ее ударам, отличалось от бытовавшего в других слоях общества. На это определенно они указывали сами [17]. Вернувшись на «льготу» казак мог отстегать жену и детей, ну а сила удара зависела от «доброты» родителя. Этот ритуал имел символический смысл, дескать, за годы моего отсутствия вы «навинились и напроказились», поэтому высеку, и будем жить дальше. Подобное понимание роли нагаечных ударов мы видим и у Н.В. Гоголя в «Ночи перед Рождеством»; кузнец Вакула пришел свататься к отцу Оксаны с плеткой, чтобы тот высек его и простил обиду.

Когда родился первенец – Павел (1828-1889), Ульянов, служивший в Варшаве под непосредственным начальством великого князя Константина Павловича, обратился к тому с просьбой «на восприятие от священного имени» его при крещении сына. Крестный дал младенцу имя отца – императора Павла. Честь, оказанная великим князем, не была исключительна: он часто соглашался крестить детей ближних офицеров. Их интерес состоял в том, что статус крестника лица царствующего дома давал право на получение военного образования на казенный счет. Иван Самойлович связывал с Павлом самые честолюбивые планы: дать сыну лучшее военное образование и помочь сделать ему блестящую карьеру. Десятилетним мальчиком того отправили в холодный Петербург, в кадетское училище, где он провёл шесть лет. У Павла в последние два года учебы в кадетском корпусе развился ревматизм, и он был отчислен. Через три года, поправив здоровье, он вновь, стараниями отца, поступил в столичное учебное заведение, в Донскую гвардейскую артиллерийскую школу, но проявлял мало усердия в учебе. Как сказано в классной табели, при «очень хороших способностях» ленив. Отец недоволен: скорбим, похоронили надежду, что станешь опорой семьи.

Ульянов раздраженно упрекал сына в том, что он небрежен с казенной одеждой, и отказал в присылке денег на новое обмундирование. Павел получил от отца еще несколько резких писем, причем их тон граничил с оскорбительным, а ведь Павлу уже двадцать лет! Иван Самойлович обратился к начальнику училища, чуть ли не с требованием

выгнать нерадивого сына, а тому написал, что не желает его видеть. Примечательно, когда история с отсутствием прилежания повторилась с сыном Аркадием (1834-1855), Ульянов-старший повел себя совсем по-иному. Опять же благодаря влиянию и хлопотам отца в 1849 году Аркадий зачислен в не менее престижное, чем артиллерийское, Строительное училище Главного управления путей сообщения и публичных зданий в Санкт-Петербурге на одну из войсковых вакансий и на войсковой счет. Но через пять лет в 1854 году он отчислен из него за неуспехи в науке и по просьбе отца (!), которую сам Аркадий и вымолил. Никакого изгнания из дома и из родительского сердца Аркаше не грозило.

Произошло то, о чем писал в воспоминаниях Н.Е. Врангель: со смертью Николая I в обществе начали изменяться понятия и идеи, даже отношения в семье стали мягче. Порка, любимое наказание царя, стало заменяться «нравственным воздействием» [18]. Ульяновская переписка позволяет утверждать, что перемена настроений возникла раньше. Уже в 1840-е годы, находясь в отставке от военной службы, стареющий Ульянов демонстрирует новую систему ценностей: «...Утешение, которое доставляют мне дети [...] я не променяю ни на какие улыбки ветрениц всего света» [19]. Может быть, более справедлив был бы вывод о том, что перемену настроений, смягчение нравов подтолкнула не смерть императора, а его режим, державшийся на страхе и грубом насилии (Н.Е. Врангель), единственным убежищем от которого стала семья и частная жизнь? Возможно, что в этом проявилась другая черта казаков-мужчин: с возрастом они становились мягче, особенно в отношении внуков и младших детей. Так, для Пантелея Мелехова («Тихий Дон») подросток Дуняшка – «отцова слабость».

К 1840-м годам время неграмотных казачек стало проходить. Дочери донских офицеров осваивали науки в институтах благородных девиц. Как минимум две из четырех барышень Ульяновых прошли в них курс. Старшая Надежда (1829 г.р.) – в Харьковском. Она примерная ученица и воспитанная дочь, об этом свидетельствуют ее письма домой и учебные ведомости, которые она с гордостью представляет родителям. Ее послания богато украшены: «Нежнейшие родители <...> Ваше драгоценнейшее письмо я получила»; она пишет, что мечтает о том времени, когда она будет «наслаждаться с бесценными родителями». Благопристойность просто источается из строчек ее писем: она все делает, как положено, стараясь заслужить похвалу. Надежда пишет матери перед началом учебного года (вакации она проводит в институте): «Я вам [так в тексте] прошу прислать мне денег тоже, с 1 сентября я буду подавать всем Дамам, которые меня научают добру» [20].

По письмам детей, обучающихся в закрытых учебных заведениях, видно, как они постепенно приобретают навыки пристойного писания писем и усваивают общепринятые формулы эпистолярного жанра. Наиболее сильное увлечение звонким слогом случается с Аркашей Ульяновым. Среди его эпистол обнаружен истинный шедевр: «Милые папенька и маменька. Верите ли, что моя любовь к Вам невыразима, ни один поэт не в состоянии выразить чувства моей нежной любви к Вам. О, скоро ли придет то время, когда я приму в объятия Вас[,] милые папенька и маменька[,] и поцелуи, которые польются из уст в уста будут знаком[,] что моя любовь к Вам невыразима» [21]. Вероятно, это один из тех ходивших по рукам воспитанников текстов писем, которые просили «списать», чтобы поразить родных красотой слога.

Характер Аркаши нуждается в особом внимании. Он – маленький плут. Трудности с математикой, причиной особых тревог семьи, он использует в своих интересах. Сначала просит денег на репетиции у отца, потом – у замужней сестры Надежды, при этом умоляет ее не сообщать родителям: чтоб лишний раз не расстраивать их.

Дочери-институтки могли рассчитывать на блестящие партии. В 1851 году Надежда вышла замуж за хорунжего Петра Иловойского, члена известной донской фамилии. К 1864 году Надежда уже вдова. Выкупные операции ей приходилось осуществлять самой, хотя официально имение было в опеке у родственников. Среди ее крестьян были форменные бунтари, с которыми она долго и безуспешно боролась. Всему этому ее в институте не учили. Калиста (1839 г.р.) вышла замуж за Павла Дмитриевича Епифанова, который в 1863 г. стал полковником, во время мятежа в Польше служил в Вильно, считался любимцем М.Н. Муравьева.

Отец много занимался болезненной Людмилой (1834 г.р.), возил ее на Воды, руководил ее домашним образованием. Вот какие рекомендации по кругу чтения давал ей Иван Самойлович: «Я на этот счет держусь своих правил, вследствие которых исключены из чтения все романы и повести, вследствие которых на одну долю сомнительно полезных вещей можно полагать[,] что несомненно вредных[,] особенно для девиц и вообще для женщин, тех, которые не приобрели еще ни твердых убеждений, ни опыта замечать нравственный яд, скрывающийся под цветами праздного вымысла». Более подходящим чтением для молодой девушки считаются «История» Лоренца и «Макробиотика» Гуфеланда, они-то принесут ей несомненную пользу.

С возрастом Иван Ульянов все более сближался с детьми, они ему платили все возрастающим вниманием и заботой.

Образованный слой донского дворянства менялся, но остальное население станиц, эти тысячи простых казаков и казачек сохраняли ментальные стереотипы, сложившиеся в суровых условиях перманентной походной жизни. Слабая эмоциональность семейных отношений, жесткая власть отца над детьми, часто наталкивающаяся на силу женской части семьи, опирающуюся на ее роль в семейном хозяйстве, все это рождало частые конфликты. Не этим ли объясняется раскол времен Гражданской войны, когда казачьи семьи оказывались разбросанными по разные стороны фронта и борьбы. Традиции войскового братства и землячества, отношения свойства, недоверие к чужеродным и пришлым только придавали аккумулялирующую силу кровавому противостоянию. Но главным итогом стало то, что эта война на Дону обернулась внутрисемейной распрей, со свойственной ей особой остротой и жестокостью.

Примечания

1. Государственный архив Ростовской области (ГА РО). Ф. 243. Оп. 1. Д. 40. Л. 24, 25.
2. Там же. Л. 34 об.
3. Там же. Л. 55.
4. Там же. Л. 24-25.
5. Там же. Л. 493.
6. Там же. Л. 56.
7. Кукона – представительница привилегированного класса в Бессарабии.
8. ГА РО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 40. Л. 161-162.
9. ГА РО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 33. Л. 467.
10. См.: Сокольникова В. Встреча Наказного атамана // Записки Терского общества любителей казачьей старины. Владикавказ, 1914. № 4.
11. ГА РО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 40. Л. 54.
12. Там же. Л. 67.
13. Савельев Е.П. Типы Донских казаков и особенности их говора. Новочеркасск, 1908. С. 5.
14. ГА РО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 556. Л. 14, 18.
15. ГА РО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 35. Л. 478.
16. Там же. Д. 40. Л. 112.
17. ГА РО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 588. Л. 3, 4.
18. Врангель Н.Е. Воспоминания: От крепостного права до большевиков / Вступ. статья, коммент. и подгот. текста Аллы Зейде. М., 2003. С. 60-61.
19. ГА РО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 34. Л. 118 об.
20. Там же. Д. 40. Л. 208.
21. Там же. Л. 339 об.

А.Л. Цицуба (г. Сухуми)

Келеш-Ахмад-бей Чачба – гордость Абхазского народа

Около шести веков Абхазским княжеством управляли представители династии Чачба (Шервашидзе). Уже с XII века представители этого рода занимали высокую должность Цхумских (Сухумских) эриставов, в военно-административном подчинении которых находилась вся Абхазия.

Плеяда незаурядных военно-политических деятелей и правителей из рода Чачба (Шервашидзе) закладывала фундаментальные основы Абхазского княжества. В этом ряду выделяются Дадын Чачба (Шервашидзе), который в период монгольского нашествия находился на службе в Кониийском султанате. За свою храбрость и доблесть Сельджукский правитель поставил Дадына «во главе своих войск» в ожесточенном сражении с монголами у горы Кесэ-даг в 1243 году. В XV-XVIII вв. Раба, Сетеман, Зегнака, Ростом, Джикешиа, Квапу, Леван и Зураб укрепляют власть внутри страны и расширяют политические границы Абхазского княжества в жестком противостоянии с соседними государствами.

В XVIII столетии начинается территориальный рост Российской империи, что способствовало расширению сферы её геополитических интересов. Россия становится крупнейшей мировой державой, что позволяет оказывать ей серьезное воздействие на мировую политику. Это находит подтверждение в проявлении активного интереса российской правящей элите к Кавказу, которая видела одной из первоочередных задач, во второй половине XVIII века, интеграцию горских народов Кавказа и включение территорий закавказских политических образований в состав Российского государства.

К концу XVIII-началу XIX вв. Абхазское княжество являлось одним из наиболее мощных государственных образований на Западном Кавказе, определявшее характер и динамику социально-политических процессов в этом регионе [19. С. 156-160.]. Политическая структура страны представляла собой нечто среднее между демократическим вольным обществом и феодальной системой государственного образования. Этот период в истории Абхазии связан с деятельностью именем мудрого, наделенного от природы умом, храбростью и предприимчивостью, хитрого и харизматичного абхазского правителя Келеш Ахмат-бей Чачба (Шервашидзе) (1747 – 1808), имя которого

было известно не только на Кавказе, но и в Европе [28. С. 254.]. Высокого роста, крепкий, с резкими чертами лица, красноватыми и жесткими волосами, он заметно выделялся среди окружающих и привлекал внимание современников – путешественников, военных и дипломатов. Сын прежнего владетеля Манчи (Манучара), высланного османским султаном в середине XVIII в. в Турцию вместе с братьями Ширваном и Зурабом. На родину удалось вернуться лишь Зурабу [12, С. 5.]. Келеш-бей провел детство в Стамбуле, куда он был доставлен в качестве заложника. Здесь молодой князь принял ислам.

За время отсутствия князей Чачба в Абхазии усиливаются некоторые крупные феодалы. Власть владетельного князя местами становится номинальной. Поддержка Зураба Чачбы внутри страны ослабевает. В сложившейся обстановке он вынужден был поддерживать дружественные отношения с возвысившимися князьями Дзяпш-ипа, и даже женил на одной из представительниц этого рода своего племянника Келеш-бея.

Придя к власти около 1784 года, при военно-политической поддержке османской Порты, под протекторатом которой находилась Абхазия, Келеш-бей в целях усиления центральной власти переносит свою резиденцию из Лыхны в Сухумскую крепость, в недавнем прошлом турецкий опорный пункт. Османское правительство было вынуждено примириться с этим фактом. Новый владетель проводил активную политику: расширил свои домениальные владения, распространил влияние Абхазского княжества на соседние горские племена и вмешивался в междоусобицы западногрузинских феодалов.

Внутри страны Келеш-бей нашел опору в лице мелкого дворянства и «свободных» крестьян-анхаю. Располагая хорошо вооруженной постоянно готовой к бою стражей в 400-500 преданных ему людей, Келеш-бей выступил против крупных феодалов Абхазии [1, С. 10.]. Оппозиционную партию возглавлял владелец Абжуйской Абхазии Бекир-бей Чачба (Шервашидзе), которого поддерживали феодальные кланы Ачба, Дзяпш-ипа и некоторые другие. «Слишком крутое обращение» Келеш-бея с представителями высших сословий стало причиной их открытого выступления против владетеля [6. С. 293.]. Однако Келеш-бей энергичными действиями подавил вооруженное сопротивление феодалов. Разбив ополчение Бекир-бея, он окружил его в Атарской крепости и вынудил сдаться. Келеш-бей заставил считаться феодалов с властью владетельного князя на всей равнинной части Абхазии [9, С. 82.]. Однако стремления энергичного князя простирались еще дальше. Он предпринимает попытку распространить свою

власть и на горные районы Абхазии, в частности Дал и Цабал, находившиеся под властью князей Маршан имевших большие связи с черкесскими племенами. Не прибегая к силе оружия Келеш-бей, по разным соображениям, согласился на медиаторский суд, решение которого оказалось не в его пользу. Не желая нарушать обычаи страны владетельный князь признал старые границы своего владения [1, С. 227.]. Следующими шагами Келеш-бея стала расправа с Эшерскими князьями Дзяпш-ипа и расторжение брака с княжной Дзяпш-ипа, которой был заключен когда-то по политическим соображениям. Подчинив наиболее непокорных князей, он наконец, смог объединить всю Абхазию. Келиш-бей заставил трепетать своих соседей, которых приводило в содрогание одно его имя.

Восстановление и укрепление своей власти в стране явилось первым шагом на пути решения главной цели, которую вынашивал Келеш-бей – полная свобода и независимость Абхазского государства.

Для реализации своих замыслов Келеш-бей проводит достаточно агрессивную политику в отношении соседних княжеств, в частности Мингрелии. Еще в 1780 году по инициативе Келеш-бея 38-й владетель Абхазии, Зураб Чачба, во главе 11 тысячного войска предпринимает попытку завоевать Мингрельское княжество. Правитель Абхазии активно стремился использовать противоречия, возникшие между владетелями Мингрелии и Имеретии. В последующие годы Келеш-бей неоднократно вторгся в пределы соседнего княжества, и с позиции силы не доводя до кровопролития, решал все вопросы мирным путём. Результатом подобной политика стало закрепление в 1799 году за владетелем Абхазии крепости Анаклия на левом берегу Ингура. Помимо этого Келеш-бей снисходительно смотрел на многочисленные набеги джигетов (садзов), дальцев (цебельдинцев) и других соседних, большей частью родственных, племён на Западную Грузию.

В 1802 году Келеш-бей сделал, казалось последний шаг по закреплению своего влияния в Мингрелии. Под предлогом восстановления на престоле свергнутого Григория Дадияни владетель Абхазии с 20-тысячным войском в очередной раз вторгся в Мингрелию, вернул власть законному правителю, а взамен взял в аманаты (заложники) его сына – наследника Левана, что означало фактическую потерю Мингрелией своей самостоятельности. «Спасательным кругом» для Западной Грузии в этой ситуации стала Россия, к военной помощи и покровительству которой, прибегли правители Мингрелии в конце 1803 года.

В начале XIX века Келеш-бей держал в страхе и повиновении племена и народы, проживавшие на территории от Геленджика до Бату-

ма [12. С. 3.]. Морское побережье контролировало до 600 хорошо оснащенных военных галер, готовых по его призыву собраться в районе Сухума. Около трети этого флота поставляли садзы. В распоряжении владетеля Абхазии находился и «турецкий» гарнизон Сухумской крепости состоявший из абхазов, а в случае необходимости он в короткий срок мог собрать 25-ти тысячный сухопутный корпус с современной артиллерией и конницу [3. С. 519.]. Побывавший в Сухуме в 1807 году лейтенант Ф.Я. Скирневский отмечал, что владетель Абхазии построил на корабельной верфи в Сухуме 74-пушечный корабль и подарил его султану.

Наличие столь мощного военного потенциала может указывать на формальный характер турецкого протектората над Абхазским княжеством. Косвенно это подтверждается утверждением Келеш-бея в турецких крепостях Фаш-кале (современный Потти), Батум, где комендантами были его племянники. Все это видимо произошло с безмолвного согласия султана Турции, который только подтвердил тем самым фактическое состояние дел в регионе [8. С. 79.]. Многие не признавали власти Келеш-бея, но как метко заметил П.П.Каменский, боялись его все [18. С. 13.].

Келеш-бей уже с конца XVIII столетия ищет повода к разрыву с Оттоманской Портой и стремится проводить последовательную независимую внешнюю политику.

В начале XIX столетия происходит усиление позиций России в Закавказье, что выразилось в добровольном присоединении Мингрелии (1803 год) и Имеретии (1804 год). Келеш-бей понимал, что это предвещало скорое столкновение политических интересов Российской империи и Османской Порты. Постепенное изменение расстановки сил в крае определило геополитическую ориентацию правящей элиты Абхазии. Владетель Абхазии стремился использовать сложившуюся ситуацию для окончательной ликвидации турецкого протектората и провозглашения полного суверенитета. Однако честолюбивые планы абхазского правителя не вписывались в замыслы северного соседа, так как Россия стремилась к последовательному установлению всеобъемлющего контроля над данным регионом [24. С. 12-35.].

Единственно верным решением в сложившейся ситуации, по мнению Келеш-бея было лавирование между интересами Турции и России. Он внимательно следил за утверждением России в Восточной Грузии. Владетель надеялся, что военное присутствие царизма в Закавказье временное явление, но как показало будущее, это было ошибочное убеждение, которое стало, по всей видимости, для него роковым.

В 1803 году Келеш-бей делает первый чисто формальный шаг по сближению с Россией. Так князь Цицианов в письме Григорию Дадиани сообщает: «Дворяне Квинихидзе объявили мне, что, якобы, Келеш-бей Шервашидзе, абхазский владетель, ищет покровительства всероссийского престола, желая войти на вечные времена всем владением своим в подданство моему государю... и якобы упомянутый Келешбей просит употребить ваше ко мне по предмету сим посредство» [2. С. 536].

Однако, «Келешбей не решался, колебался вступить в российское подданство, боясь потерять свою независимость». С одной стороны это защитило бы Абхазию от любых посягательств, но с другой стороны очень важным было сохранить свою государственность и независимость [22. С. 107].

В июле 1806 года происходит открытый разрыв его отношений с Турцией. Это стало реальностью после того, как владетель Абхазии представил убежище в Сухуме бывшему паше Трапезунда Махмуд Таяр-пашу, своему родственнику и другу, сыну известного Батал-паши [3. С. 192; 8. С. 80]. На все требования султана выдать опального сановника, он отвечал, что не может нарушить законы гостеприимства, а при первой же возможности отправил Таяр-пашу в Таврию [3. С. 192].

Против Келеш-бея была направлена турецкая эскадра из 3 военных и 8 гребных судов с десантом на борту. Владетельный князь успел подготовиться и выставил у Сухумской крепости многотысячную армию из абхазов, убыхов и абазин. Турецкий флот не предпринимая никаких действий развернулся и ушел [3. С. 192-193, 519-520; 9. С. 82]. С этого момента абхазский владетель больше «повелений султана не исполнял, управляя своим народом» [3. С. 191]. «Это счастливое событие окружило имя Келешбея ореолом героя и еще больше подняло его авторитет [12. С. 15]. Несмотря на локальный успех, владетель Абхазии не сомневался, что султанское правительство рано или поздно направит более крупные силы против маленького княжества. Келеш-бей обладая широким политическим кругозором понимал, что судьба княжества решалась далеко за ее пределами, где-то в Париже, или С-Петербурге, или даже в Константинополе. Поэтому он отправляет российскому правительству «прошение» о своем желании принять подданство, состоящее из восьми пунктов [3. С. 194]. Император Александр I медлил с решением этого вопроса, хотя и предполагал оставить Келеш-бея пожизненным правителем княжества, присвоив ему чин генерал-лейтенанта русской армии с немалым жалованьем. Россия полагала возможным объявить об официальном принятии владетеля Абхазии в российское подданство только после полного разрыва отно-

шений с Османской Турцией. Россия была заинтересована в Абхазии как мощном плацдарме на восточном берегу Черного моря, обладая которым она могла оказывать серьезное воздействие на горские народы, находившимся под влиянием Османской империи. Из этого следовало, что переход Абхазии под протекторат России вполне отвечал геополитическим интересам последней.

Решающим актом в этой «шахматной партии» стала русско-турецкая война 1806-1812 гг. Россия пыталась использовать влияние Келеш-бея в своих интересах. В Санкт-Петербурге некоторые считали, что «нужно удостовериться, сколь чистосердечна преданность Келеш-бека к России» [3. С. 190]. Владелец Абхазии оказался в сложной ситуации.

Хотя Келеш-бек и заявил о своем сближении с Россией, но по-прежнему продолжал проводить политику лавирования с учётом складывающейся геополитической обстановки. Почти год управлял он независимой Абхазией и заметно охладел к России, вследствие чего царские генералы даже заподозрили его в «измене». На это указывал граф И.В. Гудович в своем письме генералу И.И. Рукгофу 11 февраля 1807 года отмечал: «Сколь ни большое показывает к нам расположение и преданность абхазский владетель Келешбей, но ввериться ему при теперешних обстоятельствах наших в рассуждении турок никак невозможно. А потому и давать ему для безопасности войска из подвластных Мингрелии теперь никак нельзя и до тех пор, пока уже самим опытом покажет, что нам верен и идет против турок» [3. С. 196].

В марте 1807 г. Российское командование дает указание владельцу Абхазии «дабы через посредство его захватить Поти, – хотя бы то было и изменою, обещаю через него Потийскому начальнику денежную награду ... и принят будет в высокое покровительство России» [3. С. 197]. Келеш-бей выступил в поход, но от каких-либо активных военных действий уклонился, чтобы не понести большие потери, а затем под предлогом отсутствия продовольствия вообще распустил абхазские отряды [23. С. 137].

Одновременно Келеш-бей ищет другие возможности воздействия на политический процесс. Он пытается установить внешнеполитические связи с наполеоновской Францией. Завязывается переписка владельца Абхазии со знаменитым министром иностранных дел Талейраном. Французский дипломат предлагал Келеш-бею оказать содействие в открытии третьего фронта в Закавказье в возможной войне с Россией. Наполеон полагал, что отторжение от России Закавказья лишит ее важного плацдарма для дальнейшего продвижения

вглубь Передней Азии, ослабит ее позиции в районе Черного моря и нанесет удар еще слабой, но постепенно развивающейся русско-азиатской торговле.

Столь открытая самостоятельная политика Келеш-бея явно не устраивала российскую военную администрацию, видевшая в своем равном и своевольном владельце Абхазии серьезную угрозу своим интересам в регионе. Недовольство поведением Келеш-бея отчетливо просматривается в многочисленных депешах, которыми обменивались высшие военные сановники. Так, в рапорте от 8 июня 1807 г. Генерал И.И. Рукгоф отмечает: «Келеш-бек только наружно оказывает русским его дружбу» [3. С. 197-198]. А уже 14 июля 1807 г. граф И.В. Гудович обрушивается с обвинениями на самого Келешбея: «Не помогали нашим войскам действиями против турок, а ещё падает на вас сомнение, что вы под рукою воспособляете туркам» [3. С. 198].

Как видно активная деятельность Келеш-бея в реализации вынашиваемой не одним поколением владельцев Абхазии идеи о создании независимого государства вызывала серьезные опасения как среди мелких, так и среди крупных политических игроков.

Эта сложная политическая мозаика разрешилась в ночь на 2 мая 1808 года, когда 61-летний владетельный князь Келеш-бей Чачба возвращавшийся из гостей, был смертельно ранен у своей сухумской резиденции.

В современной абхазской историографии сложилось два подхода к вопросу, кто был заказчиком и непосредственным исполнителем этого убийства. Согласно одной из версий заговор против Келеш-бея организовало Султанское правительство, а исполнителем выступили старший сын владельца – Аслан-бей и его союзники эшерские князья Дзяпш-ипа, которые уже организовывали покушение на владельца [14. С. 58]. А так как Аслан-бей был племянником заговорщиков, то отец лишил его всех прав наследования и завещал власть незаконному, но любимому сыну Сафар-бею (в крещении Георгий).

По другой теории, убийство Келеш-бея было организовано российскими военными властями на Кавказе, подстрекаемыми правительницей Мингрелии Ниной Дадиани, которая стремилась проложить путь к княжескому престолу своему зятю Сафар-бею лояльному Российскому самодержавию [20. С 26, 35]. Эта сложная проблема еще ждет своего решения.

Келеш-бей Чачба – гордость абхазского народа. В своей повести «Келеш-бей» П.П. Каменский так характеризовал правителя Абхазии – «Келешбей, назначенный судьбою хотя на временное преобра-

зование, возвеличение своего края, был одарен от природы всеми способностями, необходимыми для совершения исполинского подвига: его чело было означено печатью великого. Прозорливый ум, твердость воли, иногда даже доходившей до упрямства, сила души и тела прорывались в каждом его поступке. Спокойный, снисходительный, даже кроткий до времени, как вообще человек сознающий свое превосходство во всем и над всем его окружающим, он был подобен величавой реке, тихо, мерно катящей свои волны. Но горе тому, кто задумал бы нарушить, остановить ее спокойное течение: в один миг она делается стремительным потоком, является демоном-разрушителем, губит, расторгает препоны. Нет препятствий и преград – все летит вдребезги под истребительным его порывом. Таков был Келешбей, когда кто-нибудь задумывал мешать ему в исполнении его воли, его высоких, благородных помыслов, его возвышенных побуждений» [11. С. 7]. Прекрасные слова о человеке, всю жизнь посвятившем одной цели – беззаветному служению Родине.

Примечания

1. Абхазы и Абхазия в Российской периодике (XIX-нач. XIX вв.). Книга I. Сухум. 2005.
2. Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией (АКАК). Т. 2. 1868.
3. АКАК. Т. 3. Тифлис, 1869.
4. АКАК. Т. 4. Тифлис, 1870.
5. Антелава И.Г. Очерки по истории Абхазии XVII-XVIII вв. Сухуми, 1949. С. 68.
6. Антелава И.Г., Дзидзария Г.А. Материалы по истории Абхазского княжества в XIX веке // Исторический вестник, Т. 7. Тбилиси, 1953.
7. Анчабадзе З.В. Из истории средневековой Абхазии, 1959.
8. Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. – М.: Изд. Надыршин А.Г., 2005.
9. Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Извлечение по Центральному и Северо-Западному Кавказу. Нальчик, 1999.
10. Дзидзария Г. А. Труды. Т. 1. Сухуми: Алашара, 1988.
11. Дзидзария Г. А. Труды. Т. 3. Сухум, 2006.
12. Дзидзария Г.А. Борьба за Абхазию в первом десятилетии XIX века. Сухуми: Изд. АБНИИ АН СССР, 1940.
13. Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. – 2-е изд., доп. – Сухуми: Алашара, 1982.
14. Дзидзария Г.А. Присоединение Абхазии к России и его историческое значение. – Сухуми: Абгосиздат, 1960.

15. Дубровин Н. История войн и владычества русских на Кавказе. Т. 4. СПб., 1886.
16. Дьячков-Тарасов А.Н. Абхазия и Сухум в XIX столетии // Записки Кавказского отдела Русского географического общества. Т. XX. Тифлис, 1910.
17. Инал-ипа Ш.Д. Абхазы, Сухуми. 1960.
18. Каменский П.П. Келиш-бей. С. Петербург, 1838.
19. Кудрявцев К. Сборник материалов по истории Абхазии. Сухум, 1922.
20. Лакоба С.З. Асланбей. Сухум, 1999.
21. Лакоба С.З. Очерки политической истории Абхазии. Сухуми. 1990.
22. Материалы по истории Абхазии. Сухуми, 1939.
23. Очерки истории Абхазской АССР. Часть I. Сухуми, Абгосиздат. 1960.
24. Пачулия В.П. В стране золотого руна. М., 1968.
25. Торнау Ф.Ф. Секретная миссия в Черкесия русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. Нальчик, 1999.
26. Фадеев А.В. К вопросу о феодализме в Абхазии. Сухум, 1931
27. Фадеев А.В. Русский царизм и крестьянская реформа в Абхазии. Сухум, 1932.
28. Филипсон И.Г. Воспоминания. М. 1885.
29. Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т. I. Тифлис, 1907.

Ю.Ю. Клычников (г. Пятигорск)

Судьба Кучука Джанхотова

Тяготение значительной части населения Северного Кавказа к Российскому государству имеет многовековую историю. Издавна к русским государям устремлялись многочисленные посольства с просьбой о принятии в подданство в надежде получить защиту и покровительство. Вместе с тем специфика местных реалий не позволяла безболезненно включить регион в состав многонационального государства. Разный уровень социально-экономического и политического развития северокавказских народов, специфичная ментальность делала их достаточно конфликтной средой, весьма трудно воспринимавшей внешнее воздействие. Главной головной болью для российской администрации стала горская набеговая практика, которая приобрела черты настоящей индустрии [1]. Это был и институт социализации, и способ добывания средств, смириться с которым империя не могла. Кроме того, внутри самих горских обществ существовали серьезные противоречия, были свои лидеры, которые стремились к доминированию над соседями, а потому вмешательство России в эти споры болезненно сказывалось на их взаимоотношениях с нею.

Даже дальновидным представителям горской элиты, ратовавшим за сближение с русскими, непросто было отказаться от традиционного мировоззрения, базирующегося на этническом патриотизме, и проникнуться общегосударственными интересами, которые зачастую расходились с привычными оценками и стереотипами. Это приводило к мучительному поиску компромисса, взаимоисключающим поступкам, смене политических ориентиров, которые можно найти в биографиях горских деятелей той поры. На примере некоторых ярких и незаурядных личностей можно проследить процесс формирования российской идентичности у народов региона.

К числу таких ярких людей относится кабардинский князь Кучук Джанхотов. По словам С.Н. Бейтуганова, его политическую ориентацию можно «охарактеризовать как умеренно прорусскую» [2]. Родственники князя уже не раз подтверждали свою приверженность престолу. Достаточно сказать, что Джанхотов был в родстве с Бековичами-Черкасскими, входившими в состав высшей знати империи. Родился он предположительно в 1758 г. и принял самое активное участие в военно-политических событиях на Кавказе в конце XVIII столетия. В рассматриваемый период он считался одним из трех наиболее влиятельных владельцев в Кабарде [3]. К авторитету князя не раз обращалась российская администрация, пытаясь мирным путем урегулировать противоречия, возникающие у нее с местным населением.

Примерно в 1806 г. Кучук Джанхотов становится князем-валием. На этой должности ему приходилось прилагать немалые усилия, чтобы соблюсти интересы российского правительства и социально близких ему кабардинских феодалов. Удавалось это далеко не всегда. Порой указания кавказского начальства игнорировались, как это случилось при организации похода против мятежных чеченцев в конце 1806 г. Главный пристав Кабарды генерал Дельпоццо обратился к владельцам с указанием готовиться к походу, но вместо этого они решили отправить в Чечню своих представителей во главе с князем Батоко Джамбулатовым. Князь потребовал возместить все убытки, вызванные чеченскими набегами и впредь не совершать их. Но, получив отказ, Батоко Джамбулатов ни с чем вернулся обратно. Началась подготовка к походу, о чем Кучук Джанхотов и сообщил командованию.

Между тем Командующий Кавказской линией И.В. Гудович получил от императора распоряжение прозондировать возможность использования кабардинцев в борьбе с Наполеоном. Предполагалось заинтересовать их щедрой оплатой и возможностью совершить быстрый карьерный рост. Но, зная о царивших среди кабардинских князей и

дворян настроениях, Гудович высказал сомнение в расчете «на искреннее желание кабардинцев идти на прямую войну далеко от своих жилищ» [4]. Куда больший оптимизм он испытывал при планировании совместного похода против чеченцев, от которого страдали и сами кабардинцы. Прибывший в Большую Кабарду И.П. Дельпоццо после встречи с князьями докладывал, что они готовы «противу чеченцев действовать всею Кабардою военною рукою, как по долгу обязанности к России, так и по уважению к начальству, сего требующему» [5].

Но начавшийся поход показал, что эти обещания кабардинскими феодалами понимаются своеобразно. Прибыв на Сунжу, они внезапно изменили свое решение. Разбираясь в причинах такого поступка, И.В. Гудович пришел к следующему выводу. Кабардинцы, «не находя для себя никакой пользы и, зная, что поживиться им будет нечем, когда чеченцы свой скот, имущество и семейство успели укрыть в горы, не захотели за ничто с ними драться, и таким образом сие полезное ожидание осталось без успеха» [6]. Между тем уstraшенные чеченцы пошли на переговоры и дали присягу.

Принимал участие в этих событиях и Кучук Джанхотов. По мнению С.Н. Бейтуганова, «Кучук Джанхотов решил было на совместную с русскими военную экспедицию против чеченцев после того, как они отвергли его справедливые требования, предъявляемые через посла Батоко Джембулатова. Однако он сумел резко изменить курс, когда чеченцы, осознав нависшую над ними грозную опасность, в последний момент согласились принять недавно ими же пренебрежительно отвергнутые требования. Как видно, политическая деятельность Кучука Джанхотова была подчинена прежде всего обеспечению безопасности Кабарды, защите ее чести» [7].

Сквозь призму этого поступка наглядно можно понять специфику взглядов князя. Определенная политическая раздвоенность, попытка соединить узкокабардинские интересы и военно-политическую необходимость российского государства не раз будет встречаться в карьере этого незаурядного человека. В разное время он будет получать противоположные характеристики, в том числе и такую – князь испытывает к «Российскому правительству отличную и совершенную преданность» [8]. Это не преувеличение И.П. Дельпоццо, а действительная позиция Джанхотова в конкретной ситуации.

После сорванных совместных акций российской армии и кабардинских феодалов против чеченцев позиции Кучука Джанхотова несколько поколебались в глазах начальства. Но он не потерял доверия, и в дальнейшем командование готово было оказывать ему поддержку. Когда в

1810 г. возник конфликт с одним из влиятельных кабардинских владельцев Каспулатом Кильчукиным, занявшим откровенно враждебную позицию по отношению к России, генерал Тормасов выразил твердое желание поддержать Кучука Джанхотова «с предоставлением ему особых выгод» за его верность и преданность. В свою очередь от него ожидали помощи в удержании «важнейших владельцев от безрассудного их предприятия восстать против власти и силы оружия», но если это не удалось бы сделать, «наклонить черный кабардинский народ переселиться в наши границы» [9]. В этом случае все переселившиеся кабардинские «черные люди» перешли бы под управление Кучука Джанхотова.

Но это предложение командования не нашло поддержки у князя. Прекрасно понимая, что таким поступкам он противопоставит себя остальным кабардинским феодалам и попадет в полную зависимость от царской администрации, он всячески уклонялся от исполнения данного поручения и, по словам генерала Булгакова, «немало не изъявил желанья (сколько проникнуть можно было в правила его) способствовать пользам нашим» [10].

Вообще следует отметить, что отношения Кучука Джанхотова и С.А. Булгакова складывались весьма напряженно. Прямолинейный генерал нетерпимо относился к политическим и идейным метаниям князя, требуя от него безоговорочной преданности престолу. Отсюда и соответствующая оценка этого человека: «Кучук Джанхотов есть хитрый, умеющий двулично оказать себе и тем прикрывающий интересные виды свои и способствующий много к возбуждению неблагоприятному нам прочих дикого нрава кабардинских владельцев, имеющих однако же твердость характера, по которому исполнение слова более ожидать должно от них, чем от Кучука. Кучук Джанхотов двуличными своими поступками закрывал свои соглашения на всю неблагоприятность к нам с прочими владельцами. Он (как кажется) более соединял дерзновенные мысли кабардинцев, обуревающие протівостать нам» [11].

Имел ли С.А. Булгаков основания на такие нелюбезные выводы? Видимо да. В биографии Джанхотова был эпизод, когда он, будучи на российской службе, откровенно пренебрег своими служебными обязанностями. Будучи избранным валием Кабарды после смерти Мурзабека Хамурзина, он должен был приехать в Георгиевск для проведения важных переговоров, но, поддавшись на уговоры враждебно настроенных к России владельцев, отказался сделать это [12].

Попытка оправдания Кучука Джанхотова наводит на мысль о его опасении быть арестованным [13]. Очевидно князь, общаясь с анти-

российской оппозицией, понимал, что это не может не вызывать недовольство и подозрение царской администрации. Последнюю не переубедила и коллективная петиция кабардинских князей, в которой говорилось, что «изволите от нас требовать, дабы мы выслали в Георгиевск нашего валия Кучука Джанхотова для принятия нужных от вас наставлений, служащих ко благу и спокойствию народа кабардинского; а как в Кабарде – по Высочайшей воле... великого государя, по обряду закона мухаммеданского учрежден суд и избран валием кн. Кучук Джанхотов, а по своему званию валий никуда отлучиться не должен и если не будет на своем месте, то закону противно. Впрочем, он никаких дурных предприятий не имеет, яко истинный и преданный слуга всепресветлейшему, державнейшему государю, обязавшийся присягою, кою не нарушает и противного ничего не делает. Но что ваше высочество изволили его к себе требовать, к тому мы его не допустили по изъясненным причинам, ибо Е.И.В. подполковник, все дела народа нашего возложены на него, а потому он ни на одну неделю от нас отделиться не может, но ежели отлучится, то во всем последуют остановки и замешательства» [14]. Вряд ли недолгое отсутствие князя действительно могло серьезно повлиять на жизнь в Кабарде, и без координирующих усилий валия мог наступить хаос. Это скорее напоминало фронду владельцев, демонстрирующих свою независимость от верховной власти.

Не обошлось здесь и без внутрикабардинских интриг и негласной конкуренции среди местных владельцев в борьбе за симпатии со стороны кавказского начальства. Вызывает интерес предположение С.Н. Бейтуганова, который увидел в лице полковника Измаила Атажукина конкурента Кучуку Джанхотову. Исследователь ставит вопрос, «на каком основании Булгаков и Дельпоццо составили себе мнение о Кучуке Джанхотове, как о двуличном? Кто им мог дать прямой повод усомниться в его верности к русскому начальству? В качестве варианта ответа на вопрос можно сослаться на рапорт полковника Измаила Атажукина Булгакову от 29 сентября 1809 г. Полковник обращал внимание генерала на то, что духовенство, «почасту удостоверяя обманно выбранного в Кабарде по духовенству главным начальником полковника Кучука Джанхотова и других, подобных ему, в верности к России нарушают свои обеты, а через то и Кучук Джанхотов изустными своими уверениями нередко обманывает непредвидимо и главного кабардинского пристава...». Не обвиняя Джанхотова, имевшего определенный вес у Булгакова и Тормасова, в преднамеренном обмане русских, Атажуков тонко намекал на то, что на валия рискованно

твердо положиться, поскольку его вводят в заблуждение его же соотечественники, и тем самым, не замечая подвоха, он «обманывает непредвидимо» начальство.

Измаил Атажуков имел в высших кругах репутацию давнего горячего сторонника России. И, несмотря на его разногласия с Булгаковым, мог в какой-то степени повлиять на действия последнего. <...> Нет сомнения, что между Кучуком Джанхотовым и Измаилом Атажуковым возникли серьезные разногласия, если не вражда» [15]. Естественно, что командованию не просто было разобраться во всех хитросплетениях подобного противостояния.

Амбициозные владельцы были соперниками и в противоборстве не чурались применять друг против друга оговоры. Российская администрация иногда пользовалась существующими противоречиями, но не она была виной в их наличии. Вражда между знатными фамилиями существовала и без русского вмешательства. Более того, эта вражда затрудняла взаимодействие с феодальной верхушкой кабардинцев, вызывала недоверие к ней. И дело тут не в личных качествах того или иного представителя кавказской администрации, хотя существование субъективного предубеждения тоже нельзя сбрасывать со счетов [16]. Очевидно, что сама сложившаяся ситуация заставляла царскую администрацию постоянно скатываться на язык brutальных ультиматумов даже по отношению к тем владельцам, которые сохраняли свою пророссийскую ориентацию.

При генерале Н.Ф. Ртищеве валий вернул себе доверие со стороны властей. Он активно привлекался для переговорного процесса с различными кавказскими народами, за что получал благодарности от начальства. За услуги по нормализации отношений с осетинами в 1814 г. подполковник Джанхотов получил следующее письмо: «Имею удовольствие ответить, что для меня весьма приятно изъявить Вам через сие мою искреннейшую благодарность за оказанное вами в сем случае старание, которое отношу к отличной преданности и усердию вашему на пользу Е.И.В., о чем я и не премину засвидетельствовать перед всемилостивейшим и великим нашим Г.И. и испрошением приличного за сие награждения...» [17]. Помня о непростых взаимоотношениях кабардинских феодалов с осетинами представляется, что для последних Джанхотов был, прежде всего, представителем российской администрации, а потому вызывал доверие. Более того, такой статус позволял князю добиться нормализации отношений осетин и кабардинцев, что давало основание генералу Ртищеву писать, что «заключено ныне перемирие через посредство кабардинского владель-

ца полк. Джанхотова, к которому дигорский народ, имея собственную доверенность, просит и ныне, чтобы по случаю вступления их в вечное подданство Российской империи употребить... сего же самого владельца к заключению полного мира между обоими народами» [18].

Отстаивая, таким образом, интересы российского правительства в регионе, князь не забывал и о собственной политической выгоде. Можно согласиться с выводом о том, что «он, по-видимому, представлял себе, что Кабарда уже не та, что прежде, и что ей рано или поздно придется окончательно расстаться со своим бывлым господством. А содействуя принятию горцами подданства России и войдя, таким образом, в доверие к ним и русским, Джанхотов мог реально рассчитывать на единственно возможную и выгодную роль влиятельного посредника, особенно среди горцев, без чего и тем и другим трудно было бы обойтись в обозримом будущем. Принимая на себя посредническую миссию, Джанхотов, должно быть, попутно решал и важную для себя задачу – выбивал опору из-под недавних своих противников – непокорных кабардинцев, позиции которых именно в горах были несравненно сильнее, чем у валия» [19].

Далеко не все российские командующие однозначно оценивали хитроумные комбинации Кучука Джанхотова. Когда на смену Н.Ф. Ртищеву пришел жесткий А.П. Ермолов, князю гораздо сложнее стало маневрировать между интересами службы и своими личными феодальными заботами. Командующий корпусом отдавал должное заслугам князя и даже называл его приятелем и другом. Но, когда валий в очередной раз попытался соединить несоединимое и, находясь на должности российского чиновника, прикрыть действия «набежчиков», которые были наказаны изъятием у них баранты, генерал недвусмысленно заявил: «Я... приказал ген.-м. Статью возвратить Вам часть баранов, всех возвратить не могу, ибо они принадлежат и вашим собственным, и прочим мошенникам, которым у вас всегда прием приятельский. Угодать Русским и угождать разбойникам, в одно и то же время невозможно» [20].

Пришлось князю пережить и личную трагедию. Один из его сыновей Джамбулат оказался в лагере врагов России. При аресте он оказал сопротивление и был убит. Это событие было описано в письме А.С. Грибоедова к своему товарищу В.К. Кюхельбекеру от 27 ноября 1825 г.: «Кучук Джанхотов в здешнем феодализме самый значительный владелец, от Чечни до Абазехов никто не коснется ни его табунов, ни подвластных ему ясырей, и нами поддержан, сам тоже считается из преданных русским. Сын его, любимец А[лексей] П[етровича], был при по-

сольстве в Персию, но, не разделяя любви отца к России, в последнем вторжении закубанцев был на их стороне, и вообще храбрейший из всех молодых князей, первый стрелок и наездник и на все готовый, лишь бы кабардинские девушки воспевали его подвиги по аулам. Велено его схватить и арестовать. Он сам явился по приглашению в Нальчикскую крепость, в сопровождении отца и других князей. Имя его Джамбулат, в сокращении по-черкесски Джамбот. Я стоял у окна, когда они въезжали в крепость, старик Кучук, обвитый чалмою, в знак того, что посвятил святые места Мекку и Медину, другие не столько знатные владельцы ехали поодаль, впереди уздени и рабы пешие. Джамбот в великолепном убранстве, цветной тишлай сверх панциря, кинжал, шашка, богатое седло и за плечами лук с колчаном. Спешились, вошли в приемную, тут объявлена им воля главнокомандующего. Здесь арест не то, что у нас, не скоро даст себя лишить оружие человек, который в нем всю честь полагает. Джамбот решительно отказался повиноваться. Отец убеждал его не губить себя и всех, но он был непреклонен; начались переговоры; старик и некоторые с ним пришли к Вельяминову с просьбой не употреблять насилия против несчастного смельчака, но уступить в сем случае было бы несогласно с пользою правительства. Солдатам велено окружить ту комнату, где засел ослушник; с ним был друг его Канагат Касаев; при малейшем покушении к побегу отдан был приказ, чтобы стрелять. Я, зная это, заслонил собою окно, в которое старик отец мог бы все видеть, что происходило в другом окне, где был его сын. Вдруг раздался выстрел. Кучук вздрогнул и поднял глаза к небу. Я оглянулся. Выстрелил Джамбот, из окна, которое вышиб ногою, потом высунул руку с кинжалом, чтобы отклонить окружающих, выставил голову и грудь, но в ту минуту ружейный выстрел и штык прямо в шею повергли его на землю, вслед за этим еще несколько пуль не дали ему долго бороться со смертью» [21].

Но и после этого несчастный отец сохранил верность своему выбору, который считал благом для кабардинского народа. Он даже совершил поступок, который потребовал от него невероятного нравственного усилия. Кучук предложил для сопровождения и охраны виновника в гибели его сына генерала Вельяминова конвоем из числа кабардинских дворян, и генерал принял предложения валия [22]. Умер князь видимо в 1829 г. до конца отстаивая идею об исторически оправданном сближении своего народа с Российским многонациональным государством.

Можно согласиться с характеристикой, данной валию К.Э. Кардановым: «Князь уалий Большой Кабарды – фигура неоднозначная,

драматическая, в чьей деятельности на посту верховного князя трудно усмотреть и разум, и решительность, и сомнения, и колебания, что, вероятно, вполне объяснимо для той бурной эпохи» [23].

Примечания

1. Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. – М.: «Росет», 1994. С. 109-146.
2. Бейтуганов С.Н. Кабарда и Ермолов: Очерки истории. Нальчик: Эльбрус, 1993. С.146.
3. Акты собранные Кавказскою археографическою комиссиею. (АКАК). Тифлис, 1866. Т.1. С.742.
4. АКАК. Тифлис, 1869. Т.3. С.646.
5. Там же. С.647.
6. Там же. С.667.
7. Бейтуганов С.Н. Указ. соч. С.158-159.
8. АКАК. Т.3. С.649.
9. Там же. С.869.
10. АКАК. Тифлис, 1870. Т.4. С.870.
11. Там же.
12. Думанов Х.М. Якуб Шарданов. – Нальчик, 1988. – С.8.
13. АКАК. Т.4. С.858.
14. Там же. С.859.
15. Бейтуганов С.Н. Указ. соч. С.172-173.
16. Кудашев В.Н. Исторические сведения о кабардинском народе. – Киев, 1913. – С.85.
17. АКАК. Тифлис, 1873. Т.5. С.525.
18. Там же. С.521.
19. Бейтуганов С.Н. Указ. соч. С.186.
20. АКАК. – Тифлис, 1874. Т.6. С.468.
21. Грибоедов А.С. Горь от ума, письма и записки. Баку, 1989. С.315-316.
22. Потто В.А. Кавказская война: В 5 т.; Т.2: Ермоловское время. Ставрополь: Кавказский край, 1994. С.493.
23. Карданов Ч.Э. Путь к России: Кабардинские князья в истории отношений Кабарды с Российским государством в XVI-начале XIX века / Перевел с кабардинского В.Г. Кузьмин. Нальчик: Эльбрус, 2001. С.332.

С.А. Санеев (г. Новороссийск)

**«Хвалу и клевету приемли равнодушно...»:
генерал-лейтенант Н.Н. Раевский
в оценках современников и потомков**

Генерал-лейтенант Николай Николаевич Раевский-младший (1801–1843) сыграл выдающуюся роль в освоении Россией Черноморского побережья Кавказа, его по праву считают основателем Новороссийска и Туапсе. Однако, как и всякий незаурядный военачальник, выходец из известной дворянской семьи, он оценивался в воспоминаниях современников, работах историков неоднозначно.

Особенно много противоречивых откликов о связях Раевского-младшего с декабристами. В конце декабря 1825 г. полковник Н.Н. Раевский был арестован. В это время 3-я драгунская дивизия, в которой он служил, присягала на верность Императору Николаю Павловичу. Доставленные в столицу Николай и Александр Раевские предстали перед Следственным комитетом. Из материалов следствия выяснилось следующее: «...Поводом требования их сюда были следующие сведения: уведомление графа Витта, узнавшего от одного члена, будто бы тайное общество старалось чрез сих Раевских заразить и Черноморский флот, но тщетно; показание Майбороды, называвшего их членами общества и подтверждение сего последнего, сделанное Аврамовым. По изысканию Комиссии оказалось, что Майборода и Аврамов показали сие со слов Пестеля; но Пестель, спрошенный противу сего, отвечал отрицательно, объяснив, что он говорил не о сих Раевских, а о майоре Раевском, принадлежавшем к Союзу благоденствия. Показания прочих членов так же подтвердили неприкосновенность сих Раевских к настоящему делу.

Равным образом и они утвердительно отвечали, что ни к какому обществу не принадлежали и не знали о существовании его...». На основании этого комитет постановил: «...по непринадлежности Раевских к тайному обществу испросить на освобождение их ВЫСОЧАЙШЕГО СОИЗВОЛЕНИЯ...». 17 января 1826 года братья Раевские были освобождены с оправдательными аттестатами [1].

Второй раз генерал-майор Н.Н. Раевский, командир прославленного в сражениях под его командованием Нижегородского драгунского полка, был арестован в конце августа 1829 года в Тифлисе, куда он выехал в отпуск на лечение. Основанием послужили доносы Н.А. Бутурлина, адъютанта военного министра, и отставного флотского офи-

цера фон Дезина. Разобравшись во всём, Николая Николаевича, находившегося в Тифлисе под домашним арестом, просто удалили с Кавказа, не назначив ни какого наказания [2]. Более серьёзные нападки на Н.Н. Раевского начались после возвращения декабристов из Сибири. В появившихся мемуарах вновь поднимался вопрос об участии Раевских в тайных обществах, об их «предательстве». Так, барон Андрей Розен писал: «Н.Н. Раевский, только что помилованный и прощенный Императором Николаем I, навестил арестованного своего полкового командира полковника Кончиялова и сообщил, что он освобожден из уважения к отцу, знаменитому герою Бородинского погрома; в порыве благодарности и самодовольствия он прибавил: *«Un poltron, qui ne dira pas ce qu'il sait...»* [«Грус тот, кто знает, но не говорит правду»]. Софья Николаевна Раевская, младшая дочь Н.Н. Раевского-старшего, тётка Н.Н. Раевского-младшего, хранительница памяти семьи Раевских, вынуждена была в 1873 году написать письмо в журнал «Русская Старина» о том, что Раевские «не участвовали в тайных обществах и не наполняли свои штабы декабристами» [3]. Письмо было опубликовано, но многими исследователями не замечено и версия о «предательстве» Раевскими декабристов продолжает встречаться в печати и в наши дни.

В отчаянии Николай Николаевич писал 10 февраля 1841 года военному министру графу А.И. Чернышovu: «Я просил и ожидаю увольне-

Весьма противоречивые отклики оставила в оценках современников и потомков деятельность Н.Н. Раевского-младшего на посту командующего войсками Черноморской береговой линии. В 1841 г. горцы захватили три укрепления на этой линии. Непосредственные начальники Раевского Е.А. Головин и П.Х. Граббе, забыв о своих отказах на просьбы и требования Н.Н. Раевского, на рапорты об отчаянном положении гарнизонов, треть которых лежала больными, сделали его во всём виноватым.

ния от начальника Береговой линии. Теперь, оглядываясь на прошедшее, как посторонний зритель, я не могу не заметить, сколь странно было мое положение. Мне было препоручено занять Восточный берег, а оба моих начальника были противны сему занятию. От них обоих я должен был получать и войска, и деньги; между тем, как то и другое, один из них желал употребить для Кавказской линии, а другой для Закавказского края. Нынче на место открытия сообщения через Вареникову пристань, столь необходимую для Береговой линии, опять предложены действия против закубанцев, столь вредные для сей же Береговой линии. Теперь, после огромных издержек для усиления укреплений, признано необходимым для Береговой линии 16^{-ю} батальонов, а тогда меня оставили, для защиты разрушенных укреплений, только с 8-ю батальонами, в которых не доставало половинного числа до комплекта. Когда же горцы завладели несколькими укреплениями, на место усиления средств, начальники мои предложили совсем покинуть Береговую линию.

Должно ли после сего удивления, что все мои предложения для Береговой линии были опровергнуты моим непосредственным начальством. Оно противилось соединению всей Береговой линии под одно начальство, его разделению на три отделения, учреждению морского сообщения судами и пароходами, принадлежащих Береговой линии, учреждению Морского дежурства, гребному сообщению азовскими лодками, устройству Новороссийска, Геленджика и Сухума, назначению капитанов над сими тремя портами, воздвижению Адмиралтейства в Новороссийске, открытию торговли с горцами, учреждению меня солью, переселению купцов и ремесленников, учреждению карантинной и таможенной линий, усилению войск и их дислокации, водворению женатых солдат и так далее. Но все сии предложения мною представляемые в копиях Вашему Сиятельству, удостоивались ВЫСОЧАЙШЕГО одобрения. Многие частные односторонние не созрелые мысли мои получали в Петербурге развитие, которое придавало им важность государственных мер. С самого начала и до конца один только непосредственный начальник мой генерал-адъютант Лазарев удостоивал своими одобрениями мои действия и предположения...» [3].

Ответ исчерпывающий и достойный. Но и после смерти Н.Н. Раевского, его имя не оставили в покое. Некий Н. Шавров в 1862 году в статье «Восточный берег Черного моря и его значение для развития русского мореплавания» писал о деятельности Н.Н. Раевского и его последователей: «...Усилия этих генералов оказались бесполезны-

ми для России...». Эта мысль была повторена многими военными историками тех лет. Не удержался от этого и писатель-народник Г. И. Успенский в статье «Человек, бумага и природа» [4]. Следует заметить, что Николай Николаевич командовал Черноморской береговой линией всего четыре года с 1838 г. по 1841 г., из четвертьвековой истории её существования с 1831 по 1855 гг., но все неудачи этой линии сваливали на него. Жизнь полностью подтвердила правоту Н.Н. Раевского. Новороссийск превратился в крупнейший русский порт на Чёрном море, а поселения Прибрежных казаков – курортные города и посёлки. Просто ему не дали времени, чтобы воплотить в жизнь все планы.

Но самый большой удар репутации Раевских нанёс поэт К.Н. Батюшков, опубликовавший в 1885 году свои записные книжки под названием «Чужое: моё сокровище!». В них он приводит воспоминания о беседе с генералом Н.Н. Раевским-старшим, у которого в 1813 году он служил адъютантом: «Но, помилуйте, Ваше Высокопревосходительство, не вы ли, взяв за руку детей Ваших и знамя, пошли на мост, повторяя: вперед ребята; я и мои дети откроем вам путь ко славе или что-то подобное». Раевский засмеялся: «Я так никогда не говорю витиевато, ты сам знаешь. Правда, я был впереди. Солдаты пятились, я ободрял их. Со мною были адъютанты, ординарцы. По левую сторону всех перебило и переранило, на мне остановилась карточка. Но детей моих не было в эту минуту. Младший сын собирал в лесу ягоды (он был тогда суций ребенок и пуля прострелила ему панталоны); вот и все тут, весь анекдот сочинен в Петербурге. Твой приятель [Жуковский] воспел в стихах. Граверы, журналисты, нуvellисты воспользовались удобным случаем»... [5].

Даже видный советский военный историк XX века академик Е.В. Тарле при описании подвига семьи Раевских под Салтановкой дал сноску: «По словам поэта Батюшкова Раевский впоследствии отрицал точность этого рассказа» [6]. Эту версию восприняли на веру и некоторые литераторы, хотя обнародовано достаточно много документов и воспоминаний об этом событии. Наиболее полное исследование боя под Салтановкой сделал советский военный историк полковник И.И. Ростунов в середине 50-х годов XX века.

Около 7 утра 11 (23) июля 1812 года егеря 6-го и 42-го егерских полков начали наступление на Салтановку со стороны деревни Дашковка, а 26-я пехотная дивизия И.Ф. Паскевича – на Фатово. Поэтому в разных источниках этот бой называют по-разному: и под Салтановкой, и под Дашковкой. Артиллерия частым огнем обстреливала

французские укрепления. Отбросив сторожевое охранение, егеря сумели захватить мост перед Салтановкой и продолжали продвигаться вперед. Вслед за ними шла колонна Смоленского пехотного полка, которая должна была стремительной штыковой атакой сбить французов с плотины. Учитывая важность задачи, во главе полка шел генерал Н.Н. Раевский с сыновьями и офицерами штаба.

Н.С. Самокиш «Подвиг солдат Раевского под Салтановкой в 1812 г.»

В бою под Салтановкой участвовали, а значит, были свидетелями подвига семьи Раевских, воины Сводно-гренадерской дивизии под командованием генерала графа М.С. Воронцова, 26-й пехотной дивизии под командованием генерала И.Ф. Паскевича, Ахтырского гусарского полка под командованием полковника И.Д. Васильчикова и другие части [7]. Впоследствии, названные генералы занимали достаточно высокие посты и были непосредственными начальниками Александра и Николая Раевских, но никогда их не упрекнули в тщеславии и в присвоении чужой славы. Всегда отношения были самые лучшие.

В официальном донесении о бое П.И. Багратиону генерал Н.Н. Раевский даже не упоминал о своих сыновьях. Но в письме жене, матери Александра и Николая он после боя 15 (28) июля 1812 года писал:

«Мой добрый друг, вот мы и на дороге, ведущей из Киева в Могилев. Мы сражаемся в тех самых прекрасных аллеях, которые вам знакомы. Податель этого письма, наш дорогой прапорщик Николай Раевский и его проводник расскажут подробности ужасного сражения, которое я имел 11 сего месяца с моим корпусом в 10 000 против Даву и Мортье, которые имели 60 000. Мы вышли из него героями, как истинные русские... Александр сделался известен всей армии, он

получил повышение... Я был только контужен в грудь, но легко... Николай, находившийся в самом сильном огне, лишь шутил. Его штанишки прострелены пулей. Я отправляю его к вам. Этот мальчик не будет заурядностью...» [8].

Писал он об этом 22 июля Е.А. Константиновой, сестре супруги: *«... Вы, верно, слышали о страшном деле, бывшем у меня с маршалом Даву. Сын мой Александр, показал себя молодцом, а Николай даже во время самого сильного огня беспрестанно шутил. Этому пуля порвала брюки; оба сына повышены чином, а я получил контузию в грудь, по-видимому не опасную» [9].*

О подвиге семьи Раевских рассказала на всю Россию газета «Северная почта». В № 61 от 30 июля 1812 года в ней сообщалось, что генерал-лейтенант Н.Н. Раевский для одушевления воинов вышел «перед колонной не только сам, но поставил подле себя двух юных сыновей» [10]. Генерал М.Ф. Орлов в письме более красочно описал этот бой: «... В деле под Дашковкой они [сыновья] были при отце. В момент решительной атаки Раевский взял их с собою во главе колонны Смоленского полка, при чем младшего, Николая, он вел за руку; а Александр, схватив знамя лежавшее подле убитого в одной из предыдущих атак нашего прапорщика, понес его перед войсками. Геройский пример командира и его детей до иступления одушевил войска: замешкавшиеся было под картечью неприятеля, они рванулись вперед и все опрокинули перед собой...» Такие письма, в то время, сразу же становились широко известными. Повлияло ли то письмо, но этот подвиг стали описывать в стихах. Первое из них стихотворение С.Н. Глинки появилось в журнале «Русский вестник» в № 10 за 1812 год:

*Великодушный русский воин,
Всеобщих ты похвал достоин:
Себя и юных двух сынов –
Приносишь всё царю и Богу:
Дела твои сильней всех слов.
Ведя на бой российских львов,
Вещал: «Сынов не пожалеем,
Готов я с ними вместе лечь,
Чтоб злобу лишь врагов пресечь!
Мы Россы!.. умирать умеем.»*

Всего в двухтомном «Собрании стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году», изданному в Москве через два года после изгнания французов из России в 1814 году, подвиг семьи Раевских упоминается около трех десятков раз. Нашёл для него строчки и

Г.М. Державин в «Гимне лироэпическом на прогнание французов из Отечества»:

*Суть царски витязи у нас,
Вы сами видели не раз,
Как вёл отец детей на брани...*

Но самыми известными стали строки В.А. Жуковского:

*Раевский, слава наших дней,
Хвала! Перед рядами
Он первый грудь против мечей
С младенцами сынами.*

Он 12 августа 1812 года вступил добровольно в ратники московского дворянского ополчения, во время Бородина был при штабе М.И. Кутузова. После сражения под Тарутином, повернувшим ход войны, он написал стихотворение «*Певец во стане русских воинов*», прославляющее русских полководцев, разгромивших французскую армию Наполеона. Большая часть его посвящена главному полководцу – Императору Александру I. Впервые появившись на страницах журнала «Вестник Европы» №23-24 за 1812 года, в 1813 году выдержало три переиздания, последнее с нотами музыки Бортнянского! [11]

Тогда же было задумано издать плакаты-лубки с портретами героев войны. Гравёр С. Кардели под портретом Н.Н. Раевского-старшего поместил эпизод из боя под Салтановкой: генерал с двумя сыновьями, в руках старшего – знамя. Один из этих лубков находится в экспозиции первого зала Государственного Пушкинского музея в Москве. К столетию Отечественной войны 1812 года художник Н. Самокиш написал картину, в которой отобразил этот эпизод.

Таким образом, при жизни генерала Н.Н. Раевского-старшего никто не сомневался в подвиге его детей под Салтановкой. Более того, когда генерал М.Ф. Орлов а 1829 году опубликовал «Некрологию генерала от кавалерии Н.Н. Раевского» и не упомянул об этом, то А.С. Пушкин откликнулся на неё в 1830 году следующим дополнением: «... С удивлением заметили мы непонятное упущение со стороны неизвестного некролога: он не упомянул о двух отроках, приведенных отцом на поля сражений в кровавом 1812-м году! ... Отечество того не забыло». В середине XIX генерал А.П. Ермолов писал воспоминания «не для печати», где, упоминая о событиях по Дашковкой, он отмечал: «... Под сильным картечным огнем генерала Раевского сопровождал сын его в самом юном возрасте» [12]. XIX век для Росси начался с войн с Наполеоном. Император Алек-

сандр I в 1807 году вынужден был издать специальный указ о досрочном производстве в офицеры дворян, достигших 15 лет. И многие из известных деятелей того времени начинали свой боевой путь в этом возрасте. К примеру, не достигнув 15 лет, в 1807 году начал воевать прапорщик Л.В. Дубельт, участник Бородинского сражения, некоторое время бывший адъютантом у генерала Н.Н. Раевского, в середине XIX века – начальник III отделения канцелярии Его Императорского Величества. 15-летний прапорщик Н.И. Панаев в 1812 году получает орден Святой Анны 4-й степени [13]. Поэтому семнадцатилетний Александр Раевский, два года как произведенный в офицеры, «ломал» вторую войну. В первую, Русско-турецкую войну, он участвовал в штурме турецкой крепости Силистрия [14].

Кстати, на это было указано В.А. Жуковскому и в 1815 г. он в стихотворении «Певец во стане русских воинов» заменил слова «*младенцами-сынами*» на «*отважными сынами*».

Вопрос о подвиге Раевских поднимает и Лев Толстой в главе XII тома III романа «Война и мир»: «...Збржинский рассказывал напыщенно о том, как Салтановская плотина была Фермопилами русских, как на этой плотине был совершён генералом Раевским поступок, достойный древности. Здржинский рассказывал поступок Раевского, который вывел на плотину своих сыновей и с ними рядом пошёл в атаку!... «Во-первых, на плотине, которую атаковали, должно быть, верно, такая путаница и теснота, что ежели Раевский и вывел своих сыновей, то это ни на кого не могло подействовать, кроме как человек на десять, которые были около самого его» – думал Ростов, – «остальные не могли видеть, как и с кем шёл Раевский по плотине, но и те, которые видели это, не могли очень воодушевиться, потому, что им было за дело до нежных родительских чувств Раевского, когда тут дело шло о собственной шкуре? Потом, оттого, что возьмут или не возьмут Салтановскую плотину не зависела судьба отечества, как нам описывают про Фермопилы. И, стало быть, зачем же было приносить такую жертву? ...».

Л.Н. Толстой не сомневался в участии Николая Раевского-младшего в бое на Салтановской плотине. Он пытался осмыслить подвиг с позиций конца XIX века. Он поднимает две стороны вопроса. Первая – значение подвига в истории Отечественной войны 1812 года. Достаточно представить, что бы было, если французам удалось бы связать малыми силами в бою корпус Раевского, а основными – отсечь войска 2-й армии П.И. Багратиона от переправ через Днепр и самим первыми переправиться на левый берег реки. Тогда бы перед французской армией открывалась свободная дорога на Москву. 27-я дивизия, только

ещё формируемая генералом Неверовским, конечно, с честью погибла бы в боях, но не смогла бы их остановить. Французы шли бы к Москве, захватывая по пути продовольствие, фураж, боеприпасы и оружие на разных складах. А русская армия пыталась бы догнать французскую, оставаясь без продовольствия, фуража, боеприпасов и оружия. В этом и состояла заслуга генерала Н.Н. Раевского-старшего в бою под Салтановкой, что введенный в заблуждение маршал Даву весь следующий после сражения день 12 июля ожидал новых атак. А за это время все войска 2-й армии сумели переправиться через Днепр и к 22 июля подошли к Смоленску. Всего один бой, сумевший повернуть ход войны – так его оценивали современники.

Вторая сторона вопроса намного сложнее. Лев Толстой ставит вопрос: а имел ли право отец выводить в бой, на верную смерть всех своих сыновей? Ведь в случае гибели их род Раевских прервался бы. Нам этот толстовский вопрос понять сложно. Мы смело разрушаем свои семьи, сходимся – разводимся, бросаем своих, воспитываем чужих детей, и ни сколько не думаем, кого мы оставим после себя, сохраним ли свой род. Л.Н. Толстой думал над этим и вложил эти мысли Николаю Ростову: «...*Зачем тут, на войне, мешать своих детей?*». Это понимал и Николай Николаевич Раевский-старший. Поэтому он не придавал значения подвигу своих детей под Салтановкой и, даже наоборот, старался всех уверить, что такого не было. Видимо он чувствовал свою вину перед Николаем-младшим, что вывел его под пули и снаряды на верную смерть, решив за него его судьбу. Как бы то ни было, но ни отец, ни сыновья, ни когда не вспоминали о бое под Салтановкой, как своей заслуге.

Такие мысли и свидетельства современников и потомков уравнивают скепсис некоторых историков по поводу участия Николенки Раевского в бою под Салтановкой. Поэтому для изучения биографии военачальника необходимо привлекать весь комплекс самых разнообразных источников. Само многообразие и противоречивость оценок о генерале Н.Н. Раевском-младшем говорит о том, насколько масштабной эта фигура являлась в сложном и противоречивом процессе присоединения Черноморья к России. Раевский без грима, без прикрас, не лубочный, а реальный, так же важен для потомков, как и мифы о нём, которые позволяют изучать стереотипы народного сознания.

Примечания

1. Восстание декабристов. Документы. М., 1986. Т. XVI. С. 60, 63, 64.
2. Писатели-декабристы в воспоминаниях современников. М., 1980. Т. 2. С. 150 – 158.

3. Русская Старина. 1873. Т. 7. С. 122, 379.

4. *Шавров Н.* Восточный берег Черного моря и его значение для развития русского мореплавания // Морской сборник. 1862. № 10; *Васильев Е.* Черноморская береговая линия 1834 – 1855 гг. // Военный сборник. 1874. Т. 98. № 9; *Успенский Г.И.* Письма с дороги // Успенский Г.И. Собрание сочинений в 9-ти томах. М., 1957. Т. 7.

5. Цит. По: Друзья Пушкина. В 2 т. М., 1986. Т. 2. С. 68-69.

6. *Тарле Е.В.* 1812 год. М., 1959. С. 807.

7. *Ростунов И.И.* Петр Иванович Багратион. М., 1957. С. 179, 213-216.

8. Цит. по: *Шенкман Г.* Генерал Раевский и его семья. СПб., 2003. С. 66 – 68.

9. Архив Раевских. СПб., 1908. Т. 2. С. 154 – 155.

10. Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. М., 1999. Т. 1. С. 34

11. Цит. По: Друзья Пушкина. Т. 2. С. 101 – 102.

12. Записки А.П. Ермолова. М., 1991. С. 137.

13. *Эйдельман Н.Я.* Обреченный отряд. М., 1987. С. 357, 396.

14. Русский биографический словарь. СПб., 1904. Т. 15. С. 402.

А.Д. Вершигора (г. Краснодар)

О позиции Хаджи-Берзека Догомуко по вхождению Убыхии в состав России (1842-1844 гг.)

Черноморская береговая линия была создана в целях пресечения турецкой контрабанды, завоза оружия и проникновения враждебных России лиц [1]. Первым начальником Черноморской Береговой линии был полковник, затем генерал-майор Н.Н. Раевский. Это был мужественный, хорошо подготовленный в военном отношении человек. Он имел разностороннее образование, был другом А.С. Пушкина, участвовал в Отечественной войне 1812 года. Как начальник Черноморской Береговой линии Н.Н. Раевский проявил себя при высадке десантов для построения ряда укреплений по восточному берегу Черного моря. Хотя многие, и прежде всего Н.Н. Муравьев, считали его не весьма удачным администратором, равнодушным к делам Черноморской Береговой линии.

На посту начальника Черноморской Береговой линии Н.Н. Раевского сменил генерал И.Р. Анреп. Это был не только смелый военачальник, но и опытный администратор. Он хорошо запомнил не раз повторяемые наставления Императора Николая I о желательности овладения землями Кавказа мирным путем. И.Р. Анреп сумел найти подход к на-

тухайским старшинам, они признали «покорность», приняли российское подданство. Он очень высоко ценил боевую хватку Н.Н. Муравьева, способного распознать по малейшим признакам действительную угрозу и немедленно отреагировать, завоевавшего своими умелыми действиями авторитет у солдат и офицеров, которые шли за ним по первому его зову. Об этом генерал И.Р. Анреп не раз докладывал Командующему Отдельного Кавказского корпуса Е.А. Головину, а тот – министру А.И. Чернышеву. Но более других ценил и продолжал искать пути мирного урегулирования острых вопросов с черкесами начальник Черноморской береговой линии генерал-майор А.И. Будберг. А.И. Будберг регулярно совершал поездки морем на пароходах по восточному берегу Черного моря, встречаясь с начальниками укреплений, нередко с такими влиятельными горскими деятелями, как Хаджи-Берзек Догомуко и владетель Абхазии Михаил Георгиевич Шервашидзе. 18-19 октября 1843 г. он у укрепления Навагинское по предварительной просьбе встретился с Хаджи-Берзекком. Со стороны наиболее авторитетного из убыхов дворянина, нередко называемого князем, поступила необыкновенно важная, даже интригующая информация. Она приводится в изложении А. И. Будберга с предложением М. Г. Шервашидзе немедленно встретиться с Хаджи-Берзекком, а Н. Н. Муравьеву организовать её и присутствовать: «С самого начала **Хаджи-Берзек** объявил мне, что недавно у абадзехов было большое собрание, на которое призваны были почетные люди из других народов, в том числе от убыхов были там **Керентух Берзек**, **Гусейн Чизма** и некоторые другие. Абадзехи объявили в собрании, что не видно конца бедствиям войны, они хотели бы принять какую либо решимость, чтобы, по крайней мере отдохнуть от непрерывных, безконечных тревог. Они спрашивали убыхов: что они делают и что думают делать с русскими? Убыхи отвечали, что не могут ни в чем на них жаловаться, довольны обращением с ними местного начальства, но не решили еще никакой окончательной меры. Абадзехи выстав (выставив) пред собранием бедствия, которые они терпят, объявили, что они решают сблизиться с русскими, и даже покориться, чтобы избавиться от положения дел всех (всё) равно тягостно. При этом я должен сообщить Вашему Сиятельству, что тоже самое известие я имел и от начальника Кавказской линии, который еще в сентября м-ца начал с Абадзехами переговоры о покорности».

В собрании долго рассуждали по этим вопросам, почти пришли к благоприятному окончанию этого дела, но возникло возражение, что якобы все черкесы находятся в подданстве султана и без его разреше-

ния они не имеют права этого сделать. Решили послать депутатов спросить султана, действительно ли он от них отказался и не даст им помощи в борьбе с русскими. Передавая это, Хаджи Берзек, от имени всех своих соплеменников просил содействия А. И. Будберга в отправлении посланных. Генерал А. И. Будберг ответил, что если они поедут открыто, он поможет, и русский посол в Турции окажет им содействие для встречи с султаном.

Хаджи Берзек и бывшие с ним убыхи не возражали против этого, просив только исполнить это как можно скорее. А. И. Будберг пояснил, что для выполнения этого потребуется некоторое время, но прежде посоветовал обсудить этот важный вопрос со всем народом. Договорились, что на переговоры придут М.Г. Шервашидзе и генерал Н.Н. Муравьев [3].

М.Г. Шервашидзе по горскому обычаю воспитывался в детстве у Хаджи-Берзека, поэтому был особенно почитаем у всех убыхов. Первая встреча состоялась у укрепления Св. Духа (Адлер), вторая 30 мая 1843 г. у Навагинского (Сочи). При первой беседе Хаджи-Берзек особенно жаловался на раздоры и несогласия, существующие между значительнейшими убыхскими фамилиями, считая это одним из главных препятствий к общему их примирению. М.Г. Шервашидзе объявил ему, однако ж, что принимая участие в судьбе народа, между которым провёл несколько лет своего детства, намерен свидетелься с почётными людьми из всех фамилий, чтоб дать им полезные для них советы. Гонцы были немедленно разосланы во все стороны. Убыхи просили только полтора суток, что бы всех успели известить, и в назначенный день до 400 человек собрались к укреплению Навагинскому.

Эта готовность убыхов явиться на первый призыв М.Г. Шервашидзе доказывала степень расположенности. Переговоры по существующему тогда обычаю велись через самых почётных и уважаемых лиц. Считали важным для окончательного удостоверения от турецкого правительства, то обстоятельство, что оно не считает их своими подданными, поэтому было решено спросить разрешение А.И. Будберга на поездку депутатов. А. И. Будберг сообщил убыхам, что переписка уже ведётся и советовал в ожидании ответа из Константинополя, быть мирными, вести открытую торговлю с укреплениями, не отправлять судов в Турцию, не принимать оттуда людей. Присягнуть сразу убыхи опасались потому, что «при настоящих между ними раздорах не могут поручиться за «шалости» частных незначительных людей».

У М.Г. Шервашидзе сложилось мнение, что сильное и воинственное племя исполнит требования правительства, «если только с на-

шей стороны не изменится снисходительное и ласковое с ними обращение». О Хаджи-Берзеке отметил, что хотя тот считает своё звание Хаджи непреодолимым препятствием для присяги Христианскому Государю», но открыто заявляет, что его сыновья будут хорошими офицерами Русского Царя. С Хаджи-Берзеком потом беседовал и А. И. Будберг, получил заверение что «принятие покорности» (вхождение в состав России) вопрос времени. Император Николай I был очень доволен такими известиями и дал указание решить все вопросы с кораблем. Обеспечение отбора депутатов было поручено обеспечить соответствующим воинским начальникам. Посол в Турции Титов предварительно выяснил, что султан и его правительство примет депутатов Кавказа, помогать кавказцам в борьбе с Россией не будут, разве что султан окажет помощь какой-либо беде частным образом [3]. Уезжая уже окончательно с Кавказа по болезни, Н.Н. Муравьев считал это дело решенным. Так считали и в России, так писал И. Барсуков [2]. Между тем выборы депутатов затягивались, доходило до глубоких распрей. Спустя почти год состоялось Собрание убухов. Были споры такие, что один из влиятельных убухов был убит. Выборы прекратили. Все обсуждали, как остановить кровомщение, сколько должна заплатить виновная сторона.

Таким образом, убухи оказались ещё не готовыми покончить с племенными распрями и отказаться от своей независимости, несмотря на трезвый ум одного из самых выдающихся предводителей убухского народа Хаджи-Берзека, связывавшего с Россией процветание и безопасность своих соплеменников. Но работа русской администрации по мирному решению вхождения в Россию продолжались, особенно со стороны А.И. Будберга.

Примечания

1. Энциклопедический словарь по истории Кубани. Краснодар, 1997.
2. Барсуков И. Граф Н.Н. Муравьев-Амурский. СПб., 1891. Кн. 1
3. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 260. Оп. 1. Д. 390

О.В. Матвеев (г. Краснодар)

Из семейной истории Пяновских

Получившие в последние десятилетия бурное развитие исследования империй (империология) потребовали повышенного внимания к польскому фактору. Возросший интерес современных россиян к семейным корням обнаружил значительное присутствие поляков в истории

России. Важнейшей составляющей русско-польского исторического поля выступала служба поляков Российской Империи. Со служением были напрямую связаны судьбы огромного числа людей, механизмы адаптации поляков к российскому обществу и имперской государственности [1]. В докладе предпринята попытка империологического анализа истории семьи генерал-майора А.А. Пяновского. Работа написана при поддержке РГНФ исследовательского проекта № 09-03-00823 а/Р.

В империологии признано, что одним из направлений служения империи является её исследование – естественно-научное, экономическое, этнографическое и т.д. Имена поляков И.В. Бентковского, М.Я. Ольшевского, Л. Загурского и др. золотыми буквами вписаны в отечественное кавказоведение. Хорошо зарекомендовали себя поляки и на поприще полковых историков. Так, одним из первых полковых историков казачества Кубани стал есаул Константин Иванович Раковский, служивший в 1-м Кавказском казачьем пешем батальоне Кавказского Линейного казачьего войска [2]. В это же время была предпринята попытка сотника Пяновского написать историю Ставропольского полка.

Ставропольский линейный казачий полк выпал из внимания современного кубанского казачоведения. Видимо, в связи с расформированием 3-й (бывшей Ставропольской) бригады в 1870 г. и передачей её шести станиц в гражданское ведомство Ставропольской губернии исследователи не считают нужным вводить её в кубанский исторический контекст, не упоминают в обобщающих энциклопедических изданиях о казачестве. Лишь в работах известного ставропольского историка В.А. Колесникова отдаётся должное этому подразделению в структуре сначала Кавказского Линейного, а затем Кубанского казачьих войск [3].

Появлению труда Пяновского предшествовало распоряжение в начале 1865 г. главнокомандующего Кавказской армии великого князя Михаила Николаевича о составлении «в полках и отдельных батальонах» истории «их действий и всей жизни на Кавказе» [4]. Распоряжение командования вызвало переполох в штабе 3-й бригады Кубанского казачьего войска. Начальник бригады вынужден был докладывать в войсковое дежурство 30 августа 1865 г., что на приглашение написать полковые истории «гг. штаб- и обер-офицеры отозвались неимением сведений и записок, достойных внимания» [5]. В распоряжении бригадного командира имелись лишь материалы, составленные сотником Бентковским о пребывании великого князя Александра Николаевича

в 1850 г. в станицах Ставропольского полка и записки хорунжего Мальшевского о жизни на Кавказе, которые и были приложены к рапорту.

Однако вскоре командование обратило внимание на прикомандированного к 3-й бригаде боевого кавказского офицера штабс-капитана Адама Пяновского. Несмотря на неполные 30 лет, Адам Александрович имел за плечами военный и житейский опыт, умел владеть не только шашкой, но и пером. Именно этому офицеру, вскоре переименованному в казацкие сотники, было поручено составить историю 3-й бригады. 24 сентября 1867 г. сотник Пяновский получил предписание, а спустя 2 месяца, 19 декабря уже представил в штаб выполненную на 18 листах рукопись, озаглавленную «Исторические записки 3-й бригады Кубанского казачьего войска». Труд казачьего офицера был оценен настолько, что вскоре с небольшими цензурными исправлениями эта работа появилась в опубликованном виде в «Кубанских войсковых ведомостях» [6].

В Государственном архиве Краснодарского края помимо оригинала рукописи Пяновского сохранился послужной список этого офицера, датированный 1 января 1890 г. Из него можно узнать, что Адам Александрович Пяновский родился 7 декабря 1837 г., происходил «из обер-офицерских детей Тарической губернии». Имя, фамилия, а также принадлежность к римско-католическому вероисповеданию говорят о польских семейных корнях. Адам Пяновский получил образование в Ставропольской губернской гимназии, однако курса не окончил и поступил на военную службу в 74-й пехотный полк. С полком ему пришлось принять участие в боях с горцами в Закубанье. По выслуге лет он был произведён в офицеры, окончил с отличием Кавказскую стрелковую школу, затем воевал в составе войск Адагумского, Шебского и Джубгского отрядов. За отличия в делах с горцами был награждён орденами Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом, Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом, Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом. В апреле 1866 г. А.А. Пяновский был прикомандирован к 15-му полку 3-й бригады Кубанского казачьего войска, и с этого времени его служебная карьера оказалась надолго связанной с казаками.

«Исторические заметки 3-й бригады», сохранившиеся в ГАКК, написаны на основе документов бригадного архива (в рукописи неоднократно встречаются ссылки на рапорты полковых офицеров), а также рассказов старых казаков. Сочинение начинается проникновенными словами: «Прцветает казачество в России и много его различных родов, но кажется, ни одно не стяжало себе такой славы, как Линейное казачье войско» [7].

А.А. Пяновский писал, что станицы Ставропольского полка были поселены «преимущественно из внутренних губерний России из однодворцев и государственных крестьян Курской, Орловской и Воронежской губернии, а часть из малороссийских и донских казаков» [8]. Историк отметил, что «первый порядок управления этих сёл был: сельская управа, составившаяся из выбранных обществом стариков, и станичного атамана, который подчинялись волостному управлению и земскому суду». Несколько раз, по сведениям Пяновского, эти селения «были пополняемы и вновь заселены из России по случаю сильных разорений и даже совершенных уничтожений их горцами». С занятием в 1825–1826 гг. новых мест по р. Кубани и возведением станиц Убеженской, Николаевской и Барсуковской набеги горцев не прекращались, поэтому «подобный ход дел на линии вынудил правительство дать и этим сёлам военную организацию» [9]. По Высочайшему повелению приказом командующего войска на Кавказской линии от 31 января 1833 г. за № 421 был сформирован Ставропольский казачий полк, в состав которого также вошли от Хопёрского полка станица Барсуковская, и от Кубанского полка – станицы Николаевская и Темнолесская. Поначалу, отмечал сотник Пяновский, «определённой численности чинов этого полка не было, а каждая станица обязана была выставить всех людей, способных носить оружие от 20 до 45 летнего возраста».

Объединение селян с казачьими станицами, по мнению полкового историка, оправдало надежды командования: бывшие однодворцы стали лихими казаками. Пяновский подробно описывает систему обороны участка Ставропольского казачьего полка, рассказывает о целом ряде эпизодов кровавого противостояния с горцами. Один из них связан с защитой станицы Темнолесской в ноябре 1842 г., героем которой стал сотник Диденко [10]. Подробно рассказал А.А. Пяновский и об отчаянной обороне в ноябре 1848 г. станицы Сенгилеевской, подвергнувшейся нападению трехтысячного отряда горцев под начальством узденя Машко-Шугурова. Поспешившие на выручку ставропольские сотни сумели настигнуть ворвавшихся в станицу горцев и вступить с превосходящим противником в ожесточённый бой. Подоспевшие войска генерала Ковалевского позволили разгромить неприятельский отряд и отбить захваченных в плен сенгилеевцев и их разграбленное имущество и скот» [11].

Упомянул А.А. Пяновский и о том, что по Положению о Кавказском Линейном казачьем войске 14 февраля 1845 г. Ставропольский полк был развёрнут в бригаду из двух шестисотенных полков по 143 нижних чинов в сотне «с соответствующим числом офицеров» [12].

В сочинении Пяновского встречается немало интересных сведений о военном быте и нравах горцев и казаков. Так, описывая нападение на Сенгилеевскую, он отметил, что удачный прорыв был осуществлён благодаря тому, что Машко-Шугуров направил в противоположную сторону небольшой отряд художонных всадников для отвлечения русских войск. Интересно и такое замечание: «Нужно знать, что горцы пред своими набегами вообще в ожидании дела дают клятву не оставлять своих убитых в руках неприятеля; если по какому-нибудь случаю не успеют схватить убитого или раненого, то вся партия, ездившая на грабёж, должна содержать семью товарища. Поэтому определить точно их потери никогда нельзя, об этом уже после известно через лазутчиков» [13].

Отдаёт должное автор мужеству и опыту пограничной службы казаков. Рассказывая о том, как ставропольские сотни шли по следу вторгнувшегося в российские пределы неприятеля, Пяновский заметил: «Нужно отдать справедливость казакам, кто не только большую партию выследит, но будь их несколько человек и заберись они хоть в преисподнюю, так и там найдут их по следу: чутьё и глаз казака в этом случае так развит, что малейшая тряпочка или клочок шерсти, помятость травы, сломанный прут или взбитая земля – всё это даёт знать ему, что враг прошёл именно здесь, а не в другом месте» [14].

Любопытные версии приведены в труде казачьего сотника о происхождении некоторых топонимических объектов на территории Ставропольского полка. Рассказывая о разгроме партии, собиравшейся напасть на станицу Каменнородскую, он сообщает, что окружённые «горцы защищались отчаянно, но усилия их были напрасны, общая могила и курган над нею, именуемый и по настоящее время Татарским, сделался для них вечным приютом» [15]. О происхождении названия горы Недрёманной: «Название своё эта гора получила вследствие страшных туманов, господствующих над ней, так что проезжая через гору нужно действительно смотреть в оба, как говорится, если не хочешь столкнуться носом к носу с «голопятым». Несколько несчастных случаев увековечили за этой горой название Недрёманной» [16].

Специалистов в области военно-исторической антропологии, несомненно, заинтересуют размышления Адама Пяновского о поведении казака в бою, описанный им психологический настрой в рукопашной схватке: «Ни месть, не фантазия, не тщеславие, ничто, кажется не руководит в этом случае тобою, даже не чувство собственного самосохранения». Условия войны требуют нередко жестокости, однако даже самые отчаянные вояки не лишаются при этом челове-

ческих чувств. Казак, видевший смерть и муки людей в бою, порой «не в состоянии смотреть, когда режут курицу, и готов сострадать к несчастю ближнего всеми силами души своей». Эти факты, по мнению Пяновского, достойны «психологического анализа» [17].

С 1856 г. в истории Ставропольской бригады, по мнению сотника, начался новый этап: русские войска стали действовать наступательно, и теперь уже горцы должны были позаботиться о своей безопасности. Обзорный рассказ о завершающих боях Кавказской войны заканчивается награждением 14-го и 15-го полков 3-й бригады теперь уже Кубанского казачьего войска Георгиевскими знамёнами.

Таким образом, сочинение казачьего сотника Адама Пяновского позволяет напомнить не только о драматической и славной истории основательно подзабытого сегодня Старопольского казачьего полка, но и даёт немало поводов для размышлений о судьбах линейного казачества Северного Кавказа и его соседей-горцев. Фрагментарность и отсутствие глубины и системности в изложении прошлого ставропольских линейцев, идеологическая заданность в духе воспитания личного состава на традициях служения Царю и Отечеству вполне компенсируется искренностью автора, сопереживанием освещаемым событиям первого историка Ставропольского полка. Первым всегда труднее, поэтому имя Адама Пяновского навсегда останется в памяти благодарных последователей, изучающих прошлое кавказских казаков.

Свой досуг Пяновский посвящал, видимо, не только историческим сочинениям. Б.Н. Устинов считает, что этот незаурядный офицер стоял у истоков любительской фотографии на Кубани. Именно А.А. Пяновский сделал 16 августа 1867 г. первые снимки Сентинского храма, расположенного недалеко от станицы Зеленчукской [18]. Хороший художественный вкус офицер сумел привить своим детям. Известно, что его сын Виктор также увлекался фотографией, дочь Людмила стала учителем рисования, а Леонид – известным русским художником.

Дальнейшая служба Адама Пяновского складывалась, в целом, удачно. Он исправляет должность бригадного адъютанта, инструктора по оружейной части Баталпашинского военного отдела, пристава 1-го участка Темрюкского уезда. С началом в 1877 г. русско-турецкой войны майор Пяновский был назначен командиром 11-го, а затем 12-го пластунского батальона. Пластунам Пяновского пришлось принимать участие в подавлении восстания горцев, вспыхнувшего в Чечне и в Дагестане. «За отличие, оказанное в делах против мятежников 19 октября 1877 г. у сел. Цудахар в Дагестане» А.А. Пяновский 8 февраля 1880 г. был награждён золотой шашкой с надписью «За храбрость» [19].

После разгрома основных сил повстанцев их вожди Алибек-Хаджи, Дада Залмаев, Ума-Дуев укрылись в хорошо укрепленном ауле Согратль. 2 ноября 1877 пластуну 12-го батальона вместе с батальоном Кабардинского полка пошли на штурм редутов и башни мятежников [20]. Во время рукопашной схватки Адам Александрович «получил рану холодным оружием с раздроблением наружных покровов и хряща носа до его основания, верхняя и нижняя губы и верхняя челюсть повреждена» [21]. Начальник войскового штаба Кубанского казачьего войска писал 5 декабря 1879 г.: «12 пластунский батальон, как известно из приказов по войскам Дагестанской области, проявил себя с отличной стороны в делах с неприятелем в Дагестанском отряде, что отчасти нужно отнести к деятельности и молодчеству самого майора Пяновского, там же получившего раны» [22].

В Государственном архиве Краснодарского края сохранилось дело за 1879 г. «Об истребовании объяснений от майора Пяновского по жалобе сотников Васильченко и Беднягина». Эти офицеры жаловались на крутой нрав командира батальона, а также на то, что деньги в батальоне осенью 1877 г. выдавались на транспортные и другие расходы без объявления в приказе и записи в специальной книге. Следствие, проведенное по этому делу, показало, что Пяновский, принявший на марше, в условиях боевых действий батальон от войскового старшины Белого, «не мог заметить начала тех упущений беспорядков по хозяйственной части», которые имели место при его предшественнике. Жалобы двух сотников были оценены, как «незаслуживающие уважения», но Пяновского обязали внести в кассу батальона из своих средств незафиксированные в приказах 3 рубля [23].

После окончания войны боевого израненного офицера переводят сначала в Майкоп, где он командует пешим пластунским батальоном льготного состава, а 29 мая 1880 г. Адам Александрович был «назначен Темрюкским полицмейстером с зачислением по армейской кавалерии» [24]. На охране общественного порядка Пяновский прослужил 4 года, а затем опять вернулся в строй. 5 лет он командовал 1-м пешим пластунским батальоном Кубанского казачьего войска, а 21 мая 1889 г. принял 2-й пластунский батальон, где прослужил, по видимому, вплоть до выхода в отставку. Последние сведения о службе А.А. Пяновского встретились в приказе по Кубанскому казачьему войску № 68 от 31 мая 1896 г., согласно которому командир 2-го пешего пластунского батальона полковник Пяновский был включен в именную список больных офицеров Кавказского военного округа, которым было разрешено пользоваться минеральными водами Пяти-

горска. В приказе по войску № 110 в октябре 1896 г. сообщалось, что 2-й пластунский батальон принял под командование войсковой старшина Таран. Видимо, Адам Александрович по состоянию здоровья вынужден был оставить службу и выйти в отставку, как тогда было принято, «с пенсией и мундиром» и пожалованием чина генерал-майора. По крайней мере, в сведениях о художнике Л.А. Пяновском, которые привел искусствовед Леонид Варебрус, говорится, что живописец родился в семье отставного генерал-майора А.А. Пяновского [25]. В деле Людмилы Адамовны Пяновской, обнаруженном нами в Государственном архиве Краснодарского края, также отмечено, что она дочь генерал-майора [26]. Последние годы жизни Адама Александровича, очевидно, были связаны с Пятигорском, где он жил с семьей и лечился. О том, как закончил свой земной путь этот незаурядный офицер и полковой историк, предстоит еще выяснить в ходе архивных разысканий. Несомненно одно: служебная карьера А.А. Пяновского представляет наглядный пример преданного служения России выходцев из польских фамилий. Несколько изолированная от общества с его политическими подходами к польскому вопросу, императорская армия была плавильным котлом, в котором большое значение приобретала профессиональная этика и служебная солидарность [27].

О супруге Адама Александровича известно немного. Галина Ивановна Пяновская была дочерью отставного полковника Ивана Григорьевича Крижановского [28]. Она родилась 25 февраля 1851 г. Фамилия Крижановских, видимо, тоже польского происхождения. По крайней мере, А.И. Селицкий обнаружил в списках Полтавского куреня за 1809 г. Ивана Крижановского «из польских дворян» [29]. Но это не отец Галины Ивановны, а скорее всего какой-то его родственник. Сохранился послужной список И.Г. Крижановского за 1859 г. В этом году ему исполнилось 40 лет, следовательно, он родился в 1818 или в 1819 г. В документе отмечено, что Иван Григорьевич происходил «из дворян Черноморского казачьего войска». Сам офицер, его семья и дети были православными. Так что если польское происхождение имело место, то сохранялось скорее на уровне семейных преданий. В 1859 г. И.Г. Крижановский был полковником, начальником 1-го участка Черноморской кордонной линии, являлся кавалером орденов св. Анны 2-й степени и той же степени с императорской короной и мечами, 3-й степени с бантом и 4-й степени с надписью «За храбрость» [30]. Как и его польский родственник, Иван Григорьевич имел «хутор в юрте ст. Полтавской с виноградными лозами и родячим садом и при этом хуторе плотинная мельница о трёх посадах на речке Бейсужок» [31]. Видимо, здесь и появилась на свет Галина Ивановна. Иван Гри-

горьевич был женат на дочери есаула Кобенька Еслене Семёновне. Помимо Галины она родила ему двух сыновей – Николая (родился 27 апреля 1849 г.) и Петра (родился 29 июля 1852 г.).

Поскольку первый сын Виктор появился в семье Пяновских в начале 1873 г., бракосочетание ротмистра армейской кавалерии и дочери отставного полковника могло произойти, когда жениху исполнилось 36 лет, а невесте – 21 год. Крижановская стала хорошей супругой и матерью, она родила Адаму Александровичу 6 сыновей и 5 дочерей. 15 февраля 1873 г. родился Виктор, 3 ноября 1874 г. – Владимир, 20 февраля 1877 г. – Александр, 10 июля 1879 г. – родилась дочь Елена, 19 февраля 1881 г. – Лидия, 2 января 1883 г. – сын Николай, 2 мая 1885 г. – Леонид, 24 октября 1886 г. – Пётр, 7 июля 1888 г. – Мария [32]. Поскольку послужной список Пяновского сохранился только за 1889 г., в нём нет сведений ещё о двух дочерях Адама Александровича. Зато имеется список по старшинству 2-го пластунского батальона за январь 1895 г., где указано, что у полковника Пяновского 5 дочерей [33]. Имена этих девушек удалось установить по другим источникам. В справочнике г. Москвы за 1917 г. упомянут адрес художника Леонида Адамовича Пяновского, с которым проживали две его сестры Лидия Адамовна и Евгения Адамовна [34]. Следовательно, ещё одну дочь Адама Александровича звали Евгенией. Наконец, в Государственном архиве Краснодарского края хранится вышеупомянутое дело дочери генерал-майора Людмилы Адамовны Пяновской, которая родилась 21 октября 1892 г. Все дети генерала Пяновского были крещены в православии.

Старший сын Виктор Адамович, который пошёл по военной стезе, оставил заметный след в истории российского коневодства. Именно он вывел лошадь новокиргизской породы, отличавшейся превосходными качествами. В 1907 г. штабс-капитан 2-го Ходжентского резервного батальона Виктор Пяновский прибыл в Пржевальск с молодой женой Еленой Александровной Петраковой и тремя высокопородными английскими лошадьми Лавой, Титаной и Альбертоном.

Венчались молодые тайно, воспользовавшись тем, что отец невесты отбыл по делам службы в Оренбург. В это время одним из сибирских казачьих полков командовал в Средней Азии П.Н. Краснов, впоследствии видный деятель белого движения, атаман Всевеликого войска Донского и писатель русского зарубежья. В своих воспоминаниях он оставил такое свидетельство о чете Пяновских: «Не совсем обыкновенная, даже по туркестанскому масштабу, была эта пара. Пяновский служил офицером в стрелковом полку, расположенном в Ташкенте. Он был

наездник Божию Милостию, постоянно скакал в Ташкенте и был тонким знатоком лошади. В ту пору начальником артиллерии Туркестанского военного округа был генерал Петраков. Старые артиллеристы его хорошо помнят – он раньше был командиром батареи Михайловского артиллерийского училища. Знаток лошади и отличный наездник, он составил единственное в своём роде руководство езды и выездки верховой и артиллерийской пристяжной лошади. У генерала Петракова была красавица дочь, такая же наездница и любительница лошадей, как и её отец. И так было естественно, что в Ташкенте она увлеклась стройным и красивым штабс-капитаном, непобедимым на скачках» [35].

Тесть потом в шутку жаловался ближайшим друзьям: «Вот, дескать, каковы молодые офицеры: мало того, что Ленку увёл, так ещё и лучших лошадей прихватил!» [36]. Но офицерская молодёжь той поры умела не только тайком невест уводить, но и знала дело. Виктор Адамович с помощью жены, которая также была большой любительницей конного спорта, великолепной наездницей и рисовальщицей, занялся в горах Киргизии селекционной работой. Путём скрещивания местной киргизской лошади с английской скаковой Пяновскому удалось вывести высокопородную лошадь. Виктор Адамович отказался от движения по службе, чинов, орденов и отдался целиком делу на пользу родине. Ведя жеребцов зимой в 1910 г. в буран, во время землетрясения, штабс-капитан рисковал здоровьем и жизнью. Вместе с мужем Е.А. Петракова-Пяновская вела пропаганду чистокровной верховой лошади [37]. С этой целью устраивались скачки, в которых она сама участвовала, в том числе и на дистанцию 50 км, где заняла 2-е место.

Противники Виктора Пяновского утверждали, что новокиргизскую породу следует выводить путём улучшения рациона без всяких «примесей» со стороны. В газете «Новое время» некто Волоссович напечатал статью «Семиреченское коневодство». В ней он позлорадствовал по поводу неудачи английской лошади на казахской байге, написав буквально следующее: «Ученые англومانы выработали план улучшения киргизской лошади в течение 20-50 лет, постепенно скрещивая ее с англичанами. А киргизы предпочитают переколоть и съесть – как производителей, так и произведения» [38]. Такой выпад не мог остаться без ответа. В «Семиреченских областных ведомостях» (1913, №34) В.А. Пяновский дает пасквильянту отповедь: «Киргизскую лошадь я знаю хорошо и, вероятно, не хуже господина Волоссовича; двадцать лет охоты в горах Туркестана дали мне возможность детально изучить эту действительно отличную лошадь в той обстановке, где она есть. Не хуже знаю и все прочие породы лошадей Средней Азии, перебивавших у меня под

седлом, до туркмен включительно. В настоящее время я имею небольшой завод лошадей и именно английских (а не киргизских), так как нахожу, что английская лошадь есть венец творения культурного человека в этой области, ибо «Бог дает жеребенка, а человек делает коня». Те же киргизы, устами которых автор изрек такой беспощадный приговор английской лошади, давным-давно, задолго до появления в крае подобных радетелей коневодства, во времена владетельных ханов и манапов, улучшали свои табуны отнюдь не киргизами же, а приливом более благородных кровей, и если бы им удалось в те еще времена заполучить ненавистного для Волоссовича «инглиза», то они поступили бы с ним далеко умнее, чем навязывается им на страницах «Новаго Времени» [39].

Виктор Адамович доказал свою правоту в г. Верном в 1913 г. на съезде ветеринаров. Были скачки, и на дистанции в 25 вёрст первым пришёл киргиз Идрисов. Но на 53-х верстовой дистанции первой пришла Лотарингия — чистокровная кобыла, третье место на Нептуне взяла Леночка Петракова — помогла мужу доказать его правоту.

Виктор Адамович, как и отец, увлекался фотографией, а Елена Александровна, натура тонкая и романтическая, писала акварелью и пастелью, причём рисовала она исключительно собак и лошадей. После революции В.А. Пяновского назначили управляющим по конезаводскому делу и коневодству Турестанской республики. Управляющей конезаводом, который передала государству, стала Елена Александровна. В 1921 г. Пяновский поехал по делам в Москву, на обратной дороге заразился тифом и скончался... Когда его тело везли в Пржевальск, с самых отдалённых айлов съезжались киргизы, которые глубоко чтити Виктора Адамовича [40]. Подвижника русского коневодства похоронили в центре ипподрома... Виктор Пяновский стал героем монументальных высокохудожественных произведений писателя Леонида Борисовича Дядюченко (1934–2005), лучшего мастера современной русской прозы Кыргызстана [41].

Елена Александровна Петракова-Пяновская после смерти мужа долго тосковала, жила в Самарканде и Ташкенте. Основным источником существования было рисование. Она принимала заказы от частных лиц и организаций. Но когда началась война, заказы прекратились. Вдова Пяновского переехала в Джизакский конный завод, работала конюхом, жила в конюшне, голодала... Свою небольшую зарплату она тратила на списанных больных лошадей: покупала зерно, люцерну, выхаживала их. Персонал завода видел в ней выходца из буржуазной среды, дочь генерала и вдову полковника царской ар-

мии. Людская злоба, зависть к её высокому профессионализму и болезни доконали её, и в 1952 г. Елена Александровна скончалась...

Другой сын генерала Пяновского Леонид оставил заметный след в истории русского церковного искусства. С 1902 по 1906 годы он учился в Строгановском училище, а 1 ноября 1906 г. был зачислен на должность преподавателя и заведующего в филиальном отделении Императорского Строгановского училища в Троице-Сергиевском посаде.

В 1912 г. в Ницце был освящён Свято-Николаевский собор, который был возведён при прямом участии царской семьи и князя Сергея Голицына. Эскиз, проектирование и сооружение трёхъярусного иконостаса принадлежали московскому художнику Леониду Пяновскому. В центре иконостаса, прямо над Царскими Вратами находился «Диисус» — изображение Иисуса Христа, сидящего на троне и окружённого ликами Божьей Матери и Иоанна Крестителя. Это «Моление» — копия с оригиналов, которые сейчас находятся в иконостасе собора святого Ильи Пророка в Ярославле. При проектировании самих Царских Врат Леонид Адамович также использовал аналог ярославской церкви Ильи Пророка, только более древний, чем установленный там сейчас [42]. Два главных образа иконостаса — «Корсунской Божьей Матери» и «Нерукотворный Спас», были написаны Л.А. Пяновским ещё в 1900-х гг. в его московской мастерской и являются творчески переработанными копиями древнерусских икон. Помимо иконостаса Леонид Адамович создал эскизы для всей фресковой живописи русского собора в Ницце. Его вдохновляли фрески храма Иоанна Крестителя в Тологском монастыре под Ярославлем, где художник провёл несколько месяцев [43].

В 1917 г. выпускник знаменитой Строгановки вновь вернулся в Ниццу, но уже как эмигрант... Оказавшись на чужбине, Леонид Пяновский многие годы посвятил первоначальной, ещё дореволюционной живописи собора. Живя здесь же в Ницце, он написал несколько новых икон для Свято-Николаевского собора, в том числе, «Святых покровителей Императора Александра II и членов Его семьи», и «Святых покровителей Императора Николая II и членов Его семьи». Эти иконы одинакового размера и стиля установлены по обеим сторонам иконостаса и являются как бы его продолжением. Они были пожертвованы храму русскими эмигрантами, среди которых оказался и сам Л.А. Пяновский [44]. Леонид Адамович прожил долгую жизнь Он скончался в 1976 г. и похоронен на Русском православном кладбище Кокад [45].

Судьбы остальных сыновей генерал-майора А.А. Пяновского ещё ждут своего исследователя. Лишь в «Списке дворян, внесённых в дворянские родословные книги Ставропольской губернии, Терской и

Кубанской областей», упоминается, что Владимир, Александр, Николай и Пётр были занесены в них 27 июня 1881 г. и 5 ноября 1890 г. в г. Темрюке Кубанской области [46].

Не много известно и о жизни дочерей А.А. Пяновского. По крайней мере, три из них избрали нелёгкий путь служения на ниве народного просвещения. В Справочнике г. Москвы за 1917 г. отмечалось, что вместе с Леонидом Адамовичем Пяновским в доме №32 по ул. Садовой Кудренской проживали Евгения Адамовна и Лидия Адамовна, служившие в женской гимназии В.В. Ломоносовой [47]. Адам Александрович сумел дать дочерям приличное образование. Из архивного дела известно, что Людмила Адамовна имела аттестат об окончании полного курса семи общих классов Одесского Императора Николая I института. В сентябре 1910 г. Людмила Адамовна подала прошение Попечителю Кавказского учебного округа на замещение вакантной должности надзирательницы и учительницы рисования Усть-Лабинской женской гимназии [48]. Уже 20 сентября Пяновская прибыла к месту службы, причём помимо предмета «Рисование» стала вести ещё «и уроки гимнастики (4 урока в неделю) за отказом от этих уроков надзирательницы В.Г. Тейхмен» [49]. Начальство высоко оценивало труд молодой учительницы. 19 ноября 1911 г. директор гимназии докладывал, что Пяновская «во время своего служения в гимназии относилась к своим обязанностям с полным вниманием и усердием, а летом сего 1911 г. принимала участие за свой счёт на курсах гимнастики и общественных игр с пением в г. Тифлисе». Принимая «во внимание усердие Пяновской и ревностное отношение ея к своим обязанностям», директор просил Попечителя Кавказского учебного округа утвердить Пяновскую в должности классной надзирательницы [50]. Но в октябре 1912 г. Людмила Адамовна подала прошение об увольнении «от должности и вовсе от службы». Видимо, это было связано с изменением её семейного положения: она вышла замуж [51]. Далее следы дочери генерала Пяновского теряются, и необходимы дальнейшие архивные разыскания.

История семьи Пяновских – реальный пример интеграционного воздействия имперского ядра на национальную периферию. Служение империи (которое можно понимать не только в узком смысле – гражданская и военная служба, но и широко, включая духовную и хозяйственную деятельность), позволило успешно реализовать себя в жизни и творчески состояться казачьему офицеру и полковому историку Адаму Пяновскому и его замечательным детям. Изучение арсенала стратегических средств Российской империи по вовлечению в её орбиту различных национальных и сословных элементов на кон-

кретных фамильных и семейных хрониках позволяет лучше понять феноменологию российской элиты, сложный мир идентичностей.

Примечания

1. *Горизонтов Л.Е.* Служить или не служить империи? Поляки в России XIX века // Российско-польский исторический альманах. Вып. III / Под ред. И.В. Крючкова. Ставрополь; Волгоград; Москва, 2008. С. 123–124.
2. См.: *Матвеев О.В.* Зарождение полковой историографии Кубанского казачьего войска: Константин Иванович Раковский // Поляки в России: история и современность / Под ред. А.И. Селицкого. Краснодар, 2007.
3. *Колесников В.А.* К истории существования Ставропольского казачьего полка (1832–1870) // Проблемы возрождения казачества. Ставрополь, 1993; *Его же.* Формирование и функции линейного казачества Кубани в конце XVIII – 1861 г. Дисс. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 1996; *Его же.* Подполковник Кубанского казачьего войска И.А. Бородин: опыт интеллектуальной биографии // Кубанский сборник. Т. II (23) / Под ред. О.В. Матвеева. Краснодар, 2007 и др.
4. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 254. Оп. 2. Д. 216. Л. 2.
5. Там же. Л. 38.
6. *Пяновский.* Исторические заметки о 3-й бригаде Кубанского казачьего войска // Кубанские войсковые ведомости. 1868. 20 апреля. № 15. С. 65–67.
7. ГАКК. Ф. 254. Оп. 2. Д.216. Л. 163.
8. Там же. Л. 163 об.
9. Там же. Л. 164 об.
10. Там же. Л. 165 об. – 166 об.
11. Там же. Л. 167 об. – 168.
12. Там же. Л. 167.
13. Там же. Л. 166–166 об.
14. Там же. Л. 167 об.
15. Там же. Л. 165–165 об.
16. Там же. Л. 168.
17. Там же. Л. 170 об.
18. *Устинов Б.Н.* История фотографии на Кубани // Книжное дело на Северном Кавказе: история и современность. Вып. 2 / Под ред. А.И. Слуцкого. Краснодар, 2004. С. 280.
19. *Матвеев О.В.* Казаки Кубани в борьбе с горскими повстанцами в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Фёдор Андреевич Щербина, казачество и народы Юга России: история и современность. Сборник материалов VI международной научно-практической конференции / Под ред. С.Н. Якаева. Краснодар, 2007. С. 173.
20. ГАКК. Ф. 396. Оп. 2. Д.560. Л. 107 об.

21. Там же. Л. 120.
22. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 2920. Л. 50.
23. Там же. Л. 50–51 об.
24. ГАКК. Ф. 396. Оп. 2. Д. 560. Л. 107 об.
25. *Варебрус Л.* Русская Ницца // Иные берега. Журнал о русской культуре за рубежом. 2010. № 2(18) // <http://www.inieberega.ru/node/126>.
26. ГАКК. Ф. 427. Оп. 2. Д. 1311. Л. 3.
27. *Горизонтов Л.Е.* Указ. соч. С. 128.
28. ГАКК. Ф. 396. Оп. 2. Д. 560. Л. 110 об.
29. *Селицкий А.И.* Поляки на Кубани: исторические очерки. Краснодар, 2008. С. 33.
30. ГАКК. Ф. 396. 2. Д. 166. Л. 14 об.
31. Там же. Л. 28.
32. ГАКК. Ф. 396. Оп. 2. Д. 560. Л. 110 об.
33. ГАКК. Ф. 396. Оп. 2. Д. 660. Т. 1. Л. 286 об.
34. Справочник. Москва – 1917. М., 1917.
35. http://www.krasnov-ataman.ru/krasnov.tvnasl_proizv.podvig.php?page=5&booki=31.
36. http://www.kgkg.ru/ballada_o_topolinoy_allee/17.html.
37. Там же.
38. Цит. по: *Абреков А.* Киргиз против инглиза // <http://1www.yorsesport.info/articles.php?lng=ru&p9=493/>
39. Там же.
40. http://www.kgkg.ru/ballada_o_topolinoy_allee/17.html.
41. http://www.pugachev.kg/index.php?option=com_content&id=224:2009-06-24-16-19-25&catid=13.2008-11-04-16-17-23&Itemid=10

Э.М. Далгат (г. Махачкала)

Доктор М.М. Далгат на службе Отечеству

Окончание Кавказской войны пришлось на период царствования императора Александра II и совпало по времени с буржуазными преобразованиями, которые он начал в России. В новых завоеванных землях тоже необходимо было провести целый ряд реформ, облегчавших их включение в политическую и социально-экономическую систему империи. В истории Дагестана начался качественно новый этап.

По мере утверждения в Дагестане царской администрации шло его хозяйственное освоение, строительство дорог, создание первых промышленных предприятий, внедрение в сельское хозяйство новых сельскохозяйственных культур и фабричного инвентаря. Административно-судебные реформы, отмена феодально-зависимых отношений, освобождение рабов и крепостных крестьян (чагар), про-

ведение социально-экономических реформ привели к вовлечению Дагестана в общероссийский рынок, становлению национальной буржуазии и кредитно-банковской системы. Этот процесс особенно усилился после постройки железной дороги, соединившей Дагестан с Центральной Россией.

Одним из важных направлений деятельности администрации императора Александра II в Дагестане было формирование светской интеллигенции.

Все эти преобразования происходили в очень сложное время. Дагестанское общество неоднозначно восприняло включение в состав империи, реформы, проводимые царской администрацией. Одна часть дагестанцев, не воспринимала новшества, новые власти и продолжала борьбу. Об этом свидетельствуют антирусские выступления в 60–70-е годы XIX в., подавленные царскими войсками.

Другая часть дагестанского общества была настроена на сотрудничество. Более дальновидные и прагматичные горцы стремились использовать преимущества нахождения в составе большого сильного государства для того, чтобы приобщиться к русской, а через нее к европейской культуре.

Светское образование пробивало себе дорогу в Дагестане, несмотря на ожесточенное сопротивление реакционной части духовенства. Фанатично настроенные муллы удерживали население от обучения в светских школах, где шло преподавание на русском языке. Мусульманское духовенство запугивало население тем, что юношей, умеющих читать и писать по-русски, будут брать в солдаты и крестить. В мечетях муллы объявляли тяжким грехом обучение детей-мусульман в русских школах языку «неверных».

Несмотря на это дагестанцы проявляли все больший интерес к обучению в светской школе. Получение образования становилось насущной необходимостью. Новому Дагестану требовались новые люди, профессионально подготовленные для работы на производстве, связанные торговыми отношениями с русским купечеством и предпринимателями, т.е. в дагестанском обществе ощущалась потребность в специально подготовленных людях. В образованных кадрах нуждалась и дагестанская администрация. Для нового аппарата управления Дагестанской области были нужны обученные русскому языку местные кадры, владевшие одновременно арабским и турецким языками.

Новая интеллигенция Дагестана формировалась за счет выпускников светских школ, главным образом реальных училищ и гимназий Темир-Хан-Шуры, Дербента, Ставрополя, Баку, Владикавказа. Это были в основном выходцы из феодального сословия, но среди них

нередко оказывались дети свободных крестьян – узденей. К такому узденскому роду, из которого вышли первые представители светской интеллигенции Дагестана, относится род Далгат из старинного даргинского селения Урахи. Ярким представителем этого рода является статский советник, доктор М.М. Далгат. Когда закончилась Кавказская война, ему исполнилось 10 лет. Младший из пяти сыновей ученого арабиста Молла-Магомеда с детства отличался тягой к знаниям. Когда мальчик изъявил желание учиться в русской школе, отец поддержал его, понимая, что наступили новые времена и светское образование необходимо, оно открывает новую дорогу в жизни.

М.М. Далгат поступил в русскую школу в Темир-Хан-Шуре, областном центре Дагестанской области, потом его перевели в Ставропольскую гимназию, где существовали вакансии для горских детей. Он успешно учился и закончил гимназию в 1869 г., после чего поступил на медицинский факультет Московского университета. После того, как М.М. Далгат прослушал три курса, его направили для продолжения образования в Южную Германию. Он стал студентом Вюцбургского университета в Баварии. Закончив его со статусом доктора медицины и хирургии в 1875 г., он вернулся в Россию. Чтобы подтвердить знания, полученные за границей, ему пришлось сдавать экзамен в Санкт-Петербургской императорской медико-хирургической академии. После этого молодой врач был направлен на работу во Владикавказ, бывший своеобразной столицей Северного Кавказа. С этим городом связана большая часть жизни молодого дагестанца.

В 1877 г. Магомед Магомедович был назначен врачом Владикавказского округа и по совместительству исполнял обязанности врача Владикавказского военного госпиталя. За короткое время он сумел завоевать доверие населения, зарекомендовать себя хорошим врачом, к которому приезжали больные не только из Терской области, но и из Дагестана. В его большом уютном доме были специальные комнаты для приезжих. Здесь находили приют и поддержку многие неимущие горцы, приехавшие за медицинской помощью к доктору. Он не только не брал с них денег за лечение, но и покупал беднякам одежду и давал деньги на обратный путь. Подолгу гостили у него земляки урахинцы, среди которых он пользовался славой непревзойденного врача. Во время русско-турецкой войны в декабре 1877 г. он был командирован в Тифлис для оказания помощи больным и раненым, лежащим в селениях Закавказского края. За заслуги в лечении военных в госпиталях Закавказья Высочайшею волею, объявленной 17 апреля 1878 г. в приказе по военному ведомству № 107, доктору М.М. Далгат было предоставлено право носить темно – бронзовую медаль в память о Русско-турецкой войне 1877-1878 годов.

С 15 января 1880 г. Магомед Магомедович вступил в должность городского врача города Владикавказа и исполнял эти обязанности до 1911 г. Опыт, профессиональные знания М.М. Далгат использовались властями в сложных ситуациях, когда надо было принимать экстренные меры по предотвращению эпидемий заразных болезней в стране. В 1898 г. он был командирован в Саудовскую Аравию для борьбы с чумой, которая могла проникнуть в Россию через российских мусульман – паломников, побывавших в хадже. М.М. Далгат успешно справился с поставленной задачей. В том же году по приказу принца Ольденбургского доктор М.М. Далгат был направлен для борьбы с чумой в Среднюю Азию. Там он пробыл несколько месяцев, помогая больным и проводя профилактические мероприятия, чтобы инфекция не перекинулась в другие части империи. В январе 1889 г., справившись с возложенной на него миссией, он вернулся домой.

Велика заслуга М.М. Далгат в улучшении санитарного состояния Владикавказа, снабжению горожан чистой водой, качественными продуктами. Являясь городским врачом, он оказывал благотворительную помощь медицинским учреждениям города и области, в частности он являлся одним из активных меценатов Владикавказской Михайловской городской лечебницы. Он занимал активную жизненную позицию, являясь членом многих благотворительных и общественных организаций. Так, он был членом благотворительного Общества для распространения образования и технических сведений среди горцев Терской области, избирался в его правление, входил в правление музея Терской области, состоял действительным членом Терского областного статистического комитета, Терского медицинского общества. В течении нескольких десятков лет М.М. Далгат оказывал бесплатные медицинские услуги в Михайловской городской лечебнице, стал попечителем этой больницы. Придавая большое значение физическому воспитанию, М.М. Далгат состоял членом Общества любителей велосипедного спорта.

Многие годы, почти 17 лет, М.М. Далгат избирался депутатом Владикавказской городской думы, был членом управы, принимал деятельное участие в обсуждении многих важных вопросов по социально – экономическому и культурному развитию города.

О широте круга интересов доктора М.М. Далгат свидетельствует то, что он в 1906 г. стал издавать газеты «Весь Кавказ» и «Голос Кавказа». В них поднимались актуальные для горских народов вопросы.

Велика роль М.М. Далгат в становлении молодого поколения Далгатов. Он воспитал своего племянника Башира Далгат, оставшегося сиротой, помогал ему во время учебы в Ставропольской гимназии, а затем на юридическом факультете Петербургского университета. Дру-

гой его племянник – Азиз – решил пойти по стопам своего дяди и стать врачом. М.М. Далгат помогал ему все годы учебы в Харьковском университете. Он внушал своим племянникам, что Дагестану нужны образованные люди, которые смогут принести пользу своему народу. Помогал он и другим землякам.

В 1910 г., после более чем 30 летней безупречной службы на благо Отечества, доктор М.М. Далгат уволился со службы в чине Статского советника. За заслуги перед Отечеством он был награжден орденом Святой Анны 3-й степени и Святого Станислава 2-й степени, многими медалями.

Активная жизненная позиция не позволила доктору М.М. Далгат спокойно сидеть дома после ухода на пенсию и он занялся политикой. Важной страницей в жизни М.М. Далгат стало его избрание в 1912 г. депутатом Государственной Думы четвертого созыва от Дагестанской области и Закатальского округа. В Думе он отстаивал интересы горцев Северного Кавказа, в частности, при нем и благодаря ему был принят законопроект, отменивший феодальную зависимость крестьян в Дагестане, и 70 тысяч райят получили свободу.

После Февральской революции М.М. Далгат назначается комиссаром Временного правительства в Дагестанской области. Он старается использовать свой авторитет для консолидации дагестанского общества, прежде всего интеллигенции, и не допустить нежелательных последствий раскола. В годы Гражданской войны в Дагестане М.М. Далгат отошел от активной общественно-политической работы и вскоре в 1921 г. умер.

В памяти потомков он остался незаурядным человеком, много сделавшим для Дагестана, Северного Кавказа, ярким примером активной жизненной позиции и служения Отечеству.

Г.-Р. А.-К. Гусейнов (г. Махачкала)

Гусейновы и Мирзоевы: состоявшаяся и несостоявшаяся элита Чечни и Дагестана. История семьи и связей (XIX – XX вв.)

Предок Гусейновых – Хасан-Хусейн, по имени которого была оформлена фамилия, был шамхальским чанкой, т.е. рожденным от неравного брака кого-то из кумыкских шамхалов (Тарковских) с женщи-

ной более низкого социального положения. Таким образом, он являлся беком по адатам Тарковского шамхальства и чанка-беком по адатам засулакских кумыков. После убийства им одного из близких родственников или людей шамхала бежал, оставив землю и воду (земельные владения), в Засулакскую Кумыкию. Событие это могло иметь место до Кавказской войны, если принять во внимание то, что отец моего деда Хабибуллы – мой прадед Абдулла-хаджи – был сподвижником Шамиля, мухаджиром в Турции. Здесь он как известный мусульманский ученый, дважды побывавший в Мекке, до возвращения на родину преподавал в медресе при мечети Айя-София в Стамбуле, куда он перебрался из Измира, где похоронил жену-турчанку.

Возвратившись, открыл в одном из крупнейших центров Кумыкского (Хасавюртовского) округа Терской области с. Эндирей (Андрей-аул) магазин, где торговал также драгоценными металлами. Затем стал купцом первой гильдии (объявленный капитал свыше 10 тысяч тогдашних рублей), главой известного торгового дома «Гусейнов и сыновья» с отделениями в крупнейших населенных пунктах округа – Хасавюрте, Эндирее, Аксае и Костеке (он скончался в 1920 году в возрасте 106 лет). Видимо, по возвращении он женился на Апии из знаменитого и равного ему по происхождению сала-узденского рода Казбековых, т.к. сала-уздени были правителями Засулакскими Кумыкии до установления здесь власти Султан-Мута, который также являлся шамхальским чанком, и его потомков. Не случайно в Эндирее он жил в привелигированном квартале Сала-аул напротив Джума-мечети.

Ему принадлежали земли в Абдула- и Кандаур-отаре (ныне ауле, где сохраняется еще одна ветвь Гусейновых) и значительная часть леса Карагач – крупнейшего лесного массива в Кумыкском (Хасавюртовском) округе. В пределах последнего его братом Мантаем был основан хутор (отар), до сих пор носящий его имя. Впоследствии, в первой половине 1950-х гг., сын Мантая – Арсланали стал Председателем Президиума Верховного Совета ДАССР. Однако Манти-хутор (Мантай-отар), который с приходом советской власти фактически так и не перешел в его собственность, стал поводом для доноса, в результате рассмотрения которого он был отстранен от своей должности.

О масштабах земельных владений Абдулла-хаджи свидетельствует документ, согласно которому им был продан одному из сала-узденей Клычевых, офицеру российской армии, свыше 800 десятин земли, где им было основано с. Аджи-Мажагат-юрт. Абдулла-хаджи прославился во время Гражданской войны, когда село было занято денкинцами, тем, что не бежал вместе с другими в лес, и, так как было время намаза, расстелив бурку, стал молиться в центре села. Когда

подскакавший русский офицер хотел снести ему голову, бывший при нем дагестанец предупредил его, что если он сделает это, завтра поднимется вся округа. Абдулла-хаджи закончил намаз и, стащив с лошади офицера, ускакал на ней – это не удивительно, так как незадолго до войны прадед, оказавшись вечером дома один, сумел, выставив из окон ружья и поочередно стреляя из них, оказать сопротивление знаменитому чеченскому абреку Зелимхану Гушмазукаеву.

Его сыну Хабибулле Гусейнову (1870–1966 гг.), также купцу первой гильдии, принадлежали в Хасавюрте магазины и сады, откуда поставлялись фрукты в крупные города России, а на своих землях он поселил на условиях арендной платы немцев-колонистов, основавших с. Романовское (Люксембург), ныне один из крупнейших населенных пунктов Бабаюртовского района Республики Дагестан. Он имел право и занимался в силу принадлежности к первой гильдии и заграничной торговлей. Бывал, кроме Царства Польского и частых посещений Макарьевской ярмарки в Баку, где сблизился со знаменитыми промышленниками Манташевым и Тагиевым, Нижнем Новгороде. Здесь, как и все в то время, заключал под свое честное купеческое слово сделки на многие тысячи рублей, побывал в Германии и Австро-Венгрии, снимал ложу в Большом театре.

Хабибулла был чрезвычайно аккуратным и по-европейски воспитанным человеком, и это не мешало ему, помимо налогов в казну, выплачивать как истинному мусульманину джамаату Эндирея со всех своих доходов большой закат. Он был убежден, что только бездельники могли быть среди кумыков бедняками, так как только на закат, собиравшийся в селах после уборки урожая, вдовы и сироты, которые к тому же сдавали в аренду причитавшиеся им паи земли, могли практически безбедно существовать.

В одну из поездок в Германию он познакомился, а затем поддерживал отношения с будущим знаменитым азербайджанским композитором Узеиром Гаджибековым. Он был кумыком по происхождению, оставшимся в Азербайджане членом свиты Главного кумыкского пристава генерал-майора князя Хасая Уцмиева, женившегося на знаменитой поэтессе Натаван – дочери последнего хана Карабахского. После революции, опасаясь репрессий ГПУ, бежал из Дагестана и жил в конце 20-х – начале 30-х гг. XX в. в Баку со старшими сыновьями, среди которых был мой отец Абдул-Кадыр, сумев разместиться здесь благодаря помощи Узеира.

В конце 40-х годов после того, как семья была вынуждена в 1944 г. вернуться из Чечни в Дагестан, он становится казначеем духовного

управления мусульман Северного Кавказа в городе Буйнакске, но вскоре из этических соображений подал в отставку, будучи несогласным с тем, что творилось в финансах этого учреждения. В Хасавюрте, куда семья переехала затем в 1949 г. из Буйнакска, он поддерживал отношения с дочерью Нажмудина Гоцинского, имама Дагестана времен Гражданской войны, регулярно отдавая ей фитир-сах за членов нашей семьи, не державших уразу.

Женившись в 1909 г. на Вазипат – дочери чеченского купца первой гильдии Абубакара Мирзоева из Грозного, он впоследствии, уже в советское время, берет в жены моему отцу Абдул-Кадыру его племянницу Сапият – дочь Тарама Мирзоева. Он был старшим из братьев Мирзоевых, купцов первой гильдии, выходцев из нынешнего города Урус-Мартан. Был кассиром, руководил финансовыми операциями знаменитого купеческого дома, неоднократно упоминаемого в дооктябрьской истории Чечни. Дед Сапият, Керим-хаджи, арендовал у Терского казачьего войска единственные тогда Старые нефтяные промыслы.

Узами родства Мирзоевы были связаны с известнейшими семействами Северного Кавказа и Чечни того времени – Чермоевыми, купцами первой гильдии Мациевыми и Цутиевыми, офицерами Чуликовыми, Яндаровыми и Саракаевыми, которым были пожалованы за службу значительные земельные участки. Всей Чечне стал известен затем в советское время Герой Советского Союза Магомед-Мирзоев. Мирзоевым принадлежали обширные земельные владения и многочисленные домостроения, в том числе легендарный «чеченский небоскреб» – самый высокий на Северном Кавказе в досоветское время дом, построенный в г. Грозном и разрушенный в «первую чеченскую» войну.

Корнет Булат Яндаров упоминается в числе награжденных орденами Св. Анны, Св. Георгия и Св. Станислава разных степеней в период Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Ныне здравствующий его потомок Андарбек Дудаевич Яндаров, Мирзоев по бабушке, потомок одного из шейхов ордена Накшбанди в Чечне, стал профессором, известным в СССР и России специалистом по суфизму.

Ибрагим Чуликов в период Гражданской войны был помощником правителя Чечни по гражданской части генерала от артиллерии Эрихана Султан Гирея Алиева, председателем Чеченского Национального комитета, командующим Чеченским ополчением. Журналист по профессии, подполковник Татарского конного полка Кавказской («Дикой») туземной конной дивизии Ибрагим-бек Саракаев за мужество, отвагу и смекалку, проявленные в боях на Юго-Западном фронте был награжден орденами Святого Георгия 4-й степени и Святой

Анны 2-й степени с мечами. После Февральской революции 1917 года служил чиновником по особым поручениям в Горском правительстве Абдул-Меджида (Тапы) Чермоева. Во время Гражданской войны был в 11-й Красной Армии в должности заместителя командующего по снабжению, после победы советской власти в Чечне – заместителем начальника милиции Чеченской автономной области.

Получилось так, что практически никто из представителей этого рода после революции и Гражданской войны, даже имея возможность, не покинули ее: не эмигрировала во Францию с Чермоевыми дочь брата Тарама Абубакара, красавица Кабахан (Нанаш), мать которой происходила из рода шейха Берсана, распространителя ислама в Чечне. Выйдя затем замуж за одного из последних кумыкских князей Турловых – Алисултана из Шали, она бесследно исчезла вместе с ним в застенках НКВД в 1937 году. Не уехала в Иран сестра моей матери Миспах, выданная замуж Хайбуллой Гусейновым в Баку за миллионера, купца и промышленника Абдуллаева. Только другая, двоюродная сестра Сапият, дочь брата Тарама Исмаила, вышла замуж за брата будущего председателя Горского правительства Тапы Чермоева, а затем, во Франции, ее дочь – за министра иностранных дел того же правительства кумыка Гейдара Баммата. Связи с нею прервались где-то в конце 20-начале 30-х гг.

Неродной брат Сапият – Алихан, ушедший из дома и работавший на нефтепромыслах простым рабочим, становится социалистом, активно участвует в событиях Февральской революции 1917 года в Грозном, возвращается после этого в семью, но умирает до Октября. Дядя Абубакар Мирзоев в годы Гражданской войны был членом «Комитета спасения Чечни от большевизма», однако помогал, чем мог — фуражом, деньгами и оружием — и Асланбеку Шерипову, первому чеченскому большевику. Оставшаяся без кормильца в годы Гражданской войны семья Сапият была не просто разорена — они стали почти нищими. Ее мать Ита пошла стирать по соседям, более или менее совершеннолетние сестры стали работать, ее отдали в детдом, но не под своей, а под фамилией своей сестры Миспах. Она стала Абдуллаевой – так было безопаснее.

Затем был педтехникум в Серноводске, где она была единственной чеченкой, обучавшейся здесь. Тут же, в 1926 году, первая девушка Чечено-Ингушетии получила комсомольский билет. По ее воспоминаниям работал тогда в техникуме и будущий советолог Авторханов, которого она хорошо помнила и хвалила за незаурядные способности и звала просто Абдурахманом. Вспоминала последнюю встречу с ним перед тем, как он перейдет линию фронта, помнила, как сказал он, что еще одного ареста не потерпит.

Вместе с ним уедет в Москву учиться и его тезка Абдурахман – единственный брат Сапият, который первым среди чеченцев, несмотря на все препятствия, связанные с происхождением (фамилию он не менял, за что регулярно исключался из числа студентов после очередного доноса из Чечни), закончил в предвоенные годы мехмат МГУ. Его усилиями создается в Грозном педагогический институт (ныне университет), где он был завучем. Абдурахман погиб добровольцем на фронте. С войны не вернутся и два брата Абдул-Кадыра Гусейнова, не успев оставить потомства.

В 1935 году Сапият заканчивает комсомольское отделение Высшей краевой сельскохозяйственной школы и направляется в Шалинский район. Здесь ее начинают превращать в один из фетишей, символов молодежного движения 30-х годов на Северном Кавказе. У нее в районе проводится первый конный пробег девушек-горянок. Возвращены орденосеиц-кукурузовод и первая девушка-парашютистка коренной национальности. Здесь – лучшая самодеятельность и прочее. Весь этот триумф венчает многомесячная поездка в Москву, куда она едет весной 1936 года в качестве делегата X съезда комсомола. Букеты Сталину и другим вождям, очерк о ней в журнале «Крестьянка» того времени с фотографией в роскошном национальном костюме, и так далее. А в декабре она еще везет в Москву на декаду любительский ансамбль песни и пляски и оказывается приглашенной в качестве почетной гостьи на съезд, принимавший «сталинскую Конституцию». В Москве у брата она встречает на студенческой вечеринке Якова Сталина, о судьбе которого и других любопытных деталях из жизни его близких мне доведется узнать много позже из рассказа недавно скончавшегося Артема Сергеева, выросшего в этой семье.

Наступает 1937 год. После умело сострепанной провокации арестовывают моего отца и отправляют его на три года на строительство какого-то канала, где его спасает от уголовников Очеретлов из кумыкского селения Кизляр в Северной Осетии. Мать ходит на допросы с недавно родившимся тогда старшим моим братом Абдул-Рашидом. Спрашивают о связях с недавно арестованной группой чеченских писателей. Обещают отпустить, если кто-нибудь поручится за нее. Отказывают почти все, за исключением старого коммуниста Чернокозова. Это ее и спасает, она находит себе работу преподавателя в областной школе пионервожатых.

О Сапият вспоминают в 1942 году, когда немецко-фашистские войска уже находились на Северном Кавказе. Ее назначают заведующей сектором торгово-советских кадров обкома ВКП(б), поручают курировать работу национального театра и ансамбля. Приходилось и вы-

езжать на фронт с агитбригадами. Возили теплые вещи, собранные в республике под ее руководством. Жила и работала под страшными бомбежками в здании обкома, когда практически все население Грозного, в т.ч. и ее семья, покинуло город.

Линия фронта отодвигалась все дальше, а Сапият продолжала заниматься организацией концертов и выступлений – только теперь не на фронте, а в Грозном. Лепешинская, Чабукиани, Шульженко, Козловский и другие выдающиеся артисты того времени побывали здесь в те годы. Она познакомилась с ними и вспоминала о них с восхищением.

Но вот, якобы с целью маневров, в республике и городе стали располагаться части НКВД. Грянуло 23 февраля 1944 года. В первых числах марта 1944 года состоялось заседание бюро Чечено-Ингушского обкома ВКП(б), призванное, по мысли его устроителей, одобрить уже проведенную 23 февраля депортацию чеченцев и ингушей. На нем Сапият Тарамовна Абдуллаева (Мирзоева) была исключена из партии со зловещей для того времени формулировкой: «За антипартийное поведение, дискредитацию спецмероприятия по выселению чеченцев и ингушей».

Однако оно прошло не так гладко, как хотелось его организаторам, ибо началось с резкой и открытой отповеди, прозвучавшей в выступлении Сапият: не может целый народ нести ответственность за действия группы лиц, которые якобы занимаются политическим бандитизмом где-то в горах, и если причина выселения лишь в этом, то народ при соответствующем обращении к нему сам бы обезоружил бандитов. На реплику начальника местного НКВД Лисова: «Наконец-то ты обнаружила свое истинное «мирзоевское» лицо», она ответила, что не стыдится своего происхождения, так как все ее предки были честными купцами, а не доносчиками, как некоторые из присутствующих.

С ее стороны это был поступок – гражданский, патриотичный, мужественный. А товарищи, ее соплеменники, молчали. Только один из присутствующих, старый коммунист, друг Николая Островского Х. П. Чернокозов, который поручился за нее и спас в 1937 году, успел шепнуть ей, чтобы она не выходила из здания обкома через главный вход и не шла домой. Там, дома, ее действительно ждала засада НКВД. Она скрывалась у своей подруги из Южной Осетии Рагимат Крымовны Кокоевой, работавшей затем на кафедре педагогики и психологии Чечено-Ингушском пединститута. Зять Хабибуллы Гусейнова, муж его дочери Патимат (Баташ), тогда начальник милиции или НКВД Махачкалы, активный участник Гражданской войны Али Джанмурзаевич Джанмурзаев, при помощи которого до отъезда в Грозный регулярно спасалась от репрессий семья Гусейновых, в очередной раз

совершает благородный поступок и чудом вывозит Сапият в Дагестан. Вслед за нею налегке, бросив все нажитое, в том числе дом и роскошную по тем временам библиотеку, уезжает Хабибулла Гусейнов со своим старшим внуком Абдул-Рашидом.

В 1957 году Сапият восстановили в партии, предложили должность заведующей женотделом Чечено-Ингушского обкома КПСС. Но она отказалась.

Так целый век истории Северного Кавказа и России переплелись во всей его противоречивости в судьбе одной элитарной семьи.

С.В. Самовтор (г. Краснодар)

Канцелярия Черноморского губернатора

Небольшая и недолго просуществовавшая Черноморская губерния часто выпадает из внимания историков-кубановедов. Поэтому изучение её управления представляет несомненный интерес. В докладе принята попытка обратиться к управлению губернией, сосредоточенному в канцелярии Черноморского губернатора.

23 мая 1896 года, согласно Высочайше утвержденному мнению Государственного Совета, Черноморский округ был изъят из подчинения начальника и областных учреждений Кубанской области, из него была образована Черноморская губерния в тех же границах, что и округ [1]. Исключение составили город Анапа с прилегающими населенными пунктами, которые остались в составе Кубанской области [2]. Установленные этим законом губернские учреждения официально были открыты с 1 декабря 1896 года, но в связи с формальностями по назначению чиновников они фактически стали функционировать лишь с 1 мая 1897 года [3]. Вновь созданная губерния с центром в городе Новороссийске входила в состав Закавказья.

Управление Черноморской губернией составляли: губернатор, общее присутствие, канцелярия губернатора и другие чины губернского управления (губернский врачебный инспектор, губернский инженер, губернский землемер, губернский ветеринар, чиновник по переселенческим делам и т.д.) [4].

Черноморскими губернаторами в разное время были: генерал-майор (впоследствии генерал-лейтенант) Е.Ф.Тиханов (1896-1901 гг.) [5]; полковник (впоследствии генерал-майор) Е.Н.Волков (1901-1905 гг.) [6]; генерал-майор В.О.Трофимов (1905-1906 гг.) [7]; камергер, статский советник А.А.Березников (1906-1911 гг.) [8]; действительный статский советник В.Н.Барановский (1911-1916 гг.)

[9]; полковник П.И.Мартынов (1916 г.) [10]; гофмейстер Высочайшего Двора, тайный советник В.М.Борзенко (1916-1917 гг.) [11]. Губернатор подчинялся Главноначальствующему гражданской частью на Кавказе [12].

Общее присутствие под председательством губернатора составляли: вице-губернатор; представитель Министерства Земледелия и Государственных Имуществ; лицо прокурорского надзора (по назначению министра юстиции); правитель канцелярии губернатора; податной инспектор; губернский инженер; губернский врачебный инспектор; губернский ветеринар; губернский землемер [13].

Вице-губернатор и правитель канцелярии принимали участие в заседаниях общего присутствия по всем вопросам. Представитель Министерства Земледелия и Государственных Имуществ и податной инспектор участвовали в заседаниях общего присутствия, касающихся вопросов крестьянских, переселенческих, о земских повинностях, о городском общественном управлении, о народном продовольствии, об общественном призрении, об общественном здравии и оспопрививании, а податной инспектор, кроме того, – по вопросам, касающимся сборов с населения. Все остальные члены общего присутствия обязаны были участвовать лишь в заседаниях, касающихся вверенной им части [14].

В заседаниях общего присутствия также участвовали на правах членов: по вопросам, касающимся городского общественного управления, – Новороссийский городской голова и один из гласных Новороссийской городской думы (по выбору думы); по вопросам воинской повинности – представитель военного ведомства; по вопросам о земских повинностях – представитель почтово-телеграфного ведомства; по судебным вопросам – представитель судебного ведомства; по переселенческим вопросам – чиновник по переселенческим делам [15].

В общем присутствии решались вопросы, требующие коллегиального рассмотрения, а также дела губернских присутствий по городским и крестьянским делам и по воинской повинности. Все остальные вопросы разрешались согласно правил Общего Губернского Учреждения, учитывая, однако то обстоятельство, что дела, предоставляемые начальникам отделений губернских правлений (которые в Черноморской губернии отсутствовали), рассматривались вице-губернатором. Должность вице-губернатора Черноморской губернии в разное время занимали: полковник Г.И.Соколов (1896-1897 гг.); статский советник И.Я.Сандрыгайло (1897-1898 гг.); полковник Н.П.Гребенщиков (1898-1900 гг.); полковник Е.Н.Волков (1900-1901 гг.); камер-юнкер, коллежский советник А.А.Березников (1902-1906 гг.); коллежский советник (впоследствии статский советник) А.Ф.Мосолов (1906-1911 гг.); действительный статский советник А.И.Ридель (1911-1916 гг.); коллежский асессор Л.А.Сенько-Поповский (1916-1917 гг.) [16]. Должность правителя канцелярии с декабря 1896 по ноябрь 1916 год

бессменно занимал статский советник П.Г.Лючев, неоднократно исполнявший обязанности вице-губернатора во время его отсутствия [17].

Штат канцелярии Черноморского губернатора состоял из правителя канцелярии, двух старших и двух младших помощников правителя канцелярии и одного регистратора. Этот штат по закону от 23 мая 1896 года был составлен в несколько увеличенном составе, в сравнении с канцеляриями губернаторов других губерний Российской Империи, но при губернских правлениях этих губерний имелись особые канцелярии, а также «члены, делопроизводители, секретари, помощники секретарей разных присутствий: губернского, по воинской повинности, по земским и городским делам и проч., обязанности коих здесь отнесены непосредственно к обязанностям чинов Канцелярии Губернатора» [18]. В канцелярии Черноморского губернатора, кроме делопроизводства собственно канцелярии, велось производство дел общего присутствия, дел, входящих в компетенцию вице-губернатора, а также дел о приписке лиц к податным обществам Черноморской губернии и исключении из состава этих обществ [19]. Имея в виду расширенный состав канцелярии, чиновник для особых поручений при Черноморском губернаторе не полагался – его обязанности по проведению административных расследований и по проверке приведения в исполнения сделанных распоряжений возлагались на одного из помощников правителя канцелярии и даже на вице-губернатора. Но чиновники канцелярии губернатора были заняты текущим делопроизводством, а «командирование вице-губернатора может быть допущено, по существу этой должности, в исключительных случаях и с целью обревизования известной части управления, а не для производства текущих административных расследований» [20]. Поэтому эти расследования обычно поручались начальникам округов Черноморской губернии.

В административно-полицейском отношении Черноморская губерния была разделена на три округа: Новороссийский, Туапсинский и Сочинский. Управления начальников округов находились, соответственно, в городе Новороссийске, посадах Туапсе и Сочи. Город Новороссийск, не входя в состав Новороссийского округа, имел особую полицию, не подчиненную окружному начальству [21]. В посадах Сочи и Туапсе было введено упрощенное общественное управление [22]. В 1899 г. статус городских поселений получили также села Романовское и Хоста [23]. В 1904 году к Черноморской губернии была присоединена Гагринская дача и возвращены из Кубанской области деревни Павловка и Варваровка [24].

Начальникам округов были присвоены права уездных начальников. В окружных управлениях Туапсинском и Сочинском кроме окружного начальника по штату полагались участковые начальники,

пользовавшиеся правами и исполнявшие обязанности, присвоенные, согласно Общему Губернскому Учреждению, становым приставам. Кроме того, они являлись ближайшими помощниками окружных начальников. В штате Новороссийского окружного управления должность участкового начальника отсутствовала, поэтому в случае отъезда или болезни начальника Новороссийского округа деятельность окружного управления приостанавливалась, так как «права и обязанности окружного начальника не могут быть передаваемы, даже и временно, единственному оставшемуся в управлении чиновнику в лице письмоводителя, вследствие незначительности этой должности» [25].

В церковно-административном отношении Черноморская губерния входила в состав Сухумской епархии и была разделена на 2 благочиния [26].

В судебном отношении Черноморская губерния находилась в ведении Екатеринодарского окружного суда, бывшего апелляционной инстанцией по решениям мировых судей Черноморской губернии (они же судебные следователи). Мировые судьи имели местопребывание: 2 в посадах Туапсе и Сочи (по одному на округ) и 2 в г. Новороссийске (по одному на город Новороссийск и Новороссийский округ). В г. Новороссийске находился также и судебный пристав [27].

По взиманию акцизных сборов Черноморская губерния была подведомственна Управлению акцизными сборами Черноморской губернии и Кубанской области, находившемуся в г. Екатеринодаре. В г. Новороссийске находилось управление 3-го акцизного округа, разделенного на 4 участка, каждый из которых находился в заведовании помощника окружного акцизного надзирателя [28].

В отношении податных сборов Черноморская губерния находилась в ведении Екатеринодарской казенной палаты и разделялась на два податных участка: 1-й участок (местонахождение податного инспектора г. Новороссийск) включал в себя г. Новороссийск и Новороссийский округ; 2-й участок (местонахождение податного инспектора посад Туапсе) включал в себя Туапсинский и Сочинский округа [29].

В почтово-телеграфном отношении Черноморская губерния входила в состав Владикавказского почтово-телеграфного округа [30].

В учебном отношении Черноморская губерния была подведомственна попечителю Кавказского учебного округа и духовному ведомству православного исповедания [31].

Государственные имущества Черноморской губернии находились в заведовании Черноморско-Кубанского управления государственными имуществами, расположенного в г. Екатеринодаре [32].

После Февральской буржуазно-демократической революции в России губернатор Черноморской губернии тайный советник В.М. Борзен-

ко подал министру внутренних дел прошение об отставке [33]. 18 марта 1917 года комиссаром Временного Правительства по Черноморской губернии был назначен член Государственной Думы от партии кадетов Н.Н. Николаев [34]. Окончательно власть губернаторов в губерниях Закавказья упразднялась с 1 июня 1917 года и их полномочия полностью передавались комиссарам Временного правительства [35]. До этого срока обязанности губернатора исполнял вице-губернатор Л.А. Сенько-Поповский [36], при котором продолжала существовать как структурное подразделение канцелярия Черноморского губернатора. В марте 1918 года после установления советской власти на территории Черноморской губернии была образована Черноморская советская социалистическая республика.

Поскольку важную роль в управлении Черноморской губернии играли представители дворянского сословия, изучение материалов губернской канцелярии даёт направление поиска для истории родов привилегированных сословий Кубани и Черноморья.

Примечания

1. Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗ). Собр.3. Т.14 (1896). СПб., 1899. Ст.12995.
2. Краткий исторический очерк Черноморской губернии // Справочная книга Черноморской губернии на 1899 год / Сост. П.Леонтьев. Новороссийск, 1899. С.50.
3. ГАКК. Ф.468. Оп.2. Д.542. Л.1.
4. ПСЗ. Собр.3. Т.14 (1896). СПб., 1899. Ст.12995.
5. Губернии Российской Империи. История и руководители. 1708-1917. М., 2003. С.378.
6. Губернии Российской Империи. История и руководители. 1708-1917. М., 2003. С.468.
7. ГАКК. Ф.468. Оп.2. Д.12. Л.1-7; Губернии Российской Империи. История и руководители. 1708-1917. М., 2003. С.468.
8. Губернии Российской Империи. История и руководители. 1708-1917. М., 2003. С.468.
9. ГАКК. Ф.468. Оп.2. Д.39. Л.1-115; Губернии Российской Империи. История и руководители. 1708-1917. М., 2003. С.468.
10. ГАКК. Ф.468. Оп.2. Д.94. Л.1-62; Губернии Российской Империи. История и руководители. 1708-1917. М., 2003. С.468.
11. ГАКК. Ф.468. Оп.2. Д.102. Л.1-44.
12. Краткий исторический очерк Черноморской губернии // Справочная книга Черноморской губернии на 1899 год / Сост. П.Леонтьев. Новороссийск, 1899. С.50.
13. ПСЗ. Собр.3. Т.14 (1896). СПб., 1899. Ст.12995.
14. ПСЗ. Собр.3. Т.14 (1896). СПб., 1899. Ст.12995.

15. Там же.
16. Губернии Российской Империи. История и руководители. 1708-1917. М., 2003. С.378, 468.
17. ГАКК. Ф.468. Оп.2. Д.2. Л.1-177.
18. ГАКК. Ф.468. Оп.2. Д.567. Л.2.
19. ПСЗ. Собр.3. Т.14 (1896). СПб., 1899. Ст.12995.
20. ГАКК. Ф.468. Оп.2. Д.542. Л.2.
21. Административное устройство Черноморской губернии // Справочная книга Черноморской губернии на 1899 год / Сост. П.Леонтьев. Новороссийск, 1899. С.80.
22. ПСЗ. Собр.3. Т.18. (1898) СПб., 1901. Ст.15342.
23. ПСЗ. Собр.3. Т.19. (1899) СПб., 1902. Ст.17143.
24. Основные административно-территориальные преобразования на Кубани (1793-1985 гг.). Краснодар, 1986. С.57.
25. ГАКК. Ф.468. Оп.2. Д.542. Л.1 об.
26. Административное устройство Черноморской губернии // Справочная книга Черноморской губернии на 1899 год / Сост. П.Леонтьев. Новороссийск, 1899. С.80.
27. Административное устройство Черноморской губернии // Справочная книга Черноморской губернии на 1899 год / Сост. П.Леонтьев. Новороссийск, 1899. С.80.
28. Там же. С.80.
29. Там же. С.80.
30. Там же. С.80.
31. Там же. С.80.
32. Там же. С.80.
33. ГАКК. Ф.468. Оп.2. Д.102. Л.37.
34. Герасименко А., Санеев С. Новороссийск – от укрепления к губернскому городу. Краснодар, 1998. С.473-474.
35. ГАКК. Ф.468. Оп.2. Д.102. Л.38.
36. Герасименко А., Санеев С. Указ. соч. С.474.

Е.А. Карпетян (г. Краснодар)

Ментальная обусловленность употребления концептуальной лексики в дворянском романсе

Русский классический романс XIX столетия генетически связан с романтической светской ментальностью дворянской интеллигенции. В большинстве своем поэты XIX столетия, чьи стихи были положены на музыку и составляют основу канонического романса, являлись представителями дворянского сословия: А.С. Пушкин, А.А. Дель-

виг, И.И. Козлов, С.Г. Голицын, М.Ю. Лермонтов, А.К. Толстой, Е.А. Баратынский, Ф.И. Тютчев, А.А. Фет, А.Н. Плещеев, А.Н. Майков, А.М. Жемчужников и др.

Формируясь как музыкально-словесный жанр в эпоху романтизма, сентиментализма, романс воспеваеет земную любовь как высокое духовное чувство. Гимном высокому духовному чувству звучат слова *любовь, любить, полюбить* в старинном вальсе «*В час роковой*»: *В час роковой, когда встретил тебя, // Трепетно сердце забилось во мне, // Страстно, безумно тебя люблю, // Был я весь день как во сне. // Припев: Сколько счастья, сколько муки // Ты, любовь, несешь с собой! // В час свиданья, в час разлуки // Дышит все тобой одной!...*

Как земное счастье любовь представляется в романсе «*Снова пою*» (сл. и муз. В.Семенова): *Снова пою // Я песнь свою: // «Тебя люблю, люблю!» // С тобою быть, // Тобою жить, // Тебя любить, любить! // Страдаю я, // Когда я без тебя! // Ах, поцелуй меня! // Я так люблю тебя!..* С несколько иным эмоциональным оттенком, с оттенком женской нежности представляется любовь в старинном романсе «*Сердце рвется к тебе*» (обр.Е. Юровской): *Ненаглядный ты мой, // Как люблю я тебя! // Взор пленительный твой // Сожигает меня. // Говорить ли начнешь – // Сердце рвется к тебе, // Про любовь ли поешь – // Плакать хочется мне... Грустное переживание неразделенной любви формируют они в романсе «*Я вас любил*» (сл. А.Пушкина, муз. А.Даргомыжского): *Я вас любил: любовь еще, быть может, // В душе моей угасла не совсем; // Но пусть она вас больше не тревожит, // Я не хочу печалить вас ничем... // Я вас любил безмолвно, безнадежно, // То робостью, то ревностью томим. // Я вас любил так искренне, так нежно, // Как дай вам Бог любимой быть другим.**

Вместе с тем в романсах, как и в жизни, могут любить, а могут и разлюбить, но высокая экспрессия сохраняется: *Не надо клятв, не надо уверений, // Пускай разлюбишь ты, но эта ночь моя!...* («*Не надо клятв*», муз. А.Шиловского); *Ты скоро меня позабудешь, // Но я не забуду тебя, // Ты в жизни полюбишь, разлюбишь, // Но я никого, никогда...* («*Ты скоро меня позабудешь*», старинный романс).

Идеальным воплощением высокой ментальной семантики и экспрессии концепта «любовь» является положенное на музыку стихотворение Пушкина «*Я помню чудное мгновенье*»: *Я помню чудное мгновенье: // Передо мной явилась ты, // Как мимолетное виденье, // Как гений чистой красоты. // В томленьях грусти безнадежной, // В тревогах шумной суеты, // Звучал мне долго голос нежный // И снились милые черты. // Шли годы. Бурь порыв мятежный // Рассеял прежние мечты, // И я забыл твой голос нежный, // Твои небесные черты. // В глуши, во*

мраке заточенья // Тянулись тихо дни мои // Без божества, без вдохновенья, // Без слез, без жизни, без любви. // Душе настало пробужденье: / И вот опять явилась ты, // Как мимолетное виденье, // Как гений чистой красоты. // И сердце бьется в упоенье, // И для него воскресли вновь // И божество, и вдохновенье, // И жизнь, и слезы, и любовь!

По семантике и эмоциональной тональности текст Пушкина не однопланов, в нем заметно выделяются две части: одна, основная часть объединяет две первых и две последних строфы, а вторую часть составляют третья и четвертая строфы. Но единство высокой экспрессивно-оценочной окрашенности распространяется на весь текст, оно формируется, в частности, такой возвышенно-экспрессивной лексикой, сочетаниями слов, как *чудное мгновенье, мимолетное виденье, гений чистой красоты, голос нежный, милые черты, сердце бьется в упоенье, божество, вдохновенье* и т. д. Эта же высокая экспрессивно-оценочная окрашенность «объекта» воспевания сохраняется и в третьей, четвертой строфах с той лишь разницей, что эти же экспрессивно-оценочные речевые краски даются в отрицательных конструкциях, которые подчеркивают иное, сниженное эмоциональное состояние лирического героя: *«Тянулись тихо дни мои // Без божества, без вдохновенья // Без слез, без жизни, без любви»*. Послание Пушкина, положенное позднее на музыку и ставшее классическим романсом, выражает отношение поэта не только к Анне Петровне Керн, но и к другим женщинам, которых любил поэт, в том числе к первой юношеской любви – Бакуниной. Сравните написанное Пушкиным в 1817 году стихотворение «К ней», посвященное Бакуниной: *В печальной праздности я лиру забывал, // Воображение в мечтах не разгоралось, // С дарами юности мой гений отлетал, // И сердце медленно хладело, закрывалось. // Вас вновь я призывал, о дни моей весны, // Вы, пролетевшие под сенью тишины, // Дни дружества, любви, надежд и грусти нежной, // Когда, поэзии поклонник безмятежный, // На лире счастливой я тихо воспевал // Волнение любви, уныние разлуки – // И гул дубрав горам передавал // Мои задумчивые звуки... // Напрасно! Я влачил постыдной лени груз, // В дремоту хладную невольно погружался, // Бежал от радостей, бежал от милых муз // И – слезы на глазах – со славою прощался! // Но вдруг, как молнии стрела, // Зажглась в увядшем сердце младость, // Душа проснулась, ожила, // Узнала вновь любви надежду, скорбь и радость. // Все снова расцвело! Я жизнью трепетал; // Природы вновь восторженный свидетель, // Живее чувствовал, свободнее дышал, // Сильней пленяла добродетель... // Хвала любви, хвала богам! // Вновь*

лиры сладостной раздался голос юный, // И с звонким трепетом воскреснувшие струны // Несу к твоим ногам!..

В этом стихотворении, посвященном Бакуниной, любовь представляется юным поэтом как источник вдохновения. Послание к Керн повторяет сюжет и композицию этого раннего стихотворения Пушкина. Оба стихотворения состоят из трех сверхфразовых единств почти одинаковой эмоциональной тональности: радость сменяется грустью, тоской, а затем радость-вдохновение воскресает с еще большей силой. Но стилистика посланий разная. Послание к Керн писал уже зрелый поэт, в совершенстве владевший мастерством художественного слова. Существенно изменился поэтический слог Пушкина. Вместо условной символики, свойственной раннему Пушкину, наблюдаем лаконичный слог поэта-реалиста. Однако же явная связь послания Керн с посланием Бакуниной и целым рядом других ранних стихотворений очевидна. Поэтому исследователи совершенно правы, на наш взгляд, когда интерпретируют послание Керн не только и не столько как личностное, персональное, сколько как пушкинский гимн возвышенной человеческой любви, дающей поэту вдохновение. Такому возвышенному отношению к любви соответствуют и языковые средства послания: *чудное мгновенье, гений чистой красоты, сердце бьется в упоенье, воскресли вновь и божество, и вдохновенье и другие слова, словосочетания с высокой экспрессивной окраской.*

Выраженное Пушкиным возвышенное отношение к любви было доминирующим в романсовой лирике XIX века. По содержанию и ситуативно пушкинскому поэтическому посланию очень близок, например, текст стихотворения Ф. Тютчева «Я встретил вас», которое было положено на музыку: *Я встретил Вас – и все былое // В отжившем сердце ожило; // Я вспомнил время золотое – // И сердцу стало так тепло... // Так поздней осени порою // Бывают дни, бывает час, // Когда повеет вдруг весною // И что-то встрепенется в нас... // Как после вековой разлуки, // Гляжу на Вас как бы во сне, – // И вот – слышнее стали звуки, // Не умолкавшие во мне... // Тут не одно воспоминанье, // Тут жизнь заговорила вновь, – // И то же в вас очарованье, // И та ж в душе моей любовь!* Текст Тютчева, как видим, выдержан в мягких лирических тонах. Созданию этой мягкой задушевной лиричности подчинен весь речевой состав текста: *«все былое ожило», «вспомнил время золотое», «сердцу стало так тепло», «повеет весною», «жизнь заговорила вновь», «то же в вас очарованье», «та ж в душе моей любовь»*. Однако при всем отличии эмоциональной тональности тютчевского текста, обусловленной индивидуальными качествами лирического героя, особенностями

его эмоционального состояния, наконец, индивидуальной стилистической манерой поэта, этому стихотворению свойственна общая черта романсовой ментальности – возвышенное отношение к объекту любви.

Образуя основу экспрессивно-семантической структуры романа, центральные, ядерные лексемы *любовь, любить, полюбить, разлюбить* на основе своих семантических связей вовлекают, как бы «втягивают» в формирование этой структуры различные семантические группы слов околядерной зоны. Так, в первом приведенном отрывке из романа «В час роковой» закономерно вовлеченными, жанрово обусловленными лексическими компонентами текста становятся слова и устойчивые сочетания слов, как свиданье, разлука, час роковой. Без встречи, без свидания любви не бывает. И разлука наиболее остро переживается именно в период любви. Соответствующие смысловые отношения слов закреплены в лексической системе. А поскольку в романе поется прежде всего о любви, то и слова *встреча, свидание, час роковой, встретить, встретиться, разлука, разлучиться* как естественные спутники очень часто употребляются в романсе, формируя его семантическую структуру. На основе сложившихся в языке естественных смысловых связей экспрессивными спутниками являются в приведенных отрывках слова *радость, счастье, мука, печаль, страдать* и т.п. Любовь несет с собой и радость, счастье, блаженство, но она же приносит и *муки, страдания, грусть, печаль, тоску, боль, слезы*. Будучи семантически связанными с ядерными лексемами, все эти слова и другие им подобные широко используются в романсе в качестве полеобразующих экспрессивных. На их основе строятся не только припевы, повторяющиеся в форме рефрена стихи и строфы, но нередко и весь текст, как, например, в романсе «Когда б он знал» (сл. и муз. В. Филиппова, обр. Е. Юровской): *Когда б он знал души моей страданье, // Когда б он знал, как я его люблю! // С какую радостью ловлю с ним миг свиданья // И как его приветом дорожу! // Когда б он знал! // Когда б он знал большой души мученье, // Когда он холодно со мною говорит; // Когда б он знал слезы моей значенье, // Когда, невольная, в глазах порой блестит, // Когда б он знал! // Когда б он знал, что все существованье // Ему я одному с восторгом отдала, – // Он дар бы оценил, постиг мое страданье // И хоть из жалости, но полюбил меня!*

Как видим, доминирующими по семантике и экспрессии в тексте являются слова, сочетания слов из отмеченных семантических групп: *страданье, радость, свиданье, мученье, слезы* и т.д. Вместе с глагольными формами *люблю, полюбил* они формируют основную семантику и экспрессию романса. Вместе с ними дважды употребляется слово душа: «*души моей страданье*», «*большой души мученье*». Частое упот-

ребление в романсах слов душа и сердце также является ментально обусловленным. Чувство любви всегда волнует сердце и душу. Именно поэтому сочинители романсов в доказательство глубины чувств своих лирических героев ссылаются на поведение их сердца или души: *...И сердце бьется в упоенье, // И для него воскресли вновь // И боже-ство, и вдохновенье, // И жизнь, и слезы, и любовь!* («Я помню чудное мгновенье», сл. А. Пушкина, муз. М. Глинки); *Мне сегодня так больно, // Слезы взор мой туманят, // Эти слезы невольно // Я роняю в тиши. // Сердце вдруг встrepенулось, // Так тревожно забилося. // Все бывшее проснулось. // Если можешь, прости!* («Если можешь, прости», сл. И. Аркадьева, муз. А. Островского); *Увидя вас один лишь раз, // Не знаю, что со мною случилось, // И под огнем волшебных глаз // Больное сердце все к вам рвалось.* («Увидя вас», сл. и муз. М. Иванова); *Я люблю вас так безумно, // Всей душой люблю вас я, // И зная, я сгораю, // Вся измучилась, любя. // Но зачем же так случилось, // Вас зачем узнала я, // Сердце бедное разбилося, // Разлюбили вы меня.* («Я люблю вас так безумно», сл. и муз. А. Сурина).

Со словами сердце и душа связаны характерные для дворянского романса экспрессивные обращения «*сердце мое*», «*душа моя*», «*сердечный друг*». Наряду с ними в качестве полеобразующих экспрессивных широко используются обращения «*милый друг*», «*нежный друг*», «*ангел мой*»: *Милый друг, нежный друг, я, как прежде любя, // В этот час, при луне, вспоминаю тебя. // В эту ночь, при луне на чужой стороне, // Милый друг, нежный друг, вспомни ты обо мне.* («Ночь светла», сл. М. Языкова, муз. Н. Шишкина); *С тобою, ангел мой небесный, // Расстаться должен я теперь, // Но светлый образ твой прелестный // Забыть не в силах я, поверь! // Прощай навек, моя любовь! // Прощай навек, моя любовь!* («Исчезли чудные мгновенья», сл. и муз. Е. Пономарева). Все эти обращения *милый друг, нежный друг, сердечный друг, ангел мой, любовь моя, сердце мое, душа моя* несут на себе яркий отпечаток социальной ментальности, нашедшей отражение в лирической песне XIX – начала XX столетий. К середине XX столетия они либо совсем выходят из употребления в песенной лирике, либо становятся исключительной редкостью. Но их употребление в дворянском романсе было ментально обусловленным и отвечало требованиям высокой речевой экспрессивности. Вся лирика XIX – начала XX столетий отмечена культом любви: земная человеческая любовь воспевалась как самое высокое человеческое чувство. Этому возвышенному эстетическому отношению к любви соответствовали и песенно-лирические обращения.

Человеческая любовь проявляется в определенных формах ласки. Отсюда вполне закономерно, ментально и жанрово обусловленны-

ми экспрессивными спутниками ядерных лексем в романсе широко функционируют слова *ласка, ласкать, поцелуй, целовать, поцеловать*, а также ныне устарелые, но актуальные для лирики XIX столетия *лобзать, лобзание*. Например: *Ах, зачем ты меня целовала, // Жар безумный в груди затая, // Ненаглядным меня называла // И клялась: «Я твоя, я твоя!» // В тихий час упоительной встречи // Только месяц в окошке сверкал, // Полон страсти, я дивные плечи // Без конца целовал, целовал.* («Ах, зачем ты меня целовала», сл. и муз. П. Баторина); *Не уходи, останься здесь. // Мне тяжела разлука эта. // Я буду плакать о былом, // Я буду плакать до рассвета. // Так приласкай, измучен я, // Давно в тоске душа моя, // Так будь со мной, ласкай меня...* («Давно в тоске душа моя», сл. и муз. Л. Колышевского); *Не видеть мне твоих лобзаний, // Не слышать мне твоих речей, // Не разделять с тобой твои страданья // И тихой радости твоей.* («Тебя отнимут у меня», сл. и муз. С. Давыдова).

С проявлением любовных ласк связано широко употребление в дворянском романсе в качестве ситуативных экспрессем глагольных императивов «не уходи», «побудь», «подожди» и т.п. Романс графини Т. Толстой так и называется «О, жизнь моя, постой, не уходи!»: *Я так хочу, чтобы ты была со мною, // Чтобы я мог припасть к твоей груди // И в забыты услышать над собою: // «О, жизнь моя, постой! Не уходи!» // Дай руку мне, смотри, не отрываясь, // Но этих грез отрадных не буди, // Они одно твердят теперь, ласкаясь: // «О, жизнь моя, постой! Не уходи!» // Не в силах я прервать очарованья, // Пускай грозит мне гибель впереди, // В душе живет одно твоё признание: // О, жизнь моя, постой! Не уходи!»* Через весь романс многократным рефреном проходят глагольные императивы «не уходи», «побудь», «постой», которые служат в песенном тексте ключевыми ситуативными экспрессемами.

В ожидании любви лирическому герою романса свойственно мечтать. Соответственно в качестве полеобразующих экспрессем в дворянском романсе широко используются слова мечты, мечтать и грезы: *Я позабыл былые увлеченья, // Я позабыл минувшие мечты, // Отдал тебе все помыслы, стремленья, // Всю власть любви, всю силу красоты! // Не хочешь ты, чтоб взор мой был унылый, // Чтoбы были в нем следы пролитых слез... // Иду к тебе, забыв весь свет постылый, // Открой мне мир отрадных чистых грез!* («Умчи меня к неведомой стране», сл. и муз. гр. Т. Толстой); *О, позабудь былые увлеченья, // Уйди, не верь обману красоты! // Не разжигай уснувшего мученья, // Не воскрешай уснувшие мечты!* («О, позабудь былые увле-

ченья», сл. и муз. гр. Т. Толстой). Во всех приведенных текстах слова *мечта, мечтать, грезы* играют очень важную роль в формировании личностного экспрессивно-семантического поля, раскрывающего внутренний мир, душевное состояние лирических героев.

Отдельные романсы целиком построены на этих лексических экспрессемах, как, например, романс «Я все забыл, мечтая у окна» (сл. К. Сурина, муз. О. Де-Бове): *Дышала ночь восторгом сладострастья, // Неясных грез и трепета полна... // Моя душа вся замерла от счастья, // Я все забыл, мечтая у окна. // Мне аромат несли цветы ночные, // Я в глубину смотрел таинственных небес. // В уме роились грезы золотые, // И страсти жар в груди моей исчез. // Мне эта ночь навеяла отраду, // Открыла тайны дивной красоты, // И, выйдя, я бродил один по саду, // И в песни стройные слагались мечты.* Каждая строфа романса построена на ключевых словах *мечтать, грезы, мечты*. Будучи сами по себе экспрессивными, они сверх того даются в сочетаниях с экспрессивными прилагательными, глаголами: *грезы неясные, грезы золотые, грезы роились*, не просто мечтал, а *«все забыл, мечтая»*, не просто мечты, а *«в песни стройные слагались мечты»*. Экспрессивно усиленные, они вместе с другими характерными для романса словами и сочетаниями слов, как *«моя душа»*, *«замерла от счастья»*, *«восторг сладострастья»*, *«страсти жар в груди»*, *«ночь навеяла отраду»*, *«тайны дивной красоты»* создают единое и очень выразительное по экспрессивной тональности художественно-смысловое поле, раскрывающее эмоциональное состояние лирического героя, эмоциональные оттенки социальной и индивидуальной ментальности.

В качестве ключевых лексем, формирующих личностное художественно-смысловое поле лирического героя, в романсах очень широко используются слова *очи, глаза, взор, взгляд*. При этом в целом ряде романсов слова *очи* и *глаза* в качестве ключевых вынесены в заголовки. Так, старинный романс в обработке Е. Юровской называется «И нет в мире очей»: *И нет в мире очей // И прекрасней, и черней. // Как его, как его. // И нет в мире речей, // Нет приятней, звучней // Ничего, ничего. // Взглянет – сердце кипит, // Скажет – в душу летит, // Как стрела, как стрела! // День и ночь им одним // Любовалась бы им...*

Исполнявшийся Ф. Шаляпиным романс «Очи черные» (на сл. Е. Гребенки) полностью построен на многократном повторении экспрессемы *очи*: *Очи черные, очи жгучие, // Очи страстные и прекрасные! // Как люблю я вас! Как боюсь я вас! // Знать, увидел вас я не в добрый час! // Очи черные, жгуче пламенные! // И манят они в страны дальние, // Где царит любовь, где царит покой, // Где страданья нет, где вражды зап-*

рет! // Не встречал бы вас, не страдал бы так // Я бы прожил жизнь улыбаючись. // Вы сгубили меня, очи черные, // Унесли навек мое счастье. // Очи черные, очи жгучие, // Очи страстные и прекрасные! // Вы сгубили меня, очи страстные, // Унесли навек мое счастье... // Очи черные, очи жгучие, // Очи страстные и прекрасные! // Как люблю я вас! Как боюсь я вас! // Знать, увидел вас я не в добрый час!

Слово *очи*, как видим, дается в сочетании с такими усиливающими экспрессию словами, как *страстные, прекрасные, жгучие, жгуче пламенные*, в сочетании с глаголами и зависимыми от них словами «сгубили меня», «унесли навек мое счастье» и т.д., которые также усиливают общую экспрессивность текста, выразительно передающую душевное состояние лирического героя, высокую духовность, характеризующую его менталитет. Романс Д. Покрасса «Очам души твоей» также полностью построен на распространенной экспрессивной *очи*: *Очам твоей души молитвы и печали, // Моя болезнь, мой страх, плач совести моей, // И все, что здесь в конце, и все, что здесь в начале, – // Очам души твоей. // Очам души твоей сиренью упоенье // И литургия – гимн жасминовым ночам, // Все, все, что дорого, что будит вдохновенье, – // Души твоей очам. // Твоей души очам видений страшных клиры. // Казни меня, замучай, задуши, // Но ты должна принять и плач и хохот лиры // Очам твоей души.*

В качестве полеобразующих экспрессивных используются и слова *глаза, глазки*. Экспрессивные поэтические слова употребляются не только в сочетании с глазами и очами, но и в сочетаниях со словами *красота, душа*, с личными местоимениями второго и третьего лица, и, конечно же, они семантически тесно связаны с ядерными лексемами романса *любовь, любить, полюбить*. Эта их органическая смысловая связь очень удачно, выразительно использована, например, в романсе «Я встретил Вас» (сл. Ф. Тютчева, муз. неизв. автора): *...Как после вековой разлуки, // Гляжу на Вас как бы во сне, // И вот слышнее стали звуки, // Не умолкавшие во мне... // Тут не одно воспоминанье, // Тут жизнь заговорила вновь, – // И то же в Вас очарованье, // И та ж в душе моей любовь!*

Структурно-речевое нанизывание отмеченных экспрессивных слов и их сочетаний, структурно-речевая их концентрация в романсе создает высокую речевую экспрессивность всего художественного текста, который в целом и в деталях отражает ментальность светского дворянства XIX века, дворянской и разночинской интеллигенции. Эта высокая лексическая экспрессивность еще в большей мере усиливается грамматическими средствами, в частности, широким исполь-

зованием побудительных и восклицательных синтаксических конструкций, нанизыванием однородных членов предложения – сказуемых, определений, обстоятельств, необычным порядком слов, параллелизмом синтаксических конструкций и т.д. Очень важную роль в создании высокой эмоциональной экспрессивности дворянского романса играют междометия, особенно такие, как *эй, эх, ах, ох, о, ой*, которые, как правило, используются в побудительных и восклицательных конструкциях, усиливают общее эмоциональное звучание поэтического текста романса.

А.А. Семенов (г. Армавир)

Дилемма нелегкого выбора: российские офицеры на территории, занятой большевиками в годы Гражданской войны

Придя к власти на волне разрушения некогда единого имперского пространства в октябре 1917 г., большевики сразу же столкнулись с проблемой формирования новой революционной армии, способной решать те военно-политические задачи которые стояли перед большевистским правительством. Однако, на подконтрольных им территориях, в новой, создаваемой ими армии сразу же стал ощущаться острая нехватка профессиональных офицерских кадров, способных установить в ней дисциплину и придать ей организационную форму. Времени для подготовки собственных политически проверенных и идеологически лояльных офицерских кадров у большевиков не было и им пришлось обратить внимание на офицерский корпус бывшей императорской армии, с надеждой привлечь тем или иным образом его представителей к воинской службе новой большевистской власти.

Поэтому если к «буржуазным» техническим специалистам большевистская власть испытывала определенное недоверие, вызванное их социальным происхождением и характером их труда при царском режиме, то по отношению к бывшим офицерам российской императорской армии ее подозрительность граничила с обвинениями в измене. Представителей офицерского корпуса постоянно упрекали, и отчасти небезосновательно, в желании перейти на сторону противника в Гражданской войне. Обращаясь к их помощи в чрезвычай-

ных обстоятельствах, новая власть никогда не доверяла им, и стремилась при первой же возможности заменить их своими пролетарскими кадрами. Но в сложившихся условиях обойтись без их помощи она тоже не могла.

В эти переломные годы на долю российского офицерства выпала весьма трудная дилемма. Оно было той средой, в которой оппозиционные настроения по отношению к новой власти проявились особенно сильно. Эта часть российского общества наиболее сильно пострадала от революционных потрясений. Российское офицерство и бывшее имперское чиновничество составили костяк антибольшевистского движения в России, они же стали основой белогвардейских армий, сформировали антибольшевистские правительства, целью которых стала ликвидация большевизма как политического режима. Эти обстоятельства в сложившихся условиях Гражданской войны большевики не могли не учитывать.

Вместе с тем, найти замену представителям российского офицерства они тоже не могли. Так, в приказе Реввоенсовета республики от 2 декабря 1918 г. говорилось: «Реввоенсовет Республики снова констатирует крайний недостаток лиц командного состава, особенно на более высокие командные посты, как командиров бригад, дивизий и прочие. Между тем в советских учреждениях сплошь да рядом на различных канцелярских постах заседают кадровые офицеры, и в том числе офицеры Генерального штаба. Представляется совершенно неотложным принять экстренные меры по мобилизации всех лиц, пригодных к занятию командных должностей, с передачей их в Революционный военный совет Республики» [1].

С момента своего прихода к власти большевики сразу же попытались поставить представителей российского офицерского корпуса под максимально жесткий контроль и неотступно следили за их военно-политической деятельностью, подавляя малейшие вспышки недовольства по отношению к новой власти. Этим целям, уже в новой создаваемой Красной армии должен был служить институт политических комиссаров, главная задача которого в условиях боевых действий на фронте заключалась в контроле над офицерскими кадрами старого режима, а главная обязанность – пресекать в корне проявления их политической и идеологической нелояльности.

Всеобъемлющий контроль был установлен и за семьями мобилизованных в Красную Армию бывших царских офицеров. Так, «по инициативе Троцкого ЦК РКП(б) 25 октября принял решение об освобождении из тюрьмы офицеров, но в случае их перехода к белогвардейцам

требовал арестовывать их семьи» [2]. Малейшее подозрение в измене вело к их физической ликвидации. Положение представителей бывшего российского офицерства, их профессиональная деятельность были наиболее сложными, учитывая сопутствующие политические обстоятельства. Выполняемые ими обязанности были чрезвычайно важны, они накладывали на них чрезвычайную ответственность и были буквально хождением по лезвию бритвы. В то же время у большинства из них не было возможности уклониться от их выполнения. Ценой такого отказа могла стать их собственная жизнь и жизнь их близких.

Поэтому значительная часть российского офицерства вынуждена была сотрудничать с большевиками. Делали они это по самым разным обстоятельствам. «В составе бывших офицеров, служивших у большевиков, различаются четыре основные группы, мотивы службы которых у красных в равной мере ничего общего с «осознанием» не имели. Первую составляли лица, служившие по идейным соображениям, т.е. в той или иной степени разделявшие коммунистические убеждения... Вторая представляла тип беспринципных карьеристов, почувствовавших в условиях дефицита специалистов возможность выдвинуться при новой власти. Третья включала в себя лиц, испытывавших в отношении большевиков те или иные иллюзии или считавших, что, служа у большевиков, им удастся овладеть военным аппаратом, свергнуть их власть. Наконец, четвертая, и самая многочисленная, до 80%, состояла из лиц, насильно мобилизованных большевиками и служивших под угрозой репрессий в отношении семей, или просто в виду отсутствия средств к существованию» [3]. Характер их боевой, профессиональной деятельности во многом определялся этими обстоятельствами. Поэтому, как и представители интеллигенции и имперского чиновничества, которые служили новому режиму, бывшие офицеры императорской армии стремились максимально пассивно, технически выполнять свои обязанности. А.А. Валентинов непосредственный участник антибольшевистской борьбы пишет в своих воспоминаниях, «узнал любопытные подробности: Оказывается свыше 80% офицеров генерального штаба действительно на службе у советской власти» [4]. Они также стремились не проявлять опасной для них политической инициативы. При этом большинство российских офицеров оставались идейными противниками большевиков, перешедшим на службу к ним только под давлением непреодолимых жизненных обстоятельств. «Общая численность офицерства составляла примерно 276 тысяч человек.. Примерно 170 тыс. из них (около 62% воевало в белых

армиях, у большевиков (без учета взятых в плен бывших белых офицеров) было 55-58 тысяч офицеров (19-20%), в армиях новообразованных государств – 15 тысяч (5-6%) и только немногим более 10% — 28-30 тысяч не участвовало в Гражданской войне» [5].

Нередко при первой возможности многие из них стремились поменять военно-политический лагерь и перейти на сторону тех сил, политические цели и задачи которых они разделяли. Это усиливало недоверие к ним со стороны большевистского руководства. Вместе с тем, постоянная угроза их жизням и жизням их близких вынуждала их относиться к собственной профессиональной деятельности максимально добросовестно и не давать повода к обвинению в измене новому строю. Л. Д. Троцкий, бывший председателем Реввоенсовета Республики и Наркомвоенмором в годы гражданской войны, вспоминал о своем разговоре с В. И. Лениным, посвященном этой проблеме: «Новое сообщение о предательстве дало ему (В. И. Ленину – А. А. Смёнов) повод подвергнуть проверке свою собственную позицию и свои колебания. На другой день я, со справкой штаба в кармане, пошел к Ленину в его кремлевский кабинет и поставил ему вопрос: «Вы знаете, сколько у нас в армии царских офицеров? «Нет, не знаю», – ответил он, заинтересованный. «Приблизительно?» «Не знаю». Он категорически отказывался угадывать. «Не менее 30 тысяч!» Цифра прямо-таки поразила его. «30 тысяч...» – повторял он. «Теперь подсчитайте, – наступал я, – какой среди них процент изменников и перебежчиков – совсем не такой уж большой. Тем временем армию мы построили из ничего, и эта армия растет и крепнет!» Именно эта беседа завоевала поддержку Ленина в военной политике окончательно» [6].

Для большинства из мобилизованных российских офицеров служба на благо большевистского режима был тяжкой обязанностью. Впрочем, для некоторых из них он предоставлял возможность сделать карьеру, обеспечить себя материально, и только лишь незначительная их часть действительно разделяла политические цели и задачи новой власти. Тем не менее «в 1918 г. 76% всего командного и административного аппарата Красной армии, представляли бывшие офицеры царской армии и лишь 12,9% состояли из молодых красных командиров, которые естественно занимали низшие должности» [7].

Таким образом, в годы Гражданской войны бывшее офицерство российской императорской армии оказалось в очень сложной ситуации. Не разделяя политические цели и идеологемы новой большевистской власти, российские офицеры были вынуждены подчиниться давлению обстоятельств и вступить в Красную армию. Альтернативой этому была

зачастую физическая гибель их самих и гибель их родных и близких. Во многом благодаря этому большевикам удалось одержать победу в Гражданской войне. Плохо обученная и слабо организованная Красная Армия к концу войны благодаря им превратилось в грозную боевую силу. Однако, парадоксальным образом, значительная часть из вступивших в ее ряды российских офицеров до самого конца Гражданской войны продолжали оставаться политическими противниками большевистского режима и советской власти и надеялись на скорое окончание коммунистического эксперимента в России.

Примечания

1. *Краснов В. Г., Дайнес В. О.* Неизвестный Троцкий. Красный Бонапарт: Документы. Мнения. Размышления. М., 2000. С. 125.
2. *Там же.*
3. *Волков С. В.* Трагедия русского офицерства. М., 2001. С. 309.
4. Архив русской революции. В 22 т. Т. 5. М., 1991. С. 16.
5. *Волков С. В.* Трагедия русского офицерства. М., 2001. С. 398.
6. *Троцкий Л. Д.* Сталин. В 2т. Т. 2. Под ред. Ю. Фельштинского. М., 1990. С. 80.
7. *Там же.* С. 81.

Сведения об авторах

1. *Алиев Камиль Магомедсалихович*, кандидат философских наук, этнополитолог, главный редактор республиканской общественно-политической газеты «Елдаш»

2. *Баразбиев Муслим Исмаилович*, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой культурологии и этнологии Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова

3. *Батчаев Шамиль Мухтарович*, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры отечественной истории Карачаево-Черкесского государственного университета им. У.Д. Алиева

4. *Бондарь Виталий Вячеславович*, кандидат исторических наук, директор Западно-Кавказского НИИ культурного и природного наследия

5. *Вартаньян Эгнара Гайковна*, доктор исторических наук, профессор Кубанского государственного университета

6. *Вершигора Анатолий Дмитриевич*, краевед, полковник в запасе

7. *Гусейнов Гарун-Рашид Абдул-Кадырович*, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Дагестанского государственного университета

8. *Далгат Эльмира Муртазалиевна*, доктор исторических наук, профессор Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук, заведующая отделом «Истории Дагестана XIX-начала XXI века»

9. *Доного Хаджи Мурад*, доктор исторических наук, профессор Дагестанского государственного университета

10. *Исмаилов Эльдар Эльхан оглы*, заместитель председателя Азербайджанского историко-родословного общества, член-корреспондент Международной генеалогической академии

11. *Казаков Аслан Владимирович*, кандидат исторических наук

12. *Карапетян Алена Аветиковна*, кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Армавирского механико-технологического института (филиал ГОУ ВПО «Кубанский государственный технологический университет»)

13. *Клычников Юрий Юрьевич*, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и зарубежной истории Пятигорского государственного лингвистического университета

14. *Марзоев Ислам-Бек Темурканович*, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНИЦ РАН и Правительства РСО-Алания, председатель Северо-Осетинского историко-родословного общества

15. *Мартианова Ирина Юрьевна*, соискатель кафедры дореволюционной отечественной истории Кубанского государственного университета

16. *Матвеев Олег Владимирович*, доктор исторических наук, профессор кафедры дореволюционной отечественной истории Кубанского государственного университета

17. *Морозова Ольга Михайловна*, кандидат исторических наук, доцент кафедры связи с общественностью Донского государственного университета, докторант Южного федерального университета

18. *Самовтор Сергей Владимирович*, кандидат исторических наук, главный специалист Государственного архива Краснодарского края

19. *Санеев Сергей Александрович*, краевед, секретарь Новороссийского исторического общества

20. *Семенов Александр Альбертович*, доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Армавирского механико-технологического института

21. *Слободенюк Виктор Викторович*, ведущий специалист Государственного архива Краснодарского края

22. *Фролов Борис Ефимович*, ведущий научный сотрудник отдела истории Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына

23. *Цимцба Адгур Людвигович*, кандидат исторических наук, доцент Академии маркетинга и социально-информационных технологий

24. *Чикаева Карина Суреновна*, доктор исторических наук, профессор кафедры социологии и культурологи Кубанского государственного аграрного университета

25. *Шевченко Галина Николаевна*, кандидат исторических наук, доцент кафедры дореволюционной отечественной истории Кубанского государственного университета

26. *Шкуро Владимир Ильич*, главный специалист Государственного архива Краснодарского края, историограф Дворянского Собрания Кубани.

Содержание

Раздел I. Под сению Екатерины Великой

- Г.Н. Шевченко* Законодательство Императрицы Екатерины II в отношении казачества и дворян Черноморского казачьего войска 3
- Б.Е. Фролов* Грамота Императрицы Екатерины II войску Черноморскому 1792 года. История пожалования: мифы и реалии 8
- В.В. Бондарь* Проблема локализации места погребения Антона Головатого: полевые и кабинетные исследования 1996 – 2009 гг. 13
- В.И. Шкуро* О некоторых российских дворянах, ставших казаками 25
- В.В. Слободенюк* Из истории дворянства Кубани 37
- А.Д. Вершигора* Генерал Н.Н. Муравьев-Амурский на Кавказе ... 51

Раздел II. Кавказское дворянство под стягом России

- К.С. Чикаева* Социальный статус дворянского сословия Северного Кавказа в социальной системе Российской Империи... 58
- Э.Г. Вартаньян* Роль дворянского рода Абамелек-Лазаревых в истории и культуре Российской Империи 67
- А.В. Казаков* О службе потомственных российских дворян адыгского (кабардинского) и абазинского происхождения 76
- И.Т. Марзоев* Национальная элита феодальной Осетии 100
- Х.М. Доного* По следам ротмистра князя Эльдарова 113
- Э.Э. Исмаилов* Проблема решения сословного вопроса в Азербайджане 117
- К.М. Алиев* Под стягом России (Род Шейх-Алиевых (Шейх-Али) на российской воинской службе) 126
- М.И. Баразбиев* Привилегированные сословия Балкарии и Карачая 135
- Ш.М. Батчаев* Представители рода Крым-Шамхаловых-Соколовых на службе в российской армии 153

Раздел III. Повседневность служения, система ценностей, культурное наследие дворянского сословия

- И.Ю. Мартианова* Отражение жизненного мира молодого придворного времён царствования Екатерины II в воспоминаниях князя А.Е. Чарторыйского 165
- О.М. Морозова* Супружество и отцовство в жизни донских дворян 175
- А.Л. Цимцба* Келеш-Ахмад-бей Чачба – гордость Абхазского народа 185
- Ю.Ю. Клычников* Судьба Кучука Джанхотова..... 193
- С.А. Санеев* «Хвалу и клевету приемли равнодушно...»: генерал-лейтенант Н.Н. Раевский в оценках современников и потомков 202
- А.Д. Вершигора* О позиции Хаджи-Берзека Догомуко по вхождению Убыхии в состав России (1842-1844 гг.) 211
- О.В. Матвеев* Из семейной истории Пяновских..... 214
- Э.М. Далгат* Доктор М.М. Далгат на службе Отечеству 228
- Г.-Р. А.-К. Гусейнов* Гусейновы и Мирзоевы: состоявшаяся и несостоявшаяся элита Чечни и Дагестана. История семьи и связей (XIX – XX вв.) 232
- С.В. Самовтор* Канцелярия Черноморского губернатора..... 239
- Е.А. Карапетян* Ментальная обусловленность употребления концептуальной лексики в дворянском романсе 244
- А.А. Семенов* Дилемма нелегкого выбора: российские офицеры на территории, занятой большевиками в годы Гражданской войны 253
- Сведения об авторах 258

**«Добродетель и честь должны быть оному правилами...»:
дворянство Северного Кавказа
на службе Российской Империи».**

Материалы VI Международных Дворянских чтений

ПЛД № 47–52
Отпечатано в типографии
ГАУК КК «Кубанькино»
350000, г. Краснодар, ул. Ленина, 89.
Подписано в печать
Усл. печ. 16,5
Тираж 200 экз. Заказ № 11/2010